

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ИЗУЧЕНИЕ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

Сборник научных статей

Нижний Новгород
2021

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.411.2я43
Р 89

Рецензенты:

Ковшова Мария Львовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук
Приемышева Марина Николаевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской академии наук

Юдина Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Л.В. Рацбурская (*отв. редактор*),
С.Г. Бусарева, Е.А. Жданова, Е.В. Щеникова

Р 89 **Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе. Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 29–31 октября 2021 г.). — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. — 377 с.**

ISBN 978-5-91326-706-1

В сборнике представлены статьи, подготовленные на основе материалов Международной научной конференции «Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи» в рамках филологической сессии «Национальные коды в языке и литературе» (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 29–31 октября 2021 г.).

В статьях ведущих российских и зарубежных ученых активные процессы в разных коммуникативных сферах функционирования современного русского языка рассматриваются в социокультурном, прагмалингвистическом и лингвокультурологическом аспектах с учетом специфики преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Особое внимание уделяется исследованию языка как фактора национальной и социальной идентичности.

Для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных направлений, а также всех, кто интересуется проблемами функционирования и развития русского языка.

ISBN 978-5-91326-706-1

УДК 811.161.1(082)
ББК 81.411.2я43

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2021
© Коллектив авторов, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Абакумова О.Б.</i> Биоморфный код культуры в пословицах о правде и лжи	6
<i>Безрукова К.С.</i> Проблемы формирования лингвокультурной компетенции на начальном этапе обучения русскому языку как иностранному	13
<i>Береснева Л.Н.</i> Литературное творчество как средство формирования профессиональной компетенции студентов-филологов в поликультурной среде	20
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> «Роль личности в истории», или Об индивидуальной языковой креативности говорящих на родном и неродном языках	27
<i>Большакова В.О.</i> Функции термина в научно-популярном тексте по физике	35
<i>Бусарева С.Г.</i> Естественный и искусственный языки в поликодовом тексте: специфика взаимодействия	44
<i>Буцева Т.Н., Зеленин А.В.</i> «Новое в русской лексике. Словарные материалы (2015–2020)» как источник толковой лексикографии	50
<i>Виноградов С.Н.</i> Методика построения речевой модели адресата рекламы.....	64
<i>Воеводина Г.А.</i> Отражение специфики употребления терминологии в туристическом дискурсе	73
<i>Гик А.В.</i> Особенности формирования речевого портрета персонажей в заумной драме Ильи Зданевича «лидантю фарам»	81
<i>Горбань О.А., Лагутина А.А.</i> Активные модели образования окказионализмов в поэзии волгоградских писателей (на материале произведений Т.М. Батуриной)	92
<i>Гранева И.Ю.</i> Ценностный потенциал нереферентных употреблений русских личных местоимений	98
<i>Грачкова М.А.</i> Обоснование синонимии терминов в современном русском языке (по материалам «Словаря русского языка XXI века»)	108
<i>Дронов П.С.</i> <i>Паршивая овца и гнилое яблоко</i> : именные группы пословиц как отдельные идиомы (на материале русского и английского языков)	115
<i>Жуковская Л.И.</i> Лексемы <i>МЕНТАЛИТЕТ</i> и <i>МЕНТАЛЬНОСТЬ</i> в активных процессах в современной русской лексике	122

Замальдинов В.Е. Новообразования на базе лексемы <i>вакцина</i> в текстах современных СМИ.....	132
Казаков В.П. Синтаксические контрасты в романе Д. Глуховского «Текст».....	138
Колосовская Т.Л. Хуже или лучше? Выражение оценки в синтаксической конструкции <Р – N ₁ отдыхает>.....	145
Куликова В.А. Прагматические особенности словотворчества в интернет-дискурсе (на примере блогов сети Instagram)	152
Левина С.Д. Феномен <i>обнуления</i> в русском языке 2020 г.	159
Маринова Е.В. Интернет-символы и коды IT-сферы в художественном дискурсе (лингвоэстетический аспект)	166
Маркова Е.М. Проблема «своего» и «чужого» в славянских языках... ..	173
Минеева З.И. Проблема множественной мотивации неоагентов	181
Михайлова И.Д. Словообразовательные маркеры современной телерекламы: лингвопрагматические сдвиги	188
Наговицына Н.В. Смысловые преобразования лексемы <i>ПАТРИОТИЗМ</i> в современной русской речи	195
Никифорова О.В. Особенности преподавания лексикологии современного русского языка иностранным студентам-филологам... ..	205
Николина Н.А. Прецедентное имя как производящая база дериватов в современной русской речи	212
Новикова Т.Ф. «Языковое расширение» по А.И. Солженицыну: словотворчество или слововыдумка?.....	220
Огольцева Е.В. Двойные сравнения в художественном тексте: интенсификация или конкретизация?	226
Палоши И. Дистанционное обучение в зеркале новейших словообразовательных процессов в русском языке	234
Полидовец Н.И. О некоторых синтаксических особенностях интернет-комментариев в современной интернет-коммуникации	243
Радбиль Т.Б. Активные процессы в современной русской интернет-коммуникации: лингвопрагматический аспект	250
Радченко М.В. Сложные новообразования с компонентом <i>корона-/korona-</i> в русском и хорватском языках.....	261
Рацибурская Л.В. «Коронавирусная лексика» в современных деривационных процессах	268
Самыlicheва Н.А., Бинштейн М.М. Игровая метафора в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут»)	275
Сандакова М.В. К вопросу о семантической типологии интенсификаторов	283

Сирота Е.В. Специфика репрезентации синтаксического концепта «состояние»	290
Сироткина Т.А. Региональный текст в системе обучения русскому языку как иностранному.....	298
Ткачева И.О. Современные языковые процессы в разговорной речи (краткий обзор по материалам «Словаря русского языка XXI века»)	304
У Сяохун Речевые стратегии и тактики выражения субъективного значения в новостных текстах оппозиционного издания «Дождь», освещающих российско-китайское сотрудничество	311
Фефелова Е.А. Эвфемистические номинации субъектов экономических отношений.....	318
Фивейская Е.А. Классификация официального языка в отечественной лексикографии: широкая и узкая трактовка	327
Шавлюк В.Б., Шевко В.С. Устаревшая лексика в романе Алексея Иванова «Тобол. Много званых»	334
Широкова Е.Н. Трансформация заголовков в агрегаторе «Яндекс-новости»: лингвопрагматический аспект.....	341
Щеникова Е.В. Наименования турфирм в аспекте их деривационного потенциала	348
Языкова Ю. Невербальные показатели конфликтной коммуникации: сопоставление произведения художественной литературы и его экранизации	356
Янурик С. Иноязычные наименования лиц женского пола с консонантным исходом в русском языке последних лет в свете словарных и корпусных данных	361
Ясаи Л. Заметки к спорному статусу двувидовых глаголов	370

БИОМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О ПРАВДЕ И ЛЖИ

© *О.Б. Абакумова*

Рассматриваются русские и английские пословицы о правде и лжи. Основное внимание уделяется биоморфному коду лингвокультуры, который репрезентируется через концептуальные метафоры зооморфного, инсективного и ботанического типа в рамках русского и английского паремического дискурса о правде и лжи посредством тематической роли «квалитатив», предложенной автором, а также выявлению эталонов и стереотипов сопоставляемых лингвокультур. Сопоставительный анализ паремий выявляет универсальные характеристики и национальную специфику описываемого объекта, представленного пословицами данного тематического кластера, содержащими (или не содержащими) зооморфные, инсективные и ботанические метафоры как репрезентанты биоморфного кода лингвокультуры. Наличие зооморфных метафор в русских пословицах о правде и их отсутствие в английских показало сложность и противоречивость русского пословичного концепта, содержащего идею социальной справедливости, которая не представлена в английских паремиях о правде.

Ключевые слова: пословицы, правда и ложь, коды культуры, сопоставительный анализ, универсальное и специфическое.

Мы исходим из понимания пословицы как самого сложного языкового знака, фразеологизма со структурой предложения, модусом всеобщности, текстовыми характеристиками и прагматическими функциями; это практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2013].

Метафоры, образные сравнения, вместе с символами, эталонами, стереотипами и другими культурно нагруженными единицами языка являются репрезентантами культурных кодов. В.Н. Телия дает такое определение понятию культурного кода: «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т.п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФС 2006: 13]. Она трактует культурный код как систему знаков материального и культурного мира, ставших носителями культурных смыслов; как способ сохранения и передачи культурной информации, иначе говоря, тип культурной памяти [БФС 2006: 40]. Раз-

вите этих идей находим в «Словаре лингвокультурологических терминов» [Ковшова, Гудков 2018: 40].

В.Г. Гак утверждал, что изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющего его от общего и всеобщего. Общее проявляется в том, что в разных языках слово А приобретает метафорическое значение В. Специфика выражается в том, что внутри общего значения В в разных языках могут акцентироваться различные «подзначения» в1, в2, в3, а также в том, что к переносу В могут добавляться переносы в иные сферы понятий [Гак 1988: 11–26].

Пословицы всегда содержат модус всеобщности, который часто выражается наличием кванторных единиц. Как показало исследование Е.Р. Иоанесян [Иоанесян 2020: 87–90], высказывания с кванторами *любой, всякий, какой-угодно* часто содержат имплицитную оценку и эксплицируют эталоны и стереотипы, существующие в языке. Исследователи метафоры выделяли пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры (см. [Гак 1988: 17]). Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1980] предлагают рассмотреть ряд метафор: ориентационные метафоры, онтологические метафоры, метафоры типа «контейнер» и др.

Рассмотрим типы метафор, которые нам удалось выявить в пословицах о правде на материале двух неблизкородственных языков, русского и английского, репрезентирующих пословичный концепт «Правда/Truth» средствами биоморфного лингвокультурологического кода. Пословичный концепт определяется нами как совокупность концептуальных признаков разного рода: онтологических, аксиологических, модальных, выраженных «квалитативами», тематическими ролями, дающими характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта/сирконстанта [Абакумова 2013].

Ботанический код лингвокультуры представлен в следующих русских и английских пословицах и выявляет онтологическую метафору «Правда – красивый цветок с шипами / заслуженный урожай».

На лжи правды не вырастешь (квалитатив нравственной чистоты, честности); *Truth and roses have thorns about them* (квалитатив красоты и опасности); *Людская молва хуже дурной травы* (квалитатив опасности клеветы); *Посеешь ложь – не вырастет рожь* (квалитатив добросовестности, честности); *Правду не ситом сеять* (квалитатив ответственности); *Что посеешь, то и пожнешь* (квалитатив ответственности,

справедливого возмездия); *As you sow you shall reap* (квалитатив ответственности, предвидения результатов).

Ботанический лингвокультурный код имеет здесь разные прототипы: в английской культуре правда благородна по происхождению: это роза с шипами, внешне красивая, но способная уколоть при желании приблизиться и взять ее голыми руками. *Эталон* английской культуры:

- 1) правду следует говорить осторожно и не всем;
- 2) следует предвидеть последствия своих поступков.

Стереотип: говорение правды, выяснение скрывааемых фактов часто имеет негативный эффект и даже может быть опасно.

Русская ботаническая метафора чисто крестьянская и связана с сельским хозяйством, полем и огородом. Представлены две прототипические ситуации. Первая отражает периоды посева и сбора урожая, который зависит от брошенных в землю семян. Эта ситуация универсальная для двух культур, так как выражение заимствовано из Библии. *Эталон*: следует поступать с людьми так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой. *Стереотип*: люди имеют склонность помнить нанесенную обиду и относиться к незнакомым людям с недоверием. При этом в традиционной русской культуре ожидают честного открытого эмоционально-доброжелательного коммуникативного отношения, раскрытия души, уважения и взаимопомощи, на которое готовы ответить тем же. Если поведение человека не соответствует ожиданиям, то и реакция будет соответствующей. В английской культуре люди необщительны, откровенного разговора по душам не ожидают, но пообщаться иногда очень хотят, поэтому изобрели разговор о погоде и обсуждение личной жизни «звёзд» [Фох 2004].

Вторая ситуация, представленная в пословице *Людская молва хуже дурной травы*, предупреждает, что злые слухи распространяются из неизвестного источника, но очень быстро и на большие расстояния, их очень трудно остановить. *Эталон*: следует опасаться людской молвы и стараться самому не распространять непроверенную информацию. *Стереотип*: людям свойственно злословить, судачить за спиной и распускать сплетни. В английской культуре люди сплетничают не зло и чаще о незнакомых людях, об известных личностях [Фох 2004]. В русской культуре ситуация другая: сплетни, молва, негативная оценка поведения людей очень распространены и предметом осуждения и критики нередко является личная жизнь соседа, коллеги и даже друга [Стернин, Прохоров 2002].

Зооморфный лингвокультурный код выявляется только в русских пословицах о правде и лжи и представляет таким образом националь-

ную специфику пословичного концепта «Правда». Культурно-детерминированное представление о правде кодируется в русской лингвокультуре концептуальной метафорой онтологического типа и выявляет видение этого феномена как «Правда – опасное животное, насекомое / свободная птица».

Рассмотрим пословицу *Прямо (только) сорока летает*, используя метаязык, предложенный нами в работе [Абакумова 2013].

Пропозиция выражена предикатом *летать*.

Логическая структура: кто? летает как?

Семантический класс: деятельность на уровне внутренней формы (образный фрейм) и характеристика (обобщенный фрейм).

В предикатном ядре находится детерминатив *прямо* и несовершенный вид глагола *летать*, который указывает на постоянно присущее объекту свойство, типичную деятельность.

Тематические отношения: *сорока* – агенс (ввиду антропоцентрической природы пословиц и контрастности человеческого мышления в сознании слушающего возникает оппозиция «птица vs человек»: если птица может летать, то человек не может, следовательно, не нужно и требовать от него и чего-то другого, чего он не может).

На уровне образного фрейма представлена динамическая ситуация, в центре которой находится объект, обладающий определенным свойством.

На уровне обобщенного фрейма происходит противопоставление первого объекта другому, который этим свойством не обладает. Таким способом внушается мысль, что человек, не будучи птицей, не может действовать прямо (ср. четвертый класс логико-семиотических инвариантов пословиц у Г.Л. Пермякова [Пермяков 1978]).

Оператор центра: модальность аксиологическая и деонтическая.

Оператор клаузы: иллокутивная сила – косвенный директив.

Используя метаязык, можно представить модель смысловой структуры (наращение смысла пословицы) следующим образом:

- (а) желая оправдать себя;
- (б) я говорю: только птицы могут летать прямо, человек не птица, поэтому он не может поступать прямо, свободно, как птица;
- (в) я надеюсь, ты понимаешь, что это верно;
- (г) сделай вывод: следует быть осторожным.

Эти пословицы характеризуют объект через предикаты деятельности, но в ядре предиката находится отрицание, поэтому ситуации имеют статическую природу. Модальность является аксиологической и деон-

тической, оценка – пейоративной, появляется зооморфный код культуры, который связан с указанием на слабости человека через сравнение его поведения с животными: *Правда что цепная собака: на кого спустят, в того и вцепится* (квалитатив опасности, нежелательности); *Правда как оса: лезет в глаза* (квалитатив опасности, нежелательности); *Правда у мизгиря в тенетах: имель пробьется, а муха увязнет* (квалитатив опасности); *Не прав медведь/волк, что корову съел, не права корова, что в лес зашла* (квалитатив справедливости / своего и чужого пространства) (см. примеры в словаре [Мокиенко, Никитина 2011]).

Английские пословицы о правде не используют зооморфный лингвокультурный код: нам не удалось найти ни одной английской пословицы о правде с зооморфным образом. Однако зооморфные метафоры появляются в английском паремическом дискурсе о справедливости [PDP 2000], что само по себе показательно и еще раз указывает на наличие идеи справедливости в русском пословичном концепте «Правда» [Абакумова 2013].

В русском паремическом дискурсе о правде используются эталоны и стереотипы, связанные с *осой, волком, собакой, пауком, курицей, сорокой, коровой, медведем*. Например, в славянской мифологии пчелы обязаны Богу своим происхождением, в отличие от шершней или ос, которых сотворил дьявол [Славянская мифология 2002: 397]. С позиции человека, скрывающего свои неблагоприятные поступки, поведение правдолюбца напоминает поведение надоедливой осы, способной больно ужалить. Образ собаки наделяется в славянских народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями, поскольку соотносится метафорически с диким зверем волком, выступает его символическим соответствием. Русские считают собаку животным нечистым. Символическая амбивалентность собаки и двойственность отношения к ней проявляется в наделении ее как божественными, так и дьявольскими чертами. По одной русской легенде собака создана Богом из грязи, которой дьявол обмазал сотворенного человека, чтобы охранять его от дьявола; по другой – она была стражем на границе ада и рая [Славянская мифология 2002: 440]. С точки зрения несправедливо обиженного человека, правда уподобляется собаке: *Правда что цепная собака: на кого спустят, в того и вцепится* (квалитатив опасности / отсутствия справедливости).

Прототипическая ситуация говорения правды представлена в этих пословицах как опасное предприятие, которое может иметь самые негативные последствия и требует больших нравственных усилий. Говоря-

ший испытывает чувство страха, потому что не знает, какие будут последствия. *Эталон*: следует говорить правду так, чтобы не принести вреда. *Стереотип*: люди не любят, когда им говорят правду, поскольку это часто бывает неприятно, особенно тем, кто совершил неблагоприятный поступок; не всякий выдержит всю правду о себе.

Рассмотрим, какие эталоны и стереотипы проявляются в пословице *Вся неправда от лукавого* (лукавый – эвфемистическое наименование дьявола, который сам по себе является символом и эталоном лжи и безнравственного поведения и часто изображается в виде мифического существа с рогами, хвостом и копытами). *Эталон* нравственного поведения – правдивость, честность, искренность, соответствие слова и дела. *Стереотип*: человеку свойственно грешить, вести себя неправильно, нарушать нормы нравственности. Пословица как бы снимает ответственность с человека за неблагоприятные поступки, указывая на его слабость, грешную природу, перекладывая всю вину на высшие силы, представителем которых в данном случае является «лукавый».

Проведенный сопоставительный анализ показал как универсальное, так и специфическое в структуре метафорических образов пословиц с компонентами *правда/truth*. Универсальное проявляется в довольно ограниченном выборе областей целей и источников концептуальной метафоры, которые совпадают у носителей двух даже неблизкородственных языков. Национально специфическое связано с включением в ядро русского пословичного концепта идеи социальной справедливости, а также с системой ценностей, характерной для каждой лингвокультуры.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе. Автореф. ... д-ра филол. наук. Орёл, 2013. 46 с.
2. БФС – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Лингвокультурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. 784 с.
3. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
4. Иоанесян Е.Р. Об одном классе высказываний с эталонами и стереотипами // Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методы исследования. Материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Когнитивные исследования языка. Вып.2(41), 2020а. С. 87–91.

5. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018. 150 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.
7. Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 105–135.
8. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
9. Стернин И.А., Прохоров Е.Ю. Русское коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2002. 430 с.
10. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. London: Hodder and Stoughton Ltd, 2004. 424 p.
11. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
12. PDP – The Penguin Dictionary of Proverbs / Eds. R. Fergusson, J. Law. London: Market House Books Ltd, 2000. 368 p.

BIOMORPHIC CODE OF CULTURE IN PROVERBS OF TRUTH AND LIE

© *O.B. Abakumova*

The paper deals with singling out metaphors in semantic structure of Russian and English proverbs of truth and lie. The article focuses on biomorphic code of linguoculture which is represented through conceptual metaphors of zoomorphic, insective and botanical types in the framework of Russian and English paremic discourse about truth and lie with the help of thematic role of the “qualitative” offered by the author as well as revealing templates and stereotypes of the compared linguocultures. The cross-cultural analysis of paremia brings out both universal and national specificity of the described object represented by the proverbs of the thematic cluster containing (or not containing) zoomorphic, insective and botanical metaphors as representatives of the biomorphic code of linguoculture. Presence of zoomorphic metaphors in the Russian proverbs about truth and lie and their absence in the English ones demonstrate complexity and contradiction of the Russian proverbial concept containing the idea of social justice which is not represented in the English paremia about truth.

Keywords: proverbs, truth and lie, codes of culture, comparative analysis, the universal and national specific.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© К.С. Безрукова

Одним из необходимых компонентов в теории и методике преподавания русского языка как иностранного является формирование лингвокультурной компетенции, предполагающей накопление, усвоение и актуализацию знаний о языке и культуре, отражающих мировоззрение и национальную специфику того или иного народа, с целью осуществления полноценной коммуникации. Формированию данной компетенции способствует изучение и усвоение номинативных языковых единиц, которые являются источниками и носителями национально-культурной информации, известной всем представителям той или иной культуры. Освоение лингвокультурных знаний на занятиях по русскому языку как иностранному происходит, прежде всего, посредством учебных материалов. В настоящей статье представлен анализ учебно-методического комплекса по русскому языку как иностранному на предмет содержания лингвокультурной информации, а также его апробация. Исследование показало, что данный учебно-методический комплекс содержит множество лингвокультурем, однако в то же время можно предположить, что представленное количество лингвокультурных единиц является недостаточным. Кроме того, многие задания, содержащие в себе лингвокультурные единицы, не сопровождаются вопросами, побуждающими к рассуждению, в то время как выполнение творческих и исследовательских заданий считается одним из важных условий для формирования лингвокультурной компетенции.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурная компетенция, лингвокультурные единицы, межкультурная коммуникация, диалог культур.

В настоящее время активное развитие имеет практический аспект лингвокультурологии, непосредственно относящийся к процессу обучения русскому языку как иностранному. Исследователи определяют прикладную лингвокультурологию как науку, изучающую национально-культурное содержание языковых единиц с целью их понимания и применения в степени, равной восприятию носителями определенного языка и определенной культуры, что способствует успешному участию в процессе межкультурного общения. Так, практические материалы настоящего направления активно используются на занятиях по русскому языку как иностранному.

Одним из необходимых компонентов в теории и методике преподавания русского языка как иностранного является формирование лингвокультурной компетенции учащихся, овладение которой способствует адекватному пониманию носителей русского языка.

В методической литературе отсутствует единое определение лингвокультурной компетенции, поскольку данное понятие до сих пор не является общепринятым. В то же время существуют синонимичные термины («лингвострановедческая компетенция», «лингвокультурная компетенция», «лингвокультурологическая компетенция», «культурно-языковая компетенция»), имеющие один смысл, но различающиеся содержанием.

Так, Е.Н. Стрельчук в работе «Русская речевая культура иностранных бакалавров негуманитарных специальностей» использует термин «лингвострановедческая компетенция» и отмечает, что ее формирование включает «знания об истории, географии и культуре русского языка; усвоение лексических единиц с национально-культурным компонентом и их сопоставление с родным языком; умение адекватно воспринимать и воспроизводить культурологические единицы в речи в определенных ситуациях, способствующих выходу на уровень межкультурного речевого общения» [Стрельчук 2014: 104].

О.И. Халупо предлагает термин «лингвокультурная компетенция» и рассматривает его как «необходимые базовые лингвокультурные знания, актуализированные человеком в процессе его жизнедеятельности и отражающие ценностные представления, нормы, правила, действующие в данной культуре и языке» [Халупо 2012: 125].

В.Н. Телия обозначает данную компетенцию как «культурно-языковую» и считает, что она проявляется «в способности говорящего/слушающего на основе осознанного или бессознательного владения топосами языка и культуры соотносить в дискурсивных практиках оязыковляемые и/или уже оязыковленные языковые сущности с символизмом материальной, социальной и духовной культуры и на этой основе интерпретировать языковые сущности как знаки "языка" культуры» [Телия 2004: 28–29].

М.С. Бирюкова определяет «лингвокультурологическую компетенцию» как «совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенных в языке, готовности к аксиологической и семиотической интерпретации языковых и экстралингвистических фактов, а также аналитических и коммуникативных умений, которые приобретаются в процессе знакомства с этнокультурными ценностями и концептосферой страны изучаемого языка» [Бирюкова 2016: 115].

Таким образом, лингвокультурная компетенция предполагает накопление, усвоение и воспроизведение знаний о языке и культуре, отражающих мировоззрение и национальную специфику того или иного народа. Следовательно, овладение данной компетенцией способствует свободному взаимодействию в процессе межкультурной коммуникации, что является одной из главных целей обучения иностранному языку.

Формированию лингвокультурной компетенции способствуют изучение и усвоение номинативных языковых единиц, которые являются источниками и носителями национально-культурной информации, известной всем представителям той или иной культуры. Лингвокультурными единицами являются слова, словосочетания, обладающие цельной семантикой, «направленной на внутренне единый предмет или на единое явление», а также языковые афоризмы (поговорки, крылатые выражения – массово воспроизводимые фразы, означающие типичные, повторяющиеся жизненные ситуации) [Верещагин, Костомаров 1990: 39].

Освоение лингвокультурных знаний и формирование особого эмоционального отношения к стране на занятиях по русскому языку как иностранному происходит, прежде всего, посредством учебных материалов, включающих в себя литературные и музыкальные произведения, иллюстративные изображения предметов действительности, отражающие естественную культурную среду, и многое другое.

Далее представим описание учебно-методического комплекса по русскому языку как иностранному на предмет содержания в нём лингвокультурной информации. С помощью данного комплекса осуществляется процесс преподавания русского языка иностранным студентам, приехавшим в Россию из Шри-Ланки для обучения на подготовительном факультете. Перед нами была поставлена цель подготовить студентов уровня А0 к свободному межличностному общению на русском языке в различных сферах речевой деятельности. Занятия по русскому языку как иностранному в данной группе проводились по 8 академических часов в неделю.

Как известно, на начальном этапе обучения большое значение придается устной речи: применяются такие методические приемы, которые побуждают студентов к активной речевой деятельности (ролевые игры, диалоги и т.д.).

С целью преодоления иностранными студентами языкового барьера нами был выбран учебно-методический комплекс «Точка Ру», составителями которого являются О.А. Долматова и Е.М. Новачац [Долматова, Новачац 2019а; Долматова, Новачац 2019б]. Настоящий комплекс пред-

назначен для студентов и взрослых, изучающих русский язык как иностранный, и состоит из комплектов, содержащих учебные материалы, рассчитанные отдельно для того или иного уровня владения русским языком. Каждый комплект включает учебник, рабочую тетрадь, книгу для учителя, а также аудиоматериалы. Действующий курс предполагает 120–150 (уровень А1) и 200 (уровень А2) академических часов.

Начальный этап обучения иностранному языку предполагает изучение языка с целью успешной адаптации в иноязычной среде. В настоящем учебно-методическом комплексе русского языка как иностранного грамматические правила и упражнения вплотную сопровождаются заданиями, направленными на овладение коммуникативными навыками современного русского языка. Так, в учебниках и рабочих тетрадях содержатся тексты на актуальные темы, благодаря которым студенты активно включаются в обсуждение того или иного вопроса, в то же время практикуя только что выученный грамматический и лексический материал. Например, в учебнике А2 содержатся тексты о практике изучения иностранных языков, о том, как чувствуют себя студенты при сдаче экзаменов (разделы 2.1–2.2), о видах транспорта в Москве и пробках (раздел 3.1), о жизни в городе и деревне (раздел 3.2), о практике проведения дня без интернета, о жизненных проблемах и способах их решения (раздел 3.4) [Долматова, Новачац 2019б: 51–52, 70, 94–95, 102–103, 124, 126–127].

Следует отметить, что в данном учебно-методическом комплексе преобладает индуктивный метод обучения. Например, в учебнике А1 перед правилом образования формы глаголов в прошедшем времени для самостоятельного наблюдения и размышления над случаями использования данной формы глагола и над способом ее образования представлен текст, содержащий уже известные студентам глаголы в форме прошедшего времени [Долматова, Новачац 2019а: 85].

Коммуникативная методика действующего курса способствовала быстрому и эффективному достижению поставленной нами цели. В процессе обучения русскому языку как иностранному посредством настоящего учебно-методического комплекса студенты научились сравнивать и анализировать какие-либо факты и явления, обсуждать произошедшие события, аргументировать своё мнение, предлагать идеи, обмениваться информацией, давать советы, делиться впечатлениями, формулировать просьбы.

В соответствии с представленными в «Точке Ру» разделами, обучающиеся могут поддерживать разговоры на такие темы, как семья, увле-

чения, образование, карьера, обустройство дома, еда и напитки, мода, время, планирование, распорядок дня, погода, путешествия, праздники, психология, биография, жизнь в городе и деревне, Интернет и т.д.

Однако для осуществления полноценной коммуникации с носителями русского языка недостаточно формирования только языковой и коммуникативной компетенций. Как уже отмечалось выше, для межкультурного диалога необходимо овладение лингвокультурной компетенцией, при помощи которой иностранец может понимать и принимать носителей иной культуры.

Безусловно, в настоящем учебно-методическом комплексе содержится лингвокультурологический компонент, предполагающий адаптацию иностранных студентов как посредством знакомства с русской лингвокультурой, так и посредством рассказа о своей национальной культуре. Так, комплект А1 предлагает обучение с позиции диалога культур, а комплект А2 посвящен русской культуре. Героями первого комплекта являются иностранцы (француз, итальянец, немец, китаец, американец), приехавшие в Россию, вследствие чего в учебнике содержатся тексты как о русской культуре, так и о культуре представителей разных народов, в частности о культуре Франции, Италии, Германии, Китая и США (образ жизни, обустройство дома, еда и т.д.). Таким образом, комплект А1 в некоторой степени можно считать универсальным [Долматова, Новачац 2019а].

Кроме того, данный учебно-методический комплекс содержит такие лингвокультуремы, как имена (*Елена, Анна, Максим, Денис* и т.д.), топонимы (*Москва, Волга, Байкал, Черное море, Камчатка* и т.д.), еда и напитки (*кефир, квас, блины* и т.д.) и т.д. С третьего раздела учебника А1 появляются такие лингвокультурные единицы, как *скелет в шкафу, с ума сойти, розовые очки, черный юмор, голубая кровь* и многие другие. Кроме того, комплекс содержит большое количество языковых афоризмов, которые представлены в заголовках разделов, а также на обложках учебников (*Лучше поздно, чем никогда; Сделал дело – гуляй смело* и др.).

В то же время можно предположить, что представленное количество лингвокультурных единиц в настоящем учебно-методическом комплексе является недостаточным. Общаясь с носителями русского языка вне стен аудитории, иностранные студенты, приходя на занятия, зачастую задают вопросы по типу *Что значит «дубак»? / Почему осенью говорят «бабье лето»? Почему «бабье»? / Почему, когда удивляются, говорят: «Ничего себе?»* и т.д.

Кроме того, многие задания, содержащие в себе лингвокультурные единицы, не сопровождаются вопросами, побуждающими к рассуждению. Это может стать проблемой для обучающихся с низким уровнем учебной мотивации, поскольку лингвокультурная компетенция предполагает актуализацию базовых лингвокультурем, освоение которых осуществимо посредством выполнения творческих заданий, подразумевающих высокую степень самостоятельности в процессе обучения. Так, некоторые исследователи считают выполнение творческих и исследовательских заданий одним из важных условий для формирования лингвокультурной компетенции [Николаенко 2019: 207–208].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что при обучении русскому языку как иностранному посредством данного учебно-методического комплекса лингвокультурная компетенция у иностранных учащихся формируется не полностью, так как, во-первых, в обсуждаемых учебных материалах недостаточное количество лингвокультурных единиц, а во-вторых, настоящая компетенция включает в себя не только аккумуляцию базовых лингвокультурных знаний, но также усвоение и актуализацию данной информации для полноценной коммуникации. При условии владения лингвокультурными единицами изучаемого языка аккультурация иностранного обучающегося будет происходить успешно.

Список литературы

1. Бирюкова М.С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 4 (40). С. 114–120.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
3. Долматова, Новачац 2019а – Долматова О.А., Новачац Е.М. Точка Ру А1. Точка Ру А1. М.: Перо, 2019. 294 с.
4. Долматова, Новачац 2019б – Долматова О.А., Новачац Е.М. Точка Ру А2. Точка Ру А2. М.: Перо, 2019. 288 с.
5. Николаенко С.В. Русский язык – через национальные реалии и культуру // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 198–212.
6. Стрельчук Е.Н. Русская речевая культура иностранных бакалавров негуманитарных специальностей: Монография [Электронный ресурс]. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2014. 208 с.
7. Телия В.Н. Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. 340 с.
8. Халупо О.И. Базовые единицы лингвокультурной компетенции носителя языка // Язык и культура. 2012. № 2 (18). С. 123–131.

**PROBLEMS OF FORMING LINGUOCULTURAL COMPETENCE
AT THE INITIAL STAGE OF TEACHING RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE**

© *K.S. Bezrukova*

One of the necessary components in the theory and methodology of teaching Russian as a foreign language is the formation of linguocultural competence, which implies the acquisition and reproduction of knowledge of language and culture, reflecting the worldview and national specificity of a people, with a view to full communication. The development of this competence is facilitated by the study and acquisition of nominative language units, which are sources and carriers of national cultural information known to all members of a particular culture. The acquisition of linguocultural knowledge in Russian as a foreign language classes takes place primarily through educational materials. This article contains an analysis of the educational and methodological complex on Russian as a foreign language with regard to the content of linguocultural information, as well as its approbation. The study showed that this educational and methodological complex contains many linguocultural units, but at the same time, it can be assumed that the number of units represented is insufficient. In addition, many assignments containing linguocultural units are not accompanied by questions leading to thinking, while performing creative and research tasks is considered an important condition for developing linguocultural competence.

Keywords: linguistic culturology, linguocultural competence, linguocultural units, intercultural communication, dialogue of cultures.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

© *Л.Н. Береснева*

Поднимается проблема использования литературного творчества в практике преподавания спецкурса или курса по выбору, цель которых – формирование профессиональной компетенции филологов. Литературное творчество помогает синтезировать знания по русскому языку и литературе, умения и навыки студентов филфака в написании собственных текстов разных литературных жанров, развивает их творческие способности: наблюдательность, воображение, эмоциональную память, ассоциативное мышление. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, недостаточной разработанностью данной проблемы в методической литературе о возможности введения литературного творчества в учебный процесс вузов, готовящих филологов, большая часть из которых станет учителями-словесниками, с другой – необходимостью развития и совершенствования речи студентов и их творческих способностей на занятиях, связанных с дисциплинами русский язык и литература. Научная новизна заключается в доказательстве целесообразности введения литературного творчества студентов в учебный процесс факультетов, занимающихся подготовкой учителей русского языка и литературы. Определяются жанры, доступные для литературного творчества, дается методика совершенствования речи студентов-филологов, а также тех качеств личности, без которых невозможно творчество.

Ключевые слова: литературное творчество, профессиональная компетенция, поликультурная среда, коммуникативные качества речи, жанры фольклора, композиционные структуры.

На современном этапе развития общества цель высшего образования – подготовка специалиста, сочетающего профессиональную компетентность с качествами творческой личности, которая способна выдвигать новые задачи, находить оригинальные решения, создавать новаторские формы работы. Одним из путей подготовки филолога, обладающего этими качествами, является приобщение студентов к литературному творчеству.

Многие методисты, ученые (М.А. Рыбникова, В.В. Голубков, В.И. Лейбсон, В.Н. Шамардин, Н.Р. Бершадская, В.З. Халимова и др.) писали о необходимости включения литтворчества учащихся и студен-

тов в учебный процесс, поэтому педвузы, университеты должны готовить будущих филологов таким образом, чтобы те в своей педагогической деятельности смогли приобщить школьников к литературному творчеству.

Цель статьи – познакомить читателей с дидактической системой, дающей стимул развитию устной и письменной речи студентов-филологов с помощью литературного творчества.

Жизнь давно убедила сомневающихся, что литературной одаренностью обладает огромное число людей. Работы крупных психологов: Л.С. Выготского, В.А. Крутецкого, А.Н. Леонтьева и др. – экспериментально доказали, что данные способности не являются врожденными, что они возникают и развиваются в процессе деятельности, поэтому многие методисты, учителя не только говорят о целесообразности включения литературного творчества школьников и студентов в массовый учебный процесс, но и реализуют такое включение.

Студенты, особенно филологи, часто тянутся не к традиционным учебным жанрам, представленным в программах вузов (реферат, доклад, презентация), а к жанрам художественной литературы и публицистики: стихотворениям, рассказам, очеркам, фельетонам, пьесам, эссе, путевым заметкам, фэнтези, которые выкладывают на своих страницах соцсетей, а также на сайтах Стихи.ру и Проза.ру. Чтобы реализовать творческий потенциал филологов в рамках дисциплин по литературе, необходим спецкурс или курс по выбору, где бы обучаемые имели возможность заниматься литературным творчеством. Жанры, узаконенные литературной практикой, выдвигают перед студентами филфака особые требования к работе над формой создаваемого произведения. Начинающие авторы осознают необходимость следования признанным образцам, тщательной работы над текстом. У них формируются вдумчивое отношение к слову, потребность в расширении словаря, стремление к овладению лексическими, грамматическими, стилистическими нормами русского языка.

Наш опыт преподавания курса по выбору «Литературное творчество» на филфаке в НГПУ показал: в рамках учебного процесса надо использовать для сочинительства произведения малой и средней формы [Береснева 1993: 16]. Не случайно А.М. Горький советовал молодым людям, желающим писать, «учиться на малом, лучше учиться на миниатюрах» [Горький 1953: 452]. Сказанное подтверждалось не раз практикой работы педагогов-писателей. Так, ученики яснополянской школы под руководством Л.Н. Толстого сочиняли рассказы, сказки. Воспитан-

ники коммуны имени Дзержинского вместе с А.С. Макаренко писали песни, частушки, фельетоны, пьесы. Дж. Родари, будучи учителем родного языка, предлагал детям для творческих работ такие жанры, как сказка, загадка, лимерик, рассказ.

Современное образование в России – это поликультурное образование, которое начинается еще в дошкольных учреждениях, а продолжается в школе и вузе. Естественно, что в педагогических вузах на филфаках изучение литературы происходит с позиции диалога культур, уважения к культурным ценностям народов нашей многонациональной страны, поэтому логично, что студентам филологического факультета вуза в поликультурной образовательной среде предлагается освоить написание произведений малой и средней форм, близких фольклору: сказку, загадку, считалку, колыбельную песню, притчу. Обращение к жанрам устного народного творчества обусловлено следующими соображениями.

1. Устойчивые жанровые рамки, типичные композиционные структуры, сюжетные особенности, изобразительно-выразительные средства, характерные для произведений устного народного творчества, облегчают начинающим авторам овладение основами литературной техники.

2. Написание собственных произведений по фольклорным образцам будет способствовать лучшему пониманию студентами творчества русских писателей и поэтов, традиций классической литературы.

3. Фольклор сближает народы, помогает постичь жизнь и быт людей, особенности национального характера.

4. Умение студентов сочинить, например, сказку, загадку, считалку, частушку, песню, притчу в будущем поможет филологам, которые станут учителями-словесниками, находить яркие и эффективные формы работы с учениками, не испытывая на уроках недостатка в дидактических материалах, вызывающих живой интерес детей и подростков.

5. Литературное творчество развивает речь студентов-филологов. Центр такой методики – слово в художественном контексте, поэтому в систему работы наряду с упражнениями языкового и речевого плана, нацеленными на обогащение словаря обучаемых, развитие их грамматических навыков, умения строить текст, необходимо включать задания литературоведческого характера, связанные с осмыслением художественного контекста фольклорного произведения определенного жанра, развитием стилистического чутья, «поэтического слуха», формированием критического отношения к собственному и чужому тексту.

Разделяя мнение Б.М. Теплова, настаивающего на том, что творчеству нужно учить, показывать не только продукт, но и процесс, чтобы обучаемые видели, «как это делается» [Теплов 1947: 8], мы считаем, что одним из необходимых условий в осуществлении данного курса является изучение художественной формы с вскрытием ее «механизмов» (структурно-смысловых элементов). В поликультурной среде установление «механизмов» того или иного жанра должно проходить по возможности через сравнительный анализ. Именно он поможет осмыслить общие черты той или иной литературной формы, близкой к фольклору, а осознание отличий будет обогащать созданное студентами произведение национальным колоритом.

Предлагаем обратиться к загадке как к жанру фольклора и ее дидактическим возможностям. Загадка – краткое, требующее отгадки, описывающее на иносказание (чаще всего метафору) поэтическое произведение о явлениях природы и предметах, окружающих человека. Загадка – это внимательное вглядывание в мир. Являясь своеобразной гимнастикой для ума, загадка развивает находчивость, сообразительность, быстроту реакции, «дает возможность искать и схватывать образы, мыслить метафорой, играть оксюмороном» [Рыбникова 1985: 180]. Использование загадок в качестве дидактического материала способно оживить урок, сделать его ярким, привлекательным для школьников, поэтому умение считать загадку – полезное качество словесника.

Существует четыре основных приема построения загадок. Самый простой из них – использование формы вопросительного предложения: *Какая водица для грамотных годится?* (чернила).

Наиболее распространенный способ построения загадок – метафорический. В таких загадках загадываемый предмет и его метафора сопоставляются по какому-нибудь одному признаку (внешнему виду, функциям, особенностям движения): *Над тобой, надо мной // Пролетел мешок с водой, // Наскочил на дальний лес – // Прохудился и исчез* (туча).

Излюбленным приемом построения загадки является описание свойств предмета или явления. Обычно в подобных загадках называются цвет, форма, вкус, звучание, движение, материал, назначение. По указанным признакам нужно угадать предмет: *И легко, и мягко, // И твердо, и ломко, // И черно, и бело // И всем людям мило* (хлеб).

В фольклоре есть загадки, построенные на основе отрицательного сравнения. В них подразумевается, что предмет должен бы обладать теми или иными свойствами, но они отсутствуют: *Есть спинка, а не*

лежит, // Четыре ноги, а не ходит, // Всегда стоит, // Но всем сидеть велит (стул).

У каждого типа загадок существует свой способ «засекречивания предмета». Для достижения этой цели русский язык располагает многочисленными грамматическими, лексическими и синтаксическими средствами. Распространенным синтаксическим средством сокрытия предмета в загадке является неполное предложение: *Крупно, дробно зачистил, // Всю землю напоил* (дождь). Засекретить объект речи можно и в полном двусоставном предложении. В этом случае основная роль будет принадлежать морфологическим (местоимениям) или лексическим (метафоре) средствам. Выступая в качестве подлежащего, данные слова не называют предмет, а лишь подменяют его название: *В воде она живет, нет клюва, а клюет* (рыба). «Познавательный процесс в метафоре идет путем познания неизвестного через известное; устанавливая сходство явлений, мы соотносим два факта, взятых из разных областей, к одной смысловой категории» [Рыбникова 1985: 180]. Одна из задач преподавателя, руководящего литературным творчеством, – показать студентам, как «рождается метафора». Первая операция, которую нужно совершить, – «остранение», то есть необходимо взглянуть на предмет так, как будто его видишь впервые. Например, *Синий мундир, // Желтая подкладка, // А в середине сладко* (слива). При зрительном восприятии сливы возникает ассоциация, что оболочка и мякоть ягоды напоминают синий мундир на желтой подкладке. Вторая операция – ассоциация и сравнение. Третья операция – завершающая метафора. Каждая метафора начинается с выделения свойств подобия. Цвет оболочки и мякоть плода – наиболее заметные признаки, они выделяются, и это подобие фиксируется в языковой форме [Родари 1978: 54–56]. Обычно метафорический перенос представляет трехчленную структуру И – П – Р [Гак 1989: 14–15], где И – исходное слово, например, *слива*; Р – результирующее (*мундир на подкладке*), П – промежуточное понятие, общее для И и Р (предмет, закрывающий, предохраняющий что-то). Так, родилась метафора в загадке. Постигая структуру метафоры, студенты учатся создавать словесные образы предметов и явлений. Применительно к загадке можно выделить пять наиболее распространенных способов метафоризации. Два предмета могут сопоставляться на основе: 1) общего и внешнего сходства: *Как во поле, во кургане стоит девушка с сергами* (овес); 2) признаков внутренней организации: *В одном бочонке два сорта вина* (яйцо); 3) функции, роли в бытовой жизни людей: *Пришел капитан – всех людей напичкал* (половник); 4) одинаковых черт в пове-

дении: *Круглолица, белолица, во все зеркала глядится* (луна); 5) особенностей движения, соотношение подвижного и неподвижного: *Бурко бежит, а оглобли стоят* (река и берега).

Метафорическая замена в загадке часто осуществляется путем замещения неодушевленных предметов словами, обозначающими одушевленные существа, поэтому в данном жанре фольклора используется олицетворение, которое, с одной стороны, затрудняет отгадывание загадки, а с другой стороны, одухотворяя неживой мир, придает загадке поэтичность: *Заря-заряница, красная девица, // По лесу ходила, ключи обронила. // Месяц видел – не сказал. // Солнце встало – подобрало* (роса). Метафора загадок всегда необычна, парадоксальна, фантастична, она притягивает к себе внимание и «взрывает» наши обычные, устоявшиеся представления о мире.

Итак, на занятиях спецкурса или курса по выбору с помощью литературного творчества у филологов происходит синтезация знаний, умений и навыков, развиваются творческие способности. Самореализация филологов через литературный опыт способствует личностному росту: студенты филфака приобщаются к духовному богатству русского языка и литературы, поэтому практика современного образования в вузе требует ввода литературного творчества в массовый процесс. Современная школа ждет филолога, который обладает глубокой теоретической и методической подготовкой, имеет знания о психологии творчества, опыт собственной творческой деятельности. Только такой филолог станет наставником, умеющим осуществить полноценное развитие школьника в поликультурной образовательной среде, чтобы, осваивая премудрости наук, ребенок «жил в мире игры, сказки, музыки, фантазии, творчества» [Сухомлинский 1975: 86].

Список литературы

1. Береснева Л.Н. Развитие русской речи студентов-филологов национального отделения с помощью литературного творчества: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 1993. 16 с.
2. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1989. С. 11–26.
3. Горький А.М. О литературе. М.: Советский писатель, 1953. 868 с.
4. Родари Д. Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. М.: Прогресс, 1978. 207 с.
5. Рыбникова М.А. Загадка как элементарная поэтическая форма // Рыбникова М.А. Избранные труды. М.: Педагогика, 1985. С. 180–185.

6. Сухомлинский В.А. О воспитании. 2-е изд. М.: Политическая литература, 1975. 272 с.

7. Теплов Б.М. Психологические вопросы художественного воспитания // Известия АПН РСФСР. 1947. Вып. 11. С. 7–27.

LITERARY CREATIVITY AS A MEANS OF FORMING PROFESSIONAL COMPETENCE OF PHILOLOGISTS IN A POLICULTURAL ENVIRONMENT

© *L.N. Beresneva*

This article deals with the problem of using literary creativity in the teaching practice of special or elective courses, the purpose of which is to form the philologists' professional competence. Literary creativity both helps to synthesize knowledge, skills and develops creative abilities of students of philological department. The relevance of the topic of the article is determined, on the one hand, by the insufficient development of this problem in the methodological literature about the possibility of introducing literary creativity into the educational process of universities that train philologists, most of whom will become teachers of language, on the other hand, by the need to develop and improve the speech of students and their creative abilities in the classroom related to the disciplines of the Russian language and literature. The scientific novelty of the article lies in the proof of the idea of the expediency of introducing students' literary creativity into the educational process of the faculties that train teachers of the Russian language and literature. The article defines the genres available for literary creativity, gives a methodology for improving the speech of students of philology, as well as those personality traits, without which creativity is impossible.

Keywords: literary creativity, professional competence, multicultural environment, communicative qualities of speech, genres of folklore, compositional structures.

«РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ», ИЛИ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КРЕАТИВНОСТИ ГОВОРЯЩИХ НА РОДНОМ И НЕРОДНОМ ЯЗЫКАХ¹

© Н.В. Богданова-Бегларян

Целью настоящей работы стало описание различных проявлений языковой креативности говорящих в монологических текстах. На материале речи русских и иностранных студентов (корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека», САТ) показано, сколь креативна может быть отдельная языковая личность, причем степень ее креативности совсем не зависит от того, на родном или неродном языке строится монолог, а также от гендерной принадлежности говорящего. Просматривается зависимость от психотипа (для носителей языка) и от уровня владения русским языком (для иностранцев). Проявления креативности вполне поддаются систематизации: это нестандартная лексика (*скляночки-баночки, круто, пахан, пузико*), идиомы (*это Питер детка, это уже перебор*), повторы, восклицания, риторические вопросы (*как я выгляжу! / похоже на лошадь! это помогает или нет? / помогает или нет? / помогает или нет?*) и мн. др. Личностные характеристики говорящего необходимо учитывать как при анализе его устной речи, так и в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: креативность, повседневная речь, монолог, нетривиальная единица, речевой корпус.

Под *языковой креативностью* можно понимать способность говорящего к преодолению шаблонного мышления, умение обойти когнитивные и поведенческие стереотипы, способность решать задачи *нестандартным способом*. Сами термины «креативность» и «креатив» в настоящее время «широко применяются для характеристики разных видов человеческой деятельности, требующей для своего осуществления *неординарных, нестандартных решений* (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Н.В.-Б.)» [Гридина 2013: 5]. Понятие «креативность» «характеризует сами механизмы творческого мышления как процесса,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»).

позволяющего создавать нечто новое, не имевшее места в прежнем опыте человека» [Гридина 2013: 5]. Это понятие имеет отношение «к проявлению *творческого потенциала личности* (в том числе в сфере языкового творчества)» [Гридина 2013: 5–6], им оперирует *лингвистика креатива* как «область изучения разных форм проявления вербальной креативности» [Гридина 2013: 6]. В качестве основных составляющих такой креативности выделяют *беглость* (способность порождать большое количество идей применительно к поставленной задаче), *гибкость* (способность порождать разнообразные идеи), *оригинальность* (способность порождать нестандартные идеи) [Гридина 2013: 6]. Для определения *коэффициента креативности* из перечисленных критериев самым показательным признается *оригинальность* [Богоявленская 2004: 7], т.е. способность человека к самостоятельному продуцированию творческой «идеи», не имеющей аналога и обладающей новизной (неординарностью) [Богоявленская 2004: 7]. Креативность в этом смысле можно понимать «как продукцию *эффективной новизны*» [Кропли 2004: 74].

Видно, таким образом, что *креативность* сближается исследователями с *нетривиальностью*. Если учесть, что слово *тривиальный* заимствовано через нем. *trivial* или франц. *trivial* из лат. *trivialis* – ‘простой, обыденный’, то *нетривиальность* через отрицание можно определить, как что-то НЕ–‘лишенное свежести, оригинальности, новизны’; НЕ–‘избитое, пошлое’; НЕ–‘обыденное, повседневное’. Иными словами, «нетривиальное» – это все «свежее, оригинальное, новое, неизбитое» и «необыденное». Такой материал и стал объектом внимания в настоящем исследовании.

Источником материала для анализа послужили два речевых корпуса, созданных в СПбГУ: корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см.: [Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян 2019а]) и корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) (см.: [Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян 2019б]). Из корпуса САТ анализировались прежде всего монологи студентов – носителей языка и иностранцев, изучающих русский язык. В ходе записи они читали и пересказывали два текста (сюжетный и несюжетный), описывали два изображения (также сюжетное и несюжетное) и рассказывали об отдыхе или о своих впечатлениях о Петербурге.

Анализ материала позволил выявить разные *типы нетривиального*, свидетельствующие о креативности говорящих.

Стилистически маркированные (чаще – сниженные) единицы:

– ой / пойти // # сегодня утром стояла женщина *Н # пойду пот... *Н *Ш как говорится / **потрындеть** (ОРД);

– да я так просто / ну чтоб **повыпендриваться** / **знаешь там** (ОРД);

– *Ириш* / *П я работала / *П и () в общем в итоге это в **такой / вы... вы... вы... вы... вылилось в такой гадюшник что / ну его / *П не хочу** (ОРД) (знак *П в расшифровках (транскриптах) ОРД означает хезитационную паузу, () – заминка говорящего; о других особенностях орфографического представления материала ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242–243]).

«Словарные» (иногда модифицированные) идиомы:

– то у них Стоунхендж какой-то **бред совершенный / сивой кобылы** / где какие-то камни вот по этому поводу там ходят вокруг этих камней что-то они там **плетут всякую ахинею** (САТ);

– ну я **левой задней** многие вещи уже это **делаю** (ОРД).

Контекстуальные (оказиональные) идиомы: где бы я ни находилась что бы я ни делала из этого **исчерываю для себя** // что-то такое [хорошее] то есть (...) **какой-то позитив** (...) то есть негативы в принципе у нас их и так по жизни много (...) ну чтобы ещё этим **голову за-ахламлять** этими **негативами** // не надо / <кашель> я как-то-о как всегда / то есть **отсеивается это всё** // нам **остаётся вот (...)** из **каждого негатива можно отчерпнуть позитив** (САТ) (знаки [и (...) в расшифровках (транскриптах) корпуса САТ означают паузу хезитации разной длительности; о других особенностях орфографического представления корпусного материала см., например: [Русская спонтанная речь 2021: 39-40; Чэн Чэнь 2021: 156–157]).

Обобщающие высказывания, понятные большинству носителей языка: вот / а там (э-э) / *П хорошая программа / всё как раз для **блондинок** что называется / ну вот / но / *П с маленьким нюансом / там нет **быстрых клавиш** (ОРД).

Прецедентные тексты:

– у Майкла есть // *П # ну у Майкла **всё есть** / *П как в Греции (ОРД);

– ты хочешь кофе ? *П их **есть у меня !** (ОРД).

Лексические окказионализмы:

– рядом построен совершенно **монстроозный собор** / э-э **восстановлен / жуткий совершенно** (САТ);

– мультик какой-то не наш // *П совершенно **изумительный ! # *Н # времени** // **фэнтэзийный** мультик / *П совершенно **глучный** (ОРД).

Нестандартная сочетаемость слов: *Дора%* / *типа привет* / *П у меня к тебе шкурная тема *П Коля% / и какая у тебя шкурная тема ко мне ? *П ну типа / *П причем разговаривает в каком-то таком стиле // *П красавица с накладными мозгами (ОРД).

Пафосность в нейтральном контексте: *потом появилось цифровое видео* // *П а мне честно говоря / знаешь что-то вот такое вот / я смотрю / ролики выкладывают ребята(:) // *П ну вот // # где(?) ? # да / это(:) / да // ну вот / (э-э) *П ну(:) / в... я смотрю / ну к... ну понимаешь / ну / что-то вот ... *П # неинтересно // # нет / скажем вот (э) / *П сделать что-то такое выдающееся / *П (э) идеи нету / *П а(:) делать вот это / ну я левой задней многие вещи уже это делаю (ОРД).

Метакоммуникация:

– *то расставленные полукруглыми и сложными кривыми фасады / сложными кривыми фасады / запятой не хватает* / и сложными кривыми / фасады общественных зданий (САТ, чтение);

– *но он наехал на Берестова вовсе неожиданно / и вдруг очутился от него в расстоянии пушечного выстрела // достал пистолет... <смех>* (САТ, чтение).

Первые наблюдения над материалом, записанным от русских и нерусских информантов, заставили предположить, что в речи на неродном языке говорящие не столь креативны, как в речи на родном. Так, в пересказах сюжетного текста М. Зощенко «Рубашка фантази» русские студенты употребили 8 из 12 (66,7%) авторских идиом: *для отвода глаз; всего и разговору, что за мать честная! / что за чёрт!* и под. – и еще добавили своих: *я не силен в вот этих вот всяких штуках; ты ещё мол / м-м // не знаешь // всей соли // жизни*. Китайские студенты в этом же типе монолога употребили всего три идиомы: *это ничего; ничего не подделаешь / вечеринка уже на носу* (см. подробнее: [Богданова-Бегларян 2021]).

Однако если говорить не о массе говорящих, а об отдельных языковых личностях, то оказалось, что креативность не зависит ни от того, на каком языке идет общение (родном или неродном), ни от типа коммуникации или коммуникативного сценария. Скорее, она зависит от психотипа говорящего, т.е. от его речевой раскрепощенности, и от уровня владения (иностранца) русским языком. Это, конечно, надо еще проверять, но уже и сейчас контекстный анализ корпусного материала демонстрирует, сколь велика, оказывается, «роль личности в истории». Рассмотрим это на ряде примеров.

Так, русские и китайцы описывали, в числе прочего, сюжетное изображение: комикс Х. Будструпа «Эликсир для волос». Приведем выдержки из наиболее креативных монологов.

Русский юноша-экстраверт, студент-филолог:

– ну значит какой-то / достаточно полный молодой человек / ну даже не молодой он абсолютно лысый // и вот он приходит в какой-то магазин // там всякие **скляночки-баночки** стоят и говорит / э-э дайте мне пожалуйста / какой-нибудь эликсир для того чтобы волосы у меня отлично росли потому что в конце концов меня и женщины не любят я лысый / и-и / толстый / ну толстый ладно это ещё значит добрый а вот лысый это вообще как-то невозможно;

– ну значит он **баночку** так любовно взял как реб... / вообще как младенца так **хоп** / и такой идёт домой // причём походка у него **ти-на** [припевая] **летающей походкой** ну отличная вообще походка;

– подходит / к зеркалу // причём **зачем-то залезает в раковину** то есть в принципе ну в советских обычно / э ванных комнатах у них / эти стенки практически картонные то есть раковина там висит на-а соплях / а тут он как бы з-з-залез э-э / ну-у / ну при этом волосы у него выросли ещё больше;

– при этом он их так / **рука козой** // то есть он такой нормально **пахан** (нрзб.) / вот ну // **понятно с пузиком**;

– и видимо эликсир очень / хорошо подействовал // очень отлично // **только непонятно / в принципе почему у него на ладонях тогда не растут волосы**;

– **ну ладно это н-не суть как важно** // вот и потом он **похож на домовёнка Кузю**.

Креативность говорящего налицо. И проявляется она не только на лексическом уровне (**скляночки-баночки**, **пахан с пузиком**, **рука козой**, **хоп**), не только в наличии идиом и сравнений (**баночку <...> любовно взял <...> как младенца**; **раковина там висит на-а соплях**), но и во множестве отступлений от собственно изображения: описание советских ванных комнат, рассуждения о разнице между толстыми и лысыми людьми, о том, почему у героя, похожего после манипуляций с эликсиром на **домовёнка Кузю**, волосы растут на голове и **не растут на ладонях**, которыми он втирал этот эликсир в голову. Видно, что говорящий полностью раскрепощен и свободно затрагивает в своем монологе множество разных сопутствующих тем, что делает его речь яркой, необыкновенной и оригинальной – в полном соответствии с приведенным выше определением креативности. Можно подумать, что такая оригинальность и нетривиальность объясняется тем простым фактом, что информант говорит на родном языке. Но посмотрим на ряд фрагментов из

такого же монолога-описания китайской студентки (девушка-амбиверт, филолог, 3 уровень ТРКИ):

– *как же я устал сегодня-я решил полечь пораньше // мп уснул / в сне / мне [приснился что // ну вы знаете / я же-е [сыто... я же-е [лысый;*

– *я лежал / лежал / и думаю // это помогает или нет? / помогает или нет? / помогает или нет? // и вот так я уснул... заснул // в следующий день / я встал / опа! / на моей голове волос! / Господи! / какой красота-а! // я сразу побежал в зеркало // о-о! / точно-точно / это не сна // вроде я в сне? // нет / у меня волОс очень растут // о-о!*

– *он ещё растут / растут / ой Господи! / уже в... слишком это уже перебор // я уже начал переживать потому что я не хочу выглядеть как девушка я же мужчина;*

– *о Господи! / я даже не успеваю их [разрезать // ой Господи! / как я выгляжу! / похоже на лощадь! // о-о! / слишком много! / о-о Господи! что я буду делать?!*

– *о! / нет / у меня не волос // о / спасибо Бог / это просто сна.*

Информант не просто ведет рассказ от первого лица, но и говорит при этом очень эмоционально, используя повторы, риторические вопросы, восклицания (*опа! Господи! о-о! какой красота-а! это помогает или нет? / помогает или нет? / помогает или нет?*), разговорные идиомы (*это уже перебор*), обращения к собеседнику (*ну вы знаете / я же-е <...> лысый*) и проч., что можно однозначно отнести к проявлениям его языковой креативности.

Ср. еще ряд фрагментов из монологов других иностранцев:

– *это очень круто там / и до семи утра мы пили / мы // блин / это было только компания сумасшедших и поехавших // [угу] // <смех> было очень круто // [смех] // да да / да // и рослашотц(?) // это Питер детка (голл. юноша-экстраверт, ТРКИ В1);*

– *например американские люди (а) всегда очень / аааа! // и русские люди очень спокойно (голл. девушка-интроверт, ТРКИ В1);*

– *мне очен-нь нравятся м-м белые ночи а-а летом потому что это как э-э праздник (фр. юноша-интроверт, ТРКИ В1);*

– *Пётр Первый был (а-а) крутой парень / хорошо сделал / хвалю его (голл. юноша-амбиверт, ТРКИ В2).*

Примеров такого типа можно было бы привести еще множество, но уже и приведенные позволяют сделать ряд выводов.

Проявления *креативности* в устной спонтанной речи разнообразны и вполне поддаются систематизации. *Степень креативности* говорящего мало зависит от того, на родном или неродном языке он выстраи-

вает речь, а также от его гендерной принадлежности. Для носителей языка важен, скорее, *психотип* (экстраверт – интроверт). Для иноязычных важен только *уровень владения русским языком* (ТРКИ). Вероятно, важны еще какие-то личностные характеристики говорящего, которые стоит еще поискать. В любом случае – важна «роль личности в истории», особенности языковой личности, которые нельзя недооценивать, в том числе – в практике преподавания РКИ.

Список литературы

1. Богданова-Бегларян Н.В. Идиомы в русской речи носителей других языков: они есть или их нет? (о языковой креативности говорящих на неродном языке) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 3. С. 499–510.
2. Богданова-Бегларян 2019а – Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Зайдес К.Д., Шерстинова Т.Ю. Корпус «Сбалансированная аннотированная текстовая» (САТ): изучение специфики русской монологической речи // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован; отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 111–126.
3. Богданова-Бегларян 2019б – Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / Гл. ред. А.М. Молдован. Отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.
4. Богоявленская Д.Б. Проблемы диагностики креативности // Психологическая диагностика. 2004. № 3. С. 3–18.
5. Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: Коллективная монография / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 5–58.
6. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
7. Кропли А.Дж. Распознавание творческого потенциала: оценка полезности тестов // Психологическая диагностика. 2004. № 1. С. 74–93.
8. Русская спонтанная речь. Хрестоматия. Спонтанные монологи разных типов. Тексты. Лексические материалы / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Лайка, 2021. 376 с.
9. Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Под ред. Н.В. Богдановой-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
10. Чэн Чэнь. Хезитации в русской устной речи носителей китайского языка. СПб.: Нестор-История, 2021. 232 с.

**«THE ROLE OF THE PERSONALITY IN HISTORY»,
OR ABOUT THE INDIVIDUAL LANGUAGE CREATIVITY
OF SPEAKERS OF THE NATIVE AND NON- NATIVE LANGUAGES**

© *N.V. Bogdanova-Beglarian*

The purpose of this work was to describe various manifestations of the linguistic creativity of speakers in monologue. Based on the material of the speech of Russian and foreign students (the corpus of the Russian monologue speech "Balanced Annotated Text Library", SAT) it is shown how creative an individual linguistic personality can be. And the degree of this creativity doesn't depend on whether the monologue is being built in a native or non-native language, or on the gender of the speaker. One can see dependence only on the psychotype (for native speakers) and on the level of Russian language proficiency (for foreigners). Manifestations of creativity are quite amenable to systematization: these are non-standard vocabulary (*skl'anochki-banochki, kruto, pakhan, puziko*), and idioms (*eto Piter detka, eto uzhe perebor*), and repetitions, exclamations, rhetorical questions (*kak ja vygl'azhu! / pokhozhe na loshad'! eto pomogaet ili net? / pomogaet ili net? / pomogaet ili net?*) and many others. Personal characteristics of the speaker must be taken into account both in the analysis of his speech, and in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: creativity, everyday speech, monologue, non-trivial unit, speech corpus.

ФУНКЦИИ ТЕРМИНА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ ПО ФИЗИКЕ

© *В.О. Большакова*

Цель статьи – дать характеристику функций терминов, описанных в литературе по терминоведению. Используются описательный, ономаσιологический и семасиологический методы исследования, а также дискурсивный метод. Рассматриваются несколько подходов к определению научного термина, требования к нему, а также представлено несколько классификаций функций термина. Отмечается, что наименее изученными являются эвристические функции термина. На примерах из онлайн-издания N+1 продемонстрировано, какие функции термин выполняет в научно-популярных текстах.

Ключевые слова: термин, функции термина, эвристические функции термина, научно-популярный подстиль.

Характерная черта научного стиля – использование в текстах большого количества терминов. Опираясь на развитую систему терминов определенной научной дисциплины, авторы реализуют одно из ключевых свойств научного стиля – точность [Стилистика и литературное редактирование 2004: 112]. Оно проявляется и в наиболее «мягкой» разновидности научного стиля – научно-популярном подстиле.

Основная задача текстов научно-популярного подстиля – доступно, понятно и достоверно передать уже известную научную информацию неспециалистам. М.Н. Кожина отмечает, что доступность научного знания широкой аудитории обеспечивается за счет простоты изложения информации, экспрессивности и образности речи, однако при этом сохраняются основные черты научного стиля [Кожина 2008: 310]. Популяризируя научное знание, авторы текстов используют различные средства выразительности, экспрессивно-эмоциональные элементы, художественные приемы, чтобы пробудить фантазию читателей и способствовать созданию новых представлений [Крылова 2006: 118]. Опираясь на работу О.А. Крыловой, А.В. Воронова делает вывод, что научно-популярный подстиль заимствует черты публицистического стиля: он отличается от других разновидностей научного стиля меньшей степенью абстрактности изложения и наличием эмоционально-экспрессивных средств [Воронова 2016: 9]. Однако в этих текстах сохраняются коммуникативно-прагматическая цель научного стиля – передача научного знания, а также такие свойства, как логичность изложения и точ-

ность, которая обеспечивается за счет использования терминов из разных областей науки [Кожина 2008: 255]. Цель данной статьи – описать и проанализировать функции терминов, возникающие в научно-популярном подстиле.

Существует несколько подходов к определению термина. Одно из первых определений предложил Г.О. Винокур в статье «О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии», опубликованной в 1939 году. Он утверждал, что «термины – это не особые слова, а слова в особой функции» [Винокур 1939: 5]. В качестве таковой он называет номинативную функцию слова. Важность этой функции, а также неотделимость термина от профессиональной сферы подчеркивают Ф.М. Березин и Б.Н. Головин в работе «Общее языкознание». Они понимают под термином «слово или словосочетание, образованное на базе подчинительных связей, имеющее профессиональное значение и выражающее, формирующее профессиональное понятие, применяемое в профессии для познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними под углом зрения определенной профессии» [Березин, Головин 1979: 265]. С появлением и развитием такого направления, как когнитивное терминоведение, изменился и подход к пониманию термина. Современная теория термина рассматривает его как лексическую единицу, которая возникает и функционирует не в языке в целом, а внутри отдельного подязыка, необходимого для общения в определенной сфере человеческой деятельности [Акуленко 1980: 36]. Это понятие получило название «язык для специальной цели». Формулируя определение термина, В.М. Лейчик называет его динамическим явлением и отмечает, что термин появляется, формулируется и уточняется в процессе познания, когда «концепт переходит от мысленной категории к вербализированному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [Лейчик 2007: 12].

Позиции исследователей относительно требований к термину во многом сходятся. Многие в качестве ключевых требований выделяют его однозначность и точность. Поскольку термин появляется в процессе когнитивной деятельности, правомерно говорить о том, что он всегда является не только результатом, но и инструментом профессионального мышления. В отличие от значения общеупотребительного слова, значение термина строго понятийно – иными словами, термин всегда информирует о понятии, выражает его или участвует в его формировании. Еще одно ключевое отличие термина от общеупотребительного слова – потребность в

дефинировании [Головин, Кобрин 1987: 43]. Раскрывая суть этого свойства, С.В. Гринев-Гриневиц говорит о том, что специальное понятие, которое выражает термин, как правило, имеет точные границы значения, которые и устанавливаются с помощью научного определения – дефиниции [Гринев-Гриневиц 2008: 27]. Кроме того, каждое понятие является элементом системы понятий и связано с другими. Поскольку каждое понятие выражается с помощью термина, он также обладает свойством системности [Лейчик 2007: 23–25].

Говоря об отличиях термина от общеупотребительного слова, исследователи обращаются к описаниям его функций. Современное терминоведение понимает под функцией термина роль, которую эта лексическая единица выполняет как средство обозначения специального понятия. В.М. Лейчик пишет о том, что термин функционирует сразу в нескольких сферах: лексико-семантической как звуковой субстрат, терминосистеме и теории своей отрасли. В каждой из них он выполняет разные функции, которые взаимосвязаны [Лейчик 2007: 63]. Поэтому принято рассматривать термин как полифункциональную единицу. Описывая функции термина, исследователи опираются на перечень функций слова, представленный в сборнике «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» под редакцией Б.А. Серебрянникова. Авторы сборника выделяют 4 функции: номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую [Общее языкознание 1972: 403].

Г.О. Винокур в своем определении термина закрепляет номинативную функцию в качестве его основной функции. Он утверждает, что она обусловлена «прочной логической основой» терминологии [Винокур 1939: 8]. С точки зрения А.А. Реформатского, термин выполняет номинативно-семасиологическую функцию: не только называет какое-либо явление, но и выражает понятие [Реформатский 1996: 110]. Л.М. Алексеева расширяет представление о номинативной и сигнификативной функциях термина: по ее мнению, термин, в первую очередь, является средством вербализации результата познавательной деятельности ученого [Алексеева 1997: 20]. Среди ключевых функций термина также выделяют коммуникативную функцию. С помощью терминов фиксируются новые знания, хранятся и передается специальная информация. Кроме того, благодаря сложившейся системе терминов обеспечивается взаимопонимание между представителями одного научного сообщества [Лемов 2000: 73]. Что касается прагматической функции, В.М. Лейчик утверждает, что она в термине весьма ограничена. Исклю-

чения составляют некоторые области знания, например, социология, политология, теология [Лейчик 2007: 74].

Кроме функций, присущих всем лексическим единицам, исследователи выделяют функции, характерные только для терминов. Например, А.И. Куратов выделяет функцию компрессии, сокращения и концентрирования научного знания, поскольку термин представляет собой «концентрированное выражение определенного понятия» из отдельной профессиональной сферы [Куратов 1971: 343]. В.М. Лейчик выдвигает на первый план когнитивную функцию термина. Он рассматривает его как итог длительного процесса познания сущности предметов и явлений объективной действительности и внутренней жизни человека, а также как вербализацию концепта. При этом концепт может быть не только уже сложившимся мысленным образом, а результатом чувственного познания, то есть еще только полученными с помощью органов чувств, неосмысленными сведениями. В этом исследователь видит объяснение, почему есть много терминов, образованных на базе метафоры [Лейчик 2007: 71–72].

С.В. Гринев-Гриневиц выделяет несколько гносеологических функций терминов: фиксации знания, открытия нового знания (эвристические функции), и передачи знания [Гринев-Гриневиц 2008: 207]. Так, к подгруппе фиксации знания он относит инструментальную функцию – когда термин служит инструментом познания незнакомой области, а затем закрепляет результат когнитивной деятельности, а также функцию фиксации уровня знаний. В группе функций передачи знаний он различает учебную, или дидактическую, функцию и информационную функцию. Дидактическую функцию термина – функцию передачи специального знания в процессе обучения – выделяют также В.М. Лейчик, А.В. Лемов и Е.И. Голованова. Говоря об обучающей функции термина, И.В. Финникова отмечает, что процесс обучения не допускает неточностей, которые могут возникнуть при использовании новых терминов. Поэтому преподаватели, как правило, задействуют «укоренившиеся» – стандартизированные и упорядоченные – термины. Так обеспечивается точность восприятия новых знаний [Финникова 2012: 100].

Подгруппа эвристических функций терминов (функций получения нового знания) мало изучена и представляет большой интерес при терминологических исследованиях. По-видимому, эта группа функций тесно связана с когнитивными аспектами терминологических единиц. С.В. Гринев-Гриневиц говорит о том, что если уже одиночный термин может служить инструментом познания, то организованная система

терминов позволяет исследователю создать «картину мира», то есть выстроить понятийный образ материального мира [Гринев-Гриневиц 2008: 209]. Кроме того, при построении определений или классификаций ученые могут столкнуться тем, что термины неполно или неоднозначно выражают понятия. Процесс уточнения значения термина может привести к перестройке всей теории, таким образом закрепляя в науке новое знание [Лейчик 2007: 72]. В числе функций получения нового знания С.В. Гринев-Гриневиц выделяет систематизирующую функцию, функцию организации знаний и заполнения пустот, моделирующую (построение определений понятий по аналогии с родственными понятиями), диагностическую (помогающую определить состояние развития той или иной области знания), а также прогностическую функцию [Гринев-Гриневиц 2008: 209–210]. По мнению Т.Н. Великоды, выполняя эти функции, термин реализует свой эвристический потенциал с точки зрения своей языковой ипостаси. Например, термин выполняет систематизирующую функцию, поскольку является единицей лексико-семантического поля, имеющего определенную структуру. В рамках этого поля термин может вступать в синтагматические и парадигматические отношения с другими терминами, а также единицами общеупотребительной и книжной лексики [Великода 2012: 113]. Моделирующая функция характерна для терминов, образовавшихся в результате терминологизации общеупотребительных слов, например, из-за метафорического переноса по внешнему сходству или по сходству функций. Термины-метафоры несут в себе не только понятийное значение, но и часть значения общеупотребительного слова – внутренней формы термина. По мнению Т.Н. Великоды, осмысление внутренней формы термина может помочь исследователями раскрыть непознанную природу объекта, таким образом углубляя и расширяя знания о нем [Великода 2012: 115]. Термин как языковая единица также представляет собой концепт – совокупность схематизированных, гештальтных образов, ментальных знаний об объекте. Изучение этих образов может предопределить направление движения научной мысли в рамках складывающейся теории. Так термин реализует свою прогностическую функцию [Великода 2012: 116].

Близкое понимание функций терминов имеется в работе Е.И. Головановой. Отмечая, что большая часть функций термина так или иначе связана с процессами получения, обработки, хранения и передачи специального знания, Е.И. Голованова предлагает объединить их в рамках общей когнитивной функции. В эту группу она включает коммуника-

тивную, информационную, эвристическую, прагматическую, дидактическую и ориентирующую функции [Голованова 2014: 76–78].

Чтобы определить, какую роль играют термины в научно-популярных текстах, мы провели анализ нескольких текстов из научно-популярного онлайн-медиа N+1 [N+1].

Одна из распространенных функций термина в научно-популярных публикациях – номинативная. При подготовке материала авторы ориентируются на возможный уровень знаний читателя (например, считается, что широкая аудитория уже обладает знаниями на уровне школьной программы), поэтому приводят широко распространенные термины без определений и каких-либо пояснений (например, наименования элементарных частиц *электрон* и *позитрон*).

По правилам написания текстов научно-популярного подстиля, все незнакомые читателю термины должны идти с пояснениями. Один из способов это сделать – дать полное или частичное определение, благодаря которому термин выполняет дефинитивную функцию. Например, в цитате *Бречер взял за отношение полуосей всех эллипсоидов первую константу Фейгенбаума δ , равную 4,669, которая характеризует скорость развития хаотических процессов в сложных системах* автор приводит числовое значение константы, а также коротко описывает, для чего она применяется. А в отрывке *Сверхпроводниками называются материалы, в которых при достаточно низких температурах исчезает электрическое сопротивление* автор практически полностью цитирует определение сверхпроводников, зафиксированное в словарях.

Коммуникативная функция реализуется в научно-популярных текстах в том случае, когда автор сообщает читателям новую для них, ранее малоизвестную, информацию о том или ином объекте или явлении. При этом может не приводиться дословное описание, а делается акцент только на тех сведениях, которые необходимы для понимания сути открытия. Коммуникативная функция реализуется в следующем высказывании: *Корреляционная спектроскопия — это мощный метод исследования структурных или динамических свойств вещества*.

С коммуникативной тесно связана когнитивная функция. С ее помощью авторы также вводят в текст новую для читателя информацию, которая была получена учеными в результате познавательной деятельности недавно – новые сведения как для широкой аудитории, так и для профессионального сообщества. Кроме того, термин, выполняя когнитивную функцию, может служить средством вербализации концепта. Например, в высказывании *Полученный волчок физик назвал δ CELT*.

При вращении против часовой стрелки δ CELT ведет себя так же, как и обычный волчок приводится новый термин δ CELT, который закрепляет концепт *односторонний волчок*.

Особенность научно-популярного портала N+1 – маркировка материалов по уровню сложности. Редакция издания выставляет каждой публикации оценку от 0 до 10, оценивая степень доступности материала для широкого читателя. Низкая оценка сигнализирует о том, что для понимания текста не потребуется каких-либо специальных знаний; а чтобы вникнуть в публикации с маркером выше 6 баллов, читателю будет необходимо изучить теорию вопроса. Можно выдвинуть предположение, что в таких текстах термины выполняют в основном информационную функцию. Иными словами, они служат опорными смысловыми точками, в которых сконцентрирована информация. Также эта функция может реализовываться и в заголовках текстов: *Рентгеновская спектроскопия нитратов подтвердила современную теорию сверхпроводимости*.

Еще одна функция термина, которая хорошо прослеживается в заголовках научно-популярных текстов – функция компрессии. Например, в заголовках *Физики не увидели блокады Паули в двухэлектронных корреляциях на кончике вольфрамовой иглы* и *Физики не нашли нарушений СРТ-симметрии в распадах ортопозитрония* термины используются для концентрации смысла и экономии места. Далее в текстах присутствует подробное объяснение как блокады Паули, так и СРТ-симметрии.

И наконец, в научно-популярных текстах термин реализует дидактическую функцию, или функцию передачи знания обучающимся. Она созвучна с функцией самого научно-популярного текста – передачи знания неспециалистам. В высказываниях *Когда сыпучий осадок, например, песок, подвергается длительному воздействию потоков воздуха или воды, он со временем собирается в дюны* и *Чаще всего кельтские камни имеют вытянутую форму, нижняя часть которых представляет собой сегмент эллипсоида либо более сложной фигуры* автор стремится создать у читателя мысленный образ описываемого явления и таким образом упростить понимание материала.

Таким образом, можно сделать вывод, что журналисты используют научные термины в научно-популярных текстах для реализации следующих целей: названия знакомого читателю понятия (номинативная функция), введения определения (дефинитивная функция), введения в структуру знаний читателя новой для него информации (коммуникативная функция), закрепления результатов познавательной деятельности ученого (когнитивная функция), сжатия изложения (функция ком-

прессии), а также для подробного объяснения сути явления или объекта и формирования мысленного образа (дидактическая функция). Номинативная, дефинитивная, коммуникативная функции терминов известны в терминоведении давно и многократно подвергались изучению. Остальные функции, связанные с когнитивными аспектами языка (концептуализацией, когницией), являются относительно новыми предметами изучения, «точками роста» современных терминоведческих исследований.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980. С. 10–42.
2. Алексеева Л.М. Мотивированность как атрибут термина // Терминоведение. 1997. Вып. 1. С. 19–27.
3. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. 264 с.
4. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. 1939. Т. 5. С. 3–54.
5. Великода Т.Н. Языковая природа термина как один из факторов его когнитивно-эвристического потенциала (на примере английских геологических терминов) // Вестник РУДН. Лингвистика. 2012. № 2. С. 111–118.
6. Воронова А.В. Научно-популярные тексты как объект функционально-стилистического анализа // Вестник РУДН. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2016. № 2. С. 7–12.
7. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта, 2014. 224 с.
8. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 105 с.
9. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
10. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: ФЛИНТА: Наука, 2008, 464 с.
11. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М.: Высшая школа, 2006. 313 с.
12. Куратов А.И. Предмет, содержание и методы терминологии как науки // Семантические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. II. М., 1971. С. 342–346.
13. Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. М.: Наука, 1978. 224 с.
14. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
15. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2000, 192 с.

16. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Под ред. Б.А. Серебрянникова. М.: НАУКА, 1972. 564 с.
17. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Аспект-пресс, 1996. 536 с.
18. Стилистика и литературное редактирование / Под ред. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2004, 651 с.
19. Финникова И.В. Функциональный спектр терминологических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 98–102.
20. N+1 [Электронный ресурс] URL: <https://nplus1.ru/> (дата обращения: 28.10.2021).

FUNCTIONS OF THE TERM IN POPULAR SCIENCE TEXTS ABOUT PHYSICS

© *V.O. Bolshakova*

The purpose of this article is to give characteristics of functions of terms, described in the literature on terminology studies. Descriptive, onomasiological and semasiological research methods were used, as well as the discursive method. The article discusses several approaches to the definition of a scientific term, the requirements for it, and also presents several classifications of the functions of the term. It is noted that the least studied are the heuristic functions of the term. Examples from the online media N+1 demonstrate what functions the term performs in popular science texts.

Keywords: term, functions of the term, heuristic functions of the term, popular science substyle.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫКИ В ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© С.Г. Бусарева

Анализируется специфика взаимодействия элементов естественного языка (русский язык) и искусственного языка (эмодзи) в поликодовом тексте. В сопоставительном аспекте рассматриваются элементы сходства естественного и искусственного языков, а также различия между ними. В результате анализа поликодовых текстов рекламной коммуникации и межличностной коммуникации делается вывод о том, что вследствие взаимовлияния русского языка и языка эмодзи знаки искусственного языка в ряде контекстов становятся многозначными и полифункциональными.

Ключевые слова: естественный язык, искусственный язык, поликодовый текст, значение, кодификация, полифункциональность.

Вопросы взаимодействия языка и других явлений, которые рассматривает лингвистика, являются проблемными, нерешёнными и связаны с необходимостью полного, подробного описания активных процессов в современных естественных языках и определения экстралингвистических факторов возникновения этих процессов.

Современный лингвист В.М. Алпатов верно отмечает, что «и сравнительно-историческое языкознание, и структурализм по-разному сокращали объект своей науки, что дало возможность значительно развить методы в тех областях, которыми они занимались, однако сейчас лингвистика характеризуется расширением объектов исследований и всё более тесными связями с другими науками» [Алпатов 2018: 31]. Иначе говоря, нельзя не принимать во внимание постулат о функциональных границах, сформулированный А.Е. Кибриком: «всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [Кибрик 1992: 20].

Цифровые и технологические основания современной коммуникации являются определяющими в том, насколько успешной окажется коммуникация, насколько в её сферах уместно использование вербальных и невербальных средств.

Процессы информационного обмена в современном обществе тесно связаны с представлениями о моделях и уровнях коммуникации, с понятием коммуникации. Так, в рамках интернет-коммуникации можно

наблюдать процесс смешения естественного языка (вербальная составляющая) и искусственного графического языка эмодзи (визуальная составляющая).

Важно отметить, что процессы взаимодействия естественного языка и эмодзи как двух семиотических систем на данный момент частотны. Поликодовый текст – вербально-визуальное единство, «в котором смысловое единство выступает как результат взаимоналожения двух кодов – вербального и визуального» [Чернявская 2013: 125], – является одним из основных объектов анализа в рамках интернет-лингвистики, теории коммуникации, лингвопрагматики, паралингвистики, теории речевых жанров [Китова 2016; Елина, Фризен 2018; Савина 2019; Бабинова 2020] и др.

Структурно-семантические особенности рассматриваемых нами поликодовых текстов предполагают рассмотрение естественных и искусственных языков в сопоставительном аспекте. Очевидно, что их сходство заключается в том, что и естественные, и искусственные языки являются знаковыми (семиотическими) системами передачи информации, имеющими алфавит (или инвентарь знаков), парадигматические и синтагматические отношения. Очевидное различие между вышеназванными языками заключается в их происхождении: мы не располагаем сведениями о том, кто именно создал естественный язык (возникает ощущение стихийности его возникновения), но, как правило, знаем имя изобретателя (изобретателей) искусственного языка. В этом аспекте примечателен созданный американским лингвистом Арикой Окрент каталог искусственных языков из пятисот позиций, каждая из которых содержит информацию о дате создания и имени изобретателя искусственного языка. Некоторые из позиций снабжены примерами высказываний на том или ином искусственном языке (подробнее можно ознакомиться с этим каталогом на сайте, см.: [Okrent 2009]).

Вслед за Р.Г. Пиотровским отметим следующие различия между знаками естественного и искусственного языков:

1) структурное различие (лингвистический знак имеет структуру типа *имя – денотат – десигнат – коннотат*, знак искусственного языка не обладает такой разветвлённой структурой и состоит из компонентов *имя – денотат*);

2) семантическое различие¹ (знаки естественного языка преимущественно многозначны, знаки искусственного языка имеют, как правило, одно концептуальное значение);

3) семантическое различие² (знак естественного языка потенциально метафоричен, у знака искусственного языка метафоричность отсутствует);

4) количественное различие (значения знаков естественного языка представляют собой нечёткие множества, т.е. содержат элементы с некоторой степенью приблизительности, значения знаков искусственного языка представляют собой чёткие множества) [Пиотровский 1977: 5–7].

Некоторые обозначенные выше различия кажутся спорными в отношении эмодзи как искусственного языка.

Во-первых, функционирование знаков эмодзи демонстрирует, что структура знака искусственного языка *имя* – *денотат* может видоизменяться в зависимости от контекста: элемент *коннотат* может проявляться в структуре знака в случае его употребления в символической или эвфемистической функциях. Так, знаки эмодзи ‘сердце’ (кодированная позиция U+2764), ‘черепа’ (U+1F480) употребляются в качестве замены слов *любовь* и *смерть* соответственно, а эмодзи ‘персик’ (U+1F351), ‘баклажан’ (U+1F346) выступают как графические эвфемистические заместители табуированной лексики.

Во-вторых, можно предположить, что устойчивая моносеманτικότητα знака искусственного языка в отношении эмодзи ослабевает: пиктографические элементы-моносеманты, попадая в высказывания на естественном языке с различными контекстами, становятся полисемантами. Мы наблюдаем, как знаки искусственного языка начинают сильно зависеть от своего лексического и синтаксического окружения. При включении элементов системы знаков эмодзи в поликодовый текст графический знак становится многозначным, хотя изначально создатели языка эмодзи преследовали цель изобрести однозначные графические знаки. Например, графическое обозначение сложенных вместе ладоней (U+1F64F) может иметь несколько интерпретаций: просьба; надежда; молитва; словесное приветствие/прощание и жест *намасте*; словесное выражение и жест *Дай пять!*

Ю.В. Крылов, анализируя функционирование эмодзи в частной переписке, отмечает, что графическое обозначение U+1F450 ‘раскрытые ладони’ может быть интерпретировано несколькими способами: отрицание; неприятие, отказ; просьба не волноваться, успокоиться; просьба перестать делать что-либо [Крылов 2017: 51–52].

Таким образом, в системе знаков эмодзи возникает проблема кодификации, которая сейчас решается путём объединения возможных значений графических знаков в электронный словарь (подробнее см. в [Burge]), где, подобно словам естественного языка, сосуществуют одно-

значные и многозначные графические единицы. Этот электронный словарь вмещает в себя все версии языка эмодзи, что позволяет связать обновление версий и добавление в них определённых знаков с социолингвистическими и/или лингвокультурологическими факторами.

В-третьих, в некоторых контекстах знак эмодзи может быть использован не в прямом, денотативном, значении. Анализ языковых фактов позволяет сделать вывод о том, что верным способом интерпретации знака эмодзи будет именно тот, в котором наблюдается метонимический сдвиг.

Приведём примеры рекламных текстов компании «МакДоналдс»: (1) *Свежесваренный кофе для продуктивной U+1F4DA ‘стопка книг’*; (2) *Свежемолотый кофе для быстрой U+1F697 ‘машина’*. Высказывание (1) мы не можем декодировать как **Свежесваренный кофе для продуктивной стопки книг / для продуктивных книг*, логичным вариантом дешифровки будет высказывание *Свежесваренный кофе для продуктивной учёбы / продуктивного чтения* (изображение книг используется здесь не для обозначения предмета, а для обозначения действия, которое непосредственно ассоциируется с предметом). Высказывание (2) также не может быть декодировано как **Свежемолотый кофе для быстрой машины*. Можем предложить вариант *Свежемолотый кофе для быстрой поездки* (графический знак снова заменяет не сам предмет действительности, а процесс, который этот предмет может производить). В рамках частной переписки, как отмечает Ю.В. Крылов, подобные замены тоже могут встречаться [Крылов 2017: 50].

В рассмотренных случаях можно наблюдать, как эмодзи участвуют в оформлении рекламного поликодового текста, задействованы в регулярированной для естественного языка метонимической модели, где наименование объекта может выступать в качестве наименования процесса, полученного в результате этого действия; ср.: «НАКЛЁЙКА, -и; *мн. род.* -клёек, *дат.* -клёйкам; *ж.* .1. к Наклётить – наклёивать (1 зн.). *Н. этикеток на коробки. Н. афиш. 2. Ярлык, этикетка, бумажка, наклеенные на что-л. Бутылки с яркими наклейками. Н. на чемодане*» [БТС 2000: 584]. Отметим, что в анализируемых рекламных сообщениях метонимическая модель реализуется в обратном порядке: знаки эмодзи преимущественно денотативны, однако в контексте этих сообщений обладают семантикой процессуальности.

В-четвёртых, принцип классификации графических элементов в языке эмодзи не всегда кажется логичным. В раскладке клавиатуры знаки распределены по группам «Смайлики и люди», «Животные и

природа», «Еда и напитки», «Занятия», «Путешествия и местности», «Предметы», «Символы», «Флажки». Некоторые классы-подмножества могут пересекаться, ср. знаки U+1F3C0 ‘баскетбольный мяч’ в разделе «Занятия» и U+1F6E0 ‘молоток и гаечный ключ’ в классе «Предметы», хотя оба эмодзи имеют предметное, инструментальное значение. В рамках подмножества также могут находиться элементы, относящиеся к не существующему в рамках системы классу, ср. U+1F9DB ‘вампир’ в классе «Смайлики и люди». Таким образом, эмодзи могут образовывать нечёткие множества подобно знакам естественного языка.

В заключение отметим, что подобные отклонения от традиционных характеристик знака искусственного языка свидетельствуют о том, что элементы языка эмодзи, будучи контекстуально нагруженными, демонстрируют полифункциональность, характерную для знаков естественного языка, в чём, по нашему мнению, и состоит специфика взаимодействия двух разнородных семиотических систем.

Список литературы

1. Алпатов В.М. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 253 с.
2. Бабилова М.Р. Вербально-иконическая прецедентность в современном русском националистическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2020. 237 с.
3. БТС – Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Елина Е.Г., Фризен М.А. «Новая грамотность», «новая неграмотность» и речевые жанры // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 168–171. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-168-171
5. Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
6. Китова Е.Б. Общение в интернет-среде и «универсальный язык» эмодзи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 4. С. 654–664.
7. Крылов Ю.В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 50–52.
8. Пиотровский Р.Г. Математическая лингвистика. М.: Высшая школа, 1977. 383 с.
9. Савина Е.А. «Лайки» социальной сети «Фейсбук» как фатические контактоподдерживающие реакции // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка / Под общ. ред. М.Л. Ремнёвой, О.В. Кукушкиной. М.: Изд-во Московского ун-та, 2019. С. 541–542.

10. Чернявская В.Е. Медиаальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 2(23). С. 122–127.

11. Burge J. Emojipedia – the encyclopedia of Emojis [Электронный ресурс]. URL: <https://emojipedia.org/> (дата обращения: 27.10.2021).

12. Okrent A. In the Land of Invented Languages [Электронный ресурс]. URL: <http://inthelandofinventedlanguages.com/index.php?page=languages> (дата обращения: 19.10.2021).

NATURAL AND ARTIFICIAL LANGUAGES IN THE POLYCODE TEXT: THE SPECIFICITY OF INTERACTION

© *S.G. Busareva*

The article analyzes the specificity of the interaction of elements of natural language (Russian) and artificial language (emoji) in the polycode text. The similarities of natural and artificial languages, as well as the differences between them are considered in a comparative aspect. The analysis of polycode texts of advertising communication and interpersonal communication demonstrates that the emoji signs acquire polysemy and multifunctionality in a number of contexts due to the mutual influence of the Russian language and the emoji language.

Keywords: natural language, artificial language, polycode text, meaning, codification, multifunctionality.

**«НОВОЕ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ.
СЛОВАРНЫЕ МАТЕРИАЛЫ (2015–2020)»
КАК ИСТОЧНИК ТОЛКОВОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ¹**

© *Т.Н. Буцева*
© *А.В. Зеленин*

Анализируется теоретическая и методологическая база новых выпусков серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы (2015–2020)» на материале выпуска за 2016 год. Актуальность темы связана с ведущейся в настоящее время работой над тремя многотомными толковыми словарями русского языка общего типа, испытывающими недостаток в неологических разработках лексических инноваций 2000–2020-х годов. Цель исследования – ответить на вопрос, в какой степени возобновленное издание продолжает традиции этой серии и может ли оно рассматриваться как неологический источник толковых словарей. Задача исследования – проанализировать источники данного выпуска, собранный в нем материал. Используются методы сопоставительного и статистического анализа. Делается вывод о том, что возобновляемое издание относится к жанру «словарные материалы» и значительно отличается от первоначально задуманного Н.З. Котеловой. Для толковой лексикографии неологический словарь-справочник десятилетнего среза остается наиболее оптимальным источником новой лексики.

Ключевые слова: неологизм, индивидуально-авторский неологизм, неология, неография, толковая лексикография, словарь.

В настоящее время ведется работа над тремя фундаментальными толковыми словарями русского языка: «Большой академический словарь» (БАС) (ИЛИ РАН) (осталось выпустить тома на буквы С–Я), «Академический толковый словарь» (АТoS) (выпущены два первых тома) (ИРЯЗ РАН) и «Словарь русского языка XXI века» (СРЯ-XXI) (РГПУ им. А.И. Герцена) (в черновом варианте составлен целиком, отпечатаны пилотные экземпляры двух первых томов). Эти словарные издания остро нуждаются в неологических данных за последние двадцать лет. Первые два словаря являются исправленными и дополненными переизданиями, третий – новое оригинальное многотомное изда-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-012-00122 (тема проекта: «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г.Н. Складневской)»).

ние. Ожидаемо, что благодаря тяготению СРЯ-XXI к тезаурусу (в отличие от АТоС, ориентированного на средний объем), более позднему по сравнению с БАС времени составления и издания, а также вынесению в название словаря обязывающего «XXI века» в данном словаре неологический пласт двух первых десятилетий нынешнего века будет представлен в более полной мере, чем в БАС и в АТоС.

Можно, однако, констатировать, что в связи с остановкой работы ИЛИ РАН над словарями-десятилетниками, с которых академическая неография и началась в середине 1960-х гг. и которые в течение почти полувека были основной плановой темой группы словарей новых слов ИЛИ РАН, и прекращением работы над словарями актуальной лексики под ред. Г.Н. Скляревской в связи с работой этого коллектива над подготовкой к печати СРЯ-XXI, возник дефицит качественно отобранного и профессионально описанного неологического материала, отражающего пополнение лексики русского языка в последние 20 лет, так необходимого для работы над названными толковыми словарями.

Первая приостановка работы над ежегодниками была связана с отказом от них в конце 1980-х гг. издательства «Русский язык» (оно финансировало эту внеплановую тему) в связи с кризисом в эти годы издательского дела и переориентацией этого издательства на выпуск другой продукции. Позже благодаря издательству «Дм. Буланин» удалось опубликовать незавершенные тогда выпуски и сделать еще 6 новых выпусков. Плановое выполнение одновременно двух тем (десятилетник и ежегодник) одним небольшим коллективом оказалось невозможным. Такой напряженный график работы не выдержала и сама Н.З. Котелова, ушедшая из жизни в начале 1990 г. Сейчас выбор сделали в пользу ежегодников, приостановив работу над НСЗ-2000. На юбилейной конференции 2016 г. была предложена альтернатива ежегодникам (при сохранении десятилетника): регулярная (раз в год или раз в квартал) публикация на сайте ИЛИ РАН неологической выборки (неолексема с иллюстративной цитатой и с указанием на год первой фиксации в материалах Интегрума), что не противоречит идее Н.З. Котеловой о возможной оперативной публикации минимально обработанного лексического материала (см. [Буцева 2016: 20]).

Работа над названными выше словарями проходит в условиях использования компьютерных технологий и наличия электронных баз данных, многократно расширивших эмпирическую базу лексикографов, что приводит к ревизии данных толковых словарей. Это сопряжено с грандиозной работой по описанию выявляемых словарных лакун, про-

пущенных значений, отражению современного состояния базовой и новой лексики. Многократно возрос объем подлежащего анализу лексического материала. Безусловно, при таком масштабе работы глубоко разрабатывать новейшую неологию, начиная с ее выявления, оценки степени ее узуализации, описания ее семантических и стилистических свойств и т.д., масштабные словари не в состоянии. Создание же фундаментальных словарей национального языка – задача государственной важности, и способствовать ее выполнению должны прежде всего специализированные неологические издания.

В связи со сложившейся лексикографической ситуацией попытаемся охарактеризовать серию новых ежегодных выпусков издания «Новое в русской лексике. Словарные материалы» (в 2021 г. на сайте ИЛИ РАН размещены выпуски за 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 годы), работа над которыми стала вестись вместо приостановленного в 2008 г. издания «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 2000-х годов». Предполагается рассмотреть следующие вопросы, относящиеся к этой серии: 1) задачи и назначение; 2) методика и программа выявления неологизмов; 3) характеристика источников; 4) особенность собранного и представленного материала; 5) принципиальные отличия от выпусков, задуманных и реализованных Н.З. Котеловой; 6) новые технологии выявления в текстах неологизмов.

(1) Н.З. Котелова высоко ценила издание «Новое в русской лексике. Словарные материалы» как источник для теоретических лингвистических наблюдений, чему способствовал тот факт, что количество собранных в этом издании неолексем и разнообразие представленных в них моделей (прежде всего за счет индивидуально-авторских новообразований) значительно превосходит материалы словарей-справочников десятилетнего периода (общий объем четырех опубликованных десятилетников – около 25,6 тыс. словарных статей, ежегодников – 69,5 тыс.). «Ежегодники, помимо задач догнать течение времени, оперативно знакомить с новациями, ставят целью **полностью (по заданному срезу) отразить все живые процессы словотворчества, реализуемые в русской речи** (выделение наше. – Авт.) <...> **Многократная реализация одной и той же лексикографической программы, анализ текстов «под микроскопом»**, внимание к рядовым, будничным фактам позволили сделать много нетривиальных наблюдений в области словообразования <...> Показав языковую целину (в смысле жанра источников, непринадлежность в них языковых явлений к обычным лексикографическим объектам, новизны самих фактов), они дали, пожалуй, больше

материала, чем другие издания, посвященные неологизмам, для теоретических аспектов языкознания» [Котелова 1997: 7–8].

Е.А. Левашов подчеркивал значение ежегодников в их совокупности: «Обычные словари <...> ценны сами по себе, так как содержат системный языковой материал. Ежегодные же словари (ежегодники), не будучи системными, ценны не столько в отдельности, сколько в своей совокупности. Только при их издании год за годом могут быть прослеживаемы тенденции в лексическом и словообразовательном движении современного русского языка» [Левашов 2004: 6]. Добавим, что для восприятия этого совокупного материала необходимо представление заинтересованным лицам этих постоянно пополняемых срезов в общем алфавите в электронном виде на сетевом ресурсе.

В аннотации к выпуску этой возобновленной серии за 2016 год **о его назначении** написано следующее: «Словарь предназначен преподавателям русского языка, переводчикам, журналистам, специалистам-исследователям в области русского языка, лингвокультурологии, лингвистической экспертиологии (юрислингвистики), а также самой широкой аудитории» [Предисловие 2018: 4–5] (отметим отсутствие в этом обширном списке лексикографов, заинтересованных в разработках новой лексики). **Целью** новых выпусков «является отражение потока речевой стихии, регистрация факта рождения, изменения или вхождения в употребление новых слов и значений <...> Фиксация речевой неологии не является единственной и главной целью ежегодника <...> Словарь должен, в первую очередь, зафиксировать наиболее значимые и важные тенденции словообразовательных изменений, стилистической, тематической, графической языковой динамики – явлений, происходящих в русской речи под влиянием как общественной, социальной, экономической, культурной жизни, так и под влиянием собственно лингвистических изменений в русском национальном языке в целом» [Предисловие 2018: 4–5]. Дальнейший анализ материалов выпусков должен показать, удастся ли авторам новой серии справиться с декларируемой задачей.

(2) Количество и качество собранного лексического материала, его репрезентативность зависят от того, как осуществляется этот сбор. Методика сбора материала для ежегодных выпусков, предложенная Н.З. Котеловой, предполагала сплошное обследование 10 печатных изданий за один квартал конкретного года. Постоянный круг источников и постоянный период обследования позволяли делать сопоставимые (в пределах возможностей того времени) срезы за разные годы с целью **научно-обоснованного** отслеживания динамики неологических про-

цессов. Важным моментом является то, что источники вычитывались не выборочно, а сплошь, что обеспечивало **объективность данных** этих выпусков. Издания подбирались авторитетные, высокотиражные и с учетом их содержания, особенностей используемого в них языка. Например, в список были отобраны газеты и журналы, отражающие научную, культурную, спортивную и политическую жизнь нашей страны и зарубежья, ориентированные на представление художественной литературы и публицистики (в толстых журналах), а также издания, жанрово тяготеющие, например, к разговорной речи и т.д. Все это говорит о том, что подготовка и издание неологических выпусков словарных материалов по замыслу Н.З. Котеловой имели **научно-методическую базу** и преследовали в первую очередь **научные цели**. Позже (в конце 1990-х – начале 2000-х гг.) эта методика была нарушена: по инициативе Е.А. Левашова ретроспективно по материалам картотеки были составлены для НСЗ-90 выпуски за 1988, 1991 (с дополнительной выборкой), 1992, 1993, 1994 годы (выпуск за 1990 год был составлен по старой методике, по материалам специального обследования источников).

(3) Медийные источники, на основе которых формируется первичный эмпирический материал для дальнейшей разработки и лексикографирования неолексем, в Предисловии к НРЛ-2016 характеризуются следующим образом: «При работе с материалами будущего ежегодника авторами вначале анализируется материал из списка источников для первичного поиска. Данный список составляется на основе IndEx – объективного показателя, сформированного информационно-аналитической системой «Интегрум», оценивающего заметность объекта в медиапространстве, при расчете которого учитываются количество публикаций в СМИ, заметность упоминания об объекте в СМИ, роль объекта в публикации, эмоциональную окраску публикации и значимость (цитируемость) источника. Чем заметнее анализируемый объект в медиапространстве, тем выше его показатель IndEx. В последние годы к таким изданиям, как правило, относятся Комсомольская правда, Коммерсантъ, Gazeta.ru, Российская газета, Ведомости, Lenta.ru, Известия и др.» [Предисловие 2018: 5]. К сожалению, список подлежащих обследованию источников, а также список цитируемых источников не приводятся ни в предисловии, ни в приложении. При чтении же возникает противоречие между теоретическим постулатом в Предисловии о высокорейтинговых изданиях и количеством приведенных цитат: «Комсомольская правда», включая региональные выпуски, цитируется 10 раз, «Коммерсантъ»

(вместе с его приложениями) – 5, «Газета.ru» – 3 (Gazeta.ru – 0), «Российская газета» – 9, «Ведомости» – 0, «Lenta.ru» – 1, «Известия» – 3. Таким образом, даже поверхностный анализ источников подтверждает преимущественно стихийный, а не системный сбор лексического материала. Отсутствуют материалы из таких качественных изданий, дающих обычно прекрасную разнообразную выборку, как «Литературная газета», «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Юность», «Новая Юность», «Культура», «Наука и жизнь», «Секрет фирмы» и др., практически ничего нет из многочисленных изданий спортивной тематики (например, «Спортивная жизнь», «Футбол. Хоккей», «Спорт для всех», «Физкультура и спорт» и др.) и т.д. Из печатных СМИ в выпуске цитируются: «Независимая газета» – 22, «Новый Петербург» – 16, «Афиша» – 9, «Московский комсомолец» – 4, «Новая газета» – 3, «Metro» – 3, «Новое время» – 3, «Вечерняя Москва» – 2, «Собака.ru» и «Sobaka.ru» – 2, «Вокруг света» – 1, «Огонек» – 1, «Спорт экспресс-новости» – 1 и т.д. Значительную часть составляют материалы региональных источников («Новости Уфимской губернии», «Рабочий край» (Иваново), «Призыв» (Владимир), «Шахтинские известия», «Тюменский курьер» и др.), а также сетевые источники (Ko 44.ru, Hse.ru, Republic.ru, Top Real Estate (TopRE.ru), Gay.Ru, Life.ru, StopGame.Ru, InoSМИ.ru, Клин-Неделька.ру, WomanHit.ru, Wday.ru, ForkLog.com, Open.Ru, PeopleTalk.ru и др.). Всего в выпуске цитируется около 220 источников (средняя плотность 2 неологизма на источник). Вместо высокорейтинговых изданий цитируется большое число мелких региональных и сетевых изданий.

Оперирование большим количеством источников текстов в электронном виде имеет свои большие преимущества, но очевидны также и недостатки, на которые давно и неоднократно указывают лексикографы и которые следует учитывать в работе, не доверяясь слепо медийным индексам. Вот основной перечень возможных опасностей: а) качество и происхождение текстов не всегда возможно контролировать; б) авторы некоторых текстов могут не быть реальными лицами; в) у авторов может быть низкий уровень владения данным языком; г) тексты, возможно, не были достаточно отредактированы и исправлены; д) трудно рассчитать частоту появления языковых явлений в текстах [Tarp, Fuertes-Olivera 2016]. Совершенно очевидно, что медийно-количественный параметр, основанный на электронном индексировании (изначально – в коммерческих целях), не может быть единственным и достаточным критерием для определения качества и надежности текстово-источниковедческой базы. Индексирование – действительно важней-

ший этап сбора данных о сайтах, медийных источниках в интернете, но это только первый, автоматически выполненный машинными средствами способ селекции источников, присвоения им индекса. На следующем этапе включается параметр их ранжирования (качественной квалификации) в собственно лексикографическом аспекте с учетом параметров составляемого словаря. Индексирование и ранжирование – взаимосвязанные понятия, но обозначают разные явления и процессы. Ранжирование источников в лексикографическом аспекте – это непосредственно ресурсный для лексикографа этап сортировки и присвоения определенных качественных параметров или рангов источникам и их качеству, определяемых задачами лексикографического продукта. Именно на этом этапе обеспечивается формирование списка максимально качественно релевантных источников для работы лексикографа и происходит его обоснование. Это – аксиома лексикографической работы; о репрезентативности, балансе и пропорциях используемых разножанровых текстов в электронной базе словарей, выполняемых на разных языках, см. в содержательных статьях [Lauder 2010; Lemnitzer & al. 2015; Holmer & al. 2015].

(4) Ежегодники новой серии жестко ориентированы на представление неологизмов конкретного года, тогда как старые выпуски и десятилетники изначально были нацелены на выявления неологизмов по материалам того или иного года или десятилетия, что отражено в названиях этих изданий (см. [Буцева 2011]). Ранее сплошное обследование достаточно широкого круга источников обеспечивало широкий захват неологизмов конкретного года, но в собранных материалах, как следствие недостаточности проверочной базы, присутствовали и квазинеологизмы.

В ежегодной выборке неологизмов неографов ИЛИ РАН постоянно регистрируются неолексемы разных лет, предшествующих году обследования, что обнаруживается при выверке собранных материалов по Интегруму, Гугл.Букс и другим сетевым ресурсам. Так, неологизмы 2016 г. будут выявляться еще на протяжении ряда лет, но при таком ограниченном подходе они так и не попадут в данное издание. Возникает вопрос: рационально ли публиковать неологизмы одного года, задерживая публикацию неологизмов других лет текущего десятилетия?

Большинство выпусков новой серии (кроме «ковидного» выпуска за 2020 год) создавалось ретроспективно. Из плановой ежегодной выборки за 2015–2019 годы, представленной в картотеке группы словарей новых слов ИЛИ РАН, отбиралась лексика, которая

при проверке по Интегруму оказалась впервые зафиксированной в его базе в конкретный год.

Каждый из пяти выпусков новой серии в среднем содержит около 450 неолексем (ср. объем старых ежегодников: от 2 000 до 6 100 ед.). Поскольку обоснования именно такого **объема** в предисловии к НРЛ-2016 нет, то появляется сомнение в его мотивированности и научно-теоретической аргументированности. Новые ежегодники прерывают введенную Н.З. Котеловой методику сплошного обследования текстов по специальной программе. Складывается впечатление, что выборочно читается достаточно узкий круг печатных источников, систематическое обследование текстов вытесняется стихийной (сопутствующей) выборкой из Интегрума (преимущественно).

Стихийная выборка в сочетании с целенаправленным поиском подобных производных может приводить к **дисбалансу материалов выпуска**, исказив реальное соотношение используемых при образовании в данный год моделей и средств. Например, легко извлекаются из базы Интегрума слова с продуктивными начальными компонентами. В НРЛ-2016 такая лексика составляет около 18% от словника. Это производные со следующими начальными компонентами: *III*-... ('связанный с использованием технологий искусственного интеллекта') (60 ед.), *вейп*-... (10 ед.), *гиперсайз*-... (5 ед.), *реалтайм*-... (4 ед.), *фикшин*-... (4 ед.), *убер*-... (3 ед.), *телеграм*-... (2 ед.). Ср. в НРЛ-2020 только производные с самыми продуктивными компонентами составляют около двух третей всего словника (см. [Предисловие 2021: 9]).

Типологическая особенность серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы», заданная Н.З. Котеловой, – включение окказиональных и индивидуально-авторских новообразований. В предисловии к НРЛ-2016 говорится о том, что **индивидуально-авторские новообразования** составляют в нем основную массу (в связи с их ростом в медиадискурсе): «Индивидуально-авторские образования и употребления, окказиональные слова встречаются в медиадискурсе XXI века значительно чаще по сравнению с предшествующим периодом, что обусловлено тенденцией еще более яркого личностного самовыражения и распространением общих для современных массмедиа приемов языковой игры. В результате этих процессов именно такая лексика составляет **80–90% всех выявленных новых словоупотреблений за описываемый период** (выделение наше. – *Авт.*). Процент увеличения индивидуально-авторских образований по сравнению с предыдущим периодом обусловлен и возросшим количеством исследуемых источников, их

жанровым и стилистическим разнообразием и – не в последнюю очередь – возросшей точностью процесса отсева лексики» [Козловская, Приемышева 2018: 9].

Причина тотального отсутствия в НРЛ-2016 индивидуально-авторских образований, как нам представляется, больше связана с тем, что они, как и заимствования, представленные в данном выпуске, благодаря своей необычности, заметности легче выбираются из текстов, чем неологизмы, произведенные по регулярным моделям русского языка, и семантические неологизмы. Для сравнения: в НРЛ-1992, по подсчетам Е.А. Левашова, окказиональные новообразования составили около 21% [Левашов 2004: 5].

Значительная часть неолексем дается в новых выпусках без толкования: в НРЛ-2016 (в основном корпусе) это 178 слов и устойчивых словосочетаний (более одной трети), в НРЛ-2020 в отдельном приложении без семантического описания приводится 2040 ед. и еще значительное число лексем – без толкования в основном корпусе (всего в выпуске 3588 ед.).

Особенностью выпусков новой серии является включение «лексикализованных интернет-мемов» и «лексикализованных хештегов разнообразной структуры», которые признаются авторами выпуска «одной из форм современной интернет-фразеологии» [Козловская, Приемышева 2018: 9]. Другому достаточно новому явлению в русской письменной речи – сложным словам с компонентами в латинской графике – отказано в фиксации на следующем основании: «В силу кратковременности процесса их функционирования, эпизодичности и несистемности возникновения и исчезновения в языке такие **единицы в гибридном написании не отражаются в словаре**. В случае, если такое написание частотно и системно, это указывается в справочной зоне словарной статьи» [Козловская, Приемышева 2018: 10]. Заметим, что кратковременность существования и несистемность свойственна и большому числу индивидуально-авторских новообразований, мемов и хештегов, тем не менее включаемых в данный выпуск.

(5) Подытоживая, отличия новых выпусков от задуманных и реализованных Н.З. Котеловой можно обозначить следующим образом: 1) жесткая ориентация на фиксацию неологизмов конкретного года; 2) отсутствие научно-обоснованной методики сбора материала, преобладание не сплошной, а стихийной выборки, чрезмерное расширение цитируемых источников (печатные федеральные и региональные, а также сетевые федеральные и региональные), имеющихся в базе Инте-

грума, без учета их качества; 3) значительное (в разы) сокращение объема выпусков; 4) тотальное преобладание в собранных материалах индивидуально-авторских неологизмов; 5) высокий удельный вес новообразований с продуктивными начальными компонентами, выявляемых путем заданного поиска по Интегруму; 6) включение мемов и хештегов, не являющихся лексическими единицами; 7) расширение словарной статьи за счет энциклопедической справки.

(6) Сбор неологического материала, безусловно, уже не может быть ограничен исключительно традиционными методами. В свете развития на Западе новых технологий выявления в текстах неологизмов можно говорить о возможных путях развития неографии в этом направлении. За последние годы в компьютерных программах, «отыскивающих» инновации (в широком смысле – то, что не содержалось в электронной базе данных) в текстах компьютерно-опосредованной коммуникации, произошли существенные сдвиги. Автоматическое обнаружение формальных неологизмов больше не рассматривается как нерешаемая проблема, хотя семантическая неология все еще не может быть удовлетворительно решена автоматически. В частности, крупномасштабное исследование неологии привело к созданию словаря немецких неологизмов [Quasthoff 2007], составленного с помощью автоматического частотного анализа и оказавшего большое влияние на последующее развитие поисков и решений в данной лингвистической области. В этом словаре, описывающем языковые неолексемы с 2000 года и по 2006 год, собранные при помощи специально созданных компьютерных программ, залексикографированы новые лексемы, новые значения старых слов, возникшие на базе немецкого языка, а также заимствования.

Также был создан портал Wortschatz (интернет-страница в университете Лейпцига, <https://wortschatz.uni-leipzig.de/en>), представляющий, среди прочего, обзор основных слов в день. Была использована методика Кляйнберга [Kleinberg 2002], разработавшего показатели краткости, чтобы находить темы, которые доминируют в информационных потоках в определенное время, путем сканирования коллекций документов на предмет внезапных, быстрых всплесков слов.

Традиция публикации лексических инноваций закрепились в мировой практике. Например, объемный словарь английского языка Мерриам-Вебстер (Merriam-Webster) помещает на своих интернет-страницах «слово дня». Так, за октябрь 2021 года зафиксирован 31 неологизм, за сентябрь отмечено 30 новых лексем, за август – 31 неолексема, за июль – 31 лексема, за июнь – 30 лексем и т.д. [[59](https://www.merriam-</p></div><div data-bbox=)

webster.com/word-of-the-day/calendar]. Тенденция очевидна: в месяц в этом словаре лексикографы дают маркер нового слова или значения примерно 29–31 слову.

Разработанная группой исследователей из университета в Мюнхене (Ludwig-Maximilians-Universität München) программа NeoCrawler призвана обеспечить достижение следующей цели: поиск и исследование лексических инноваций в речевом сообществе в целом. Спектр запрашиваемых в Интернете программой источников из разных жанров и тем очень широк, а не фокусируется на одном конкретном типе неологических источников, данные извлекаются из газет, блогов, выбранных веб-доменов, научных статей. В отличие от других известных программ (Néoveille, Logoscope) программа NeoCrawler использует онлайн-страницы в полном объеме, а не новостные RSS-каналы или традиционные языковые корпуса. Аргумент разработчиков программы NeoCrawler таков: поскольку лексические инновации могут встречаться во всех видах материалов, общий охват программы NeoCrawler превосходит любые жанровые или тематические существующие шаблоны и тем самым, по мнению авторов, обеспечивает более разнообразный и репрезентативный результат [Kerremans & al. 2012; Kerremans & al. 2018].

Применение компьютерных технологий в поиске инноваций хорошо зарекомендовало себя не только на базе английского языка, но и, например, немецкого («Dudenkorpus»), норвежского (например, программа по «отлавливанию» англицизмов в текстах на норвежском языке [Losnegaard, Lyse 2012]). В других языках с богато развитой морфологией (русский, финский) пока еще нет таких объемных корпусов с детальной параметризацией и фильтрами в процессе машинного поиска инноваций.

Выводы. Собранный в НРЛ-2016 материал сам по себе интересен, но оцениваться он должен в аспекте способности новой серии объективно отслеживать тенденции в развитии современного русского языка, репрезентативности ее материалов. Для этого нужна четкая программа сбора материала, отбор его источников, внедрение новых компьютерных методов обследования текстов. По характеру включаемого материала и по степени его лексикографической разработки этот тип неографического издания продолжает относиться не к жанру словаря, а к жанру лексических материалов. Отобранность неолексики по употребительности, включенности в словообразовательные процессы, с учетом складывающихся парадигматических отношений с базовой и новой лексикой, актуальности и значимости обозначаемых понятий, существование на

таким значимым в жизни человека и общества отрезке времени, как десятилетие, делают именно неологические десятилетники надежным источником информации о процессах неологизации русского языка для толковой лексикографии. Тройственная система неологических словарей, призванных отразить все стадии вхождения неологизмов в русский язык, была нарушена отказом от подготовки десятилетних словарей. Говорить о продолжении традиций академической неографии, заложенных Н.З. Котеловой, можно лишь, возобновив работу над этим изданием.

Словари

Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л.П. Крысин. Т. 1, 2. М.: ЯСК, 2016.

Большой академический словарь русского языка. Т. 1–26. СПб.: Наука, 2004–2019 (издание продолжается).

Новое в русской лексике. Словарные материалы -77 – ... -84 / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1979–1989.

Новое в русской лексике. Словарные материалы -85 – ... -94 / Под ред. А.И. Алаторцевой, Т.Н. Буцевой, Ю.Ф. Денисенко, Е.А. Левашова, Н.В. Соловьева. СПб.: Дм. Буланин, 1996–2005.

Новое в русской лексике. Словарные материалы–2016 / Отв. ред. С.Д. Левина СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021.

Новое в русской лексике. Словарные материалы–2020 / Отв. ред. М.Н. Приемышева СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / Под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.), Е.А. Левашова. В 3-х тт. СПб.: Дм. Буланин, 2004–2014.

Словарь русского языка XXI века / Под ред. Г.Н. Складневской (рукопись).

Список литературы

1. Буцева Т.Н. О названии словарей новых слов в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 85–89.

2. Буцева Т.Н. Сегодня и завтра академической неографии // Неология и неография: Современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 16–21.

3. Козловская Н.В., Приемышева М.Н. Предисловие // Новое в русской лексике. Словарные материалы-2016. СПб., 2018. С. 5–20.

4. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания новых слов (фрагмент статьи, не вошедший в опубликованный текст) // Новые слова и словари новых слов. СПб., 1997. С. 7–8.

5. Левашов Е.А. От редактора // Новое в русской лексике. Словарные материалы-1992. СПб.: Дм. Буланин, 2004. С. 5–8.
6. Предисловие // Новое в русской лексике. Словарные материалы-2020. СПб., 2021. С. 3–15.
7. Kerremans D., Stegmayr S., Schmid H.-J. The NeoCrawler: Identifying and retrieving neologisms from the internet and monitoring on-going change // *Current Methods in Historical Semantics* / Kathryn A., Robinson J.A. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2012. P. 59–96.
8. Kerremans D., Prokić J., Würschinger Q., Schmid H.-J. Using Data-Mining to Identify and Study Patterns in Lexical Innovation on the Web: The NeoCrawler // *Pragmatics & cognition*. 2018. №25(1). P. 174–200. DOI: <https://doi.org/10.1075/pc.00006.ker>.
9. Kleinberg J. Bursty and hierarchical structure in streams // *Proceedings of the 8th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining*, 2002. P. 91–101.
10. Lauder A.F. Data for lexicography The central role of the corpus // *Wacana*. 2010. Vol. 12. No. 2. P. 219–242.
11. Losnegaard G.S., Lyse G.I. A data-driven approach to anglicism identification in Norwegian // *Exploring Newspaper Language: Using the web to create and investigate a large corpus of modern Norwegian*. Andersen G. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2012. P. 131–154.
12. Lemnitzer L., Pölitz Ch., Didakowski J., Geyken A. Combining a rule-based approach and machine learning in a good-example extraction task for the purpose of lexicographic work on contemporary standard German // *Electronic lexicography in the 21st century: linking lexical data in the digital age*. Proceedings of the eLex 2015 conference. 11–13 August 2015. Herstmonceux Castle, United Kingdom. Ljubljana: Trojina, Institute for Applied Slovene Studies; Brighton: Lexical Computing, 2015. P. 21–31.
13. Holmer L., von Martens M., Sköldbeg E. Making a dictionary app from a lexical database: the case of the Contemporary Dictionary of the Swedish Academy // *Electronic lexicography in the 21st century: linking lexical data in the digital age*. Proceedings of the eLex 2015 conference. 11–13 August 2015. Herstmonceux Castle, United Kingdom. Ljubljana: Trojina, Institute for Applied Slovene Studies; Brighton: Lexical Computing, 2015. P. 32–50.
14. Quasthoff U. *Deutsches Neologismenwörterbuch: Neue Wörter und Wortbedeutungen in der Gegenwartssprache*. Berlin: Walter de Gruyter, 2007.
15. Tarp S., Fuertes-Olivera P.A. Advantages and Disadvantages in the Use of Internet as a Corpus: The Case of the Online Dictionaries of Spanish Valladolid-UVa // *Lexikos* 26 (AFRILEX-reeks/series 26), 2016. P. 273–295.

**THE DICTIONARY «NEW IN THE RUSSIAN VOCABULARY.
DICTIONARY MATERIALS (2015–2020)» AS A SOURCE
OF EXPLANATORY LEXICOGRAPHY**

© *T.N. Butseva*

© *A.V.Zelenin*

Theoretical and methodological basis of new issues of the series “New in Russian vocabulary. Dictionary materials (2015–2020)” based on the material of the issue 2016 is analyzed in the article. The relevance of the topic is connected with the work currently underway on three multi-volume explanatory dictionaries of the Russian language. The lack of neography materials of lexical innovations of the 2000s-2020s makes it difficult to compile them. The purpose of the study is to answer the question to what extent the renewed edition continues the traditions of this series and whether it can be considered as a neological source of explanatory dictionaries. The task of the study is to analyze the sources of this series and vocabulary material in it. The methods are comparative and statistical analysis. Conclusions: the renewable edition belongs to the genre of "dictionary materials" and differs significantly from the original series conceived by N.Z. Kotelova. The neological dictionary reference for ten years is the most optimal source of new vocabulary for explanatory lexicography.

Keywords: neologism, author’s neologism, neology, neography, explanatory lexicography, dictionary.

МЕТОДИКА ПОСТРОЕНИЯ РЕЧЕВОЙ МОДЕЛИ АДРЕСАТА РЕКЛАМЫ

© С.Н. Виноградов

Цель статьи – охарактеризовать основы речевого моделирования адресата рекламы на материале косметического рекламного дискурса. Объект исследования – косметический рекламный дискурс, предмет исследования – лексика рекламных текстов, создающих речевой портрет и языковую картину мира адресатов косметической рекламы. При анализе использовались описательный, ономастологический и семасиологический методы, метод дискурсивного анализа, методика языкового и речевого моделирования. Рассмотрены элементы рекламного дискурса: реализация языковых функций воздействия и моделирования, таргетирование рекламы, антропоцентры косметического рекламного дискурса. Рекламный текст рассматривается как один из инструментов таргетирования, которое осуществляется благодаря положительной тональности текста, создаваемой системой языковых и речевых единиц. Рассматриваются наиболее активные лексические средства создания положительной тональности рекламного текста: иноязычная лексика, лексика с оценочным значением, эпитеты и метафоры. Лексический состав текста косметической рекламы даёт возможность реконструировать фрагменты речевого портрета адресатов рекламы и создавать знаковую модель их психологических и социальных особенностей, круга их интересов и культурных предпочтений.

Ключевые слова: косметический рекламный дискурс, таргетирование рекламы, речевое моделирование адресата рекламы, рекламный текст, лексика, речевой портрет.

Создание и функционирование рекламы образует частный дискурс, который далее будем называть рекламным дискурсом. Дискурс представляет собой «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами» [Арутюнова 1990: 136]. Не претендуя на исчерпывающее описание экстралингвистических факторов рекламного дискурса, рассмотрим те из них, которые имеют отношение к теме статьи.

Реклама как разновидность сообщения реализует языковую функцию воздействия (волеятативную функцию). Для рекламы характерна её целевая установка – побуждение к приобретению товара или услуги. «В изучении языка рекламы как разновидности средств массовой коммуникации на первый план выходит анализ лингвистических способов организации медиатекстов с целью оказания эффективного воздействия на аудиторию» [Морозов 2009: 232–233].

Побуждение адресата к определённым действиям, эффективное воздействие на него – существенные черты рекламного дискурса, которые обуславливают особое внимание к адресату сообщения как к одному из антропоцентриков данного дискурса. Одна из особенностей этого антропоцентрика – в том, что он не представлен в речи рекламного дискурса (является «нулевым»). Однако для авторов рекламного текста адресат необходим, и это отражено в самом тексте рекламы, в речи, в сообщении. Адресат должен обладать реальными чертами, психологически и социально определёнными. В противном случае рекламный текст не выполнит задачи воздействия на адресата, побуждения его к определённому действию. По этой причине особую важность приобретает моделирующая функция языка в рекламном дискурсе. Объектом моделирования является адресат рекламы.

Моделирующая функция языка многопланова и сложна. Она охватывает моделирование мыслительной деятельности, обозначаемой реальностью и самого языка. Моделирование осуществляется каждым уровнем и каждой подсистемой языка. Моделирующая функция реализуется не только языком в его коммуникативной готовности (т.е. языковой системой), но и языком в его коммуникативном применении (т.е. речью). Адресаты рекламного текста, их психологические и социальные характеристики – та часть реальности, которую должен моделировать автор рекламы.

Под моделью будем понимать некоторый материальный объект (объективно существующий или созданный в результате некоторой деятельности), структурно подобный другому объекту [Виноградов 2009: 269]. Если обратиться к рекламному дискурсу, то моделями адресата (точнее – его психологических и социальных особенностей) являются рекламные тексты и их фрагменты, инвентари языковых единиц и текстовых употреблений с показателями их активности (частотности), структурные описания речевых конструкций (эти структурные описания традиционно называются языковыми моделями).

Моделирование адресата рекламы является неотъемлемой частью рекламной деятельности, цели которой – заинтересовать клиентов, вызвать желания и ассоциации, которые потенциальный клиент отождествлял бы со своей выгодой, обращаться к чувствам клиента, вызывая у него соответствующие ассоциации [Sostav.ru]. Ясно, что для достижения этих целей надо иметь представление об адресате рекламы. «Рекламодатель имеет дело <...> с обобщённым образом адресата, смоделированным на основе маркетинговых или социологических исследований»

[Аниськина, Колышкина 2013: 18]. Результаты этих исследований неизбежно отражаются в моделях, созданных (сконструированных) средствами языка.

При создании образа адресата в маркетинге используется система процедур, называемая таргетированием, таргетингом (от англ. *target* – цель): «Таргетинг – настройка показа интернет-рекламы точно определённой группе людей, на которых нацелен рекламируемый товар или услуга. В процессе покупки трафика необходимо составить портрет целевого пользователя (пол, возраст, интересы, география и другие) и как можно точнее описать настройками таргетинга, доступными в той системе, где ты размещаешь рекламу» [Что такое таргетинг...]. Таргетинг – «настройка на цель» – включает много разновидностей: тематический таргетинг, таргетинг по интересам, поведенческий таргетинг, географический таргетинг, таргетинг по языку, временной таргетинг и т.д. По-видимому, в это перечисление следует включить текстово-речевой таргетинг. Это название отражает представление о том, какие свойства текста и речи рекламы будут важны для определённой целевой аудитории, будут интересны, привлекательны для неё.

Рассмотрим подробнее «настройку на цель» средствами текста и речи рекламы.

Необходимым условием привлекательности текста для адресата является положительная тональность текста. Тональность – «текстовая категория, в которой находит отражение эмоционально-волевая установка автора текста при достижении конкретной коммуникативной цели, психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения [Стилистический энциклопедический словарь 2011: 549]. Тональность текста – это эмоциональная окраска, в которой подаётся то или иное сообщение. В частности, реклама должна иметь положительную эмоциональную окраску, чтобы достигать своей цели.

Положительная тональность присуща рекламному тексту в целом и создаётся всей системой языковых и речевых единиц текста – фонетических, словообразовательных, лексических, синтаксических. В дальнейшем изложении мы ограничимся лексическими единицами как наиболее яркими средствами выражения тональности, играющими большую роль в выражении целостного текстового смысла.

Объект нашего анализа – некоторые типичные тексты косметической рекламы. Приведём примеры таких текстов, представленных в ленте Дзен (Яндекс).

BIELITA. LUXURY / Роскошь вне времени. Подарите себе удовольствие безупречного макияжа!

ЗДОРОВ – крем-воск от морщин. Обзор средства от морщин. Простой способ победить старение.

Румяна Artdeco Crystal Garden Blusher (limited edition). Новинка сочетает в себе три нежных оттенка, которые можно использовать, как вместе, так и по отдельности. Румяна упакованы в роскошный, глянцевый футляр, поверхность которого украшает камелия, усыпанная кристаллами Swarovski.

ПАРФЮМЕРНАЯ ВОДА COSTA AZZURRA, TOM FORD. *Так пахнет отпуск на морском побережье. Жара. Приливом на песок выбросило толстые стебли водорослей. Стремительно высыхая под палящим солнцем, они добавляют древесному аромату расположенной неподалеку кипарисовой роци крепкий солоно-йодистый дух.*

Тональная основа с эффектом сияния и естественным финишем Fresh Fit Awake Make Up, Essence.

Разумеется, для потребителей (и особенно для потребительниц) косметики данные тексты имеют положительную тональность, которая создаётся, в частности, словами с оценочным значением, эмоционально-экспрессивной лексикой (словами, обладающими положительной и отрицательной окраской), метафорическими употреблениями. Кроме того, тональность может возникать в конкретном дискурсе у лексических единиц, лишённых оценочности в языке. Например, в создании положительной тональности косметического рекламного текста участвуют иноязычные вкрапления, которые «становятся вербальными средствами моделирования особого мира роскоши и стиля жизни, создания мифа о вечной молодости, неувядающей красоте, чудодейственных препаратах» [Селеменова 2020: 180]. Будем рассматривать только такие лексические единицы, которые имеют положительную тональность независимо от конкретного контекста их употребления в косметических рекламных текстах (т.е. имеющие положительную тональность не в речи, а в языке).

Рассмотрим следующий пример косметической рекламы: **ТУАЛЕТНАЯ ВОДА DOLCE ROSE, DOLCE & GABBANA.** *Пожалуй, самый жизнерадостный аромат на тему розовых цветов и кустов. Ноты красной смородины и зеленого яблока придают приторно-медовым розам бодрящую кислинку, а персик и мандарин делают аромат похожим на хрустящую прозрачную карамель.* В этом тексте присутствуют слова, выражающие положительную оценку и, следовательно, участвующие в

выражении положительной тональности рекламы: *жизнерадостный* (т.е. «не знающий уныния, радостный, бодрый») [Ожегов, Шведова 1992: 197]), *аромат* («душистый, приятный запах»), *бодрящий* (от *бодрить* – «придавать бодрость»). Вместе с тем в данной рекламе присутствует и другая лексика, которая сама по себе не выражает положительную или отрицательную оценку, но при восприятии текста рекламы воспринимается положительно, потому что отсылает читателя (читательницу) к природе, к приятным на вкус предметам, создает яркую, живописную картину: *розовые кусты, красная смородина, зеленое яблоко, персик, мандарин* и т.д. Значит, эти слова тоже выражают положительную оценку сообщения, но только в данном рекламном тексте, и поэтому далее мы не подвергаем их анализу. Слово *кислинка* может обозначать и приятный, и неприятный привкус и приобретает положительную оценку только в тексте рекламы: *бодрящая кислинка*. Поэтому данное слово в качестве «оценочной лексики» нами также не анализируется.

По данным работы [Ларсен 2021: 46], в составе косметической рекламы наиболее активны следующие группы слов, содержащие внеморфологическую положительную оценку: 1) иноязычная лексика; 2) «оценочная лексика»; 3) эпитеты и – в меньшей степени – 4) метафоры.

Активность иноязычной лексики в косметической рекламе обусловлена тем, что практически в каждом тексте рекламируется иноязычный бренд, который подаётся как проявление модного образа жизни.

Под оценочной понимается лексика, у которой оценочность создаётся особыми словообразовательными средствами (приставками, суффиксами, повторами однокоренных слов и т.д.), или оценочность присуща самой семантике отдельных слов и закреплена в современных толковых словарях, или стилистическая окраска слов входит как элемент в их семантическую структуру вместе с предметно-логической отнесённостью [Фомина 1983: 197]. В косметической рекламе «оценочная лексика» почти всегда выражает положительную оценку: *драгоценный, жизнерадостный, любовь, молодость, сиять, чистота, яркость* и т.д. Лексика, выражающая отрицательную оценку, встречается очень редко и главным образом для того, чтобы противопоставить нежелательные явления положительным, например: *Зеркальный блеск и перламутровые 3D частицы – и никакой липкости*.

По частям речи среди «оценочной лексики» наиболее активны признаковые слова (прилагательные, наречия, причастия). Это обусловлено оценками большого количества объектов рекламы и объектов воздей-

ствия косметики: *натуральная косметика, безупречный макияж, нежные оттенки, бодрящая кислинка*. Отвлечённые существительные также выражают признаковые значения: *роскошь вне времени, жизнерадостный аромат, ресурс молодости кожи*.

Нет резкой границы между «оценочными словами» и эпитетами. Некоторые прилагательные одновременно являются эпитетами и «оценочными словами»: *безупречный, бодрящий, впечатляющий, выразительный, драгоценный*. В косметической рекламе эпитеты характеризуют понятия предметной области косметики. Эпитеты связаны со зрительными, обонятельными, осязательными впечатлениями от предметов рекламы.

Метафорические словоупотребления в косметической рекламе менее активны, чем иноязычные слова и «оценочная лексика», однако метафоры также участвуют в создании оценочности в косметическом дискурсе. Например: *Политкорректный фужерный аромат не нарушает личных границ и не вторгается в чужое пространство*. Также метафоры в основном не относятся к индивидуально-авторским, а являются стандартными: *вдохнуть жизнь, дарить ощущение, победить старение*.

Другая лексика, выражающая тональность текста, малоактивна, её употребления несут единичный характер.

Приведённый обзор тональной лексики отражает некоторые особенности косметического рекламного дискурса. В коммуникативной ситуации выделяется характер отношения субъекта речи к её адресату [Чернявская 2006: 13]. В рекламном дискурсе адресатом речи является потребитель рекламируемой косметики. Когда анализируется речевое поведение участников рекламного дискурса – адресанта и адресата, исследователь должен обращаться к языковой картине мира коммуникантов и к их языковому портрету (языковой личности).

Концепция языковой личности была детально разработана Ю.Н. Карауловым, который определял это понятие как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определённой целевой направленностью» [Караулов 2010: 245]. В рекламном дискурсе обнаруживаются две разные языковые личности (антропоцентры рекламного дискурса): адресант (создатель рекламы или продавец рекламируемого товара) и адресат (реципиент, воспринимающий рекламу). Адресат рекламы не обладает в данном дискурсе собственной речью, которая бы создавала его речевой портрет

и его языковую картину мира. Об этих сторонах языковой личности адресата можно судить только косвенно – по тексту рекламы, который в процессе тексто-речевого таргетинга отражает искомые черты адресата. Какие черты реципиента рекламы можно реконструировать из её текста, смоделировать на его основе?

Тексты косметической рекламы дают возможность увидеть их адресатов, для которых эта реклама должна быть привлекательна и близка [Ларсен 2021: 54–55]. Адресаты – главным образом женщины и девушки, в психологии которых преобладают эмоции. Восприятие косметической рекламы не требует высокого уровня образованности, поэтому речевая культура адресатов не предполагает знания прецедентных текстов, не требует понимания тонкой игры слов и умения воспринимать и различать стилистические особенности языковых и речевых единиц. Психологический тип реципиентов косметической рекламы предполагает яркую речевую эмоциональность. По этой причине наиболее близкими для адресатов косметической рекламы оказываются экспрессивно окрашенные «оценочные слова», обозначающие чувства, «хорошие» и «плохие» признаки, эмоционально окрашенные предметы, явления, события. Круг интересов потребителей косметической рекламы в значительной степени определяется иноязычными (главным образом англоязычными) влияниями, идеалами, кумирами. По-видимому, иноязычные слова (и даже просто последовательности букв латинского алфавита) занимают значительное место в семиологической культуре адресатов рекламы и вызывают их эмоциональный отклик. Адресаты рекламы очень подвержены влиянию «образцов» – актёров, фотомоделей, разнообразных медийных личностей, модных брендов. Реклама учитывает это, используя иноязычные имена собственные.

Таким образом, тексты косметической рекламы в рекламном дискурсе позволяют реконструировать некоторые черты речевого портрета потребителя рекламы и создавать знаковую (семиотическую) модель его картины мира. Подобная методика построения речевой модели адресата рекламы может быть адаптирована для моделирования других частных рекламных дискурсов, например рекламы продажи автомобилей или курсов иностранного языка.

Список литературы

1. Аниськина Н.В., Кольшклина Т.Б. Рекламный текст: теория и практика анализа. М.: Форум, 2013. 182 с.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Виноградов С.Н. Семантические и структурно-семантические параллели между словом и текстом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 4. С. 267–270.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
5. Ларсен А.А. Лексические средства выражения тональности текста: выпускная квалификационная работа. Н. Новгород: ННГУ, 2021. 81 с.
6. Морозов А. Функциональная специфика рекламного текста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. 4. С. 232–237.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. 960 с.
8. Селеменова О.А. Языковое смешение в креализованных текстах рекламы глянцевого журналов // Научный диалог. 2020. № 3. С. 168–182.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с. Режим доступа: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovari/10.pdf> (дата обращения 05.09.2021).
10. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 1983. 335 с.
11. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2006. 128 с.
12. Что такое таргетинг и таргетированная реклама простыми словами. Режим доступа: https://partnerkin.com/blog/articles/chto_takoe_targeting_i_targetirovannaya_reklama_prostymi_slovami (дата обращения 30.09.2021).
13. Sostav.ru Реклама – что это такое? Режим доступа: <https://www.sostav.ru/articles/2001/06/19/rec3-1906/> (дата обращения 12.05.2021).

METHODOLOGY FOR CONSTRUCTING A SPEECH MODEL OF THE ADDRESSEE OF ADVERTISING

© *S.N. Vinogradov*

The purpose of the article is to characterize the basics of speech modeling of the addressee of advertising on the material of cosmetic advertising discourse. The object of the study is cosmetic advertising discourse, the subject is the words of advertising texts that create a speech portrait and a language picture of the world of advertising recipients. The material was analyzed using a descriptive method, onomasiological

and semasiological methods, the method of discursive analysis and methods of language and speech modeling. The elements of advertising discourse are considered: the implementation of language functions of influence and modeling, advertising targeting, anthropocenters of cosmetic advertising discourse. The advertising text is considered as one of the tools of targeting, which is carried out due to the positive text tone created by the system of language and speech units. The article discusses the most active lexical means of creating a positive tone of an advertising text – foreign language words, words with evaluative meaning, epithets and metaphors. The vocabulary of the text of cosmetic advertising makes it possible to reconstruct fragments of the speech portrait of the recipients of advertising and create a semiotic model of their psychological and social characteristics and of their range of interests and cultural preferences.

Keywords: cosmetic advertising discourse, advertising targeting, speech modeling of the addressee of advertising, advertising text, vocabulary, speech portrait.

ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© Г.А. Воеводина

Цель исследования — определить содержание и характеристику терминов в языке сферы туризма для изучения РКИ. Представлено изучение процесса актуализации репрезентантов концепта в аспекте отражения контекстов употребления терминов в сфере туризма. В научных исследованиях одним из фундаментальных методов является процесс классификации терминов туризма. В основе этого процесса лежат две основные задачи: задача функционирования и задача концептуализации терминов в дискурсе туризма. В нашем материале рассматривается актуализированная лексика с признаками лексико-семантического расширения. Отражение связи языка и культуры в изучении языка сферы туризма формирует концептуальную информацию развития процесса терминологического употребления актуализированной лексики и новой лексической сочетаемости. Обоснование семантического расширения системы значений лексем-репрезентантов концепта «туризм» объясняет его содержание и характеристики в туристическом дискурсе. Установленные слова и словосочетания – как актуализированные, так и новые термины и понятия – объединены нами в группы концепта «туризм», в котором лексемы близки друг к другу по сфере употребления.

Ключевые слова: терминология, концепт, номинация, репрезентация.

Языковой аспект рассмотрения туристического дискурса приобретает особую важность для создания социально-культурной концепции, основанной на исследовании текста, созданного для сферы туризма в СМИ и рекламы туристического продукта, в котором определяется семантическое ядро культурного концепта «туризм». В этой связи представляется полезным решение выделить концептуальную информацию и установить необходимость ее учета в социально-культурной интерпретации языковых единиц, так как в курсе русского языка как иностранного одно из важнейших мест отводится изучению лексики с точки зрения расширения состава лексических групп как профессионально ограниченного использования, так и стилистически нейтральной направленности.

К основным экстралингвистическим факторам, которые оказали заметное влияние на изменение концептуальных параметров информационной стороны сетевой рекламы туризма и определили направление индустрии туризма, относятся международное сотрудничество, норма-

тивность использования названий иноязычных реалий и терминов в дискурсе туризма. Среди причин актуализации, являющейся процессом сближения способов вербализации концепта «туризм» в русском языке, выделяется очевидная общность интеграции современных реалий XXI века и социально-культурных ценностей. Например, модернизация экономики позволила иноязычному заимствованию закрепить распространение терминов в туристическом дискурсе. В сфере туризма наряду с иноязычным заимствованием доминирующую позицию заняла такая языковая подсистема, как терминологическая лексика в тексте рекламы турпродукта. Тем не менее процесс классификации терминов туризма определяет, в первую очередь, развитие подсистемы русского языка и возможность придерживаться аспекта рассмотрения современной реализации когнитивной функции языка в лексемах на денотативном уровне семантики.

Актуальность изучения процесса актуализации концепта «туризм» обусловлена семантическими преобразованиями, представленными расширением системы его значений, что позволяет отметить отражение семантических процессов в лексике, изучение которых связано с исследованием «семантики, значения языковых форм и выражений» [Кубрякова 1994: 37], активизированных в мыслительной деятельности человека.

К одной из проблем концептуального взаимодействия культуры и общества посредством сферы туризма в языке СМИ относятся отбор и формирование культурно значимой информации, репрезентируемой в языковых единицах, т.е. рассмотрения «владения коллективным знанием и языковым опытом, включая их социокультурную специфику» [Болдырев 2015: 67], формирующую понимание концептуальных характеристик в процессе мышления.

Возникшая в связи с этим необходимость включения в контекст современной русской концептуальной картины мира актуальных языковых знаков предопределила исследование специфики употребления терминов, значения отношения к социально-культурной информации в дискурсе туризма. Концептуальная типология данных языка свидетельствует, что определился новый антропоцентрический подход к изучению языка, так как именно в языке находит отражение интерпретация «культурно значимой информации» [Радбиль 2016: 53] и получает семантическую репрезентацию в способах воплощения характеристик концепта.

Для изучения специфики реализации языкового процесса актуализации необходимо также рассмотрение концептуальной информации тер-

минов, чтобы отразить современное значение антропоцентричности языка туристического дискурса и рекламы туризма и, как следствие, универсальности аксиологической характеристики концепта, являющегося способом, свойственным языку «концептуализации действительности» [Апресян 1995: 39].

Обращение к фактам языкового узуса сферы туризма позволит раскрыть значение рассматриваемых терминов, новых смыслов и номинаций современных реалий, содержание которых представлено в установленном концепте в связи с потребностями человека, т.е. имеет антропоцентрическую направленность [Жеребило 2010].

Объектом исследования являются актуализированные языковые единицы с компонентом *тур*, в том числе развившие систему значений туристские термины и новое содержание концепта «туризм».

Предмет исследования – рассмотрение процесса актуализации концепта «туризм» в туристическом дискурсе.

Теоретической базой исследования послужили труды по лексической семантике (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999] и др.), изучению дискурса и текста (Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1977]), когнитивной лингвистике (Е.С. Кубряковой), а также исследования культурного фона (Т.Б. Радбиля), туристской терминологии (И.В. Зорина и др.).

Практическая значимость исследования заключается в том, что в материале языка сферы туризма фиксируется развитие терминологии и лексической сочетаемости, а также культурных смыслов, которое является профессиональной особенностью языкового сознания, речевой деятельности и коммуникации, предопределяющей специфику универсальной составляющей дискурса туризма.

Содержание и характеристика использования терминов в сфере туризма. Для выделения типологически значимых черт терминов туристического дискурса современного русского языка рассмотрим вслед за О.В. Загоровской терминосистему туризма по каждому из критериев использования в основе когнитивного подхода к классификации терминов и вопросов «типологии туризма» [Загоровская 2016: 165]. Как показывает анализ словарных дефиниций и совокупности контекстов употребления данных единиц, в настоящее время под концептом «туризм» [Степанов 2004: 43; Зорин, Квартальнов 2003: 178] подразумевают специальные контексты, реализующие общепотребительные значения: ‘путешествие’, ‘вид спорта’, а также специальное, фиксируемое пометой «экон.», в значении

‘отрасль экономики’. Так, о широком распространении в специальном тексте и русской лингвокультуре концепта «туризм» свидетельствуют примеры из текстов туристического дискурса различной стилистической принадлежности (научно-популярных, публицистических, рекламных), послуживших материалом для общего типологического лексико-семантического анализа терминологических единиц русского языка. Были использованы также словари, специальные справочники и действующие стандарты, устанавливающие термины, применяемые в сфере туризма.

Кроме того, в процессе исследования были использованы материалы «Толкового словаря русского языка начала XXI в. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н. Складневской [Складневская 2006: 1003]. Как входящие в состав культурного концепта «туризм», в нем указаны следующие группы слов, формирующие своеобразие состава актуальной лексики: наименования реалий современного общества; слова семантических приращений в сравнении с языком-источником, в которых выделяются маркеры, связанные с актуализацией обозначаемых ими понятий. Это прежде всего касается слова *тур*, фиксированного в «Словаре туристических терминов» [Словарь туристических терминов 2021], правомерность называть которое актуализированным относительно советского времени можно вывести из стандартного определения о процессе «возвращения в активное употребление» [Касьянова 2008: 54]. Представляется возможным к словам такого типа, т.е. с семантической активацией моделей, относить слова по признаку означаемого ими: актуализированные реалии (денотативный компонент семантики). Так, терминологическое значение лексемы *тур* ‘комплекс услуг по размещению, перевозке, питанию туристов, а также услуги’ фиксируется в «Большом юридическом словаре» (далее – БЮРИДС) [БЮРИДС 2021] и Федеральном законе от 04 октября 1996 г. «Об основах туристской деятельности в РФ» [Федеральный закон... 1996].

Тематически актуализированная лексика туризма делится соответственно основным сферам жизни: например, экономической, культурной. В «ТСРЯС» мы выявили 9 имен, включенных в состав актуальной лексики, относящейся к сфере туризма: *тур*, *турагентский*, *турагентство*, *тургруппа*, *туризм*, *туриндустрия*, *туроператор*, *туроператорский*, *турофис* [Складневская 2006: 1003–1004]. Отсутствие фиксации стилистических помет у вышеуказанных слов в данном словаре, несомненно, свидетельствует об их вхождении в состав русского языка, способствующем формированию «языкового сознания» его носителей [Складневская 2006: 6].

Примеры словоупотребления были взяты из Национального корпуса русского языка, газетного подкорпуса. Выяснено, что анализируемые слова *тур*, 832; *туризм*, 241; *туроператор*, 29; *турагентство*, 19 имеют частотное вхождение и единичное – *туриндустрия*, 1 [НКРЯ 2021].

Иначе говоря, знакомство студентов с концептом «туризм» на занятиях по лексике русского языка как иностранного включает рассмотрение специфики употребления термина *туризм* в обозначенном дискурсе.

Термин «туристический дискурс» понимается нами в общепринятом значении как самостоятельный тип дискурса [ЛЭС 1998]. Мы рассматриваем не только особенности лексической сочетаемости, относящиеся к языку СМИ современного периода, в рамках туристического дискурса, поскольку в нем их использование как раз наиболее специфично, но и употребление новых терминов и понятий.

Развитие туристской терминосистемы подразумевает также проблему классификации (типологизации) терминов, «объяснения значений» [Зорин, Квартальнов 2003: 5]. Типология понимается в данной работе как совокупность классификаций. В основу типологизации терминов туризма была положена типология языковых единиц, разработанная на материале употребления в специальном тексте. Для типологизации данных терминов сферы туризма представляется важным рассмотрение номинаций соответствующих реалий, характеризующихся семантическим расширением сочетаемости в терминологической языковой системе, поскольку именно сейчас мы можем назвать общепринятый стандарт, то есть сложившуюся норму часто используемого термина *туризм* с семантикой ‘путешествия’ [БЮРИДС 2021] в активном словаре [ЛЭС 1998: 22].

Подтверждением универсальности концепта [Большой словарь... 2021] являются следующие примеры.

1. Тематическая группа актуализированных в сфере туризма терминов.

В части исследуемых слов фиксируются помимо основного значения переносные, одно из них используется в туриндустрии с терминологической целью. Например, можно отметить функционирование в туриндустрии устойчивого словосочетания *коммерческий туризм* в значении ‘ориентированный на получение прибыли, выгодный’: *коммерческий маркетинг* (ср. *коммерческие туристические сети*) [Портал...]: *Экономика Черногории очень сильно зависит от туризма* (Известия, 2021); *хорошие основы для восстановления туристического сектора* (Известия, 2021); *о быстром увеличении турпотока* (Известия, 2021).

Кроме того, вместе с известным употреблением в терминологическом значении ‘туристический журнал’, зафиксированном в «Толковом словаре русского языка» [Ушаков], актуализированным в дискурсе туризма выступает общеупотребительное значение номинации *журнал «Отдых в России»* (Известия, 2021).

2. Тематическая группа новых терминов и понятий, представленных в процессах развития лексической сочетаемости и иноязычного заимствования, отмечается в таких примерах, как: *в июле 2021 года Россия может открыться для **вакцинного туризма*** (Известия, 2021). Индустрия туризма осмысливает также реалии современного общества и фиксирует их в профессиональной и социально-экономической сфере: *Сенатор подчеркнула важность распространения **туристического кешбэка на семейный и детский отдых*** (АиФ, 2021). Вместе с тем в материале туристской рекламы отмечается обозначающая иностранную реалию лексема *каршеринг* в значении ‘краткосрочная аренда автомобиля’ (Известия, 2021).

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Рассмотренные примеры являются иллюстрациями семантического развития и случаев смысловых приращений в контекстах употребления установленных языковых единиц-терминов как репрезентантов концепта «туризм» туристического дискурса.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в изучении не только универсальности, но и национально-культурной составляющей рассмотренного концепта.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Аргументы и Факты. URL: <http://www.aif.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).
3. Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименования / Отв. ред. Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 304–357.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Болдырев Н.Н. Концептуальное взаимодействие как основа речевого общения // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. Т. 6. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 66–71.

6. Большой словарь иностранных слов русского языка. URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 20.07.2021).
7. БЮРИДС – Большой юридический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 19.07.2021).
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с. URL: https://gufo.me/dict/linguistics_zherebilo (дата обращения: 21.07.2021).
9. Загоровская О.В., Алькудах А.К.М. Динамические процессы развития лексики тематической сферы «Туризм» в русском языке новейшего периода // Известия ВГПУ. 2016. № 1(270). С. 164–168.
10. Зорин И.В., Квартальнов В.А. Энциклопедия туризма: Справочник. М.: Финансы и статистика, 2003. 368 с.
11. Известия. URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).
12. Касьянова Л.Ю. Актуализация периферийного слоя лексики в процессах обновления языковой картины мира // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4. С. 54–59.
13. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–39.
14. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/136g.html>; <http://tapemark.narod.ru/les/022d.html> (дата обращения: 20.07.2021).
15. Национальный туристический портал: «Культура России». URL: https://russia.travel/guide/?group=rostrur_culture (дата обращения: 21.06.2021).
16. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.06.2021).
17. Портал для профессионалов турбизнеса. URL: <https://proftravel.ru/> (дата обращения: 02.04.2021).
18. Радбиль Т.Б. Вопрос о «культурном фоне» некоторых моделей и категорий русского языка // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 6 (45). С. 51–56.
19. Словарь туристических терминов. URL: <https://455757.ru/tour/index.php?id=89> (дата обращения: 21.07.2021).
20. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
21. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
22. Туристская реклама. URL: <https://russia.travel/news/338649/> (дата обращения: 21.06.2021).
23. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 19.07.2021).
24. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». URL: <https://tourism.gov.ru/contents/document>.

REFLECTION OF THE SPECIFICS OF THE TERMINOLOGY USE IN THE TOURIST DISCOURSE

© *G.A. Voevodina*

The purpose of the study is to determine the content and characteristics of terms in the language of tourism for the study of RFL. The paper presents study of the process of actualization of the concept representatives in the aspect of reflecting the contexts of the use of terms in the field of tourism. In scientific research, one of the fundamental methods is the process of classifying tourism terms. This process is based on two main tasks: the task of functioning and the task of conceptualizing terms in the discourse of tourism. In our paper, the updated vocabulary with signs of lexicosemantic expansion is considered. The reflection of the connection between language and culture in the study of the language of the tourism sector forms the conceptual information of the development of the process of terminological use of updated vocabulary and new lexical compatibility. The grounding of the semantic expansion of the system of lexemes-representatives meanings of the concept «tourism» explains its content and characteristics in the tourist discourse. The established words and phrases – both updated and new terms and concepts – are combined into groups of the concept «tourism», in which the lexemes are close to each other in terms of use.

Keywords: terminology, concept, nomination, representation.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖЕЙ В ЗАУМНОЙ ДРАМЕ ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА «ЛИДАНТЮ ФАРАМ»

© *А.В. Гук*

Целью работы является исследование особенностей формирования речевых портретов персонажей заумной драмы Ильи Зданевича «ЛидантЮ фАрам». Расшифровываются «говорящие» имена героев, описывается эволюция их речевых стилей. Отдельное внимание уделяется структуре явлений драмы и особенностям графического оформления текста. Указана роль хоровых композиций и алфавитных серий в организации реплик героев. Отмечается, что Зданевич использует буквы азбуки по определенным правилам, старается не повторять элементы азбуки в заумных «словах»; отдает предпочтение определенным буквам. Доказывается, что основной конфликт в произведении – это конфликт формальных приемов организации драмы (построения стихотворного текста, хорových композиций, алфавитных серий и особенностей речи персонажей).

Ключевые слова: Ильязд, заумь, семантика, русский футуризм, языковая личность, речевой портрет.

Илья Зданевич – крупный деятель международного авангарда. В России был одним из первых, кто познакомил современников с идеями итальянского футуризма. Зданевич сотрудничал с группой Михаила Ларионова «Ослиный хвост», противостоявшей футуристам «Гилеи». После революции жил в независимой Грузии, откуда эмигрировал в 1920 году во Францию. В Париже сблизился с Дада и был активным участником последних событий этого направления.

Цикл «Аслабличья», включающий пять драм, считается основным в творчестве Зданевича [Переписка... 2019]. Драммы завершают искания заумных поэтов (А. Крученых, И. Терентьев и др.), их можно рассматривать как эпилог русского футуризма. Первое произведение цикла «Янко круль албанскай» было написано в Санкт-Петербурге в 1916 году, опубликовано в Тифлисе, как и три последующие драмы. Последнее произведение «ЛидантЮ фАрам» (далее лидантЮ) было опубликовано в Париже в 1923 году [Зданевич 2008] (цитаты из текста драмы приводятся по данному изданию).

Все драмы цикла написаны в основном на заумном языке. ЛидантЮ посвящена художнику Михаилу Васильевичу Ле-Дантю (1891–1917), другу автора. Михаил погиб при возвращении с фронта в 1917 году. Слово «фарам» (фр. phare) означает «маяк» – одно из прозвищ Владимира Маяковского. Возможно, драма посвящена и ему.

Персонажи ЛидантЮ, несмотря на заушную речь, обладают своими особенностями, проявляющимися в репликах драмы. Мы доказываем, что каждый из героев является носителем уникальных речевых характеров. Принципы классификации участников драмы на основных и второстепенных, а также особенности языковых личностей второстепенных персонажей были подробно разобраны в нашей предыдущей работе [Гик 2020]. Основные персонажи выбраны по статистическому признаку: чем больше реплик и пространнее их объем, тем важнее персонаж.

В отличие от первой драмы «Янко круль албанскай», в которой «деи» (действующие лица) названы на первой странице, в пятой драме отсутствует список героев. Их имена размещены на полях страниц произведения. Эта графическая особенность композиции страницы одновременно является и ключом к разгадке речевого поведения персонажей. В начале текста даются указания по правилам чтения (*услОвия чтЕнья*). В частности, указывается, что персонажи могут выступать одновременно, произнося одинаковые фразы, а могут одновременно произносить различные реплики. Зданевич пишет: *сагЛасна = адинАкая чтЕнья мнОгих Разам; сабОрам = рвзнарИчивая чтЕнья мнОгих РАЗам* (для удобства мы используем термин «хором»).

Обратимся к выявлению особенностей речевого поведения персонажей драмы. Таковыми являются члены хора *пърипупОфка*, *сипОфка*, *каралЁк*, *жапиндрОн*, *пърижапиндрОн*, *трупЁрды*, а также *запъридУхай*. Именно их реплики составляют большую часть текста произведения. Взаимодействие приемов, организующих эти реплики, и является сутью и основным конфликтом драмы.

Автор использует «говорящие» имена персонажей, продолжая классическую русскую традицию (ср. Бобчинский и Добчинский в комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»). Имя *пърипупОфка* является одним из самых загадочных. Среди героев есть пара с именами *жапиндрОн* и *пърижапиндрОн*. Речь второго персонажа усиливает формальные эксперименты первого – т.е. приставка *пъри-* – это, скорее всего, *сверх-*. Это же значение приставка, похоже, имеет и у имени *пърипупОфка*. Однако парного персонажа *пупОфка* в драме нет. Возможно, значимой является часть имени *пуп*. Имя можно соотнести также с цветком *пулавка*, распространенным в России и применяемым для лечения кровеносной и нервной систем человека.

ПърипупОфка, как и большинство основных персонажей, обладает речевыми особенностями, которые отражаются на способе представления реплик: специфическим графическим оформлением и семантиче-

ской структурой заумных слов. Персонаж говорит, в основном, гласными звуками. В тексте преобладают йотированные гласные (я, ю, е, ё) и и. На странице 11 драмы в его первой реплике – в 10 строках мы найдем только гласные буквы. Преобладание ю, по теории Крученых и Маяковского, означает нежность, любовь. Буква я, очевидно, характеризует речь эгоиста. Фраза *яляюЕе*, возможно, означает ‘я люблю ее’ (рис. 1).

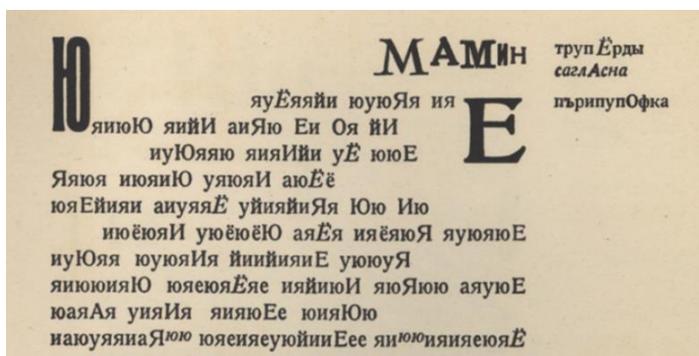

Рис. 1. Часть стр. 11 драмы лидантЮ

Речь певуча, и текст, наверняка, слабо передает ее звуковое оформление. Мы склонны думать, что драма не предназначена для воспроизведения голосом. Именно визуальный компонент текста имеет особую силу и смысл. Речь персонажа в виде набора гласных является особым приемом драмы, организующим все произведение – как и другие стиливые особенности персонажей.

Поскольку почти все основные персонажи участвуют в «хоре», мы можем довольно четко проследить динамику и эволюцию речи каждого из них. В хоре ПърипупОфка использует сначала двухбуквенные «слова» из гласных с окончанием на -я, -и, -ю, -е, -ё: *Аи, Яю* и т.п. (стр. 13, 14). Однако уже на 14 странице появляются исключения: вторыми буквами мы видим *а, э: Аа, Еэ*. На странице 17 возникают однобуквенные «слова»: *И* – что является компромиссом между требованием хора и речевой особенностью персонажа. На странице 21 мы встречаем трехбуквенные «слова», причем первичный закон нахождения мягких гласных на конце сохраняется: *аОя, юАю*. На странице 22 мы опять встречаем однобуквенное «слово» *А* – на этот раз не обусловленное требованиями хора (в предыдущем столбце мы видим решение задачи:

удовлетворить требованиям хора и остаться верным своему стилю в виде трех букв *иИи*), т.е. сам герой стал экспериментировать со своими возможностями речи.

На странице 25 ПърипупОфка вынуждена употреблять согласные – *пиА, хнИнь*. Это обусловлено требованиями хора: здесь герой, в отличие от предыдущих партий, не начинает хор, а является вторым номером, что заставляет «забыть» свои речевые особенности. Однако уже на странице 26 ПърипупОфка пытается отвоевать свой стиль, возвращаясь к двухбуквенным и трехбуквенным «словам» с мягкими гласными на конце, хотя и с употреблением согласных: *жЮ, нчЯ*. Обратим внимание, что ПърипупОфка здесь использует слабые алфавитные серии [Гик 2020], то есть ее реплики включают почти все буквы русского алфавита и не повторяются в одном слове: *букарЫфь, латУнь цыгавЕй* (стр. 51).

На странице 31 герой возвращается к зачину в хоре и любимым гласным, но появляются уже четырехбуквенные и пятибуквенные «слова»: *Яяаяя, Ааяя*.

Кульминация драмы отражена на странице 47 (Рис. 2.). Здесь перемешиваются основные приемы драмы: сложные визуальные композиции букв и хор. Один из исследователей драмы С. Сигов считает, что в этой сцене речь идет об оргии [Сигов 1991], – мы здесь видим, скорее, конфликт разнообразных формальных приемов. ПърипупОфка здесь начинает «хор» в несвойственной манере – с согласными и отсутствием мягких гласных: *Мук мОк*. Нарушение речи показывает особенность сцены, где хор усиленно взаимодействует, судя по ремаркам, с одним из героев – НипахожАй.

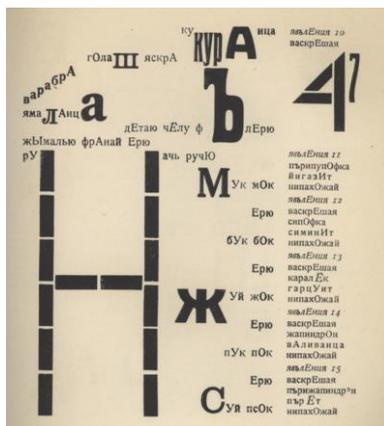

Рис. 2. Страница 47 драмы лидантЮ

На странице 48 ПърипупОфка выдает одну из самых красивых реплик драмы: *Иля Ялю...* (рис. 3). Часть фразы *Яли Юлю* имеет игровой оттенок, построена на диссонансе. Автор обильно использует слова, обогащенные шрифтовой игрой, для передачи эмоциональной составляющей текста. Назовем подобные конструкции типоэмами. Данная реплика ПърипупОфки оформлена как типоэма в форме волны, но основные речевые особенности героя здесь сохраняются – трехбуквенные «слова» и мягкие гласные на конце. Это интересная комбинация типоэмы и стиля персонажа.

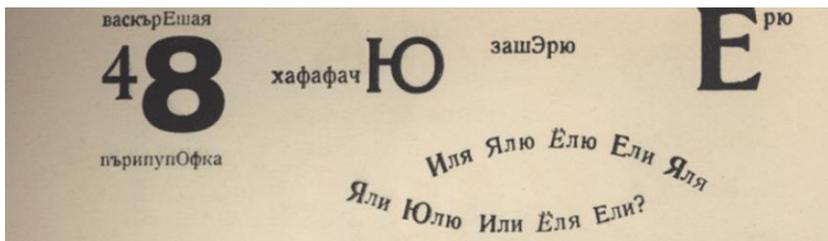

Рис. 3. Часть стр. 48 драмы

На последних страницах драмы, где герои хора с мертвыми персонажами *вОпълят*, ПърипупОфка использует однобуквенные «слова»: *Ю*, *А* и т.п., что примерно соответствует ее стилю. Однобуквенные «слова», видимо, подчеркивают торжественность эпилога драмы.

Следующим персонажем хора является СипОфка. Имя отражает речевые особенности: персонаж сипит, текст изобилует буквой *с*. Возможно, этот герой – японец, для носителей русского языка все японцы *сипят* или *сюсюкают* (рис. 4).

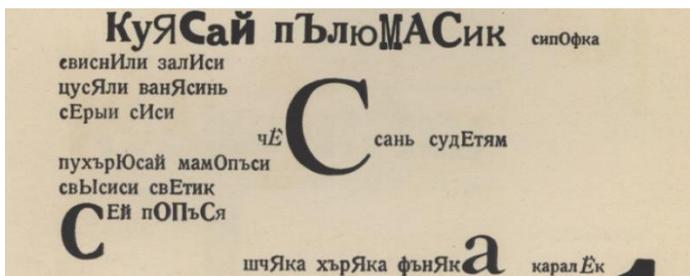

Рис. 4. Часть стр. 11 драмы

Как и ПърипупОфка, СипОфка примерно выдерживает общую структуру драмы: знакомство с персонажем и его речевыми особенностями (стр. 11) в виде обогащенных шрифтами конструкций; участие в хоре с сохранением своего стиля. Далее – вариации в стиле из-за строгих формальных правил хора; кульминация на стр. 47 и продолжительный эпилог на последних страницах с сохранением особенностей стиля. Подобную динамику стиля изложения испытывают все участники хора в драме. Тем не менее в этой структуре есть интересные особенности и исключения. СипОфка говорит довольно сильными алфавитными сериями [Гик 2020], т.е. каждое «слово» содержит максимальное количество разных букв: *Кюясай пълюмасик* (*Кюясай* (*кудасай*) – по-японски ‘пожалуйста’ (япон. て下さい)). В высказывании персонаж использует максимальное количество букв – в идеале, весь алфавит. Так, в первой своей реплике на стр. 11 в 8 строках использованы 23 буквы из 32 возможных в русском алфавите (*ц* отсутствует во всем тексте драмы). При этом в каждом «слове» использована буква *с*. Если стилем ПърипупОфки были небольшие «слова» из гласных букв с йотированными гласными на конце, то стилем СипОфки являются «слова» из алфавитных серий с буквой *с* в каждом слове.

В хоре стилевые особенности поначалу сохраняются. СипОфка обогащает зачин ПърипупОфки согласными в соответствии со своими пожеланиями. Поскольку формальные особенности этих героев не конфликтуют (у первого – правила на гласные, у второго – правила на согласные), у СипОфки получается найти компромисс в построении «слов», удовлетворяющих и хору, и своему стилю. Однако уже на странице 13 мы видим исключение – *цЭфины* – потерю буквы *с*; на странице 17 – еще одно исключение, *шЭ*, компенсированное введением нового слова в хоре в соответствии со своим стилем: *сика*.

На странице 25 представлен интересный пример взаимодействия формальных приемов. Здесь хор начинает герой ПиридВижник, причем сразу сложной алфавитной серией. Под нее вынуждена подстраиваться и ПърипупОфка, нарушая свой стиль, и СипОфка, которая в одной строке преодолевает закон хора и возвращается к своему стилю: *пшА. шА. хнИнь. снИнь // лфЯ. сфЯ. жрЯ. срЯ*. Возникающие грубые ассоциации абсолютно законны и намеренно вызываются автором-футуристом. Тем не менее буква *с* в отдельных строках полностью теряется – законы хора побеждают личностные особенности: *рзЯ.зЯ.нзЯ.зЯ* (стр. 26).

На странице 31 к зачину хора возвращается ПърипупОфка, и, соответственно, СипОфка возвращается также к своему стилю. На кульминационной странице 47 СипОфка, как и ПърипупОфка, полностью нарушает свой речевой канон под воздействием групповой сцены: *бУк*

бОк. Далее на странице 48 герой выдает большую реплику в составе типозэмы, похожую по структуре на вводную на странице 11, с полным сохранением своих характеристик (рис. 5). В эпилоге, как и ПърипупОфка, свой стиль СипОфка примерно сохраняет, хотя больше первой поддается влиянию хора.

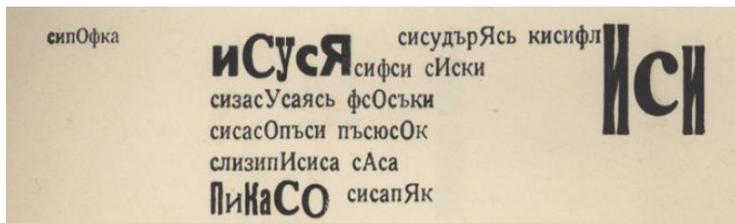

Рис. 5. Часть стр. 48 драмы лидантЮ

Персонаж КаралЁк подчиняется общей эволюции основных героев: представление героя на стр. 11 (рис. 6), участие в хоре со своими речевыми особенностями, борьба за собственный стиль с законами хора, кульминация на стр. 47 и эпилог. Формальными особенностями реплик Каралёка являются щёлк (иногда многократный) языком в конце строки (для чего автор предусмотрел отдельный символ «U») и повторение последних букв (двух-трех, иногда до пяти) «слова» с заменой при необходимости твердых гласных на мягкие: *шъчЯка хърЯка вьнЯка; арАха. ржАха. тибЯха. вьнЯха*. Подобный повтор создает впечатление «дразнилки». Персонаж – грубиян и забияка с претензией на первенство (король?). Объясняет фонетические пристрастия героя и соотнесение его имени с певчей птицей королёк, которая произносит как раз щелкающие звуки, а в ее песне слоги повторяются. Подбор букв в начале слова подчиняется законам алфавитной последовательности.

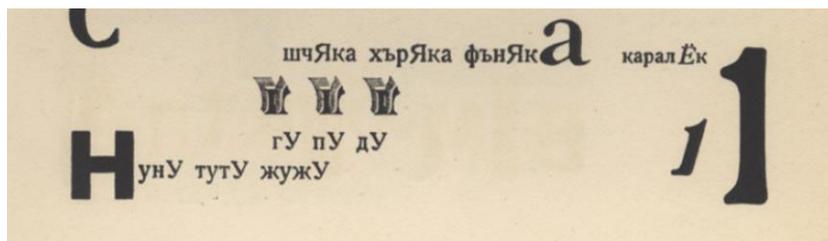

Рис. 6. Часть стр. 11 драмы лидантЮ

На стр. 14, как и у предыдущих персонажей, законы хора берут верх над индивидуальными особенностями: *юфАхить. фстАх. склунЯхить.б рАх.* На стр. 17 персонаж борется за возвращение к своему стилю: *вЕ-рик. шЭ рик. гдОпс.* И побеждает законы хора в этом стремлении: *рЫ-кам. бЫкам.* Но уже на стр. 18 звуковые законы хоры главенствуют: *хлЮл. лишАр.* Эта борьба с переменным успехом проходит до конца произведения. На стр. 47, в групповой сцене, КаралЁк подчиняется законам хора: *жУй жОк.* Далее на стр. 48 в обширной реплике герой сам нарушает свой стиль в трех строках из шести: *Южы хърюжы барады* и т.п. При этом он начинает использовать концевую рифму: *жъдЮх – здУх; барады – камбалЫ – настилЫ.* Наличие конвенциональных слов не добавляет смысла в текст, поскольку большинство «слов» реплики заумно. В эпилоге, как и предыдущие персонажи, КаралЁк соревнуется с законами хора без особого успеха.

Герой Жапиндр не обладает ярко выраженным речевым стилем. В представлении на стр. 12 (рис. 7) мы можем отметить лишь наличие довольно сильных алфавитных серий, т.е. значительного буквенного разнообразия. Там же герой употребляет рифмы: *сыськи – хмыськи; псошна – хвошна* и др. ЖапиндрОн, как и остальные персонажи, борется за свой стиль с законами хора с переменным успехом: *пиА. миА. хнИнь. вьнИнь* (стр. 25). Эту задачу ЖапиндрОн решает лучше предыдущих персонажей, поскольку алфавитные серии хорошо совмещаются с законами хора.

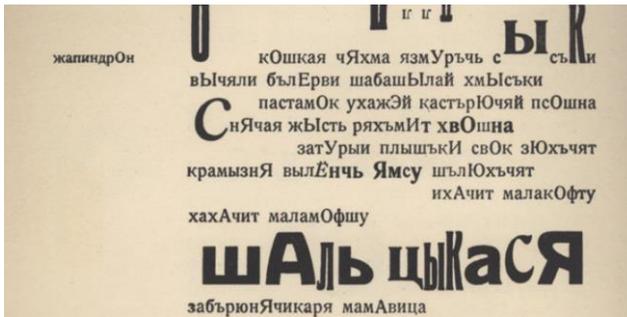

Рис. 7. Часть стр. 11 драмы лидантЮ

Герой ПържапиндрОн является радикальным воплощением ЖапиндрОна. Он также не обладает речевым стилем, помимо сильных ал-

фавитных серий. Именно ПърижапиндрОну принадлежит единственное применение авторской буквы *s* (сложной *дз*) на стр. 26. Его реплики являются вариациями реплик ЖапиндрОна, обычно в сторону усиления алфавитных серий. Например, на стр. 13 ЖапиндрОн произносит *пагАх*, а ПърижапиндрОн употребляет более сильную алфавитную серию *цызАм*. «Слова» ЖапиндрОна и ПърижапиндрОна в хоре часто составляют единую алфавитную серию: *лувънЁхи* (ЖапиндрОн) – *кавбОх* (ПърижапиндрОн) на стр. 13, т.е. ПърижапиндрОн в своих алфавитных сериях учитывает не только свой текст, но и текст ЖапиндрОна. У обоих героев в общем-то получается отстаивать свою самобытность в борьбе с законами хора.

Имя последнего героя (скорее, героев) ТрупЁрды говорящее – означает толстую, неповоротливую ленивую женщину [Фасмер 1987]. У этих персонажей маленькая, но важная роль. Они говорят *мамин* (очевидно, ‘аминь’) после реплик хора или Хазяина на страницах 11, 15, 24 и 49. На странице 49 реплика ТрупЁрды сопровождается ремаркой, что исполнение ведется хором (*сагЛасна*) и что герои *распинают васькърЕишую*, т.е. их много, и они совершают под свою реплику экзистенциальное действие распятия.

В хоре же ТрупЁрды участвуют без собственных реплик, т.е. автор указывает их в составе хора, но они не имеют своей партии. Это происходит на страницах 13, 17 и 21.

Последним главным героем является ЗапъридУхяй. Он почти не участвует в хоре, но его реплики появляются на 13 страницах текста из 53, что дает нам возможность формально включить его в состав главных персонажей.

ЗапъридУхяй – человек с запертным духом – скорее всего, священник. Особенностью речевого стиля является обильное использование авторского звука *v* (слабого подобия *ы*). Как и члены хора, ЗапъридУхяй представляется в начале драмы обширной репликой. Она начинается *лвбvmV gvcnV xvcvHV*, что можно перевести как ‘любите господа сына’. Автор, очевидно, пародирует невнятную речь низшего ранга священнослужителей при чтении молитв – «читай не так как пономарь» (А.С. Грибоедов, «Горе от ума»). Однако дальнейшая речь персонажа на стр. 10 заумна и представляет собой сильную алфавитную серию, где отсутствуют все возможные буквы драмы, т.е. все буквы алфавита за исключением *ц*, отсутствующей во всей драме – видимо, по принципиальным для автора соображениям (рис. 8).

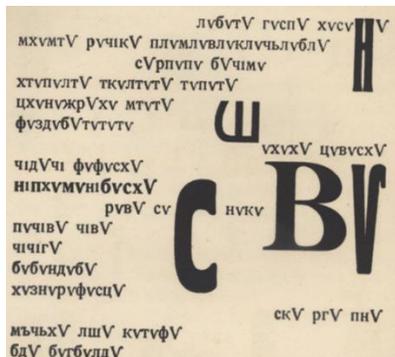

Рис. 8. Часть стр. 10 драмы лидантЮ

«Слова» в репликах ЗапъридУхья строятся по следующему алгоритму. «Слоги» состоят из одной-трех согласных (плюс иногда твердый и мягкий знаки) и буквы *v* или *i* (*u*) в качестве гласной. «Слова» имеют от одного до шести «слогов». «Слова» строятся по законам слабой алфавитной серии. Очевидно, закон алфавитной серии вступает в конфликт с невнятной речью: последняя подразумевает повторы с небольшими вариациями слогов.

На странице 16 в речи персонажа появляются нарушения алгоритма в виде согласных на конце «слов»: *злвквлплвс*. С учетом этого исключения герой сохраняет особенности своего речевого стиля до конца драмы, на него не оказывают особого влияния и законы хора. Именно ЗапъридУхью принадлежит последнее «предложение» текста драмы: *флм* – можно перевести как ‘фу ты’ со значением окончания какого-то тяжелого дела.

Мы показали, что основные персонажи драмы Лидантю обладают собственным речевым стилем, выстраиваемым по достаточно простым формальным правилам. Эти стили эволюционируют как по внутренним законам, так и под воздействием структурных приемов драмы (хор) или определенных экзистенциальных сцен (групповая сцена на стр. 47). Взаимодействие различных формальных приемов – речевых особенностей персонажей, хора, алфавитных серий – составляет основной конфликт драмы и служит выражению смысла произведения.

Список литературы

1. Переписка В.Ф. Маркова и Д.И. Чижевского // Владимир Федорович Марков: первооткрыватель и романтик. К 50-летию издания книги «Russian Futurism: A History». Материалы и исследования / Сост. А.В. Крусанов, Н.Г. Фиртич. СПб.: Изд-во Общества «Аполлон», 2019. С. 95–223.
2. Зданевич И.М. (Ильязд). лидантЮ фАрам // Зданевич И.М. Философия футуриста: Романы и заумные драмы / Предисл. Р. Гейро, С. Кудрявцева; сост. и общ. ред. С. Кудрявцева. М.: Гилея, 2008. С. 621–679.
3. Гик А.В. Авторские стратегии формирования языковой личности в заумной драме Ильи Зданевича «ЛидантЮ фарам» // Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков в современном мире. Авторские стратегии». М.: МГУ, 2020. С. 9–16.
4. Сигов С. Онолатрическая мистерия Ильи Зданевича // Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре под редакцией Луиджи Магаротто, Марцио Марцадури, Даниэлы Рицци. – Peter Lang: Bern, Berlin, Frankfurt/M., New York, Paris, Wien, 1991. P. 209–221.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах / Пер. с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. Т. IV. М: Прогресс, 1987. 864 с.

THE FEATURES OF THE LINGUISTIC PERSONALITY FORMATION IN THE MAIN CHARACTERS OF THE DRAMA BY ILYA ZDANEVICH «LIDANTYU FARAM»

© A. V. Gik

The aim of the work is to study the peculiarities of the formation of a linguistic personality in Ilya Zdanevich's *zaum* drama "LidantYufaram" using the example of the main characters. The "speaking" names of the characters are deciphered. The evolution of speech styles of characters is described. The role of choral compositions and alphabetic series as a formal device is indicated. It is noted that Zdanevich uses the alphabet letters according to certain rules, tries not to repeat the alphabet elements in *zaum* "words", prefers certain letters. It is proved that the main conflict in a work is a conflict of formal techniques (constructing a poetic text, choral compositions, alphabet series and features of the characters' speech).

Keywords: Iliazd, zaum, semantics, Avant-garde, Russian Futurism, linguistic personality.

**АКТИВНЫЕ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ
ОККАЗИОНАЛИЗМОВ
В ПОЭЗИИ ВОЛГОГРАДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
(на материале произведений Т.М. Батуриной)**

© *О.А. Горбань*
© *А.А. Лагутина*

Цель работы – выявить наиболее продуктивные модели образования индивидуально-авторских слов в стихотворениях Т. Батуриной из поэтических сборников 2018–2021 гг. Используются методы словообразовательного и контекстуального анализа окказионализмов. Под окказионализмами понимаются слова, созданные как по регулярным, так и по индивидуальным моделям, не зафиксированные в словарях русского языка. Установлено, что неузуальная лексика представлена существительными, прилагательными, глаголами, наречиями, образованными путем аффиксации и сложения, из них преобладают суффиксальные и составные имена существительные. Большинство авторских образований создано по продуктивным моделям и может рассматриваться в качестве потенциальных слов, однако такие единицы часто характеризуются индивидуальными семантическими нюансами. Окказионализмы выполняют номинативную, выразительную, оценочную, стилистическую функции. Использование «нестандартных» моделей и формантов может быть продиктовано также задачами стихосложения – создания ритма, рифмы, звукописи.

Ключевые слова: русский язык, словообразование, окказионализм, язык поэзии, Т. Батурина.

Внимание современной лингвистики к языковым процессам последних десятилетий, отражающим пути развития русского языка в новой социальной действительности и раскрывающим его номинативный и выразительный потенциал, обусловило особый интерес к вопросам словообразования. Исследование не только общеупотребительных, но и авторских единиц позволяет определить значимые системные отношения, выявить новые возможности «словообразовательного механизма в соотношении с реализацией этих возможностей в узуальной и окказиональной лексике» [Улуханов 1996: 4], раскрыть актуальные механизмы его дальнейшего развития, а также проявление отдельной языковой личности как субъекта, не только пользующегося языком, но и «творящего» его.

Сказанное обусловило обращение к изучению словообразовательных особенностей речи волгоградских писателей, отражающей закономерности русского литературного языка, тенденции в речи региона,

индивидуальные особенности. В этом отношении интересна художественная речь волгоградской писательницы Т.М. Батуриной, характеризующаяся активным словотворчеством (см.: [Горбань 2009; Лагутина 2021]). В статье представлены наблюдения над поэтическими текстами из сборников «Аквармарин», «Взмах» и «Привычка возвращения весны: веяния и странствия». Под окказионализмами здесь понимаются авторские образования, созданные как по узуальным, продуктивным, так и по единичным моделям, в том числе с использованием «нестандартных» формантов, не отмеченные в словарях русского языка.

Неузуальные производные слова, имеющие одну производящую основу, в большинстве своем образованы по регулярным моделям и могут быть рассмотрены в качестве потенциальных слов, хотя в ряде случаев они характеризуются семантическими нюансами, в которых проявляется авторское осмысление языковых единиц. Часто Т. Батурина сама в подстрочных примечаниях дает толкования окказионализмов (*солево* – это «то, в чем много соли» [Батурина 2019: 80]; *гуделы* – «с гулом гудящие ветра» [Батурина 2019: 157] и др.).

В числе авторских образований отмечены имена существительные, глаголы, прилагательные, наречия, созданные способом сложения, аффиксальными и смешанным способами.

Среди новообразований преобладают суффиксальные и сложные имена существительные, отмечены также приставочные и конфиксальные производные. Например, суффиксальные отглагольные: *марканье* [Батурина 2018: 141], *гуделы* [Батурина 2019: 157]; отсубстантивные: *нитицы*, *дняки*, *льдень* [Батурина 2019: 24, 126, 145], *огородовка*, *ветроветовка* [Батурина 2021: 19]; отадъективные: *родимость (державы)*, *раскоска (овражная)*, *разноцветовка* [Батурина 2021: 7, 15, 19]; конфиксальные отсубстантивные: *порадки* [Батурина 2019: 43]; с нулевым суффиксом и десуффиксацией отглагольные: (*навлинья*) *распернь* [Батурина 2019: 145], *прозрь (сердечная)*, *взрыды* [Батурина 2021: 8, 20]; отсубстантивные: *завитушь* [Батурина 2019: 140]; отадъективные: *юнь* [Батурина 2021: 19]; сложные и суффиксально-сложные: *светодуновение*, *стоцветник*, *всеутайка*, *белозорник* [Батурина 2018: 36, 146, 160, 174], *поэзострочки*, *благорадный* [Батурина 2021: 34, 48]. К составным именам, один из компонентов которых является окказиональным аффиксальным образованием, относятся: *слова-изворотни*, *судьба-заживика* [Батурина 2018: 59, 189], *вестень-книга*, *чайка-кричайка*, *свах-ходочиха*, *ветвика-грустника*, *состранница-сума* [Батурина 2019: 12, 41, 99, 126, 192] и др.; некоторые из них по сути являются словосочета-

ниями с приложением, однако в контекстах они воспринимаются как целостные единицы, поэтому их можно рассматривать как слова.

Другие части речи представлены следующими образованиями:

– прилагательные суффиксальные: *гнилушный, подлесковый (хмель), червчатый (пень)* [Батурина 2019: 154, 153, 155], *древностная (Москва)* [Батурина 2021: 11]; префиксальные: *прасветный* [Батурина 2021: 35]; сложные: *святоясная, терноглазая, разнолепотные* [Батурина 2018: 17, 47, 74], *детоносный (живот)* [Батурина 2021: 33];

– наречия: *коленопреклонно, юродиво-нелепо* [Батурина 2018: 36, 63];

– глаголы: префиксальные: *совоссияет* [Батурина 2019: 34]; суффиксальные отсубстантивные: *июнит* [Батурина 2019: 69]; конфиксальные отсубстантивные: *удомить, удоить, обузить* [Батурина 2019: 66, 66, 155], *изгласится (гласом)* [Батурина 2021: 7], отглагольные: *обсиялось* [Батурина 2019: 161].

Из авторских образований, созданных по регулярным моделям, в качестве примера можно привести слова с приставкой *пра-*: *Древен идольский набег – / Русь вовек жива, / Коль сумела приналечь / Против смерти на прамеч – / На Господню речь / Праземель, правод / Прадедов – и вот / Праведно молюсь: / «Ты прасветна, Русь!»* [Батурина 2021: 35]. В подстрочном примечании автор со ссылкой на словарь В.И. Даля поясняет значение приставки *пра-*: «родство или связь в дальнем восходящем или нисходящем – предков, потомков» [Батурина 2021: 35]. В стихотворении выделенные производные означают не людей по родственным связям (кроме узуального *прадед*), а неодушевленные предметы, являющиеся первопричиной, предвестниками, предшественниками других вещей, явлений, – *прамеч* ‘исконное оружие предков и родной земли’, *праземли* и *праводы* ‘исконные земли и воды родины’. Приставка достаточно регулярна и продуктивна в образовании научных терминов со значением «первоначальности, исконности по отношению к тому, что названо мотивирующим именем существительным» [Ефремова 1996: 396]. В этом ряду выделяется прилагательное *прасветный* – авторское производное от авторского же (несуществующего) **прасвет* ‘предшественник, источник света (= ‘света’ или ‘мира, вселенной’)’.

Остановимся на некоторых случаях образования и использования окказионализмов, обусловленного не только реализацией словообразовательных моделей, но и собственно поэтическими задачами, задачами стихосложения. Например, прилагательное *ладостный* в выражении *Летописный ладостный атлас* [Батурина 2018: 25] возводится к производящему **ладость*, которое в свою очередь образовано от *лад* ‘поря-

док, слаженность’; соответственно, *ладостный* можно понимать как ‘обладающий слаженностью, гармоничностью’. Прилагательное не только созвучно со словами *сладостный, радостный*, но и выражает, подобно им, положительную оценку. Слово выполняет характеризующую функцию, передает авторское отношение, а также создает определенный звуковой ряд с ритмическим чередованием звуков *л*, *ла*, *с*, *т*.

Одна строфа может содержать несколько авторских новообразований, например: *Румянились нежность и юнь / На родимой земле-разноцветовке, / Огородовке и ветроветовке, / Где певучий кузнечик-июнь / Возглашал мирозданность Бекетовки!* [Батурина 2021: 19]. Здесь мы видим существительные *юнь* (образовано от прилагательного *юный* по продуктивной модели при помощи нулевого суффикса и обозначающее отвлеченный признак), *мирозданность* (от **мирозданный*), а также *разноцветовка* (как элемент дефисного комплекса), *огородовка*, *ветроветовка* с общим элементом *-овк(а)*. Образование последних трех слов можно охарактеризовать следующим образом:

– *разноцветовка* – от прилагательного *разноцветный* по высокопродуктивной модели при помощи морфа *-овк(а)*, с отсутствием финали *-н-*; значение – ‘носитель признака, обозначенного мотивирующим словом’ [Русская грамматика 1980: 172];

– *огородовка* – от прилагательного *огородный* (‘огородная земля’) по той же модели или от существительного *огород* (‘земля с огородами, полная огородов’), но уже по окказиональной модели;

– *ветроветовка* – от сложного существительного *ветровей* со второй отглагольной основой (*веять*), словообразовательное значение можно определить как ‘носитель процессуального признака, названного мотивирующим глаголом’, но глаголом в составе словосочетания, являющегося производящей базой для сложного слова (‘земля, где веют ветры’); модель можно считать окказиональной; мы бы ожидали здесь слово *ветровейка*, однако используется морф *-овк(а)* с появлением элемента *-т-*, такое образование продиктовано, скорее всего, рифмой со словом *Бекетовка* – наименованием описываемой местности (от фамилии владельца *Бекетов*).

Из составных единиц интерес вызывают такие, как *судьба-заживика* [Батурина 2018: 189], *чайка-кричайка*, *ветвика-грустника* [Батурина 2019: 41, 126] и другие.

Существительное *ветвика* (*Не напрасно ветвика-грустника / Красный угол в избе обжила* [Батурина 2019: 126]) образовано от *ветвистый* (с усечением *-ист-*) или *ветвь* при помощи суффикса *-ик-*, второй ком-

понент – от прилагательного *грустный* также при помощи суффикса *-ик-* по модели, которая часто используется в названиях ягодных растений (*водяника, голубика, дурника, костяника*) [Ефремова 1996: 183]. Ветвика-грустника, возможно, ветвистая ягода со вкусом грусти; слово в контексте может служить метафорой тоски, скорби, печали, не зря она в красном углу, где стоят иконы, а значит, молятся, возможно, об утраченном. Та же модель – в слове *заживика* (*судьба-заживика*, т.е. судьба, заживляющая раны сквозь время). Эти слова придают поэтической речи Т. Батуриной народно-разговорный характер.

В сочетании *чайка-кричайка* компонент *кричайка* произведен от глагола *кричать*, суффикс *-[j]к-* указывает на имя существительное, характеризующее предмет по действию, названному мотивирующим глаголом, то есть *кричайка* – ‘чайка, которая кричит, кричащая, голосистая’. Однако по модели должно быть *кричалка*, но автор использует *кричайка* для созвучия со словом *чайка*.

Таким образом, индивидуально-авторские образования в стихотворениях Т.М. Батуриной представляют собой в большинстве случаев реализации регулярных и продуктивных словообразовательных моделей. Материал показал тяготение писательницы к сложным производным, дающим возможность в одном слове выразить многообразие и единство свойств одного предмета. Отступления автора от узуальных моделей проявляются в их семантической интерпретации, в актуализации утраченных мотивационных связей (*взрыды, обузить*) и реже – в использовании нестандартных формантов; они могут быть обусловлены задачами стихосложения (созвучия, рифмы). С точки зрения стилистической большинство авторских образований относится к группе нейтральных; используются также единицы, тяготеющие к книжным стилям (*совоссияет, святоясная, светодуновение*) и характеризующиеся народно-разговорной окраской (*ходочиха, дняки, грустника*). Все это способствует точному выражению мысли, проявлению писательской индивидуальности, созданию образности и выразительности поэтического текста.

Список литературы

1. Батурина Т.М. Аквармарин: стихи о Любви. Волгоград: Издатель, 2018. 240 с.
2. Батурина Т.М. Взмах. Былое и дали в поэмах и стихотворениях. Волгоград: Издатель, 2019. 200 с.
3. Батурина Т.М. Привычка возвращения весны: веяния и странствия. Волгоград: ГКУ ВО ЦИМТО, 2021. 192 с.

4. Горбань О.А. Реализация словообразовательных моделей в языке современной публицистики (На материале произведений волгоградских писателей) // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы III Республ. науч. семинара, Саратов, 18–21 ноября 2009 г. Саратов: Наука, 2009. С. 34–44.
5. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 638 с.
6. Лагутина А.А. Словообразовательные и стилистические особенности окказиональных имен существительных в поэтическом сборнике Т. Батуриной «Акварин» // Материалы Науч. сессии, Волгоград, 19–23 апреля 2021 г.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Филология и журналистика. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. С. 288–292.
7. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
8. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Б. и., 1996. 221 с.

**ACTIVE MODELS OF THE FORMATION OF OCCASIONALISMS
IN THE VOLGOGRAD WRITERS POETRY
(based on the works by T.M. Baturina)**

© *O.A. Gorban*

© *A.A. Lagutina*

The purpose of the work is to identify the most productive models of the formation of individual author's words in T. Baturina's poems from poetry collections 2018–2021. The methods of word-formation and contextual analysis of the occasionalisms are used. Occasional words are words created both according to regular and individual models, not recorded in the dictionaries of the Russian language. It is discovered that occasional words are represented by nouns, adjectives, verbs, adverbs formed by affixation and composition, of which suffixal and compound nouns predominate. Most of the author's formations are created according to productive models and can be considered as potential words, but they are often characterized by individual semantic nuances. Occasionalisms perform nominative, expressive, evaluative, stylistic functions. The use of "non-standard" models and formants can be dictated by the tasks of versification – creating rhythm, rhyme, consonance.

Keywords: Russian language, word formation, occasionalism, language of poetry, T. Baturina.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕРЕФЕРЕНТНЫХ УПОТРЕБЛЕНИЙ РУССКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

© *И.Ю. Гранева*

Обсуждаются промежуточные итоги очередного этапа комплексного описания русских личных местоимений в коммуникативно-прагматическом аспекте. Цель исследования – охарактеризовать роль русских личных местоимений *Я, Ты, Мы, Вы* как компонентов фразеологизованных устойчивых конструкций в выражении ценностей, присущих русской языковой картине мира. Используются методика референциального анализа типа употреблений русских личных местоимений и методика комплексной лингвокультурологической интерпретации «языка ценностей» в русской речи. Материалом исследования являются языковые данные основных русских толковых словарей и текстовые данные Национального корпуса русского языка. Показано, что русские личные местоимения *Я, Мы, Ты* и *Вы* как компоненты устойчивых и нечленимых сочетаний фразеологизованного типа участвуют в выражении целого комплекса национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью мира своих, круга «наших» и его противопоставленности «чужим». Делается вывод, что данные местоимения в составе фразеологизмов отражают важную для «русского мира» идею о приоритете задушевного и неформального, неофициального модуса общения между людьми над коммуникацией, регламентированной официальными, статусными ролями говорящих.

Ключевые слова: русские личные местоимения 1 и 2 лица, референциальный анализ местоимений, типы употребления местоимений, фразеологизмы с местоименными компонентами, языковое выражение ценностей.

В работе освещаются промежуточные итоги очередного этапа предпринятого нами комплексного описания русских личных местоимений в коммуникативно-прагматическом аспекте. Цель исследования – охарактеризовать роль русских личных местоимений *Я, Ты, Мы, Вы* как компонентов фразеологизованных устойчивых конструкций в выражении ценностей, присущих русской языковой картине мира. В работе использованы методика референциального анализа типа употреблений русских личных местоимений [Падучева 1985; Бюлер 1993], методика логического анализа «языка ценностей» [Радбиль 2011] и методика комплексной лингвокультурологической интерпретации «языка культуры» в русской речи [Вежицкая 1997; Радбиль 2016; Радбиль 2017]. Материалом исследования являются языковые данные основных русских толковых и

фразеологических словарей [ФСРЯ 1968; БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СУ 1996; РСС 1998; СЕ 2000; СО 2000] и текстовые данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Суть используемого нами коммуникативно-прагматического подхода заключается в описании типов референтных употреблений личных местоимений, которые определяются исходя из разных возможностей личных местоимений указывать (или не указывать) на непосредственных участников коммуникации. В частности, выделяются первичные референтные употребления, которые указывают на участника коммуникации, предполагаемого грамматическим значением лица и числа местоимения; вторичные референтные употребления, которые указывают на участника коммуникации, для выражения которого в норме присуще местоимение другого лица и/или числа; нереперентные употребления, которые вообще не указывают на участников коммуникации, а их дейктическая функция переходит в номинативную.

Изначально в самих личных местоимениях уже заложена возможность их «номинативизации», т.е. перехода от дейктической функции к номинативной, о чем свидетельствует еще К. Бюлер [Бюлер 1993]. В наших работах мы подробно рассмотрели языковые механизмы лексикализации личных местоимений в их вторичных, не-дейктических функциях. В центре настоящего исследования – обсуждение возможностей личных местоимений в нереперентных употреблениях выражать ключевые идеи языковой картины мира, значимые для этноса ценности.

Еще в работах Н.Ю. Шведовой указывается, что в классе местоимений «сосредоточены и абстрагированы понятия (смыслы, «идеи») живого и неживого, личности и неличности, движения, его начала и завершения, предельности и неопредельности, частного и общего, количества, признака сущностного и приписываемого, собственности и несобственности, совокупности и раздельности, совместности и несовместности, элементарных и в то же время главных связей и зависимостей» [Шведова 1998: 8]. В частности, личные местоимения воплощают разные грани персональности – категории повышенной культурной значимости для любого естественного языка.

В наших предыдущих исследованиях мы обосновали саму возможность изучать культурный и ценностный потенциал личных местоимений в разных условиях их речевой реализации, в том числе во фразеологизмах [Гранева 2008; Гранева 2017]. В частности, мы показали, что, входя в состав устойчивых выражений языка, личные местоимения утрачивают свою исходную дейктическую функцию указывать на

участников коммуникации и приобретают возможность выражать номинативную и/или экспрессивную семантику: «Перед нами – своего рода дальнейший этап лексикализации, так называемая идиоматизация, или фразеологизация, при которой местоимение не только утрачивает дейктическую функцию, но вообще перестает быть самостоятельной лексической единицей, становясь выразителем особого типа значения – фразеологического, которое по природе своей отличается экспрессивно-оценочным потенциалом и повышенной способностью выражать культурно значимые смыслы» [Гранева 2017: 76]. Фразеологизация определенных выражений способствует закреплению и культурной ретрансляции образов, положенных в основу фразеологизма, делает эти выражения значимыми для этноса языковыми моделями воплощения ключевых идей и ценностей. Ниже мы покажем роль местоимений *Я*, *Ты*, *Мы*, *Вы* как компонентов фразеологизованных устойчивых конструкций в выражении ценностей.

Так, например, фразеологизмы на базе *Я* служат средством языкового воплощения значимого для русских людей комплекса ценностно-окрашенных смыслов, которые связаны с особенной маркированностью, отмеченностью, выделенностью мира говорящего, его оценочной позиции в отношении к окружающей действительности.

Широко распространены в русской разговорной речи выражения *у меня* и *ко мне*, которые «употребляются в значении какого-либо места, где говорящий живет, работает и т.п.» [БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СУ 1996; РСС 1998; СО 2000]. Посредством употребления этих выражений говорящий не просто передает нейтральную мысль о том, что он где-то живет и работает. Говорящий как бы «присваивает» себе некое пространство, как бы задает пределы, границы своего пространства по какому-либо значимому для него параметру. Об этом свидетельствуют и примеры из НКРЯ: *Завтра у меня гости, надо их потешить – напиши мне на шпаргалке несколько анекдотов* (НКРЯ – Евгений Весник. Дарю, что помню, 1997); – *Я не могла понять, в чём дело, – говорит Марина Андреевна, – но после шока вспомнила, что Федирко приходила ко мне утром того же дня и просила дать документы – медицинскую карту, полис и свидетельство о рождении Лоры* (НКРЯ – Константин Арский. «Метровые» дети // Вечерняя Москва, 16.05.2002).

Дальнейшее развитие идеи значимости своего мира, своих ценностей приводит к тому, что выражение *у меня* вообще может употребляться в функции эмоционально-экспрессивной частицы, выражая самые разнообразные чувства говорящего: 'Выражает предупреждение,

предостережение, угрозу и т.п.’ [БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; РСС 1998]: *Ты у меня, миленький, вверх тормашками полетишь!* (НКРЯ – Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве, 1994).

Разговорное выражение *по мне* в значении ‘по моему мнению, на мой взгляд, на мой вкус’ [БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; РСС 1998; СО 2000] также указывает на обозначение говорящим своих ценностных приоритетов в какой-либо значимой для него сфере: *Но это дольше и дороже. По мне так оба варианта проходят. А если он вдруг решит быть лучшим в городе плотником-только руку пожму* (НКРЯ – Наши дети: Подростки, 2004).

Причем любопытно, что выражение *по мне* обозначает не только то, что что-то подходит, пригодно для говорящего, ему по вкусу, так сказать, в нематериальной сфере, но и указывает на физическую пригодность, совместимость чего-либо для говорящего – в значении ‘по моему размеру, росту’ [РСС 1998]: *Полушубок был как раз по мне, шинеленку я скатал и ее, хлипкую, завернул еще и в брезент* (НКРЯ – Анатолий Азольский. Диверсант // Новый Мир, 2002).

Отметим также, что как для «духовного», так и для «физического» типа употребления выражения *по мне* имеются антонимы – *не по мне*: ‘(1) Не по моему характеру, вкусу; (2) Не по моему размеру, росту’ [РСС 1998]: (1) *Но туда я не пойду и никогда туда не шла, потому что просить – это не по мне, я придерживаюсь других принципов, прямо противоположных* (НКРЯ – Г.С. Зеленина. Куриная Слепота и ее обительницы // Волга, 2014); (2) – *Нет, ребята! Эта кровать не по мне – мала. Но полежать можно* (НКРЯ – Алексей Иванов. За рекой, за речкой, 1982).

Еще одно выражение с *НЕ* отражает сожаление говорящего по поводу того, что нечто по тем или иным причинам не попадает в его сферу, т.е. ценностное несоответствие ожиданиям говорящего. Это выражение *не про меня* в значении: ‘мне этого не получить, это хорошо, но не для меня’ [РСС 1998]: *Значит, ни деньги, ни секс, ни власть – эти три кита – не про меня* (НКРЯ – Михаил Козаков. Актерская книга, 1978–1995).

Уже на этой стадии анализа мы можем видеть в столь семантически разных выражениях некую общую установку говорящего на выражение той или иной степени **личной вовлеченности в ситуацию**. Это проявление так называемой «установки на эмпатию», которая в научной литературе признается одной из важных доминант именно русской языковой картины мира ([Вежбицкая 1997] и др.).

Примечательны в этом плане словарные толкования целого кластера выражений с «застывшей» лексикализованной падежной формой *мне* – (*Ох*) *уж этот (это, эти) мне кто-, что-либо* ‘употребляется для выражения досады, опасения и т.п. **при личной заинтересованности** в чем-либо говорящего’ [БАС 1950–1965; РСС 1998]: *Безумец думал, конечно, что он один лишь такой... – ох уж эта мне слепота!* (НКРЯ – А.А. Поступинский. Бог № 264 // Волга, 2013).

Вводно-модальное употребление фразеологизованных конструкций с *Я* может подчеркивать идею альтернативного существования: *Не я буду ...* [СЕ 2000] – или ментальную деятельность – модус утверждения собственной правоты: *Я думаю!*

Выражение разнообразных интенциональных состояний говорящего может сопровождаться различными эмоционально-экспрессивными реакциями, как правило, с негативной оценкой. Это можно видеть на примере следующих фразеологизмов с *Я*:

(1) негативное эмоциональное восприятие нежелательной ситуации, «отстройка от ситуации», т.е. выражение сожаления – *Без меня меня женили* ‘В мое отсутствие, без моего ведома предприняли что-либо в отношении меня, вовлекли меня во что-либо’ [ФСРЯ 1968; БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СУ 1996; РСС 1998]: *Нас никто не просил с ними ознакомиться. Это называется «без меня меня женили»* (НКРЯ – Глеб Столяров. «Без нас ничего не сделают» // Дело (Самара), 24.08.2002);

(2) выражение угрозы как строгого предупреждения – *Вот я тебя (его, ее, вас. их)!* ‘Употребляется при угрозе’ [БАС 1950–1965; ФСРЯ 1968; МАС 1981–1984; РСС 1998; СО 2000]: – *Иди, поливай колесо хозяйского ниссана! Вот я тебя веткой-то...* (НКРЯ – Михаил Бару. Записки понаехавшего, 2010);

(3) выражение угрозы как обещания возмездия, наказания – *Я тебе (те, ему, ей, вам, им) / я тебя (его, ее, вас, их)* ‘Выражает угрозу, обещание возмездия, наказания’ [БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СУ 1996; РСС 1998; СО 2000]: – *Да я тебе... – Виктор Ильич замахнулся, но по пьяни не рассчитал удар – ткнул кулаком в плечо Екатерины Андреевны* (НКРЯ – Маша Трауб. Нам выходить на следующей, 2011);

(4) выражение замечания – *Я тебе (те) дам!* ‘окрик или замечание (иногда с повторением слов собеседника)’ [БАС 1950–1965; ФСРЯ 1968; МАС 1981–1984; СУ 1996; РСС 1998]: *Нынче к вечеру такую красоту привезли! Новенькая – я те дам... Венера Милосская по сравнению с ней – так: инвалидка безрукая* (НКРЯ – В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // Москва, 2004, № 11, 12).

Указанные примеры еще раз свидетельствуют о том, что местоимение *Я* в русских фразеологизмах выступает как естественный центр мира: именно это и отражается в рассмотренных примерах выражения сильного неприятия, негативного эмоционально-экспрессивного отношения ко всему, что идет вразрез с установками говорящего. Схожий тип ценностных реакций отражают и местоимения *ТЫ*, *МЫ*, *ВЫ* в составе фразеологизованных конструкций.

Во фразеологизмах с местоимением *ТЫ* отражена такая черта «русского мира ценностей», которая связана с установкой на повышенную эмоциональность общения, на душевность, не предпочтение неформальности и неофициальности коммуникации, на эмпатию по отношению к другому. Не случайно именно местоимение *ТЫ* выступает мерилом перехода к высокой степени неформальности отношений в фразеологизмах: *Быть, переходить* и т.п. *на ты с кем-либо, говорить ты кому-либо* [ФСРЯ 1968; БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СО 2000]. Эту же культурную ценность «русского мира» выражает устойчивое выражение *Выпить, пить на ты с кем-либо* в значении ‘закрепить дружбу, добрые отношения особым застольным обрядом, после которого обращаются друг к другу на «ты»; то же, что выпить, пить и т.п. на брудершафт’ [ФСРЯ 1968].

Для фразеологизованных конструкций с местоимением *ТЫ* тенденция к эмпатии проявляется также в особых неформальных формах обращения к людям, с которыми говорящий находится в душевной близости: *сударь ты мой, дорогой ты мой* и т.п. *ТЫ* также широко присутствует в разного рода междометийных конструкциях с неопределенным эмоционально-экспрессивным значением: *Ах/хх ты!* – восклицание, выражающее удивление, испуг, радость и т.п. Ср. также фразеологизованную конструкцию *ни тебе..., ни тебе ... (Ни тебе побезжать, ни тебе поползти)*, которая употребляется для усиления в предложениях, имеющих противопоставление, или в отрицательных предложениях [ФСРЯ 1968; БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СО 2000]. Во всех этих случаях эксплуатируется так называемое «обобщенно-личное» *ТЫ*, которое маркирует расширение позиции адресата до неопределенно большого круга людей, включая и говорящего, как *Я*.

С другой стороны, местоимение *ТЫ* естественным образом участвует в создании негативно-оценочных фразеологизмов, порождая фамильярно-пренебрежительные, грубые и инвективные обороты. В просторечии косвенные формы *ТЫ* часто выступают в роли частицы в фразеологизованных конструкциях типа *Я тебе поговорю!*, которые употребля-

ются для выражения досады, разочарования, угрозы и т.п. Аналогично – междометные употребления: *Вот тебе (те) (и) на!* – удивление чему-то неожиданному; *Вот тебе!* – злорадство и пр.; *На тебе!* – негативная реакция на кого-/что-л.; *Ну тебя!* – восклицание, обозначающее ‘отстань, отстаньте’ [СЕ 2000]. В этих случаях эксплуатируются так называемые «панибратские», или фамильярные, употребления *ТЫ* (и *ТВОЙ*), служащие для понижения статуса собеседника в целях нанесения ему коммуникативного вреда, т.е. в целях речевой агрессии – оскорбительной инвективы: *Иди ты на...*; ритуальных форм божбы (клятвы): *Вот те крест!* – или проклятий: *Чтоб тебя разорвало...* (или сокращенное – *Чтоб тебя...*); *Чтоб тебе (те) пусто (было)!* [СЕ 2000].

Местоимение *МЫ* для русского мира вообще обладает повышенной культурной значимостью, потому что выражает идею «своего круга», общности людей и их единения на основе духовной близости. Это также отражено и во фразеологизмах с местоимением *МЫ*. Косвенная предложно-падежная форма от *МЫ* выражает значимую для русских идею объединения людей по общности духа или по другим существенно важным признакам. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т.п.’ [БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СО 2000]. Примечательным в плане выражения ценностей является многозначное устойчивое выражение *между нами* [БАС 1950–1965; МАС 1981–1984; СО 2000]: как наречие, оно употребляется в значении ‘в определенной среде, в узком кругу людей’; во вводном слове в сокращенном варианте или в полном (*между нами говоря*) оно употребляется при упоминании о чем-либо, что должно остаться известным лишь очень узкому кругу лиц; и наконец, как предикатив – употребляется, когда речь идет о сохранности чего-л. в тайне. Нетрудно заметить, что образный потенциал *МЫ* как носителя идеи общности людей по культурно значимому признаку для выражения этих значений используется неслучайно.

Также *МЫ* в составе фразеологизмов отражает определенную коммуникативную установку на возвеличивание значимости говорящего за счет принижения собеседника, когда *МЫ* употребляется, согласно нашей терминологии, во вторичном референтом употреблении в значении ‘Я’ (Я как один человек условно равен по значимости многим). Эта установка проявляется в таких фразеологизованных моделях устойчивых сочетаний, как *Знаем мы вас* и пр.

Фразеологические единицы, в состав которых входит местоимение *ВЫ*, по особенностям выражаемой ими культурной информации в известном смысле противопоставлены фразеологизмам с *МЫ*. Об этом

свидетельствуют, например, образуемые с помощью этих местоимений оппозиции типа *у вас – у нас*. Эти фразеологизмы выражают своего рода «отстройку» от чужих ценностей и предпочтений, т.е. ostranenie и снижение ценностей другой, противопоставленной группы (аутгруппы, в терминологии социальной психологии) как частный случай общей архетипической аксиологической оппозиции СВОЕ – ЧУЖОЕ.

Для фразеологизмов с *ВЫ* на это указывают модели фразеологизованных конструкций с формой *у вас* или *к вам* в значении 'в вашем доме, кругу, мире' / 'в ваш дом, круг, мир' (вспомним знаменитое детское стихотворение, обыгрывающее это противопоставление: *А у нас в квартире газ. А у вас?*). Восприятие мира других как чужого и враждебного выражено также в фразеологизме *иду на вы*, восходящем к известной из истории фразе князя Святослава, обращенной к врагам.

Фразеологические единицы, в состав которых входит местоимение *ВЫ*, по особенностям выражаемой ими культурной информации противопоставлены фразеологизмам с *ТЫ*. Здесь в основу противопоставления положен уже другой признак – наличие дистанции в коммуникации, официализация общения. Для фразеологизмов с *ВЫ* это выражается в противопоставлении таких фразеологизмов, как *говорить вы кому-либо – говорить ты кому-либо, быть на вы – быть на ты*.

В целом отметим, что проанализированный материал отвечает всем критериям **культурной разработанности** [Вежибцкая 1997] как одного из базовых параметров для оценки культурной значимости идеи, концепта, представления, выражаемых в фактах языка. О культурной разработанности идей и представлений, выражаемых фразеологизмами с местоимениями *Я, МЫ, ТЫ* и *ВЫ* свидетельствуют, в частности, наличие разветвленных моделей парадигматического варьирования, в котором участвует, так сказать, весь (или – почти весь) «набор» местоимений: *находиться у меня (у тебя, у нас, у вас) / приходиться ко мне (к тебе, к нам, к вам)* и пр.

Мы можем заключить, что русские личные местоимения *Я, МЫ, ТЫ* и *ВЫ* как компоненты устойчивых и нечленимых сочетаний фразеологизованного типа участвует в выражении целого комплекса национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с особой выделенностью мира своих, круга «наших» и его противопоставленности «чужим». Кроме того, данные местоимения в составе фразеологизмов отражают важную для «русского мира» идею о приоритете душевного и неформального, неофициального модуса общения между людьми над регламентированной официальными, статусными ролями говорящих коммуникацией.

Список литературы

1. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / Пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной, А.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
3. Гранева И.Ю. О референтном и нереферентном употреблении местоимения *мы* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 206–210.
4. Гранева И.Ю. О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов // Научный диалог. 2017. № 12. С. 74–87.
5. СЕ – Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 3-х т. М.: Русский язык, 2000.
6. СО – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 272 с.
8. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 569–573.
9. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
10. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
11. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 4-х т. / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. I. 804 с.
12. МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
13. БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
14. СУ – Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996.
15. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская Энциклопедия, 1968. 543 с.
16. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

ON EVALUATIVE POTENTIALITY OF NON-REFERENCE USAGES OF THE RUSSIAN PERSONAL PRONOUNS

© *I.Yu. Granyeva*

The paper discusses the intermediate results of the next stage of the undertaken comprehensive description of Russian personal pronouns in the communicative-pragmatic aspect. The aim of the study is to characterize the role of Russian personal pronouns *YA, TY, MY, VY (I, YOU, WE)* as components of phraseological units in expressing the values inherent in the Russian language picture of the world. The paper uses the method of referential analysis of the type of usages of Russian personal pronouns and the method of complex linguo-cultural interpretation of the "language of values" in Russian speech. The material of the research is the language data of the main Russian explanatory dictionaries and the text data of the Russian National Corpus. It is shown that Russian personal pronouns *YA, TY, MY, VY (I, YOU, WE)*, as components of stable and indivisible combinations of phraseologized type, participate in the expression of a whole complex of nationally determined cultural and value meanings associated with the special emphasis on the world of our own, the circle of "ours" and its opposition to "other". It is concluded that these pronouns in phraseological units reflect an important for the "Russian world" idea of the priority of a sincere and informal, unofficial mode of communication between people over communication regulated by the official, status roles of speakers.

Keywords: Russian 1st and 2nd person pronouns, referential analysis of pronouns, types of pronoun usages, phraseological units with pronoun components, language expression of values.

ОБОСНОВАНИЕ СИНОНИМИИ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (по материалам «Словаря русского языка XXI века»)¹

© М.А. Грачкова

Рассматриваются особенности синонимов-терминов в толковом «Словаре русского языка XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской, который отличается от других толковых словарей более подробной разработкой словарной статьи, а также широким включением в словник разговорной речи и большого массива терминологии. Основное внимание уделяется анализу возможных источников возникновения синонимов в терминологии, таких как заимствования, варьирование формы, существование полного и краткого вариантов, официального и разговорного термина и др. На основе исследования терминологических синонимов выделяется ряд характерных для них отличительных черт, а также обосновывается идея о том, что терминологической лексике так же, как и общеупотребительной, присущи отношения синонимии.

Ключевые слова: синонимия, терминология, современный русский язык, лексикография, абсолютные синонимы.

Синонимия является одним из ведущих типов семантических отношений в лексической системе языка. Ее сущность состоит в семантическом сходстве, то есть в совпадении базовых компонентов значений слов. Несмотря на существование большого числа исследований, посвященных этой теме, «проблема синонимии – одна из вечных проблем лингвистической семантики, не получающих общепринятого решения» [Никитин 2007: 393]. У лингвистов до сих пор нет единства взглядов в отношении определения синонимов, их выделения и классификации, границ синонимического ряда и т.п. В общеупотребительной лексике проблема синонимии рассматривается в положительном аспекте: «синонимы используются для придания речи красочности и являются одним из наиболее выразительных средств стилистической реализации текста» [Гринев-Гриневиц 2008: 103]. Однако в сфере специальной, терминологической, лексики некоторые исследователи, напротив, считают синонимию явлением негативным, нарушающим структурную

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований» (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складневской).

целостность терминосистемы, затрудняющим ее функционирование, овладение терминологией [Толикина 1970]. Тем не менее синонимы-термины прочно вошли в лексическую систему современного русского языка, и в настоящей статье мы рассмотрим подробнее пути их появления на примере толкового «Словаря русского языка XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской (далее – «Словаря»), работа над которым ведется в Лаборатории компьютерной лексикографии Института прикладной русистики РГПУ им. А.И. Герцена.

Отличительной особенностью «Словаря» является сочетание «огромного объема с подробной разработкой словарной статьи» [Складневская и др. 2019: 137]. Его словник тяготеет к тезаурусу. «Словарь» широко показывает не только общеупотребительную лексику, но и разговорную речь, а также язык науки, ядром которого и является терминологическая лексика. В «Словаре» отражаются как основополагающие термины научных дисциплин (таких, как физика, химия, биология, геология и др.), так и слова, вышедшие за пределы профессионального употребления в общий язык, что объясняется активными процессами, происходящими в современном русском языке: с одной стороны, «интеллектуализацией» языка, то есть проникновением в язык терминологической лексики и широким ее использованием, а с другой – «детерминологизацией» и «метафоризацией» специальной лексики [Ваулина 2015].

Другой важной особенностью «Словаря» является то, что в нем широко показываются семантические связи и корреляции (синонимы и антонимы), поэтому в нем нашло отражение и большое количество терминологических синонимических пар/рядов, не представленных в других толковых словарях, фиксирующих только самые общеизвестные термины.

Представленные в «Словаре» на данном этапе работы синонимические пары/ряды терминологического характера составляют около 30% от общего числа всех синонимических пар/рядов «Словаря». Все они относятся к разнообразным областям науки: анатомии, биологии, физиологии, ботанике, математике, физике, информатике, экономике, геологии, психологии, философии, лингвистике и др. – и снабжены специальными пометами: *Анат.*, *Биол.*, *Физиол.*, *Бот.*, *Матем.*, *Физ.*, *Информ.*, *Экон.*, *Геол.*, *Психол.*, *Филос.*, *Лингв.* соответственно.

Абсолютные синонимы, не обнаруживающие никаких семантических различий, соотносятся между собой в «Словаре» с помощью знака «=», то есть слово, имеющее идентичное значение и стилистическую помету, истолковывается через лексический дублет с графическим зна-

ком равенства. При этом соответствующий синоним приводится после описательного толкования опорного слова за точкой с запятой:

лингв’истика, и, ж. [франц. linguistique, нем. Linguistik < лат. lingua язык]

Наука о языке, исследующая закономерности его структуры, функционирования и развития; языковедение. *Сопоставительная л. Гендерная л. Компьютерная л. Сборник статей по лингвистике.* <...>

языкозн’ание, я, ср.

1. = Лингвистика. *Сравнительно-историческое я. Институт языковедения. Кафедра теоретического языковедения. Вопросы общего и русского языковедения. Публикации по языковедению.* <...>

Именно к этому типу синонимов многие ученые и относят синонимы-термины, как обладающие признаком стилистической нейтральности и не имеющие отличных друг от друга оттенков значения. Рассмотрим подробнее некоторые характерные особенности данных синонимических пар/рядов.

Прежде всего при детальном изучении обширного материала «Словаря» было установлено, что такие синонимы зачастую являются заимствованными словами и имеют различную этимологию. Сравним, например, термины *гирудотерапия* и *бделлотерапия*, имеющие происхождение из латинского и греческого языков соответственно:

гирудотерап’ия <те> и <тэ>, и, ж. [< лат. hirudo пиявка + терапия]

Мед. Лечение и профилактика заболеваний, основанные на применении пиявок; бделлотерапия. *Г. в стоматологии. Г. при сердечно-сосудистых заболеваниях. Центр гирудотерапии.*

бделлотерап’ия <те> и <тэ>, и, ж. [< греч. bdella пиявка + терапия]

Мед. = Гирудотерапия. *Методы бделлотерапии. Лечение артритов, артрозов, бронхолегочных заболеваний, гематом, абсцессов, невралгий при помощи бделлотерапии.*

Приведем еще несколько примеров подобного рода:

абл’аут и **абл’яут**, а, м. [нем. Ablaut]

Лингв. Чередование гласных внутри одной морфемы, часто выступающее в качестве внутренней флексии; апофония. *Индоевропейский а. восходит к ранней стадии развития праязыка.* <...>

апофон’ия, и, ж. [франц. apophonie < греч. apo от + phōnē звук]

Лингв. = Аблаут. *А. преобразует глагол в личной форме в определенное при существительном. Нулевая а.* (отсутствие чередования).

интрадерм’альный, ая, ое. [интра... + греч. derma кожа]

Мед. = Внутрикожный (2 зн.). *Родинка интрадермального типа может появиться на любом участке кожи лица и тела.* <...>

интракут'анный, ая, ое. [интра... + лат. cutaneus кожный < cutis кожа]

Мед. = Внутрикожный (2 зн.). *И. способ прививки от оспы.* <...>

внутрик'ожный, ая, ое.

2. Мед. Связанный с толщиной кожи; производимый, осуществляемый в толще кожи, вводимый в толщу кожи; локализующийся, развивающийся, происходящий в толще кожи (1 зн.); внутридермальный; интрадермальный; интракутанный. *В. способ вакцинации.*

В последнем примере мы видим, что наряду с заимствованными прилагательными *интрадермальный*, *интракутанный* вследствие немотивированности лексических единиц и возможных фонетических трудностей языка-донора в русском языке возникает прилагательное *внутрикожный*. Следует отметить тот факт, что процент синонимичных терминов, возникающих по этой причине, может сильно различаться для терминологий в разных языках [Лату 2011: 85].

Среди абсолютных синонимов-терминов отмечается также тенденция к подчинению принципу языковой экономии. Так, например, в «Словаре» зафиксировано немало терминов, имеющих синонимы, более лаконичные по своей форме. Ср.:

видеоэзофагогастродуоденоскоп'ия <дэ>, и, жс.

Мед. = Видеогастроскопия. *Плановая диагностическая в.* <...>

видеогастроскоп'ия, и, жс.

Мед. Гастроскопия, проводимая с помощью видеогастроскопа; видимая с помощью видеоэзофагогастродуоденоскопии. *В. двенадцатиперстной кишки, желудка.* <...>

вегетат'ивный, ая, ое. <...>

4. Мед. <...> Δ Вегетативный невроз (заболевание, развивающееся вследствие нарушения функций вегетативной нервной системы; вегетоневроз; вегетоз; вегетопатия).

вегет'оз, а, м.

Мед. = Вегетативный невроз. *Симптоматика вегетозов.* <...>

вегетоневр'оз, а, м.

Мед. = Вегетативный невроз. *Выделяют два типа вегетоневроза: гипертонический и гипотонический.* <...>

вегетоп'атия, и, жс. [вегет(ативный) + ...патия]

Мед. = Вегетативный невроз.

К абсолютным синонимам отнесены в «Словаре» и словообразовательные варианты, составляющие немалую часть терминологических синонимов, например, *абиотичный* – *абиотический*, *биквадратичный* –

биквадратический, бензольный – бензоловый, векториальный – векторный и др.

В противоположность абсолютным выделяют относительные синонимы, различающиеся оттенками значения, экспрессивной окрашенностью или сферой употребления. Что касается относительной синонимии в области терминологии, то в данном случае следует отметить тот факт, что достаточно большое количество терминов вошло в нашу разговорную речь и активно используется носителями языка в повседневной жизни. В «Словаре» данное явление отражено при помощи пометы *Разг.* после тематической пометы. Приведем некоторые примеры:

ультрафиол'ет, а, м.

Физ. Разг. Ультрафиолетовое излучение. *Действие ультрафиолета. Поражение глаза ультрафиолетом. Спектроскопия ультрафиолета.*

излуч'ение, я, ср.

1. *Физ.* <...> Δ Ультрафиолетовое излучение (невидимое глазом электромагнитное излучение, располагающееся в спектре между фиолетовыми и рентгеновскими лучами, отличающееся сильным химическим и биологическим действием и вызывающее у многих веществ фотоэффект, люминесценцию).

ветр'янка, и, мн. род. нок, ж.

Мед. Разг. Ветряная оспа. *В. распространяется воздушно-капельным путем.* <...>

ветрян'ой², 'ая, 'ос.

<...> Δ Ветряная оспа *Мед.* (острое вирусное заболевание, характеризующееся лихорадочным состоянием и наличием характерной сыпи в виде мелких красноватых пузырьков).

грудн'ица, ы, ж.

Мед. Разг. Мастит. *Двусторонняя г. Возникновение грудницы после родов.*

маст'ит, а, м. [греч. *mastos* грудь, сосок]

Мед. Воспаление молочной железы. *Послеродовой м.*

Представленные выше примеры одновременного заимствования двух равнозначных терминов или заимствования термина с последующим появлением семантического дублета на родном языке, существования полного и краткого вариантов, варьирования формы термина, существования официального и разговорного терминов дают возможность наметить основные пути возникновения терминологических синонимов, служащих для научного определения понятия, точного выражения мысли.

Обширный материал «Словаря» может быть использован для дальнейшего изучения не только синонимии в терминологии, но и процессов, происходящих в языке: включение в «Словарь» большого объема терминов, в том числе и терминов-синонимов, свидетельствует о сближении современного общеупотребительного языка с языком науки, а также о детерминологизации научной и профессиональной лексики, происходящих под влиянием СМИ и интернет-ресурсов. Материал «Словаря» также может послужить базой для дальнейшего составления словарей синонимов и словарей терминов, восполнения пробелов в уже существующих словарях.

Краткий анализ синонимов-терминов, зафиксированных в «Словаре», позволяет говорить о том, что языку науки явление синонимии так же свойственно, как и общеупотребительному языку, однако синонимы-термины имеют ряд отличительных черт. Так, терминологической лексике более свойственны однокорневые синонимы, образованные аффиксальным способом, нежели разнокорневые, а также синонимы, возникшие в результате заимствования.

Список литературы

1. Ваулина Е.Ю. Терминологическая лексика в толковом словаре: «интеллектуализация» или «детерминологизация» современного русского языка // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 2-1. С. 233–236.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
3. Лату Н.М. Когнитивные аспекты образования синонимии в терминологии (на примере англоязычной и русскоязычной терминологии программирования) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). С. 84–86.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с.
5. Складаревская Г.Н., Ткачева И.О., Сергеев М.Л. и др. Словарь русского языка XXI века. Проект словаря // Журнал прикладной лингвистики и лексикографии. 2019. Т. 1 № 1. С. 136–311.
6. Толикина Е.И. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 57–67.

**JUSTIFICATION OF TERMINOLOGICAL SYNONYMY
IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE
(based on «Russian dictionary of the 21ST century»)**

© *M.A. Grachkova*

The author considers some specialties of terminological synonyms in “The dictionary of Russian language in the 21st century” under the editorship of G. N. Sklyarevskaya. The main distinguishing features of «The dictionary» are the detailed dictionary entries and wide inclusion of conversational language and terminology in the vocabulary including terminological synonyms. Much attention is given to the analysis of potential origins of terminological synonyms such as borrowings, form variation, full and short variants, official and colloquial terms, etc. During the analysis of the terminological synonyms the author distinguishes their special features and substantiate the idea that in the terminological language there are also synonym relations as well as in common usage.

Keywords: synonymy, terminology, modern Russian language, lexicography, absolute synonyms.

**ПАРШИВАЯ ОВЦА И ГНИЛОЕ ЯБЛОКО:
ИМЕННЫЕ ГРУППЫ ПОСЛОВИЦ
КАК ОТДЕЛЬНЫЕ ИДИОМЫ
(на материале русского и английского языков)¹**

© П.С. Дронов

Рассматриваются воспроизводимость идиом и возникновение идиом на основе именных групп пословиц. Исследуются две идиомы, основанные на пословицах: *Одна паршивая овца все стадо портит* и *The bad apple spoils the whole <entire> barrel <bushel; bunch> / The rotten apple injures its neighbour* (букв. 'Гнилое яблоко всю бочку / весь мешок / всю кучу портит; Гнилое яблоко портит соседнее'). Рассматриваются особенности их значения, связь с исходными пословицами, а также прецедентными текстами. Делается вывод о том, что фразеологизм существует в единстве исходной (или основной) формы и разнообразии вариантов и модификаций, которые способны влиять на развитие знака, менять его основную форму, производить на основе одного фразеологизма новые самостоятельные единицы.

Ключевые слова: идиомы, пословицы, воспроизводимость, варьирование.

Воспроизводимость – одна из основных характеристик фразеологизмов. Прежде всего она проявляется в употреблении фразеологизма в готовом виде, т.е. фразеологизм не создается каждый раз заново, а воспроизводится с закрепленными за этим знаком планом выражения и планом содержания. Воспроизводимости фразеологизмов не противоречат ни возможность варьирования, ни возможность трансформации и модификации, ни появление на их основе новых единиц. В данной работе рассматриваются значение и употребление идиом, возникших на базе именных компонентов пословиц, а также рефлексия говорящих по поводу их употребления.

Материалом для исследования стали два устойчивых словосочетания: рус. *паршивая овца* и англ. *bad/rotten apple*. Оба в основе своей являются именными компонентами пословиц с близкой структурой и общим значением, которое можно сформулировать так: 'отрицательные черты или особенности поведения одного представителя какого-либо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00239а «Паремии в пространстве современных американских массмедиа».

множества распространяются на остальных представителей этого множества'. Ср. рус. *Одна паршивая/лихая овца все стадо портит* (у М.И. Михельсона также приводится полный синоним: *Одна сапаная лошадь всѣхъ оспанатитъ* [Михельсон 1912: 564]), англ. *The bad apple spoils the whole barrel/bushel/bunch* (букв. 'Плохое/гнилое яблоко портит всю бочку / весь мешок / всю кучу') с вариантом *The rotten apple injures its neighbour* (букв. 'Гнилое яблоко ранит ближайшее к нему'). Аналогичные пословицы есть и в других языках, как древних, так и современных: лат. *Grex totus in agris unius scabie cadit* 'Все стадо в поле от парши одной [овцы] гибнет'; фр. *Brebis galeuse gâte le troupeau* (значение и структура те же, что у русской пословицы); нем. *Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an* (то же); *Ein faules Ei verdirbt den ganzen Brei* (букв. 'Гнилое яйцо портит всю кашу'); *Potum compunctum cito corrumpit sibi junctum* 'Гнилое яблоко быстро портит ближайшее к себе'.

Образ в основе пословиц понятен и очевиден: распространение отрицательных явлений (например, социальных язв) осмысливается как передача гнили и плесени с одного яблока на другое. Возможны синтаксические трансформации идиомы, основанные на развитии и «дотраивании» образа в основе пословицы с дальнейшим расширением компонентного состава. При этом возможно устранение – например, расширение компонентного состава, основанное на развитии образа пословицы (1a, 1b), конверсивные преобразования (1c, 1d) – фактически, *sneak rotten apples into the barrel* и *toss out a few bad apples* образуют конверсивную пару.

(1) **a.** *Не все, конечно, были такие обаятельные и родные в коммуналке – без паршивой овцы стада не бывает* (Нонна Мордюкова. Казачка, 2005 – НКРЯ). **b.** *Попадется паршивая овца в стаде, всем жизнь испортит!* (Анатолий Приставкин. Радиостанция «Тамара», 1994 – НКРЯ). **c.** *Everyone assumes that his own family is doing a good job? but is someone else sneaking rotten apples into the barrel? Will the next generation be strong enough to protect and nurture this one in its dotage?* 'Все полагают, что их семьи поступают правильно – но неужели кто-то другой «тайком подкладывает в мешок гнилые яблоки»? Хватит ли следующему поколению сил, чтобы защищать и поддерживать нынешнее, когда оно впадет в маразм?' (2012; MAG; NewStatesman – СОСА). **d.** *A number of us have sent kids off to Arcadia... myself included. But it must be done for the good of this community. And people, let us not forget... that we've saved plenty more than we've lost. Plenty more! And if we have to toss out a few bad apples... I say it's worth it* 'Некоторые из нас отправили

детей в Аркадию... и я в их числе. Но это необходимо ради блага нашей общины. Люди, давайте не будем забывать... что сохранили мы куда больше, чем потеряли. Гораздо больше! А если надо «выбросить несколько гнилых яблок»... Скажу так: оно того стоит» (1959; TV/MOV; The Twilight Zone – СОНА).

Те же самые именные компоненты встречаются и в других устойчивых выражениях, ср. русскую поговорку *С паршивой овцы хоть шерсти клок* ‘хоть что-нибудь’ [Михельсон 1912: 863] (в словаре М.И. Михельсона дается в иной форме: *Съ лихой овцы (бѣшеной собаки) хоть шерсти клокъ*), английский прецедентный текст *Small choice in rotten apples* [Oxford Proverbs 2015: 456] (цитата из «Укрощения строптивой» Шекспира: *Faith, as you say, there’s small choice in rotten apples* ‘Конечно, вы правы: меж гнилыми яблоками выбор не велик’ [пер. М. Кузмина]). Ср.:

(2) **а.** – *Так хоть бы продажный был!* – заорала теща. – **С паршивой овцы хоть шерсти клок.** – Да, – мечтательно сказал Игорь, – *продаться бы... Марья Степановна, мы же с вами интеллигентные люди, — сделал он еще одну попытку* (Маша Трауб. Не вся la vie, 2008 – НКРЯ). **б.** *Однако кто-то из дольщиков все же решил взять деньгами — с паршивой овцы...* (Афера Ивана Дудника или Как в Барнауле в одну квартиру пытались поселить шесть семей // Строительство, 26.05.2003 – НКРЯ). **с.** *Early in December 1800, the Convention of Mortefontaine, ending hostilities between the United States and France, was presented to the senate by President Adams. In a letter to Hamilton on December 18, Gunn described the convention as «detestable. The independence of our country humbled to the dust». The Georgia senator went on to tell Hamilton that if, as current rumor had it, both Jefferson and Burr received seventy-three votes in the electoral college, it was «probable that the federalists will have to choose among rotten apples»* ‘В начале декабря 1800 г. президент Адамс показал сенату Мортefonтенскую конвенцию о прекращении боевых действий между США и Францией. В письме Гамильтону от 18 декабря Ганн описывал конвенцию как «мерзость. Независимость нашей страны унижена и втоптана в прах». Далее сенатор от Джорджии сообщил Гамильтону, что, если Джефферсон и Бёрр, по слухам, получили в коллегии выборщиков семьдесят три голоса, то «вероятно, что федералистам придется выбирать меж гнилыми яблоками» (2010; ACAD; GeorgiaHisQ – СОСА).

Во всех этих поговорках именные группы осмысляются одинаково, как отрицательно оцениваемые элементы какого-то множества (людей,

предметов или явлений). Этим объясняется, что именные группы данных пословиц употребляются отдельно, ср.:

(3) **а.** *Они загоняли ее в стойло, как отбившуюся от стада паршивую овцу, они как будто говорили ей, что она живет не так, как должна, что ей уже тридцать с лишним лет, а у нее нет мужа и даже нет одного постоянного мужчины и ее дети живут у бабушки, а она по-прежнему порхает как девочка, не понимая, что это смешно и время влюбляться и выбирать ушло* (Алексей Варламов. Сплав // Новый Мир, 1999 – НКРЯ). **б.** *Бирмингемские мусульмане утверждают, что нельзя по нескольким паршивым овцам судить обо всем стаде* (Алексей Куприянов. Путешествие в Аль-Бирмингем // lenta.ru, 30.03.2017 – НКРЯ) **с.** *«В каждой европейской системе есть механизмы, которые гонят паршивых овец из профессии», — сказал он* (Польша поспорила с Европой о праве «гнать паршивых овец» из судов // lenta.ru, 04.04.2019 – НКРЯ).

У русского словосочетания *паршивая овца* сохраняется связь с пословицей <Одна> *паршивая овца все стадо портит*. Оно сближается с английской идиомой *bad/rotten apple* – именной группой пословицы *The rotten apple injures its neighbour*. Во фразеологическом словаре издательства «Коллинз» эта идиома получает такое толкование: «If you refer to someone as a **bad apple** or as a **rotten apple**, you mean that they are very dishonest, immoral, or unpleasant, and that they have a bad influence on the people around them» [Collins COBUILD 1997: 8] ‘Если вы именуете кого-то плохим яблоком или гнилым яблоком, вы хотите сказать, что это человек бесчестный, аморальный или неприятный и что этот человек дурно влияет на окружающих’.

То, что эти две идиомы являются эквивалентами, хорошо видно по примерам, приведенным ниже, особенно по (4b) и (4c).

(4) **а.** *Кроме того, пруденциальный надзор, возможно, привлечет к нему новых клиентов: СРО будут выводить из своего состава «паршивых овец» – организации, которые не будут соответствовать новым стандартам, — уверен г-н Сосков* (Екатерина Метелица. Пенсионный рынок ответит за себя сам // РБК Дейли, 22.07.2013 – НКРЯ). **б.** *Но даже при этом никто не говорит, что из-за отдельных «паршивых овец», нарушивших закон, надо упразднить всю полицию* (Майкл Бом. США как мировой жандарм — необходимое «зло» // Московский комсомолец, 17.05.2017 – НКРЯ). **с.** *«I don't believe that all policemen are bad,» Maxson said. «You always have a rotten apple here and there in every bunch»* ‘Я не считаю всех полицейских плохими, — сказал Максон,

— В любой куче яблок то тут, то там всегда найдется гнилое' (2017; NEWS; Chicago Sun-Times – COCA).

Близость значения идиомы *bad/rotten apple* к значению исходной поговорки в последнее время приводит к их появлению в одном контексте в рамках полемики. Прежде всего, это касается такой социальной проблемы, как полицейский произвол, в особенности после убийства Джорджа Флойда в мае 2020 г. — подробнее об употреблении данных поговорок и идиомы см. [Дронов 2021].

Заметим, что *паршивая овца* и *bad/rotten apple* являются эквивалентами не во всех случаях. Русская идиома может употребляться тогда, когда речь идет о ком-то или чем-то, отличающемся от других и подвергающемся дискриминации. Иначе говоря, она используется в том же значении, что русская идиома *белая ворона*, лат. *rara avis* 'редкая птица', англ. *black sheep <in the family>*, нем. *das schwarze Schaf <in der Familie>*, серб. и хорв. *crna ovca <u porodici/obitelji>* (букв. 'черная овца <в семье>') и т.д. Заметим, что ниже, в примерах (5c, 5d), идиома *паршивая овца* употреблена вместе со своими синонимами. Кроме того, в (5d) форма идиомы меняется под влиянием англ. *black sheep <in the family>*.

(5) **а.** *Визит в пространство коллективных снов должен был укрепить его союз с человечеством – и отразить это в метадаме. Но Кеши чувствовал легкую нервозность даже во сне. Он называл такое чувство «синдромом паршивой овцы»* (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам, 2014 – НКРЯ). **б.** *Возможно, старший оперуполномоченный этой спецслужбы, некто Владимир Низинский, оказался просто паршивой овцой в стаде образованных сыщиков* (Елизавета Козырева. Дамская охота, 2001 – НКРЯ). **с.** *В «Катушке синих ниток» она задавалась вопросом, что такое быть белой вороной, паршивой овцой, единственным из всех «невыросшим» ребенком в семье, где у всех взросление идет более или менее так, как принято в обществе: получил образование, нашел работу, создал семью, родил детей, возможно, развелся, но не обязательно* (Наталья Кочеткова. Дайкон и порядок // lenta.ru, 19.10.2017 – НКРЯ). **д.** *«Чужой среди своих», «паршивая овца в родном стаде» – вот как это называется* (Валерий Сердюченко. Чужие среди своих // Интернет-альманах «Лебедь», 04.01.2004 – НКРЯ).

Любопытно, что в Национальном корпусе фиксируется 2 примера употребления кальки с *black sheep* – черная овца:

(6) **а.** *Чтобы это выяснить, работнику поручают реально выполняемую работу, которую надо сделать к определенному сроку. Если к сро-*

ку готово только 10 процентов от нужного, надо дать задание другого плана. Может быть, тогда работник раскроется полностью. Если этого не произошло на второй и третий раз – это **черная овца**. Начальник от нее избавляется (Волки и овцы, или Что о вас «думает» начальник // Амурский Меридиан, 22.12.2004 – НКРЯ). **б. Колотушка от большого барабана выбила слезу. Искусство должно быть расчетливым. Но не более корыстным, чем духовой оркестр «на жмуре».** Однако же траурные марши с их медленным темпом и минорным ладом – лишь **черные овцы** в жизнерадостном стаде своих бодрых родичей – маршей триумфальных, парадных, походных, встречных и настоящих строевых (Борис Кац, Омри Ронен. Марш // Звезда, 2003 – НКРЯ).

Итак, мы рассмотрели две идиомы, возникшие на основе именных групп пословиц. Словосочетания *паршивая овца* и *bad/rotten apple* сохраняют связь со значениями исходных паремий и частично эквивалентны друг другу в значении ‘кто-л., способный оказать дурное влияние на окружающих’. Здесь происходит «сгущение мысли» (по А.А. Потембне) всей пословицы в ее именной группе. В то же время *паршивая овца* во втором своем значении является синонимом идиомы *белая ворона*.

Как можно увидеть, фразеологизм существует в единстве исходной (или основной) формы и разнообразии вариантов и модификаций, которые способны влиять на развитие знака, менять его основную форму, производить на основе одного фразеологизма новые самостоятельные единицы.

Список литературы

1. Дронов П.С. *A few bad apples*: употребление одной пословицы и производной от нее идиомы в американском варианте английского языка // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2021. № 2 (15). С. 114–123. DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-114-123.
2. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб.: Типография Акц. Общ. «Брокгауз и Ефрон», 1912. 1149 с.
3. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.09.2021).
4. COCA – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://english-corpora.org/coca> (дата обращения: 16.09.2021).
5. COHA – Corpus of Historical American English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://english-corpora.org/coha> (дата обращения: 16.09.2021).

6. Collins COBUILD — Collins COBUILD Dictionary of Idioms. London: HarperCollins *Publishers*, 1997.

7. The Free Dictionary [Internet]. "bad apple spoils the whole barrel". Farlex Dictionary of Idioms, Farlex, Inc, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://idioms.thefreedictionary.com/bad+apple+spoils+the+whole+barrel> (дата обращения 10.06.2021).

8. Oxford Proverbs 2015 – Speake J. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2015. 416 p.

**SCABBY SHEEP (*PARSHIVAYA OVTSA*)
AND ROTTEN APPLE (*GNILOE YABLOKO*):
NOMINAL PROVERB GROUPS AS SEPARATE IDIOMS
(on the material of the Russian and English languages)**

© *P.S. Dronov*

The paper deals with the reproducibility of idioms, as well as evolution of idioms from nominal parts of proverbs. Being a case study of two idiom derivatives of two proverbs, namely the Russian *Одна паршивая овца все стадо портит* (lit. 'One scabby sheep spoils the whole herd') and the English *The bad apple spoils the whole <entire> barrel <bushel; bunch>* / *The rotten apple injures its neighbour*, the paper analyses their actual use, peculiarities of their plane of content, and their connection to the original proverbs. The study shows that the idiom exists as a unity of the original form and a plethora of variants and modifications that are able to influence the evolution of the linguistic sign, alter its form, and produce new figurative units based on the older ones.

Keywords: idioms, proverbs, reproducibility, variability.

ЛЕКСЕМЫ *МЕНТАЛИТЕТ* И *МЕНТАЛЬНОСТЬ* В АКТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

© Л.И. Жуковская

Освещаются очередные результаты исследовательского проекта по изучению смысловых и оценочных преобразований лексем *менталитет* и *ментальность* как представителей соответствующего концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в современной русской речи. Цель исследования – проанализировать функционирование лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи в так называемых «репрезентативных контекстах». Применяется методика комплексного анализа активных процессов в русском языке, разработанная учеными ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка. В центре внимания находятся модели сочетаемости, в которых слова *менталитет* и *ментальность* выступают в роли опорного слова в сочетании с род. пад. имени сущ. – *менталитет/ментальность X-а*. Показано, что в «репрезентативных контекстах» употребления лексем *менталитет* и *ментальность* реализуются модели семантического расширения за счет того, что данные лексемы сочетаются со словами, обозначающими понятия, по отношению к которым в норме нельзя применить понятие менталитета или ментальности. Делается вывод, что активное участие иноязычных по происхождению лексем *менталитет* и *ментальность* в разнообразных моделях языковой выразительности, в языковой игре может говорить о значительной степени культурной освоенности концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в русском языковом сознании.

Ключевые слова: лексемы *менталитет* и *ментальность*, активные процессы, репрезентативные контексты, модели семантического расширения, культурная освоенность.

В данной работе отражены очередные результаты нашего изучения смысловых и оценочных преобразований лексем *менталитет* и *ментальность* как представителей соответствующего концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в современной русской речи.

Цель исследования состоит в наблюдении за «поведением» данных лексем в так называемых «репрезентативных контекстах» [Радбиль 2011], в которых смысловые и оценочные преобразования проявляются наиболее ярко. В работе использованы методы комплексного описания «языка культуры» [Вежбицкая 1997; Радбиль 2016] и методика анализа активных процессов в русском языке, разработанная учеными ННГУ

им. Н.И. Лобачевского [Русский язык 2014; Радбиль 2017]. Материалом исследования являются языковые данные Национального корпуса русского языка.

Ранее мы уже рассмотрели контексты сочетаемости субъектно-предикатной (типа *Менталитет упал*), предикатно-объектной (типа *ломать менталитет*) и атрибутивной (типа *казарменный менталитет*). В числе прочих мы также анализировали их актуализацию в контексте генитивной метафоры (типа *тайна менталитета*) [Жуковская 2020; Жуковская 2021]. Сегодня мы остановимся на контекстах, в известном смысле противоположных генитивно-метафорическим. Это модели сочетаемости, где слова *менталитет* и *ментальность*, напротив, сами выступают в роли опорного слова в сочетании с род. пад. имени сущ. – *менталитет/ментальность X-а*.

В числе вполне нормальных, стандартных случаев реализации этой модели – сочетание типа *менталитет нации, ментальность русских* и пр., однако нас будут интересовать как раз аномальные, неузуальные контексты, где и происходит интересующее нас смысловое расширение.

Род. пад. имени существительного в моделях именного словосочетания может иметь два значения: родительный субъекта (типа *желание отца*) и родительный объекта (типа *желание славы*). В нашем материале в изобилии представлены и те и другие. Они реализуются в неузуальных сочетаниях слов *менталитет* и *ментальность* с отвлеченными существительными, образованными от глаголов или прилагательных, или с существительными, просто имеющими семантику признака, состояния, процесса, действия и пр. Ниже рассмотрим наиболее показательные, на наш взгляд, примеры.

Лексемы *менталитет* и *ментальность* в сочетаниях с родительным субъекта

Самыми распространенными моделями семантического расширения лексемы *менталитет* в этих сочетаниях являются вполне стандартные метонимические переносы по смежности временной ‘хронологический период, объединяющий людей ← люди, живущие в определенный хронологический период’ – и по смежности пространственной ‘место жительства, объединяющее людей ← люди, объединенные общим местом проживания’.

Примеры переноса по временной смежности: *Они, пожалуй, также вписывались в менталитет межвоенного периода* (Валентин Березжков. Рядом со Сталиным, 1971–1998); *В сущности, эти амбиции были проявлением менталитета тридцатых годов, с их фабриками-*

кухнями, конструктивистскими рабочими клубами и песней Шостаковича из кинофильма «Встречный» (Михаил Румер-Зараев. Диабет // Звезда, 2000).

Указание на хронологический период может быть имплицитным, словесно не выраженным: *И для этого стороны должны полностью избавиться от менталитета «холодной войны»* (Вячеслав Леонов. Потрепали по боеголовке, 23.04.2009 // <http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/focus/411926.shtml>, 2009) – имеется в виду ‘менталитета эпохи «холодной войны»’.

Примеры переноса по пространственной смежности: *Вообще, если серьезно, украинский менталитет – это прежде всего менталитет украинских городков и сел, а крупные города вроде Киева – Харькова – Одессы уже похожи по особенностям общения в основном между собой и не отображают в полной мере сугубо украинских тенденций* (коллективный. Форум: Этнопсихология. Менталитет украинцев, 2012); *Наконец и сам «менталитет местности» более подходящий: долготерпеливые пермяки не «развращены» мифом «дикого счастья»* (Алексей Иванов. Message: Чусовая. Части 6-7, 2007); *В Калмыкии не менталитет средней полосы, не менталитет юга* (Юлия Насулина. Главой Калмыкии станет «варяг», считают политологи // РИА Новости, 08.09.2010).

Разновидностью пространственной метонимии можно считать метонимический перенос ‘учреждение, где работают люди ← люди, работающие в учреждении’: *Однако наступивший кризис и некоторые другие причины, например, менталитет банков, сложности с законодательной базой не дали этим планам осуществиться* (Диана Вишневецкая. Поделись историей своей // Дело (Самара), 25.06.2002).

Подобные контексты, конечно, же не воспринимаются как особенно странные или аномальные; но есть и другие случаи, когда модели метонимического расширения осуществляются с рядом нарушений. Например, в некоторых контекстах свойство ‘иметь менталитет, быть носителем менталитета’ аномально приписывается не одушевленным существам – людям или их сообществам, а отвлеченному состоянию, действию, событию и под., осмысленным в качестве субъекта: *По словам главного экономиста компании «Тройка-Диалог» Евгения Гавриленкова, помимо материального ущерба, льготы наносят существенный моральный – они искажают менталитет поведения многих людей* (Людмила Мещанинова. Соцпакет из обещаний // Время МН, 05.08.2003).

Иными словами, из контекста следует, что менталитет имеют не сами люди, а их поведение. Подобные случаи в концепции Т.Б. Радбиля трактуются как языковые аномалии [Радбиль 2011]. Но данная аномалия имеет потенциал рациональной осмысляемости. Похоже, что здесь реализована метонимическая модель переноса ‘человек → его деятельностный атрибут’, и тогда фразу можно трактовать как смысловую компрессию развернутого понятия – ‘менталитет людей, определяющий их поведение’.

Наиболее наглядно метонимический характер подобных смысловых расширений виден в примере, где реализуется модель переноса ‘род деятельности людей ← люди, занимающиеся определенным родом деятельности’: *Эта пассивность задана менталитетом диспетчерской работы на Западе* (Диспетчер заговорил // Комсомольская правда, 06.07.2002).

На этом фоне в следующем примере становится возможным несколько странное понятие – «менталитет игры»: *Но по менталитету игры он не для «Спартака», как ни крути* (Беседовала Мария Соснина. «Нойштедтер испортил атмосферу в сборной» // lenta.ru, 01.08.2016). Здесь также можно видеть аналогичную рассмотренной выше модель метонимической смысловой компрессии – ‘его менталитет как игрока, т.е. определяющий особенности его игры’.

Еще в одном примере свойство ‘иметь менталитет’ приписано событию – празднику: *Абсолютно точное попадание «менталитет праздника» под названием свадьба* (Михаил Рябиков. Сергей Светлаков: Я назвал сына в честь Урганга? В этом есть доля правды! // Комсомольская правда, 07.08.2013) – возможно, это следует трактовать как ‘менталитет, обычно присущий тем, кто участвует в празднике’.

Свойство ‘иметь менталитет’ может быть приписано отвлеченному отношению – академизму: *Поколение, воспитанное авангардом, и не только его эстетикой, но и менталитетом, – с трудом воспринимает эстетику и менталитет академизма, его респектабельность и культ мастерства* (Алла Боссарт. Степень свободы // Огонек, 1991, № 6) – очевидно, здесь имеется в виду ‘менталитет, присущий приверженцам академической (т.е. классической) школы живописи’. Аналогично – в качестве субъекта – носителя менталитета может выступать и отвлеченное наименование науки: *Такие представления «вписывались» в физический менталитет классической физики – постоянство физических сущностей* (Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания, 2003).

Все эти случаи, с одной стороны, демонстрируют аномальное распространение свойства 'быть носителем менталитета' на область абстрактных понятий, но, с другой – они отражают и стремление говорящих сделать фразу семантически емкой и выразительной, т.е. реализуют модели «языковой игры», лингвокреативный потенциал русского языка. Так, в ряде случаев встречаем нейтрализующие контексты, в которых смешиваются субъектное и объектное значение родительного падежа: *Он также отметил, что Сирия призывает международное сообщество положить конец действиям США, продиктованным «менталитетом доминирования»* (Раздел «Политика». СМИ: власти будут рассматривать как предателей сирийцев в «силах безопасности» США // *gazeta.ru*, 15.01.2018). Здесь нельзя однозначно определить, то ли имеется в виду субъектное значение – 'менталитет тех, кто привык осуществлять доминирование', то ли представлено объектное значение – 'менталитет американцев отличается стремлением к доминированию'. Такой прием одномоментной реализации в контексте разных значений можно рассматривать как стилистический троп – амфиболию, т.е. тоже в плане намеренного использования приема языковой выразительности.

Для лексемы *ментальность* контекстов ее употребления с родительным субъекта встречается гораздо меньше, чем для слова *менталитет*, но все же они имеются в нашем материале. Так, следующий пример отражает рассмотренную выше применительно к лексеме *менталитет* стандартную метонимическую модель переноса 'род деятельности людей ← люди, занимающиеся определенным родом деятельности': *Яркий пример – г-н Бенедетти и компания Danieli. Совсем другая ментальность бизнеса. Мы – крупнотоннажное производство, рассчитанное на удовлетворение широкого круга потребителей* (Андрей Козицын. У металлургов с государством общие цели, но разные методы // *Металлы Евразии*, 18.06.2004).

Однако имеются и контексты семантического расширения слова *ментальность* по моделям аномальной метонимии, где свойство 'иметь ментальность' приписано, например, отвлеченным действиям: *Это было нелегко, даже можно сказать трудно, потому что ментальность групповых упражнений была такова – это второй сорт, что нужно просто делать синхронно, ходить, еле-еле прыгать, что-то крутить, но, конечно, не то, что делали они* (Александра Владимирова. Сборная России доказала лидерство в художественной гимнастике на ОИ // *РИА Новости*, 12.08.2012) – нетрудно видеть, что здесь имеется в виду – 'ментальность спортсменов, совершающих данный вид групповых упражнений'.

Ему и другим коллегам возражает Алексей Артюх: «Да, позиция суда и инспекции несколько вызывающая и непривычная, но это лишь в нашей ментальности зарплата в конвертах и абсолютной тайны в вопросах соотношения расходов и доходов (Юрий Васильев. Взять и удержать // lenta.ru, 10.11.2014) – в данном случае ментальность зарплата трактуется как ‘ментальность людей, привыкших платить зарплату в конвертах и хранить абсолютную тайну в вопросах соотношения расходов и доходов’ (кстати, здесь использование отвлеченных существительных вместо глаголов приводит к двусмысленности – остается неясным, имеется ли в виду ментальность тех, кто привык платить зарплату в конвертах, или тех, кто привык получать зарплату в конвертах).

Свойство ‘иметь ментальность’ может быть также приписано отвлеченному понятию – наименованию направления в искусстве и культуре: *Изменения социокультурной реальности, происходящие с конца XX века, существенным образом деформировали олимпийский проект Кубертена, который строился на базе ментальности модерна* (В.Ю. Костиков. Спорт как феномен культуры в информационном обществе // Информационное общество, 2017) – имеется в виду ‘ментальность людей, принадлежащих к направлению модерна, исповедующих художественные принципы модерна’.

Аналогично – в качестве субъекта – носителя менталитета может выступать и отвлеченное или собирательное наименование какой-либо сферы деятельности людей: *Но основная проблема российской экономики не в плохих чиновниках, а в том, что мы до сих пор живем в ментальности сырьевой экономики, где нет места для малого бизнеса* (Александр Зюзяев. Бизнесмены — о помощи государства: Проверки отменяют, зато размер отката и налоги растут // Комсомольская правда, 04.02.2011); *Поэтому обновление скажется на увеличении продаж в Европе, а что касается России, то ожидаемый рост продаж будет гораздо более скромным вследствие особой ментальности отечественного рынка* (Никита Афанасьев. Компактный премиум // РБК Daily, 08.04.2008).

Значительный потенциал выразительности моделей семантического расширения лексем *менталитет* и *ментальность* в сочетании с родительным субъекта проявляется и в случаях их очевидно иронического использования: *Звездочеты полагают, что следует опасаться астральной ментальности черной водяной Козы* (Елена Короп, Семен Новопрудский. За Козу ответишь. Астрологический портрет российской экономики-2003 // Известия, 30.12.2002) – достаточно трудно в серьез-

ном употреблении, в прямом смысле представить, что символ года в китайском летосчислении может иметь ментальность, выступать в качестве носителя ментальности.

В целом отметим, что явления подобного рода в когнитивной семантике и в логическом анализе языка принято трактовать как **номинализацию** – сворачивание предикативной или полупредикативной конструкции в именное словосочетание (типа *приезд отца* ← *Отец приехал*). Определенная аномальность подобных номинализаций с лексемами *менталитет* и *ментальность* связана с тем, что в норме номинализация осуществляется посредством отглагольного существительного, а у слов *менталитет* и *ментальность* нет семантики процесса или состояния.

Лексемы *менталитет* и *ментальность* в сочетаниях с родительным объекта.

Наиболее отчетливо объектное значение родительного падежа в сочетании с лексемой *менталитет* проявляется в контекстах, где позиция субъекта принадлежности обозначена каким-либо другим словом, например, согласованным определением, выраженным прилагательным или местоимением-прилагательным, или несогласованным определением – существительным: *Русские и украинцы отличаются своим менталитетом: у первых менталитет покорности, у вторых — буйства* (Бабченко назвал русских рабами и сравнил с украинцами // *lenta.ru*, 08.11.2019) – нетрудно видеть, что здесь перед нами – опять же своего рода смысловое стяжение развернутого выражения по модели номинализации – ‘менталитет русских отличается покорностью, а менталитет украинцев – буйством’.

Иногда субъект принадлежности при слове *менталитет* может быть выражен в дальнейшем контексте, например, (1) в предыдущем самостоятельном предложении, (2) в главной части сложноподчиненного предложения, (3) в полупредикативной конструкции с причастным оборотом и под.: *Слова Родченкова приводит Deutschlandfunk. «Менталитет россиян остался прежним. Это менталитет обмана, лжи и отрицания. Сейчас много говорится о том, что Россия делает большие шаги вперед, чтобы российские спортсмены стали самыми «чистыми» в мире* (Родченков пожалел о принадлежности к русским // *lenta.ru*, 30.01.2018); *Я вообще не сильно одобряю тактику своих бывших коллег, которым в последние годы присущ «менталитет запретов»* (Наталья Сависько, Татьяна Байкова. Немедкая оппозиция требует ввести «вегетарианский день» // *Известия*, 06.08.2013); *Главное, что*

*предстоит сделать Виталию Мутко, – это изменить **менталитет беспринципности** и атмосферу лицемерия, безраздельно царствующие в нашем футболе последние десятилетия* (Покончить с междоусобицей в футболе // Известия, 04.04.2005).

Гораздо более аномальными воспринимаются контексты, где субъект принадлежности для менталитета или ментальности эксплицитно не выражен – он (1) либо имплицитно подразумевается, (2) либо вообще отсутствует: (1) *Сегодня перед Вьетнамом стоит задача перейти от ментальности борьбы к ментальности развития* (Антон Цветов эксперт Центра стратегических разработок. Винтовка и бронзовый барабан // lenta.ru, 29.07.2015) – имплицитный субъект ‘население Вьетнама’; (2) *Отсюда отчасти проистекает непонимание глубинных основ происходящих изменений, что, накладываясь на менталитет уравнительности, приводит к многочисленным просчетам и непоследовательности в действиях* (Татьяна Четвернина. Страхование от безработицы // Отечественные записки, 2003) – неясно, кто носитель менталитета, который отличается стремлением к уравнительности.

В нашем материале обнаружен интересный пример, где в одном ряду однородных членов встречаются сочетания лексемы *менталитет* с родительным объектом (*менталитета безалаберности*) и родительным субъектом (*менталитета осознания*): *Закон «О техническом регулировании» содержит огромный потенциал для замены менталитета безалаберности и безответственности менталитетом осознания личной ответственности производителя продукции за ее безопасность и качество* (В.А. Дьячков. Проблемы управления качеством строительства в условиях изменяющейся правовой базы // Пермский строитель, 12.05.2003) – здесь реализованы две модели смыслового стяжения по типу номинализации: (1) объектная – ‘менталитет, который отличается безалаберностью; (2) субъектная – ‘менталитет людей, которые осознают личную ответственность производителя’. Грамматическим условием такой возможности является разная природа существительных в родительном падеже: *безалаберность* – отадективное существительное с семантикой свойства/качества, а осознание – отглагольное существительное с семантикой процесса.

Проанализированный материал свидетельствует о том, что модели семантического расширения лексем *менталитет* и *ментальность* в сочетании с существительными в родительном падеже объекта, точно так же как и с существительными с субъектным родительным падежом, демонстрируют семантическую компрессию, сжатость, на фоне которой

возникает смысловая емкость. Это в свою очередь приводит к языковой выразительности подобных употреблений, несмотря на их определенную формально-синтаксическую аномальность. Также отметим, что, в соответствии с концепцией нашего исследования, сам факт вхождения иноязычных по происхождению лексем *менталитет* и *ментальность* в разнообразные модели языковой выразительности, их активное участие в языковой игре говорит о значительной степени культурной освоенности концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в русском языковом сознании.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
2. Жуковская Л.И. Новые явления в употреблении лексем *менталитет* и *ментальность* в современной русской речи // *Przegląd wschodnioeuropejski*. 2020. № XI / 1. С. 397–405.
3. Жуковская Л.И. Лексема *ментальность* в моделях генитивной сочетаемости // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 217–223.
4. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 569–573.
5. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
6. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
7. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол. мон. / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацбургская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.

LEXEMES *MENTALITET* AND *MENTALNOST* (*MENTALITY*) IN ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN LEXIS

© *L.I. Zhukovskaya*

The work examines the following results of a research project on the study of semantic and evaluative transformations of lexemes *mentalitet* and *mentalnost* (*mentali-*

ty) as representatives of the corresponding concept *MENTALITET AND MENTALNOST (MENTALITY)* in modern Russian speech. The aim of the research is to analyze the functioning of *mentalitet* and *mentalnost (mentality)* in modern Russian speech in the so-called “representative contexts”. The study uses the methodology for a comprehensive analysis of active processes in the Russian language, developed by scientists from the N.I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod. The research material is the data of the Russian National Corpus. The focus is on compatibility models, in which the words *mentalitet* and *mentalnost* act as pivotal words in combination with Genitive nouns – *X`s mentalitet* and *mentalnost*. It is shown that in "representative contexts" of the lexemes use, *mentalitet* and *mentalnost* are implemented by models of semantic expansion due to the fact that these lexemes are combined with words denoting concepts in relation to which the concept of *mentalitet* and *mentalnost* cannot normally be applied. It is concluded that the active involvement of foreign-language lexemes, *mentalitet* and *mentalnost*, in various models of language expressiveness, in language play, can speak of a significant degree of cultural development of the concept *MENTALITET AND MENTALNOST (MENTALITY)* in the Russian language consciousness.

Keywords: lexemes *mentalitet* and *mentalnost (mentality)*, active processes, representative contexts, models of semantic expansion, cultural development.

НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ ЛЕКСЕМЫ *ВАКЦИНА* В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

© *В.Е. Замальдинов*

Рассматриваются новообразования на базе лексической единицы *вакцина*. Материалом для анализа послужили тексты современных российских СМИ за период с января 2020 г. по июль 2021 г. Используются структурно-семантический и словообразовательный виды анализа инноваций. Выделяются дериваты, созданные с помощью таких узуальных способов, как префиксация, аффиксоидация, сложение. Анализируются продуктивные для медийной коммуникации и окказиональные способы словообразования (субституция, графическая гибридизация). Новообразования узуального и незуального характера отражают социальные, политические и экономические стороны жизни населения. Делается вывод о том, что новые номинации на базе ключевого слова социокультурного пространства *вакцина* обладают, как правило, отрицательной оценкой за счёт контекстуального окружения. Результаты исследования могут представлять интерес для работников СМИ, а также для специалистов в области активных процессов в славянских языках.

Ключевые слова: новообразования, ключевые слова социокультурного пространства, словообразование, активные процессы, СМИ.

В конце декабря 2019 года в Китайской Народной Республике произошла вспышка заболеваемости новой коронавирусной инфекцией. Для сдерживания пандемии COVID-19 власти разных стран стали заниматься разработкой вакцины и проводить противоэпидемические мероприятия.

Пандемия COVID-19 затронула все сферы общества. Её последствия отразились и на лексическом составе современного русского языка. В медийную коммуникацию стремительно ворвались такие слова, как *инфекция*, *корона*, *ковид*, *коронавирус*, *самоизоляция* и др. Для подобных исходных лексем исследователи используют следующие термины: «ключевое слово текущего момента» (Т.В. Шмельёва), «ключевые слова эпохи» (С.В. Ильслова, М.А. Кронгауз), «ключевые элементы социокультурного пространства» (В.Е. Замальдинов, Л.В. Рацибурская) и др. На наш взгляд, к ключевым элементам социокультурного пространства можно отнести и лексему *вакцина*. Данное слово часто встречается в заголовках, становится объектом массовой языковой рефлексии, обладает словообразовательным потенциалом.

При создании новообразований на базе лексемы *вакцина* журналисты активно используют узуальные способы деривации. Так, распространённым способом словопроизводства в медийной коммуникации является префиксация. В СМИ наибольшую продуктивность демонстрируют номинации с приставками *анти-* с семантикой отрицания, *недо-* со значением неполноты и *псевдо-* с семантикой ложности: «**Антивакцина**», развал экономики и бесконечные войны: Трамп и Байден обвиняют друг друга (заголовок) (Вести.Ru. 08.09.2020); **Недовакцина** Sputnik V шагает по стране (заголовок). Каждый день приходят новости о том, что недоделанная вакцина Sputnik V поступает в регионы (Запятая. 15.09.2020); Мошенник склонял людей к интиму за **псевдовакцину** от коронавируса в США (заголовок) (Инфореактор. 29.01.2021). Негативно-оценочный характер префиксальных номинаций обусловлен словообразовательным средством и контекстуальным окружением (*развал экономики, бесконечные войны, недоделанная вакцина, мошенник* и др.).

Встречаются в медийных текстах и новообразования, созданные с помощью аффиксоидации. Разновидностями данного способа словообразования являются префиксоидация и суффиксоидация. В медийных текстах представлены новообразования с префиксоидом *лже-* с семантикой ложности: **Лжевакцина** от коронавируса пользуется популярностью у крымчан (заголовок) (ForPost. 06.02.2020); **Поддельный авиабилет и лжевакцина**: как мошенники наживаются на коронавирусе (заголовок) (Sputnik Грузия. 31.03.2020). Как видно из примеров, словообразовательные инновации с префиксоидом *лже-* употребляются, как правило, в негативно-окрашенных контекстах.

В медийной коммуникации появляются новообразования на базе ключевого слова социокультурного пространства *вакцина*, созданные с помощью суффиксоидации. Частотны в СМИ словообразовательные инновации с заимствованным суффиксоидом *-гейт* с семантикой 'политический скандал': «**Вакцинагейт**»: в Перу назревает «прививочный» скандал (заголовок). Как пишут в издании *El País*, поступающие китайские вакцины некоторые чиновники получают без очереди (Правда.Ру. 20.02.2021); **Вакцинагейт** в Бразилии: тысячи получили прививку от COVID-19 вне очереди (заголовок) (Федеральное агентство новостей. 25.02.2021); **Вакцинагейт** в Эквадоре: глава Минздрава подал в отставку из-за прививок (заголовок) (МирТесен. 27.02.2021). Необходимо отметить, что новообразования с суффиксоидом *-гейт* могут обозначать скандалы не только в сфере политики, но и в области медици-

ны. По мнению В.И. Шаховского, «слово *гейт* стали присоединять к любому значимому имени внутрикультурно-национального и межнационального общения» [Шаховский 2019: 38].

В современных СМИ широко используются суффиксоиды *-ман(ия)* и *-фоб(ия)* со значением чрезмерного пристрастия или боязни чего-либо: **Вакцинофобия** (заголовок). *В России крепнут антипрививочные настроения* (Наша версия. 07.09.2020); **Вакциномания** в Барнауле (заголовок). *Стоило московским властям в лице Сергея Собянина дать отмашку на «закручивание гаек» в отношении массовой вакцинации, как Алтайский край едва ли не первым подхватил эту повестку* (канал «Сталинград». 25.06.2021). Отметим, что номинации с суффиксоидами *-ман(ия)* и *-фоб(ия)* приобретают в медийной коммуникации, как правило, негативную окраску.

В медийных текстах распространены сложные новообразования на базе лексемы *вакцина*: **Эпоха вакцино-паспортного режима** (заголовок). *Евросоюз готов отказаться от безвизового пространства, на очереди ограничение других свобод* (Свободная пресса. 05.03.2021). Как видно из примера, под влиянием контекстуального окружения у данного новообразования возникает отрицательная оценочность. Негативный характер экспрессии в словообразовательных инновациях может быть обусловлен и семантикой мотивирующих слов: **Вакцинокризис в Европе: в поставках и восприятии проблемы** (заголовок) (радио «Sputnik». 11.02.2021); **Мировая вакциноистерия даёт трещину: врачи и органы здравоохранения массово протестуют против смертельно опасного эксперимента** (РИА «Катюша». 18.02.2021); **Вакцино-дискриминация** (заголовок). *Израильская сторона не хочет признавать украинские прививки от коронавируса вакциной Covishield* (Life of us. 09.03.2021).

В медийной коммуникации сложные новообразования могут участвовать и в создании комического эффекта: **Вакцино-гонорар** (заголовок). *Коронавирус улыбается второй волной, вакцину говорят, скорей колите поголовно, как кроликов подопытных толпой, нас моят, и заботой прикрываются условно <...>* (Стихи.ру. 14.09.2020); **Вакцино-частушки** (заголовок). *Если любишь Путина – прививайся «Спутником». Уж вакцина не соврёт: выжил – значит путриот!* (Стихи.ру. 11.04.2021). Подобные новообразования способствуют снятию психологического напряжения в обществе, привлекают внимание адресата и побуждают его к прочтению публикации. По мнению Н.А. Федотовой, «шутя о коронавирусе, мы преодолеваем неопределённость, сложность ситуации и так ослабляем напряжение и нервозность» [Федотова 2020: 78].

Сложные новообразования на базе лексемы *вакцина* могут употребляться журналистами и в позитивном контексте: *В мировую моду начал входить **вакцинотуризм** в Россию* (заголовок). <...> *Повод – растущая популярность российской вакцины от коронавируса среди иностранцев* (Московский комсомолец. 11.02.2021). Однако новые номинации на базе ключевого элемента социокультурного пространства *вакцина* в положительных контекстах немногочисленны. Это связано с тем, что в период пандемии некоторые СМИ стали активно распространять фейковые новости: *Коронавирус принёс из космоса метеорит, взорвавшийся над Китаем, утверждает британский учёный* (Inopressa. 16.03.2020); *Мир готовят к поголовной чипизации через вакцинацию* (заголовок) (Русская народная линия. 20.03.2020); *Власти Москвы обяжут сбрить бороды всех мужчин столицы* (заголовок) (Newsland. 15.05.2020). Как видно из примеров, пандемия новой коронавирусной инфекции является благодатной почвой для распространения недостоверной информации в мире. Фейковые новости обостряют социальные конфликты, вызывают недоверие населения к официальным цифрам, приводят к отказу граждан от вакцинации. Как отмечают исследователи, «важно быть беспристрастным и объективным читателем, который непредвзято и с точки зрения наличия/отсутствия в тексте маркеров фейковой новости оценивает публикуемые материалы» [Кошкарлова, Бойко 2020: 81].

Для привлечения внимания читателей к публикации журналисты регулярно используют новообразования, созданные с помощью неузальных способов деривации: *Регулирование **вакцинообразования*** (заголовок). *Одна из главных интриг мировой повестки на ближайшие месяцы – кто и когда сможет разработать вакцину от коронавируса* (Коммерсантъ. 07.05.2020) – ср. исходное *ценообразование*; *Нынешнее **вакцинобесие*** <...> *началось сразу после женеvской встречи президентов Байдена и Путина* (Конт. 02.07.2021) – ср. исходное *мракобесие*; *Списки **вакцинообязанных*** (заголовок). *В Омской области составили перечень профессий для обязательной вакцинации* (Коммерсантъ. 06.07.2021) – ср. исходное *военнообязанный*; ***ФАКцина*** (заголовок). *Надев намордник на лицо, пошёл ФАКцину принимать... Её уколот мне в плечо... А ну-ка, на хрен, вашу мать!* (Стихи.ру. 15.04.2021) ← *фак* + *вакцина*. Наиболее распространёнными неузальными способами словообразования, используемыми для создания новых номинаций на базе лексемы *вакцина*, являются субституция и графическая гибридикация. С помощью данных окказиональных способов деривации журналисты

повышают выразительность заголовка, вступают в языковую игру с адресатом. Б.Ю. Норман пишет: «Своё место в этом ряду занимают и странные словообразовательные инновации, которые входят в речевой обиход из торговой рекламы и средств массовой информации и сначала режут глаз и слух <...>, а затем как-то приживаются» [Норман 2021: 16].

Необходимо отметить, что в погоне за креативностью журналисты довольно часто нарушают этические нормы в публикациях: «**Вакцинутые**» и «**антиваксеры**», или *Испанский стыд* (заголовок). <...> *Ещё вчера вполне доброжелательно относящиеся друг к другу люди становятся яркими идеологическими противниками на почве... чего бы вы думали? Вакцинации!* (Кабардино-Балкарская правда. 02.07.2021). Негативная оценка новообразования *вакцинутые* создаётся за счёт переклички с узуальной лексемой обценного характера. Подобные словообразовательные инновации могут спровоцировать отрицательные эмоции у адресата, оттолкнуть его от прочтения статьи. Е.И. Беглова справедливо отмечает, что «профессиональная этика журналиста (редактора) и его речевая культура должны служить самоцензурой» [Беглова 2014: 415].

Таким образом, в современных медийных текстах журналисты активно используют новообразования на базе лексемы *вакцина*. Новые номинации создаются с помощью узуальных и незузуальных способов словообразования. Новообразования на базе ключевого слова социокультурного пространства *вакцина* приобретают, как правило, негативную оценку за счёт контекста.

Список литературы

1. Беглова Е.И. Языковая компетентность как составляющая профессии современного журналиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 414–417.
2. Кошкарова Н.Н., Бойко Е.С. Фейк, я тебя знаю: лингвистические механизмы распознавания ложной информации // Политическая лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 77–82.
3. Норман Б.Ю. Креативный аспект деятельности носителя языка // Творческий аспект в языке и тексте: Коллективная монография. Самара-Würzburg, 2021. С. 10–20.
4. Федотова Н.А. Юмор в эпоху пандемии: тематика и функции // Журналистика-2020: стан, праблемы і перспектывы: Матэрыялы 22-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Мінск, 12–13 ноября 2020 г. Мінск: Белорусский государственный ун-т, 2020. С. 75–79.
5. Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.

WORD-FORMING INNOVATIONS BASED ON THE LEXEME *VACCINE* IN THE TEXTS OF MODERN MASS MEDIA

© V.E. Zamaldinov

Word-forming innovations based on the lexical unit *vaccine* are considered. The material for the analysis include the texts of modern Russian mass media for the period from January 2020 to July 2021. Structural-semantic and word-formation types of innovation analysis are used. Derivatives created using such conventional methods as prefixation, affixation, and addition are distinguished. The article analyzes productive and occasional ways of word-formation for media communication (substitution, graphic hybridization). Innovations of a conventional and non-conventional nature reflect the social, political and economic aspects of the life of the population. It is concluded that new nominations based on the keyword of the socio-cultural space *vaccine* have, as a rule, a negative assessment due to the contextual environment. The results of the study may be of interest to media professionals, as well as to specialists in the field of active processes in Slavic languages.

Keywords: word-forming innovations, key words of the socio-cultural space, word formation, active processes, mass media.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНТРАСТЫ В РОМАНЕ Д. ГЛУХОВСКОГО «ТЕКСТ»

© В.П. Казаков

Рассмотрены синтаксические особенности романа Дмитрия Глуховского «Текст», которые могут быть определены как синтаксические контрасты. С использованием метода контекстного анализа охарактеризованы следующие особенности: 1) отказ от абзачного членения при значительном количестве коротких абзацев; 2) сложное предложение с бессоюзной связью и предложение с однородными членами на фоне парцелированных конструкций; 3) пример длинного предложения при значительном количестве коротких предложений; 4) фрагменты синтагматической прозы в романе, который несет черты актуализирующей прозы; 5) повествовательный ряд предложений, которые могли бы быть оформлены как предложения вопросительные или восклицательные. Сделан вывод о том, что синтаксические контрасты позволяют автору отразить внутреннее состояние персонажа, ход его мыслей и эмоции в стрессовых ситуациях.

Ключевые слова: синтаксис, абзац, сложное предложение, контекст, синтагматическая проза, актуализирующая проза.

Роман Д. Глуховского «Текст» оказывает на читателя сильное эмоциональное воздействие [Помозов 2017], чему способствует целый комплекс языковых средств, прежде всего лексических и синтаксических. Цель предлагаемой статьи – рассмотреть нехарактерные как для классической прозы, так и для текста романа Д. Глуховского случаи оформления синтаксических единиц с точки зрения их структуры и выполняемой функции. При этом будет использован метод контекстного анализа, при котором функционирование синтаксических единиц и их объединений интерпретируется с учетом их обусловленности контекстом.

Синтаксическое оформление текста романа в целом отличается следующими особенностями.

1. Короткие абзацы, выполняющие экспрессивно-выделительную функцию [Солганик 1991: 172; Ломов 2007: 6]:

Не хотел он этого твоего ребенка.

Вот что надо было бы Нине писать.

Положил телефон на стол (Глуховский Д.А. Текст: [роман]. М.: АСТ, 2020. С. 144; далее после текстовых примеров в скобках будут указываться только номера страниц по данному изданию).

2. Парцеллированные конструкции: *Три номера он помнил наизусть. Мамин. Верин. Серегин* (с. 26).

3. Короткие предложения: *Поднял палец к кнопкам домофона. Голова закружилась. Кнопки были те же, что и семь лет назад. Дверь та же была. Палец вот был другой совсем. Но подъезд – внутри – он ведь такой же? И квартира. И мама* (с. 17).

4. Концентрация восклицательных и вопросительных предложений: *И что, что она беременная? Что, что я вчера ей предложение делал?! И что, что я сам ее уговаривал ребенка оставить?! Что с того-то?!* (с. 308). Отмеченная концентрация может рассматриваться как проявление одной из тенденций в синтаксисе современной художественной прозы – тенденции к гиперэкспрессии [Арзямова 2015: 158].

5. Динамизм повествования:

Поднялся к себе. Было открыто.

Сел за стол. Из горла не стал, налил в пыльную стопку из буфета.

Поднял. Опрокинул. Ожегся. Жиром колбасным ожог заврачевал. Сразу плеснул по новой. Еще (с. 24).

Очевидно, что в синтаксическом оформлении романа усматриваются признаки актуализирующей прозы (об особенностях актуализирующей прозы см., напр.: [Арутюнова 1972: 189–199; Синтаксис современного русского языка 2009: 9–10]). Однако на этом общем фоне встречаются фрагменты текста, характеризующиеся прямо противоположными чертами, и это придает тексту еще большую выразительность.

1. При значительном количестве коротких абзацев есть чрезмерно большой абзац, включающий 74 предложения (почти три страницы текста, полностью привести которые не позволяет формат статьи): *Тюрьма – ведь это наказание, это должно быть как раз про расплату за сделанное, так? Или это про урок? Ты мне скажи давай. Как училка. Это про отомстить тому, кто своровал и убил, или это чтобы других на его шкуре научить не убивать и не красть? Я-то что сделал – фонарики по воде пускал, за это меня на семь лет? Значит, не наказание мне, а урок, чтобы я не спорил впредь с ментами? Или это какой-то про жизнь урок, который мне нужно было за семь лет выучить? На врача меньше учатся, бляха-муха, что же за урок такой трудный?! И как же Петю другому учили? Что не нужно платить, а нужно выкручиваться. Что если смелей жрать других, то они о возмездии и заикнуться не успеют? Не у нас ли в стране на мучителей молятся: не то из суеверия, не то из зависти? Мне пригождалось твое учение там, на зоне. Ты воспитала из меня хорошего зэка, а из Пети воспитывали хорошего вертущая. Это ведь, знаешь, два мира...* (с. 253).

Указанный фрагмент текста объединяет несколько тематических единств: 1) первое открывается предложением *Тюрьма ведь наказание, это должно быть как раз про расплату за сделанное, так?* (с. 253); 2) второе начинается предложением *Мне пригодились твои учения там, на зоне* (с. 253); 3) третье начинается предложением *Я почти сорвался тогда ведь, когда на второй год вены вскрывать собрался, а вытащил меня дядя Боря Латин* (с. 254); 4) четвертое начинается предложением *На УДО шел уверенно, молился на УДО это, не дышал лишнего, чтобы его не стугнуть, чтоб на полгода раньше выйти* (с. 255); 5) пятое начинается предложением *Я сделал все правильно...* (с. 255). Каждый из этих тематических блоков мог бы быть оформлен отдельным абзацем.

Однако автор намеренно отказывается от абзацного членения: «Илья перескакивает с одной темы на другую, как это происходит во внутренней речи. Его монолог-диалог не предназначен какому-то конкретному адресату, это разговор с самим собой, и поэтому здесь нет необходимости соблюдать правила расположения текста и правила логики его развития, а значит, и абзацы можно соотносить только с внутренней потребностью что-либо выделить» [Крылова 2019: 24]. В то же время есть объединяющие начала для такого нестандартного оформления нескольких тематических единств в виде одного не разделенного на абзацы фрагмента текста. Во-первых, этому фрагменту предшествует вопрос: *Я кричу в колодец, ма, и можно я тогда крикну еще один вопросик?* (с. 253). Таким образом, весь суперабзац – это один вопросик. Во-вторых, абзац заканчивается словами *я не в своем праве был с него спросить?! Очевидно, что весь комплекс воспоминаний и рассуждений – это попытка главного героя объяснить самому себе и оправдать совершенное убийство.*

2. На фоне парцелированных конструкций наблюдается объединение синтаксических компонентов в чрезмерно длинные цепочки. Таково следующее предложение с однородными членами и обобщающим словом: *Илье вот приходилось все в себе держать: Веру наугад в солнечном свете, снежки после школы, экспедицию с Серегой и Саньком в Депо, пьяный концерт «Сплина» в «Б-2», подглядывание за девчонками в школьном туалете, последнюю поездку с мамой к бабушке в Омск, тарзанку на дачных прудах, травмпункт на Восьмое марта, когда картошку мясным ножом чистил, чтобы мать впечатлить, щенка, которого нельзя оказалось оставить, драки за гаражами* (с. 77). Всего в этой цепочке 25 компонентов, за которыми стоит целый комплекс воспоминаний, всплывавших в сознании Ильи Горюнова, когда он отбывал

наказание. Наблюдается также многокомпонентное сложное предложение с бессоюзной связью: *Плохая была ночь: спать не можется, выйти некуда, луна бередит, водки мало, подушка горячая, одеяло не дышит, сны не сны лезут невнятные, холодильник кряхтит, машины мимо мотором будят, пытаются фарами в квартиру влезть, от голых берез тени ползут по стене, и в голове все бубнит, бубнит* (с. 278). Перед нами объяснительное сложное предложение, вторая часть которого состоит из 11 предикативных единиц. Такое нагнетание тревожности – подготовка к дальнейшему драматическому развитию событий.

3. На фоне коротких предложений, характерных для актуализирующей прозы [Акимова 1990: 43], отмечен очень выразительный пример чрезмерно длинного предложения: *Знаешь, чувак, я тебя понимаю. Какие у тебя были шансы-то стать нормальным человеком с такой ба-тяней? У которого все друг друга только жрут и жрут, у которого ни за добрые дела, ни за злые ничего человеку не будет, а будет только за слабость и неловкость, который только хочет, чтобы перед ним на задних лапках служили, черт знает, от чего, может, от того, что он сам когда-то в казарме в Уссурийске своим на задних лапках танцевал перед дедами, и видишь, как ему это пружину закрутило, на всю жизнь, или не это, а хер его поймешь, что, от чего такое бывает, что пока человека не согнешь, не успокоишься, вот он и тебя гнул, гнул, чтобы все было по его: ментовка, звания, генеральская дочь, вот такой хотел для тебя лучшей жизни, думал, ты солдатик, скрученный из медной проволоки, каких он там у себя в управлении привык из людей крутить, а ты почему-то оказался из стальной, несмотря на такого отца, и ты сгибаться толком не мог, а мог только пополам переламываться, вот он тебя гнул, разминал, а ты взял – и пополам, и только два горячих в перегибе прямых обломка у него в руках осталось, а он этого не знает еще, еще ничего не понял, и все равно хочет победы, хочет, чтобы за ним последнее слово, чтобы ты за всю свою ересь покаялся, и чтобы дальше жил только как он тебе пропишет, не знает, что ты у него больше не под властью, а и знал бы, ну и какие шансы у тебя с таким папаней были, спрашивается – нулевые* (с. 238).

В приведенный абзац входит многокомпонентное сложное предложение с разными видами связи, причем избыточно объемный парцеллирует включает 30 предикативных единиц. Это предложение отражает рассуждения Ильи Горюнова в необычной ситуации, когда он находится рядом с убитым им Петром Хазиным и мысленно обращается к нему тогда, когда приходит к выводу, что Петр иной, чем представлялось

Илье ранее. Илья пытается понять сложную личность убитого, и это новое восприятие вплетается в ткань его рассуждений: приводятся аргументы, обнаруживаются следствия, делаются выводы.

4. При том что в целом текст романа несет черты актуализирующей прозы, есть фрагменты, оформленные по всем канонам прозы синтагматической. Это письма (электронная почта) матери и отца Петра Хазина своему сыну и письма самого Хазина матери и Нине. Например (из письма Светланы Хазиной сыну): *Я знаю, что мы с отцом раньше отговаривали тебя от того, чтобы встречаться с ней, а уж насчет того, чтобы ты женился на этой девушке, отец и слышать ничего не хочет. Не знаю, за что он так ее невлюбил – мы и видели-то ее всего пару раз, но ты знаешь, какой он упрямец. Я тоже, каюсь, в ней сомневалась – не потому что она мне не понравилась, а потому что я отлично могу представить себе, что в голове у иногородней молодой девушки, которая толком нигде не работает и учится на факультете невест. У них все поставлено на карту, им нельзя просчитаться, и как ты свою карьеру выстраиваешь, вот так вот они – свою личную жизнь* (с. 165–166).

Перед нами многокомпонентные сложные предложения с разными видами связи, появление которых обусловлено тем, что речь идет о письмах хорошо обдуманых и откровенных по содержанию. Это отличает фрагменты электронных писем от переписки в WhatsApp. Сравним:

– *Привет! Хочу тебя в кино пригласить. Ты свободна сегодня?*

– *Сегодня у меня международный женский день. Подружка из Минска приехала! – и следом картиночка: две девочки в бантах и трико танцуют парой.*

– *А завтра какой у тебя день?*

– *Суббота. А у тебя?*

– *Пойдем завтра тогда! На «Ограбление по-американски»* (с. 126).

В отличие от переписки в WhatsApp, электронные письма воспринимаются персонажами как способ изложения рассуждений, что может подчеркиваться в тексте. Например (из письма Петра Хазина Нине): *Решил тебе написать прямо настоящее письмо, а то с этими смс толком ничего не объяснишь* (с. 162). Ср. также: *В конце сентября, после Нининого признания не сразу, мать писала Пете, все обдумав, осторожно и тщательно...* (с. 165).

5. На фоне экспрессивных высказываний, характерных для текста романа, встречается повествовательный ряд коротких предложений,

некоторые из которых, с учетом их лексического наполнения, предполагали бы в ином контексте оформление в качестве вопросительных или восклицательных: *Зачем ей ребенок от мертвеца. Что матери сказать. Нельзя вмешиваться в чужую жизнь. Ты влез* (с. 177); *Какое ты имеешь право влезать. У тебя и не получится. Она приняла решение...* (с. 177); *Он был должен мне и получил расчет. Как это могло совпасть. Нет судьбы* (с. 177); *Откуда ты знаешь, чего она хочет. Она его любила...* (с. 177). Как известно, «наиболее характерный тип несобственно-прямой речи – вопросительные и восклицательные предложения, выделяющиеся на фоне авторского повествования» [Культура русской речи 2007: 350]. Однородность пунктуационного оформления предложений в романе с помощью точек создает эффект цепочки проносящихся в сознании Ильи порой взаимоисключающих мыслей, что подчеркивается включением всех этих предложений в один большой абзац, состоящий из 105 предложений.

Рассмотренные выше примеры, безусловно, выделяются на фоне характерного для текста романа синтаксического оформления. Вместе с тем решение автора в каждом случае представляется мотивированным, поскольку позволяет отразить психологическое состояние персонажа, ход его рассуждений или калейдоскоп мыслей в стрессовой ситуации, способствуя раскрытию образа героя, в первую очередь главного героя романа Ильи Горюнова.

Список литературы

1. Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М.: Высш. шк., 1990. 168 с.
2. Арязмова О.В. Обновление приемов актуализирующего синтаксиса в русской прозе конца XX – начала XXI века // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др. В 15 т. Т. 5. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 11–15. – 1 электрон. опт. диск (CD–ROM).
3. Арутюнова Н.Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание / Отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 189–199.
4. Крылова М.Н. Работа автора над текстом в романе Д.А. Глуховского «Текст» // *Lingua-universum*. 2019. № 2. С. 21–35.
5. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.

6. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 416 с.

7. Помозов А. Дмитрий Глуховский | «Текст» | Мнение. 26.09.2017 [Электронный ресурс]. URL.: <https://litnet.com/ru/blogs/post/32745> (дата обращения: 11.08.2021).

8. Синтаксис современного русского языка: словарь-справочник / Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина, Д.В. Руднев и др.; отв. ред. Г.Н. Акимова, С.В. Вяткина. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 172 с.

9. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. (Сложное синтаксическое целое). 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1991. 182 с.

SYNTACTIC CONTRASTS IN THE NOVEL BY D. GLUKHOVSKY “TEXT”

© *V.P. Kazakov*

The article deals with some syntactic peculiarities of Dmitry Glukhovsky's novel “Text”. The following peculiarities which can be characterized as syntactic contrasts are described using the method of contextual analysis: 1) rejection of paragraph division and a significant number of short paragraphs; 2) an asyndetic sentence and a sentence with homogeneous parts against the background of a significant number of parcellated constructions; 3) a very long sentence and many short sentences; 4) fragments of syntagmatic prose in the novel which is an example of actualized prose; 5) narrative sentences that could be punctuated with question or exclamation marks. It was concluded that the author uses syntactic contrasts to reflect the inner state of the character, his thoughts and emotional responses to stressful situations.

Keywords: syntax, paragraph, complex sentence, context, syntagmatic prose, actualized prose.

ХУЖЕ ИЛИ ЛУЧШЕ? ВЫРАЖЕНИЕ ОЦЕНКИ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ <P – N₁ ОТДЫХАЕТ>

© Т.Л. Колосовская

Целью данной работы является описание языкового воплощения компонентов синтаксической конструкции (СК) и анализ содержащейся в ней оценки. Основные использованные методы – описательный (создание пользовательского подкорпуса и анализ материала) и количественный (установление частотности данной СК в речи). В центре внимания находится модель <P – N₁ отдыхает>, широко распространенная как в русской письменной речи, так и в устном дискурсе. Источником материала послужили устный подкорпус Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ) и Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ). В статье обсуждаются такие понятия, как *конструкция* и *оценка*, важные для настоящего исследования, а также предлагаются результаты проведенного анализа. Итогом работы стало составление оценочной шкалы «хуже – лучше» / «больше – меньше», характеризующая синтаксическую модель <P – N₁ отдыхает>.

Ключевые слова: конструкция, оценка, оценочная шкала, субъект и объект сравнения, грамматика конструкций.

В центре настоящего исследования стоит синтаксическая конструкция <P – N₁ отдыхает>, которая выражает оценочные отношения путем сравнения двух компонентов: P и N₁, ср.: *Но европейцы, если сравнить их с американцами, просто отдыхают, когда речь идет о потреблении.*

В данном примере P – это объект, стоящий во главе сравнения (*американцы*), а N₁ – компонент, который с ним сравнивают (*европейцы*). Данная конструкция является оценочной (ОК) и предполагает, что P и N₁ в чем-то превосходят друг друга.

Рассматриваемые в работе единицы представляют собой конструкции как «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Рахилина, Кузнецова 2010: 19].

Прием сравнения играет важную роль в лингвистике. В результате сопоставления лиц, характеров, событий, какой-либо ситуации с другими объектами сравнения изображаемое конкретизируется. По определению О.С. Ахмановой, оценка – «это суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [Ахманова 1966:

293]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «оценка задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием, она задает его мышление и деятельность, отношение к другим людям и предметам действительности» [Арутюнова 1984: 5].

В языке оценка может быть выражена по-разному. Так, Е.М. Вольф акцентирует внимание на том, что оценка может быть ограничена элементами меньшими, чем слово, но может характеризовать и группу слов, и целое высказывание [Вольф 1985]. Данное суждение является важным в области грамматики конструкций, так как конструкции часто несут в себе оценку, при этом они представляют собой определенное цельное словосочетание или даже выражение. Оценочный смысл, таким образом, становится понятным в процессе коммуникации и извлекается на базе последующего контекста.

Основными факторами ОК считаются *субъект оценки, объект оценки и оценочное отношение* по шкале «хороший/плохой» [Ван Илин 2020: 15]. Несмотря на это, оценка может даваться по самым разным признакам («истинность/неистинность», «важность/неважность» и т. п.) [Вольф 1985: 23].

Согласно Е.М. Вольф, «в основе оценочной модальности лежит формула $A \ r \ B$, где A представляет субъект оценки, B – ее объект, а r (*relationship*) – оценочное отношение, которое имеет значения в диапазоне «хорошо/плохо» [Вольф 1985: 25]. Исходя из данного суждения, в оценке всегда присутствуют два важных компонента: субъект и объект, связанные оценочным предикатом. Е.М. Вольф уточняет значения данных понятий и пишет, что «субъект оценки, эксплицитный или имплицитный, – это лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка. Объект оценки – это лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка» [Вольф 1985: 26]. Особенностью рассматриваемой в настоящей работе конструкции является наличие двух объектов сопоставления и скрытого субъекта, который непосредственно к модели конструкции не относится.

На оценочной шкале выделяются три зоны (хорошая, средняя и плохая), в которых подразумеваются, соответственно, три типа оценки: положительная, нейтральная и отрицательная. Первый и последний типы оценки указывают на высокую или низкую степень выражения признака объекта, именно они являются самыми распространенными в разговорной речи. Для исследуемой оценочной конструкции $\langle P - N_1 \text{ отдыхает} \rangle$ также характерны эти два типа оценки.

Исследование базируется на выборке примеров из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (УП НКРЯ), а также из

Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), который включает в себя блоги «Mail.ru», «ВКонтакте», «Живой Журнал», «Журнальный зал» и новостной подкорпус. В ходе анализа материала было выявлено, что основной оценочной шкалой для всех примеров является «хуже/лучше». Рассмотрим контексты, в которых Р лучше, чем N₁ (на фоне «хорошего» Р – N₁ *отдыхает*). Во всех примерах авторская орфография и пунктуация сохранены.

1) *Были и небольшие приключения в виде выталкивания до 2-х ночи машин которые засели в грязи... Тушение пожара на поле, которому я сам поспособствовал, неожиданное появление некоторых людей в нашем лагере и т.д. ... Свежий воздух, костер, хорошая компания – ЭТО СУПЕР ... город и т.д. по сравнению с этим просто отдыхает! Но все хорошее когда-то кончается* (<http://m.livejournal.com/read/user/lotogrit/16453>).

В качестве Р в примере (1) выступает *лагерь* на природе, а в качестве N₁ – *город*. Сопоставление показывает, что Р – лучше, так как в *лагере* есть свежий воздух, хорошая компания и приключения, чего, видимо, нет в *городе* или есть, но не в достаточном количестве. Более того, адресант характеризует *лагерь* и все то, что происходило в нем, как *всё хорошее*, что явно указывает на преимущество Р перед N₁ по указанным параметрам.

2) *Короче, если ты сидела и думала, что и как, то Таня вообще отдыхает в сторонке, потому что я дружила только с русской классической литературой* (ВКонтакте, 2021 // ГИКРЯ).

В примере (2) Р – это собеседник (*ты*), к которому обращается говорящий, а N₁ – некая *Таня*, более того, как выясняется далее, – это сам говорящий, а вернее говорящая, которая сравнивает подругу с собой. Подруга превосходит адресанта по качеству и количеству прочитанных художественных произведений.

3) *В Ставрополе, в котором я живу. Это вообще лучший город, поверьте мне, я объездил весь мир ... А Россия, ну мы знаем, Россия, Россия... Да, мы знаем, все остальные просто отдыхают* (НКРЯ).

Пример (3) – интересный политический контекст, где оценку можно выявить только после проведения определенной параллели. Сначала говорящий, Михаил Кузьмин, говорит, что *Ставрополь – лучший город* по сравнению с другими городами мира, а далее, не называя никакого признака для сопоставления, утверждает, что остальные страны *просто отдыхают*, подразумевая, что *Россия* лучше их всех. Важным фактором является привычность данной модели для носителя языка: все слу-

шающие прекрасно поняли депутата, ничего не уточняя, подобное сравнение было воспринято очень доброжелательно.

4) *Может быть / потому что ты меня просил об этом // подыграй мне / побудь с ним / отвлеки его // Ну-ну-ну просил / но ты перестаралась / мать / переиграла // Ах / ну извините // Актриса из меня может быть правда не очень // Зато **ты** гениально сыграл любовника / **пряма Бред Питт отдыхает*** (сериал «Ищу жену с ребенком», 2014).

В примере (4) можно видеть переходный случай оценки, выраженной с помощью исследуемой синтаксической конструкции. Р в данном контексте (главный герой, к которому обращена речь девушки) превосходит в своих актерских способностях N_1 (*Бред Питт*). Но в сериале мы наблюдаем иронию со стороны главной героини и, несмотря на то что в примере подразумевается явное превосходство Р, в реальной коммуникативной ситуации наблюдается обратный эффект.

В следующих контекстах Р хуже, чем N_1 (на фоне «плохого» Р – N_1 снова *отдыхает*):

5) *а там Конев чуть живой. И что важно – чуть живой, а гребущий, весло не бросающий. Наравне со всеми мастер. Я как вспомню о его службе в архангельском стройбате году так в восемьдесят пятом – оторопь берет. Реально представляю себе, что такое **стройбат**. **Локальные войны отдыхают** – там хоть ясно, кто враг – примерно половина людей. Здесь же все люди – враги* (<http://magazines.russ.ru/october/2009/3/no4.html>).

Признак сравнения в примере (5) является главным определяющим фактором в оценке, так как он уже содержит в себе негативную оценку: ничего хорошего в войнах в принципе нет. Однако Р (*стройбат*) явно хуже, чем N_1 (*локальные войны*) в негативном качестве: здесь тебя окружают одни *враги*, которых ты не знаешь.

6) *Хорошо, что я сидела не за первой партой и на этот раз удалось подавить все неестественные звуки в себе, а то даже представить не могу, что бы она со мной сделала. Нет, ну где вы видели такого **препода**, который кидается в студентов туфлями, стульями, орёт на них матом и не скрывает своей к ним ненависти. **Русичка из школы Иосифовна со своим "Вы все дЭбили"** просто **отдыхает*** (http://m.livejournal.com/read/user/gnezdez_karkuxi/75509).

В контексте (6) Р уже содержит в себе негативную окраску, так как единица *препод* относится к студенческому жаргону (см., например: [Химик 2004: 484]). Кроме того, в контексте перечисляются признаки, благодаря которым выполняется сравнение объектов: *препод кидается*

туфлями, стульями, орёт матом, не скрывает ненависти. Данные действия недопустимы со стороны преподавателя, поэтому они усиливают отрицательное качество Р, на фоне которого *русичка из школы Иосифовна* недостаточно плоха.

7) В целом это надёжный такой полис, который эту уверенность вселяет. Но, что касается забюрокрачивания, могу вам сказать (здесь, наверное, есть коллеги из стран Европейского Союза), если вы их спросите про бюрократию в Брюсселе, они вам расскажут, как это делается. **Наши бюрократы ещё отдыхают** по сравнению с **брюссельскими** (НКРЯ).

Процесс забюрокрачивания подразумевает наличие определенной волокиты, чрезмерно пунктуальное соблюдение формальностей, идущее во вред существу дела. Р в примере (7) (*брюссельские бюрократы*) в этом плане хуже, чем N_1 – *наши*, русские. По мнению В.В. Путина, в Брюсселе подобная волокита встречается намного чаще.

Помимо вышеприведенных, в ходе анализа были выявлены также контексты, в которых между объектами устанавливаются такие сопоставительные отношения, как «больше/меньше», ср.:

8) *Кругом сплошная еврейская засада. На выдающемся, по своей святости, сайте «Москва III Рим», вывешен список злобных евреев – врагов христианства. Румянцева со своей сотней рецептов картофельных блюдов из фильма «Девчата» отдыхает* (<http://m.livejournal.com/read/user/antagonizm2011/49298>).

В примере (8) производится сравнение по количественному признаку. Подразумевается, что *список злобных евреев* состоит более, чем из ста позиций, а значит Р больше, чем N_1 . Подобным образом модель строится и в следующем примере (9):

9) *За одно похудеют, а то от постов такие пупы, беременные отдыхают. Петра I на них нет, всех попов раком поставил* (http://m.livejournal.com/read/user/arina_labikova/43398/comments/p20). Здесь Р – это *пупы*, животы (*пупы*) которых больше, чем у беременных женщин (N_1).

10) *Известен Исидор Севильский и тем, что написал вот эту самую «Этимологию». Л.Н. Толстой отдыхает... 20-томный труд «Этимология»* (<http://m.livejournal.com/read/user/alcorec/20435>).

В примере (10) подразумевается, в первую очередь, сравнение 4-томного романа «Война и мир» и 20-томной «Этимологии», которая по объему явно больше произведения Л.Н. Толстого. Благодаря трудам упомянутых известных людей выполняется и главное сопоставление личностей.

Признак для сопоставления в рассматриваемой синтаксической оценочной конструкции <Р – N₁ отдыхает> может быть выражен двумя способами – эксплицитно (11)–(12) и имплицитно (13)–(14), ср.:

11) *Пока у маленького ребёнка не закончилась печенька – мама должна успеть помыться, одеться, покушать и посуду помыть... Армия и пожарные отдыхают* (<https://m.livejournal.com/read/user//irondream77/1214821>);

12) *Всегда удивлялся-почему америкосы в своих фильмах наряжают советских военных как то странно. Неужто сложно выяснить как взаправду советский солдат выглядит? Теперь видать спецы голливудские и к нам добрались – вона как линейных вырядили – попугай Кеши отдыхает* (http://m.livejournal.com/read/user/prince_consort/23412);

13) *Китайский боевик – индийское кино отдыхает* (Вконтакте, 2014 // ГИКРЯ);

14) *Орnella Мути отдыхает, когда в круг выходят наши девчонки* (Вконтакте, 2014 // ГИКРЯ).

Исходя из имплицитных контекстов, можно предположить, что в примере (13) сопоставительным признаком является абсурдность и качество снятого кино, а в примере (14) – красота девушек.

Пользовательский подкорпус настоящего исследования включает 841 документ с формами глагола *отдыхает/отдыхают*, из которых 92 документа (11 %) представляют искомую ОК. Анализ показал, что специфика данной конструкции заключается в наличии не одного, а двух объектов сравнения, компоненты Р и N₁, между которыми устанавливаются сопоставительные отношения «хуже/лучше» или «больше/меньше». Положение Р и N₁ на оценочной шкале зависит от того, с позиции какого из объектов дается оценка. Так, если рассматривать оценку с позиции объекта Р, то все примеры в составе пользовательского подкорпуса количественно можно охарактеризовать следующим образом: 58,7% от общего количества составляют контексты, где Р *лучше*, чем N₁; 35,9% – Р *хуже*, чем N₁; 5,4% – Р *больше*, чем N₁. При этом признак, стоящий во главе сравнения в оценочной конструкции, может быть представлен в примерах как имплицитно, так и эксплицитно.

Результаты настоящего исследования можно использовать в области лексикографии, для «обновления словарного пространства» [Богданова 2017: 7], для создания грамматики речи и пополнения грамматики конструкций, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики: сб. статей / Ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1984. С. 5–24.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
3. Богданова Л.И. Слово в речи и в словаре // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. Сб. научных материалов / Гл. ред. И.Л. Копылов. Минск: Четверть четверти. 2017. С. 7–12.
4. Ван Илин. Конструкции в системе способов выражения оценки в современном русском литературном языке (на фоне китайского языка). Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 175 с. (машинопись).
5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Отв. ред. Г.В. Степанов. М.: Наука, 1985. 228 с.
6. ГИКРЯ – Генеральный интернет-корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.webcorpora.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 13.06.2021).
8. Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 19–24.
9. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

IS IT WORSE OR BETTER? THE EVALUATION EXPRESSION IN THE SYNTACTIC CONSTRUCTION <P – N₁ IS RESTING>

© T.L. Kolosovskaya

The purpose of this work is to describe the linguistic embodiment of the components of the syntactic construction (SC) and to analyze the evaluation contained in it. The main methods used are descriptive (creating a custom subcorpus and analyzing the material) and quantitative (determining the frequency of this SC in speech). The focus is on the model <P – N₁ is resting>, which is widely used both in Russian written speech and in oral discourse. Oral subcorpus of the National Corpus of the Russian Language and the General Internet Corpus of the Russian Language served as the source of the material. The article discusses such concepts as construction and evaluation, which are important for this study, and also offers the results of the analysis that was carried out. The result of the work was the evaluation scale "worse – better" / "more – less", which characterizes this particular syntactic model.

Keywords: construction, evaluation, evaluation scale, subject and object of comparison, grammar of constructions.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (на примере блогов сети Instagram)¹

© В.А. Куликова

Исследуются особенности функционирования новообразований в инстаграм-блогах, выявляются наиболее актуальные функции новообразований в сопоставлении с профессиональными СМИ. Цель исследования – проанализировать структурно-семантические и прагматические особенности новообразований в блогах сети Инстаграм, выявить специфику функционирования новообразований в данном медиа-источнике. В результате контент-анализа материала отобраны новообразования, функционирующие в дискурсе блогов Инстаграм (из речи блогеров в постах, сториз, а также их подписчиков в комментариях). С применением методов словообразовательного анализа, дискурсивного анализа выявлены следующие особенности: для новообразований характерно использование стилистически сниженных элементов: от разговорных, создающих эффект непринужденного общения, вплоть до обценных, привлекающих внимание, повышающих экспрессивность, но не функционирующих как средство речевой агрессии.

Ключевые слова: новообразования, интернет-дискурс, прагматика, функции новообразований.

Актуальные процессы в медиасфере способствуют появлению новых форм распространения массовой информации. В современном мире особую актуальность приобретают электронные СМИ, причем наряду с официально зарегистрированными интернет-медиа активно функционируют блоги, телеграм-каналы, сообщества в соцсетях. Как показывают исследования, современные читатели проводят чрезвычайно много времени в социальных сетях и предпочитают потреблять информацию именно оттуда [Имбер 2020: 32]. Эти источники, с одной стороны, не имеют официальной регистрации СМИ и поэтому с юридической точки зрения функционируют с меньшим количеством ограничений и этим

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

отличаются от профессиональных СМИ. С другой стороны, исследованные инстаграм-блоги, как и СМИ, нацелены на массовое распространение информации (аудитория исследованных блогов – от 35,5 тыс. до 3 млн. подписчиков). Такая ситуация обуславливает выбор источника материала исследования – инстаграм-блоги различной тематической направленности: «Инстаграм – это особое коммуникативное пространство, в котором проявляются практически все новые тенденции разговорной устной и письменной речи. Данный интернет-сервис является на данный момент одним из самых популярных не только среди молодежи, но и среди людей среднего возраста» [Агуреева 2019: 85].

Современные ученые относят подобные источники к медиа в широком смысле слова. Как отмечает Т.Г. Добросклонская, современные электронные медиатексты можно разделить на три группы: медиатексты «первого порядка», создаваемые профессиональными журналистами и распространяемые в официальных электронных СМИ; медиатексты «второго порядка», создаваемые и распространяемые блогерами, влогерами; медиатексты «третьего порядка», создаваемые и распространяемые любым индивидуальным пользователем в рамках категории «личный контент» [Добросклонская 2020: 41–42].

Таким образом, исследованные медиатексты относятся к медиа второго порядка (контент блогеров) и третьего порядка (реакция подписчиков в комментариях). Результаты современных исследований говорят о популярности альтернативных источников новостной информации и «постепенном снижении доминирующего влияния мейнстримовых СМИ, распространяющих тексты первого порядка, и растущем числе обращений к медиатекстам второго и третьего порядка, которые в меньшей степени ассоциируются с фейковыми новостями и пропагандой» [Добросклонская 2020: 42].

Медиа второго и третьего порядка схожи с профессиональными медиа не только по функции массового распространения информации, но и в языковом плане. Текстам блогосферы присущи многие черты публицистического стиля, в частности сочетание экспрессии и стандарта, мотивирующее наличие воздействующих средств. Одним из востребованных средств воздействия в блогах являются новообразования различной структуры.

В науке глубоко исследована функционально-прагматическая специфика употребления новообразований в медиа первого порядка и выявлены такие их функции, как деавтоматизация восприятия, увеличение информативности, а также оценочная, номинативная, компрессивная,

экспрессивная, комическая (или развлекательная) функции [Шумилова 2011: 21; Белькова 2018: 24–25].

Номинативная функция в инстаграм-блогах, как правило, сочетается с компрессивной, когда блогер ищет номинацию для действия или явления, которое в русском языке невозможно обозначить одним узуальным словом. Нередко это новообразования на базе иноязычных лексем, новейших заимствований (здесь и далее орфография и пунктуация исходных текстов сохранены. – В.К.): *4 бьюти-хака из ТикТока – работают ли они?* (15.09.2021) – по образцу *лайфхак*; *Вип-мастермайнд по конфликтам* (06.09.2021) – префиксоидация *вип-* + *мастермайнд* (от англ. *mastermind*, лексема в дискурсе инстаграм-блогов обозначает групповые консультации, когда люди из одной области деятельности делятся идеями). Зафиксированы примеры новообразований-глаголов, выполняющих номинативную и компрессивную функцию: *Чем занимаюсь? Мотивировалась. Нетворкала* (18.10.2021) – суффиксальным способом от *нетворкинг/нетворк* (от англ. *networking*, ‘выстраивание социальных связей в профессиональной деятельности, объединение единомышленников’; в том числе на базе более освоенных заимствований: *На них тоже аллергичат* (26.08.2021).

Для речи в блогах в целом характерно активное употребление заимствований [Агуреева 2019: 87], поскольку интернет-сфера способствует языковой глобализации. В то же время иноязычные лексеммы, в особенности еще не до конца освоенные, не имеют развитых словообразовательных гнезд, поэтому блогер заполняет словообразовательные лакуны путем словотворчества.

В некоторых случаях подобный механизм актуален и для словообразования на базе исконно русских лексем: *Дарю тебе хэштег- #Нанутешествовала* (комментарий подписчика) // *нормальный такой. Недавно от одной девушки блогера слышала такую фразу «я эти босоножки насотрудничала»* (ответ блогера) (16.08.2021) – для данных новообразований невозможно подобрать однословный синоним среди узуальных лексем, их содержание можно передать только с помощью описательных оборотов ‘получила что-либо за путешествие или в течение его’, ‘получила в результате сотрудничества’. Таким образом, инновации в лаконичной и яркой форме передают объемное содержание.

Нестандартность формы и содержания подобных новообразований, их образный потенциал помогают дополнительно реализовать и экспрессивную функцию, например, в новообразованиях, созданных с нарушением словообразовательной модели на базе имен собственных:

Настроение: венецианить (03.09.2021); *Авиасейлить* – мое любимое занятие. Даже если я никуда не лечу (23.09.2021) – ср. название сервиса поиска авиабилетов *Aviasales*.

Экспрессивная функция доминирует, когда блогер использует новообразования с экспрессивно-маркированными морфемами. Так, для словотворчества в текстах инстаграм-блогов характерно использование новообразований-существительных с размерно-оценочными суффиксами, как уменьшительно-ласкательными (*Прикольный такой дизайнерчик прям под твой стиль подходит* // 16.10.2021; *Эх, зара-зарушка, как ни старайся, нас не провести* // 09.10.2021), так и увеличительными (*Смотрите какой авокадина уже вырос* // 14.10.2021). Также экспрессивные новообразования создаются по моделям, продуктивным в сленге (*Объясним линейную алгебру без душнилова* // 18.09.2021; *Единственное, что я говорила, что код13 это не пирамида, а проекты некоторые были пирамидосные да*) *После скамопада мы вообще отказались от хайпов* // 11.10.2021). Употребление стилистически маркированных разговорных, сленговых словообразовательных единиц связано с коммуникативной стратегией некоторых блогеров – установкой на непринужденность в общении с читателем, имитацию естественной неофициальной коммуникации. Таким образом реализуется не только экспрессивная, но и контактоустанавливающая функция.

В текстах инстаграм-блогов определенной тематической и социальной направленности активно функционируют новообразования – неузусальные феминитивы, номинации лиц женского пола преимущественно по профессии или роду деятельности: *В интернете с режиссеркой и координаторкой проекта «Ребра Евы» Ледой Гариной* (02.09.2021); *Почему фрилансеров меньше чем фрилансерок* (11.09.2020); *Всех программисток с праздником* (13.09.2021); *Авторка «Горящей избы» протестировала их на себе* (15.09.2021); *От новой агентки 007 ожидали переворота в бондиане* (12.10.2021); *А она вообще-то блогерка!* (18.10.2021).

В определенной степени данные новообразования выполняют номинативную функцию, называя лиц женского пола по их профессии, роду деятельности и т.д. Однако с прагматической точки зрения номинативная функция представляется не основной. Инстаграм – площадка, на которой представлены блоги представителей различных социальных групп, поэтому новообразования-феминитивы могут выполнять идентифицирующую функцию – маркировать принадлежность говорящего к определенной социальной группе, его приверженность к определенной

социальной позиции. Неузואльные феминитивы встречаются преимущественно в блогах феминистской направленности, блогах по женской психологии, а также в речи блогеров, поддерживающих движение феминизма. Причем за пределами таких блогов употребление новообразований-феминитивов потенциально может вызвать негативную реакцию коммуникантов, не поддерживающих данную социальную позицию: *Жаль в жизни женщины в абыюзе не могут по щелчку пальцев, какую бы правду они не узнали, принять роль **агрессорки** ... П.С. Если кого-то ущемляют феминитивы, пожалуйста, проживите это самостоятельно. Мне сообщать не надо, мне наплевать* (30.08.2021).

Развлекательная (комическая) функция доминирует в текстах с новообразованиями, построенными с использованием средств языковой игры. Новообразования игрового характера создаются, как правило, различными неузуальными способами: *Такодемия: где есть тако в Москве* (23.04.2021) – словообразование по конкретному образцу пандемия + тако; *Получите предсказание – и день пройдет багетственно* (09.10.2021) – словообразование по конкретному образцу божественно + багет; *Воскнедельник. Момент, когда воскресенье перестает ощущаться как воскресенье и начинает ощущаться как понедельникное беспокойство* (12.09.2021) – скорнение воскресенье + понедельник; *Сожралеение. Когда сожалеешь о съеденном* (10.07.2021) – тмезис сожалеение + жра(ть); *Есть у меня **хреновости**: от горящих костров рябин все равно никуда не деться* (02.09.2021) – междусловное наложение с усечением первого производящего слова хреново + новости.

Направленность на привлечение внимания реализуется в новообразованиях, выполняющих функцию неймов – товарных знаков, обозначений рекламируемых продуктов. Как правило, это названия информационных продуктов, которые создает блогер – курсов, мастер-классов: *Алина чуть не словила увольнение. Увидела, что она инвестирует через Тинькофф по инструкциям от банка. Говорит, не было времени **топеу'тизацию** смотреть* (07.10.2021); *Если был куплен **Достигатор** на распродаже, то тоже участвую?* (30.09.2021). Неймы создаются различными способами, однако можно отметить продуктивность основы *инста-* (усечение от *инстаграм*) для создания неймов: *Утвердили дату съемки для **инстапрожектора*** (11.10.2021); *У меня на этой неделе три выступления, и все важные... – **Инстадиум** в Москве* (11.10.2021).

Нередко для привлечения внимания в нейминге используется словообразование на базе обценных лексем: *Мало прогревала к **вjobывате-***

лю, могла больше (27.09.2021); **Квизда в Москве**. Квизда – это авторский, сумасшедший квиз из недр нижегородского андерграунда (11.10.2021). Следует отметить, что в текстах инстаграм-блогов функционирование подобных новообразований отличается от медиа первого порядка. В профессиональных СМИ новообразования на базе обценных лексем обладают резкой негативной экспрессией, выступают как средство речевой агрессии. В текстах инстаграм-блогов такие новообразования скорее выступают как средство привлечения внимания, выполняют аттрактивную функцию (в нейминге), развлекательную функцию (в процессе языковой игры) и не выражают агрессии. Можно предположить, что это связано с различным восприятием условий коммуникации: медиа первого порядка осознаются как более кодифицированная речевая сфера, для которой характерен более официальный стиль общения, поэтому употребление обценных лексем осознается автором и читателем как серьезное нарушение коммуникативных и этических норм. В то же время коммуникация в пространстве инстаграм-блогов, вероятно, воспринимается как более неофициальная, непринужденная.

Итак, с одной стороны, как и в медиа «первого порядка», новообразования в инстаграм-блогах выполняют номинативную, компрессивную, экспрессивную, комическую функции. При этом словотворчество актуально для нейминга, подобные новообразования выполняют аттрактивную и рекламную функции. С другой стороны, новообразования в медиа «второго порядка» имеют функционально-прагматическую специфику, обусловленную особенностями канала распространения информации. Установка на непринужденное общение, неформальный характер коммуникации, меньшая дистанция с читателем мотивируют использование разговорных, сленговых элементов, которые не воспринимаются как нарушение стилистических норм, а также обценной лексики, которая, как правило, не функционирует в качестве средства речевой агрессии. Особым образом функционируют новообразования-феминитивы, которые могут выполнять функцию идентификации и самоидентификации, служат социолингвистическим индикатором, маркирующим приверженность говорящего к определенной социальной позиции.

Список литературы

1. Агуреева Е.В. Особенности функционирования иностранной лексики в языке Инстаграм // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6-1. С. 84–87.

2. Белькова А.Е. Функционирование неологизмов в интернет-ресурсах: на материале сайта NoName: Монография. Нижневартовск: Изд-во НВГУ, 2018. 112 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы. М.: "КДУ", «Добросвет», 2020. 178 с.
4. Имбер С.Ю. Разговорная речь в социальных сетях (на примере комментариев к новостным публикациям в «Instagram») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 12 (841). С. 31–45.
5. Шумилова А.В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2011. 25 с.

**PRAGMATIC FEATURES OF WORD-BUILDING
ON THE INTERNET DISCOURSE
(ON THE EXAMPLE OF THE INSTAGRAM NETWORK BLOGS)**

© *V.A. Kulikova*

The features of the functioning of neologisms in Instagram blogs are investigated, the most relevant functions of neologisms are identified in comparison with professional media. The aim of the study is to analyze the structural, semantic and pragmatic features of neologisms in the blogs of the Instagram network, to reveal the specifics of the functioning of neologisms in this media source. As a result of content analysis of materials, neologisms in the discourse of Instagram blogs were selected (from the speech of bloggers in posts, stories, as well as from the speech of their subscribers in the comments). Using the methods of word-formation analysis, discourse analysis, the following features were revealed: neologisms are characterized by the use of stylistically reduced elements, conversational, creating the effect of easy communication, up to obscene ones that attract attention, increase expressiveness, but do not function as a means of speech aggression.

Keywords: neologisms, Internet discourse, pragmatics, functions of neologisms.

ФЕНОМЕН ОБНУЛЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ 2020 г.¹

© С.Д. Левина

Статья посвящена слову *обнуление*, одному из важнейших слов 2020 г. В связи с экстралингвистическими причинами резко возрастает его частотность, оно приобретает новое значение – ‘отмена временных ограничений президентских полномочий с целью продлить правление действующего главы государства’. Девербатив *обнуление* предопределяет появление соотносительного значения у глаголов *обнулять*, *обнулить*, *обнулиться*. Многочисленные дериваты отражают различные аспекты понятия: событие, участники, причина, результат, место, признаки по отношению к событию, участникам, месту. Это слова разных частей речи, они разнообразны по способам словообразования и коннотациям. *Обнуление* как новое явление в жизни общества осмысляется с помощью языковой игры: столкновение новых и старых значений слов (*обнуление*, *обнулять*, *обнуляться*), блендинг.

Ключевые слова: значение, деривация, неологизм, девербатив, блендинг, языковая игра.

Важнейшим неогенным фактором 2020 года наряду с пандемией коронавируса оказалась поправка к Конституции РФ, *обнуляющая* сроки полномочий действующего президента, т.е. устанавливающая возможность баллотироваться еще дважды.

Общественная дискуссия по этой поправке вызвала рост частотности слова *обнуление*. В информационно-аналитической системе «Интегрум» за весь 2019 г. выявлено 34805 вхождений, а с 10.03.2020 (дата заседания Государственной Думы, на котором депутатом В.В. Терешкова внесла эту поправку) по 31.12.2020 г. – 161005 вхождений, т.е. почти в 4,5 раз больше.

Лексема *обнуление* в 2020 г. – ключевое слово текущего момента, и в этом качестве она привлекла внимание лингвистов. Д.Н. Селиванов рассматривает языковые игры со словом *обнуление* и соотносимыми с ним глаголами [Селиванов 2020], Г.П. Байгарина [Байгарина 2020] пишет о различных аспектах бытия этого слова и его производных в медийном дискурсе.

Обнуление – дериват глагола *обнулить*, впервые описанного в НСЗ-70: ‘установить (прибор, устройство и др.) в нулевое, исходное

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00494.

положение (*в разг. проф. речи*)'. В БАС-3 наблюдается словообразовательное гнездо: глаголы *обнулить, обнулять, обнулиться, обнуляться* и девербатив *обнуление*, описанный как дериват: 'в информатике – действие по знач. глаг. обнулять, обнулить'. У глаголов словарь указывает по два значения, второе – '*Перен. Разг.* Сводить что-л. к нулю; лишать полностью смысла, содержания, значения'. Дополнениями при переходном глаголе или подлежащими при непереходном могут быть слова *НДС, счет, баллы* (то, что имеет числовое значение, которое может быть и нулевым), *отношения, иск, виза* (то, что сводится к нулю буквально, но может стать несостоятельным, недействительным, прекратиться).

В 2020 г. резко активизируется употребление всех этих слов: *обнулять / обнулить президентские сроки / президента / Путина; обнулить Конституцию; обнуление президентских сроков / президента / Путина; обнуление государственной совести, легитимности, доверия* и др.

Теперь *обнуление* – конкретное событие. И девербатив регулярно употребляется без указания прямого объекта: *С обнулением вас, ребятки! «Обнуление» получилось жалким; Люди <...> выступили против обнуления*. Формируется **новое** значение: 'отмена временных ограничений президентских полномочий с целью продлить правление действующего главы государства'. Денотатом становится не только событие 2020 г. в России, но и аналогичные в мире. Историк Т.Н. Эйдельман записала лекцию *История обнулений: Лукашенко, Чавес, Фухимори, далее везде*. У слова в новом значении появляется позиция **субъектного** дополнения: в Интегруме 3381 контекстов со словосочетаниями *обнуление Путина, президента, Лукашенко*.

Девербатив теперь влияет на семантику глаголов: *Терешкова, обнулившая Путина; Лукашенко <...> опередил Путина: он «обнутился» еще в 2004 году, предоставив себе возможности для пожизненного правления* (ИА Росбалт. 14.12.2020). Появляется значение 'отменить / отменять временные ограничения президентских полномочий с целью продлить правление действующего главы государства'.

От слова *обнуление* в новом значении образуется невероятное для девербатива количество дериватов. 93 неологизма ниже – неполный список:

– само событие, а также различные явления, действия, оценки, связанные с ним: *обнулевание, обнулёвка, обнулёж, обнулёжка, обнулемс, обнулендум, обнулёнка, обнулённость, обнуленство, обнуленчество, обнуленщина, обнуленьице, обнулец, обнулиздец, обнулизм, обнулиссимо,*

обнулительство, обнуличка, обнуллицизм, обнулядство, обнуляж, обнуляйка, обнуляйтунг, обнулялка, обнулямс, обнулянс, обнулятина (второй свежести), обнуляторство, обнуляция, обнуляш, обнуляшечка, обнуляшки, обознатушки-обнулятушки, путинизм-обнуленинизм, путинизм-обнулизм;

– президент: *наша-обнуляша, Обнулёванный, обнулевик, обнулёвщик, обнулейшество, обнулейший, обнуЛенин, Обнулённейший, Обнулённо-Бункерный, Обнулённый, Обнулёнок, Обнулёныч, обнулёныш, Обнулеон, обнулидер, Обнуликий, обнулин, Обнулина, обнуллиссимус, обнулитель, обнулок, обнултус, Обнуль, обнуляйтер, обнулянт, обнулятор, Обнуляш (в качестве имени собственного и имени нарицательного), обнуляшка, Обнуляшкин, светлейше-обнулённейший;*

– тот, кто поддерживает обнуление: *обнулитель, обнуленец, обнуленинец, обнулёнщик, обнулист, обнульщик, обнуляльщик, обнулятор, обнуляшка;*

– В.В. Терешкова: *обнулёвщица, матушка-обнулительница, обнулядь, обнуляльщица, обнуляшка (в качестве имени собственного и нарицательного);*

– председатель Центральной избирательной комиссии Э.А. Памфилова: *Элла Обнулевна;*

– относящийся к обнулению президентских сроков, к его участникам; связанный с ними: *обнуленинский, обнуленческий, обнулительный, обнульный, обнуляторский, обнуляторный, обнуляшинный;*

– «обнулительная» поправка: *Центральная «крохотулечка», матрёшечка-обнулёшечка так умело и позорно спряталась среди сестричек-поправочек, что население приняло незаконный акт как подарок от Бога (Newsland.com. 07.07.2020);*

– измененная Конституция: *Мы пронюхиваем, как нарушат <...> свеженькую конституцию-обнулёнку (V1.Ru. 17.02.2021);*

– Россия: *Обнулэнд, Обнуляндия, Обнулистан;*

– относящийся к России: *обнуляндский;*

– время после обнуления президентских сроков: *обнулевые (годы);*

– вымышленные предметы: *[Художник Loketski] нарисовал на фасадном люке пачку «средства от демократии» «Обнулин» (severreal.org. 13.03.2020); На кафедре политологи МГИМО появился новый предмет – обнулогия (Афоризм. 07.08.2020); МВД России предложило вместе с паспортами вручать гражданам.. Конституцию РФ.. Было бы неплохо выпустить это дело в виде электронной книги и снабдить портативным обнулятором в виде фигурки Путина (Publizist.ru. 26.01.2021);*

– девербатов со значением ‘утратить способность адекватно оценивать ситуацию’: *обнулить*.

Обнуление предстает как сложное понятие. У него есть акторы, среди них выделены основные: бенефициар; тот, кто озвучил инициативу; тот, кто организовал голосование. Лица названы именами собственными и нарицательными. Есть причина – *матрешечка-обнулёшечка*, результат – *обнулёнка* и *обнулить*, место действия (страна), «средства осуществления» – *обнулин*, *обнулятор* и «наука» *обнулогия*. Наступает новая эпоха – *обнулевые* годы. Должностные лица и граждане дезориентированы, *обнулели*. Следующая ступень словообразования – относительные прилагательные, образованные от названий события, участников и места.

Дериваты удивительно разнообразны. Различны способы их образования (суффиксация, сложение, субстантивация, блендинг), есть словообразование узуальное и окказиональное (*наша-обнуляша*, *обнултус* – бленд *обнуление* + *оболтус* или образовано по ассоциации со *свинтус* с унификсом *-тус* и др.). Слова различаются экспрессией (ироническое *путинизм-обнулизм*, пренебрежительное *обнулёнка*, ласкательное *обнулёшечка*, неодобрительное *обнуленщина*, презрительное *обнулок*) и средствами ее выражения – аффиксом, лексическим значением второго компонента бленда, отсылкой к прецедентному феномену. Различны и стилистические свойства неологизмов.

Интересны неологизмы с малопродуктивными аффиксами, причем, за исключением последнего, узуальные: *обнулец*, *обнуляш*, *обнуляшка*, *обнуляшки*, *наша-обнуляш*. Есть и омонимы с различными значениями аффиксов: *Показуха для <...> **Обнуляша** (лицо) важнее жизней граждан* (SMOnline. 08.04.2020); 2) *Ах, какой **обнуляш** (отвлеченный процессуальный признак) начался по всей площади страны!* (Новости России. 08.08.2020).

Формант *-ец* в слове *обнулец* известен по обсценизму и его эвфемизмам, мотивированным сходством звучания (*звездец*), или с неясным значением производящей основы (*капец*, *типец* и др.). Но в 1990-е появляется *стабилизец*, позже – слова с основой, обозначающей причину тяжелой ситуации (*кризисец* (2009), *трампец* (2016), *вирусец*, *карантец*, *ковидец*, *коронавирусец* (2020)). Мотивирующие слова называют явления, пугающие общество. Поэтому используется столь экспрессивная модель.

Итак, сверхактивная деривация задействует и периферию словообразовательной системы, причем дериваты становятся узуальными.

У слов *обнуляш*, *обнуляшка*, *обнуляшки* есть синонимы с продуктивными суффиксами, но есть потребность и в редких моделях.

Обнуление часто осмысляется в языковой игре. Покажем лишь два приема языковой игры с «модным» словом.

Столкновение нового и старого значений существительного и/или глаголов. Рассмотрим здесь примеры, где объектом *обнуления* названа страна: *Очевидно, что **обнуление** России состоится, <...> оно уже состоялось, <...> когда было объявлено* (NEWSru.com. 13.03.2020); *Как существовать в стране, которая «**обнулилась**»?.. Последние 20 лет российской истории, которые так печально **обнулились** вчера, <...> **обнулились** полностью* (Эхо Москвы. 13.03.2020); *Обнулённая Россия начала рушиться, начиная с Дальнего Востока* (Континенталистъ. 26.07.2020). Здесь нет слова *обнуление* в новом значении, событие ранее названо в тексте по-другому, но обсуждаются его последствия. Это конец постсоветской истории страны, и новый этап, возможно, приведет к ее гибели. Но тем же приемом пользуется сторонник поправки: *Лучше **обнулить** президентский срок, чем позволить некоторым внешним так называемым нашим «партнерам» и внутренним «друзьям» «обнулить» Россию, которая с огромным трудом поднялась после 90-х* (yakutiamedia.ru. 12.03.2020). Одни видят в *обнулении* беды для страны, другие – спасение. Языковая игра со стороны защитника *обнуления*, заметим, – нечастое явление: обыгрывание ключевого слова текущего момента – прежде всего способ выражения протеста, и абсолютное большинство игровых контекстов и инноваций создают оппоненты власти.

Блендинг. Примерно 1/5 часть приведенного выше списка неологизмов являются блендами или их дериватами. Бленд создается как уникальное слово. Но когда производящее слово обрастает большим количеством блендов, стоит поискать закономерность: что служит источником второй основы, с какими понятиями сближается понятие, обозначенное «модным» словом?

Ряд блендов связан с именем В.И. Ленина: *Обнуление, обнуленницы, обнуленинский, путинизм-обнуленинизм* (ср. марксизм-ленинизм): *Неужели некоторые думают, что **Обнуление с обнуленинцами** – единственный залог целостности страны и государства?* (tanzpol.org. 24.01.2021). Здесь важны совпадение первоначальной даты голосования по конституционным поправкам 22 апреля с днем рождения В.И. Ленина и совпадение имен В.И. Ленина и В.В. Путина (*дедушка Владимир **ОбнуЛенин***). *Обнуление* – авторский неологизм лидера группы «Ленинград» С. Шнурова: *В зал входит новый **ОбнуЛенин** И присягает на ме-*

ню. Слово актуально и в 2021 г. (за 2 года более 200 цитат в Интегруме). Его дериваты редки, встречаются в контекстах, отсылающих к прецедентным феноменам советской эпохи: *Обнуленинским* путем к светлomu будущему!; *Обнуленинская* премия; *Обнуленинизм* – знамя эпохи!

Неологизмы *Обнулеон*, *обнулидер*, *обнуллиссимус*, *Обнуликий* называют бенефициара *обнуления*, напоминают о политических лидерах (*Наполеон*, Сталин – *генералиссимус*, *лидер*) и отсылают к прозвищу В.В. Путина в соцсетях – *Солнцеликий*.

Голосование граждан по поправкам названо *обнулендумом* (*обнуление* + *референдум*), *обнулемсом* и *обнулямсом*. Бленды *обнулямс*, *обнулемс* связаны с вопросом всенародного голосования: *Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?* Здесь нужно вспомнить, казалось бы, забытое *одобрямс* – обозначение показного одобрения, с которым в эпоху застоя общество принимало любые решения власти.

Итак, бóльшая часть блендов связана в основном с советской политикой и властью. В части приведенных выше контекстов, обыгрывающих многозначность, отражается представление об *обнулении* как о конце постсоветской России, а эти бленды вызывают ощущение ожившего прошлого.

Слово *обнуление* объединяется с названиями временных периодов: *обнуллициум* (*обнуление* + *миллениум*), *обнулевые* (годы; *обнуление* + *нулевой*), *обнулябрь* (*обнуление* + один из четырех последних месяцев года) обозначают промежутки времени как определяемый этим событием.

Блендинг – способ выразить оценку, которая может выражаться как самим соединением несоединимого, так и коннотацией одной из составляющих. Резко отрицательную оценку выражают соединения слова *обнуление* с обсценизмами: *обнулиздец*, *обнулядь* и *обнулядство*.

Итак, в 2020 г. *обнуление* – одно из важнейших слов. Резко возрастает его частотность, появляется новое значение *обнуление*, предопределившее возникновение соотносительного значения и у глаголов. От него образуется огромное количество разнообразных дериватов. *Обнуление* часто осмысливается в языковой игре. В 2021 г. снижается частотность лексемы (на момент написания статьи 39337 вхождений) и ее словообразовательная активность, хотя отдельные неологизмы продолжают появляться. Расширяется сфера употребления: законопроект об отмене временных ограничений губернаторских полномочий называют *законом об обнулении губернаторов*. Можно констатировать закрепление в языке появившихся год назад значений слов *обнуление*, *обнулить*, *обнулиться*.

Список литературы

1. Байгарина Г.П. «Обнуление» как лексический маркер современной эпохи: «Слово года» – 2020 // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура. сборник статей V Международной научно-практической конференции. В 2 тт. Т. 1. М., 2021. С. 98–108.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–26. СПб., 2004 – по настоящее время.
3. НСЗ-70 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. 808 с.
4. Селиванов Д.Н. «Обнуленный Арканар»: языковые игры с ключевым словом текущего момента «обнуление» // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 21 / Отв. ред. А.А. Малышев. СПб.: Медиапир, 2021. С. 240–246.

THE PHENOMENON OF *ОБНУЛЕНИЕ* ‘ZEROING’ IN RUSSIAN LANGUAGE OF 2020

© *S.D. Levina*

One of the most important words of 2020 is *обнуление* ‘zeroing’. Extralinguistic reasons caused increase in frequency of the word, the forming of its new meaning ‘cancellation of time restrictions on presidential powers in order to extend the reign of the current president’. Deverbative *обнуление* determines correlative meanings of verbs *обнулять*, *обнулить*, *обнулиться*. Numerous derivatives of *обнуление* represent different aspects of notion: event, participants, reason, result, attributes in relation to event, participants, reason, result. Derivatives belong to different parts of speech, formed in different ways and have different connotations. A new phenomenon in the life of society is comprehended with a language game. Speakers play with different meanings of words, use blending as a way of word formation.

Keywords: meaning, word formation, neologism, deverbative, blending, language game.

ИНТЕРНЕТ-СИМВОЛЫ И КОДЫ ИТ-СФЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (лингвоэстетический аспект)

© *Е.В. Маринова*

Цель исследования – выявить эстетическую функцию единиц семиотической системы ИТ-сферы, служащих в литературном произведении заметным средством обновления художественного дискурса. На основе структурно-описательного метода лингвистики (с использованием методики лингвистического анализа текста) определяются как сам состав наиболее распространённых в художественном тексте интернет-символов, так и их основные функции (образная, игровая, выразительная, композиционная) в структуре литературного произведения. Делается вывод о том, что современный художественный дискурс отражает такую особенность подачи и восприятия информации, сформировавшуюся в условиях новых ИТ, как кодирование, предполагающее, прежде всего, визуализацию (а не озвучивание). Кроме того, можно говорить не только о появлении в современной прозе нового героя – пользователя компьютера и Интернета, но и нового читателя, имеющего представление о тех специфических денотатах виртуальной среды, названия которых включает автор в свой текст.

Ключевые слова: интернет-символы, коды ИТ-сферы, художественный дискурс, эстетическая функция, визуализация.

Одной из наиболее заметных дискурсивных практик последних десятилетий является такая речевая организация текста, в создании которой участвуют единицы разных семиотических систем [Иссерс 2015: 52]. Это явление получило название поликодовости, или интеркодовости. В нашем исследовании мы обратились к единицам одной семиотической системы – ИТ-сферы: нас интересовали специфические, по большей части интернациональные коды и символы, использованные **вне** своей исконной, компьютерно-интернетовской среды, а именно – в художественном дискурсе. Материалом исследования послужили литературные произведения текущего периода (всего более 60 текстов).

Прежде всего, заметим, что включение интернет-символов и кодов ИТ-сферы в структуру текста обеспечивает определённую тематическую линию, связанную с Интернетом, придаёт тексту достоверность, почти документальность, а в некоторых случаях выполняет роль кодового переключения: информирует о смене референции из мира реального в мир виртуальный.

Идею отнесённости изображаемого явления к Интернету эксплицируют, к примеру, такие **невербальные знаки** IT-сферы, как символ-разделитель @ («собачка», «собака») и символ # (хештег). Первый из названных символов не только включается в упоминаемые в тексте адреса электронной почты героев, что вполне естественно, но и может заменять букву «а» (**игровая функция**). См.: название пьесы Л. Агулянского «*Любовь. Собак@Точка.ru*» (2012). Оно стилизовано под формат электронного адреса, однако некоторые графические элементы намеренно вербализуются (*собака, точка*), вследствие чего обыгрывается омонимия обоих слов: *собака* разг. ‘о ком- или чём-л. злом, жестоком’ – в данном случае о любви; *собака* как название символа; *точка* разг. ‘кончено, хватит’ [БТС 1988] и *точка* как графический символ, элемент электронного адреса. Таким образом, оформленное игровым способом название становится «говорящим», мотивированным (см. подзаголовок «Небанальная история банального интернет-знакомства»). Более ранний пример – оригинальное название культовой книги польского писателя Януша Вишневского «*S@motność w Sieci*» (в русском варианте: «Одиночество в Сети», 2010). И хотя, как говорит с несколько грубоватым юмором один из пелевинских героев, «...заменять русскую букву «а» на сучку из электронного адреса – уже прошлый век», этот незамысловатый приём, правда уже в сатирических целях, используется и самим Виктором Пелевиным. См.: *Я увидел заполненный людьми зал и длинный подиум с надписью «Гражд@нка ГламурЪ»* (В. Пелевин. Бэтман Аполло). В другой фрагмент романа включены оба интернет-символа (@; #): *...в мире не меняется ничего. Ничего и никогда... Вот... #ужебылоподсолнцем. Можно подумать, мы этого не знали без ваших хэш-тэгов, п@цаны*. С помощью кодового переключения здесь косвенно обозначается объект иронии – современный человек, не мыслящий себя без интернет-технологий.

Можно отметить также **образное** употребление значка «собачка» в художественном тексте: *Почему я сам свернулся в своей ракушке, в этой маленькой «@» своего электронного адреса?* (Мерси Шелли. Паутина). В контексте с развёрнутой метафорой *свернуться в ракушке* (= спрятаться от внешнего мира) графический значок и сам воспринимается как метафора (форма женского рода прилагательного перед ним подсказывает прочтение *в маленькой ракушке своего электронного адреса*). Заметим, что образ ракушки у Мерси Шелли (псевдоним писателя Алексея Андреева) имеет некоторые культурные основания, так как в ряде языков, например французском, итальянском, корейском, символ @ называют улиткой [Какорина 2007: 438].

Итак, функционал интернет-символов в художественном тексте расширяется. Одним из первых авторов, предпринявших попытки к такому расширению, был Андрей Вознесенский. В цикле стихов 2000 г. «www.Девочка с пирсингом.ru» он продемонстрировал разнообразные эстетические возможности наиболее распространённых кодов Интернета. Это видно не только по названию сборника, которое сразу задаёт основные темы цикла, но и по отдельным словесным образам с участием прежде всего доменного имени «ru». См.: *Все талантливые ублюдки смяты гением Твоим, ru! <...> Ты, чурающаяся пиара, нераскрученная ru, ты спасла меня, целовала...* («Я люблю Тебя, я люблю Тебя, так люблю!»). «Ru» используется в роли самостоятельного наименования (существительного женского рода) близкого и любимого лирическим героем пространства – Руси, России, Родины. Имя этого пространства в новом времени – по мнению поэта, *www.ru* – «титрами» проступает на теле; с этим именем герой связывает своё будущее после ухода: *...когда умру, свою буквуку инициала закодирую в www.ru*. Так, традиционная тема русской лирики – любовь к Родине – и традиционные образы, сопровождающие эту тему (журавлиная стая), получают новое языковое и графическое воплощение: *Пусть kURLычат они, улетаая, на бескрайнем трубят миру – // Три журавлика вечной стаи – // WWW RU*.

В то же время символ «собачка», а также доменные имена используются и в своей привычной функции – как элементы электронного почтового адреса или названия (вымышленного или реального) сайта. Вот несколько иллюстраций: [Майкл] *просмотрел адресную книгу, адрес Симбы нашёлся быстро: simba@simba.inf* (А. Матвеев. Любовь для начинающих пользователей); *Есть у Кня несколько постоянных адресатов. Самые спокойные и взвешенные письма он пишет домой на andorra@surnet.ru* (Дм. Бавильский. Нодельма); *Lenta.ru именно последние слова вынесла в заголовок* (А. Житинский. Flashmob! Государь всея Сети); *Нашёл Гмейл, гугловскую почту. Тут ворох был всего, чего он ещё не видел... И распечатанные конверты – от матери: svetlanashazina1960@mail.ru* (Дм. Глуховский. Текст); *Я заготовил ящик на gmail.com ...* (В. Пелевин. Искусство лёгких касаний) и т.п.

В современной прозе часто встречаются отсылки и на адреса других сервисов и услуг сетевого пространства. Например.: *Менялы из твоего банка, получив счёт от ninpoop.com, ничего даже не заподозрят* (В. Пелевин. Акико); *Практикант набрал адрес интернетовской страницы гостиницы www.relais-bosget.com* (Я. Вишневецкий. Одиночество в Сети) и др. Могут упоминаться также адреса «мест» в самом компьютере,

что придаёт повествованию достоверность, а образу автора – «вездесущность». Например: «*Роберт? Raskolnikov?!*» – догадалась Фаина, мысленно слив черты брюнета с линиями и выпуклостями, запечатленными на фотографиях, которыми десять тысяч лет назад был завален ее винчестер (субдиректория *firt_neuropatolog*) (А. Зорич. Пасифая.doc).

Посредством подобной фактологичности отражается, на наш взгляд, характерная для нынешней коммуникации особенность – **доминирование визуальной подачи информации**, т.е. подачи, которая **не предполагает озвучивания** отдельных элементов текста. В частности, в сетевой переписке, при необходимости сообщить о каких-либо источниках информации (ресурсах), пользователи чаще оперируют не названиями, а их адресами – адресами сайтов, форумов, порталов, страниц и т.п. Так же поступают и герои книг.

«Озвучивание» интернет-символов, помимо игровых контекстов, о которых говорилось выше, тоже возможно, но встречается реже: писатели используют вербализацию адреса, когда изображается устная речь героев в обычном, не сетевом диалоге: – Пульни ей (журналистке. – Е.М.) на электронный адрес: *tereza.собака.pronovosti*, – попросила Вика, заметив, что я полез в свою фототеку... (Т. Шахматова. Удар отточенным пером). В следующем примере словесное (а не только в виде символов) обозначение адреса сайта (www.compghost.net), полученного с анонимного электронного ящика, становится своеобразным маркером несобственно-прямой речи, включающей языковую рефлексию персонажа (доменное имя *net* переводится главной героиней как *Сеть*, *compghost* расшифровывается в контексте ситуации с анонимностью как *компьютерный призрак*), см.:

*Опять почта, опять кому-то не спится.
mailto:simba@simba.inf*

*В письме не было ничего, кроме ссылки.
www.compghost.net*

Три даблью. Точка. Компьютерный призрак. Точка. Сеть
(А. Матвеев. Любовь для начинающих пользователей; графическое оформление текста сохранено. – Е.М.).

Кроме отображения «языкового вкуса эпохи», колорита времени, смоделированные авторами книг адреса интернет-ресурсов могут быть

средством создания иронического эффекта. Так, например, в антиутопии Дм. Галковского «Друг Утят» (2002) герои времени от времени вынуждены отвлекаться на рекламу, причём каждый раз рекламный текст разный, хотя объект рекламы один и тот же. Абсурдность ситуации подчёркивается гротескностью рекламируемого продукта (квадратные яйца) и узнаваемостью штампов и клише рекламных текстов. Читателю, таким образом, предлагается ряд пародий на слишком назойливую рекламу, причём текст рекламы оформляется как описание смены кадров в видеоролике, поскольку сатирическое произведение Галковского написано в жанре сценария. Например, герои «видят», как *квадратное яйцо разрезается пополам. На желтке надпись: «www.3_egg.com.parol-1HgJH6Ve23Bkh».* Титры: «В каждом сотом яйце... Сюр! Приз!!! Наберите пароль – и узнаете, что вас ждет». В этот пародийный текст автор включает, помимо якобы остроумной шутки «рекламщиков» (см. гендиадис *Сюр! Приз!*), интернетовский адрес с таким громоздким паролем, что ни произнести его, ни тем более запомнить не представляется возможным. Тем самым высмеиваются дешёвые приёмы и лживый характер рекламы.

Ещё одной иллюстрацией использования реалий и кодов Интернета в сатирических целях является рассказ В. Пелевина «Акико» (2003). Построен он необычно: по сути, это монолог неодушевлённого предмета, сетевого продукта, а именно порносайта «Акико». Точнее форму рассказа можно определить как «невный» диалог в режиме онлайн: читателю представлены только реплики «девушки», по отдельным особенностям которых – вопрос, переспрос, просьба и т.п. – понятно, что молчаливый адресат, завсегда́тай сайта под ником Йцукен (об игровой природе этого имени см. [Кронгауз 2013: 201]), всё же рядом и его реакция и действия на слова Акико подразумеваются. Понятно и то, что Йцукен не общается с приложением словесно – только через манипуляции с курсором на мониторе, а реплики Акико, по-видимому, следуют за каждым «кликом». То есть живой человек бессловесен, а виртуальная сущность красноречива и даже поэтична. Интрига держится на том, что Акико пытается убедить пользователя потратиться за дополнительные услуги на сайте. Одна из повторяющихся в разных вариациях реплик Акико звучит так: *Здравствуй, ЙЦУКЕН. Мы с Мао хорошо помним тебя и твой IP-адрес 211.56.67.4.* Комизм этого утверждения строится, помимо того что обезьянка Мао вряд ли может помнить IP-адрес, на приёме зевгмы – нарушении логической однородности: «хорошо помним тебя» предполагает воспоминания о личности, индивидуальных

качествах человека, «хорошо помним твой IP-адрес» это исключает. Так постепенно в текст рассказа вводится его основная идея – идея тотальной слежки спецслужб за пользователями Сети. Что же касается речевой организации текста, здесь мы вновь видим, как интернет-символы становятся необходимыми для выражения авторского замысла художественными элементами.

Следует подчеркнуть, что подобные элементы обновляют, оживляют и разнообразят дискурс. Свежо, необычно смотрится, например, указание на возраст героев в рассказе А. Зорича «Пасифая.doc» (2007). Количество прожитых лет даётся в скобках (как в предыдущем предложении нами указан год издания), как правило, после первого упоминания имени персонажа. Так, героиня рассказа Фаина «флиртвала в привате с одним голландским мужчиной, Гарри (38)». Имеется в виду приватное общение на портале знакомств, где Фаина ищет нового мужа, непременно иностранца. И вот, кажется, находит: *В скобках рядом с его псевдонимом стояло число «35», что в целом отвечало представлениям Фаины (30) о возрасте своего потенциального избранника.* Таким, чисто интернетовским способом – Фаина (30) вместо тридцатилетняя Фаина – автор подчёркивает степень погружения героев, общающихся на сайте знакомств, в эту специфическую среду, где пользователи идентифицируют себя не иначе, как Пётр (36) или Ольга (38).

Итак, современный художественный дискурс отражает особенность подачи и восприятия информации, сформировавшуюся в условиях новых ИТ: кодирование, предполагающее, прежде всего, визуализацию (а не озвучивание). И ещё один важный момент: включение в текст символов компьютерно-интернетовской сферы, специальных словесных обозначений реалий этой сферы рассчитано на читателя, знакомого с этой сферой. Так, чтобы понять, почему главному герою романа Мерси Шелли «Паутина» Виктору Степному снится буква «ю» (...огромные текстовые потоки почты привели меня на грань нервного срыва. Я путал имена и даты, говорил невпопад и видел наяву сны про расплывающуюся букву «ю», которую постоянно умудрялся ставить вместо точки, забывая переключить регистр), нужно обладать хотя бы элементарными навыками работы с компьютерной клавиатурой. Нередко от читателя требуется большее – знание азов программирования, информатики, даже если сам автор даёт некоторые подсказки к действиям своих особо продвинутых в программировании героев, как например, В. Пелевин в романе «iPhuck 10» (2017); см: *Набрала [Мара] в окне интерфейса простую как мычание команду: «опиши себя и мир: ^txt^ru^2pg». Кавычки означают, что это исполняемый оператор,*

подлежащий анализу именно в таком качестве; значки после двоеточия – что ответ требуется в виде русскоязычного текста объёмом в 2 условные страницы.

Таким образом, можно говорить не только о появлении в современной прозе нового героя – пользователя компьютера и Интернета (подробнее об этом см.: [Маринова 2021]), но и **нового читателя**, имеющего представление о тех специфических денотатах, названия которых могут упоминаться в тексте и даже включаться в заглавия произведений или глав.

Список литературы

1. БТС – Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: ЛЕНАНД, 2015. 272 с.
3. Какорина Е.В. Язык Интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиа-Мир, 2007. С. 393–478.
4. Кронгауз М. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013. 416 с.
5. Маринова Е.В. Язык Рунета в Сети и за её пределами: От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного курса. М.: ЛЕНАНД, 2021. 304 с.

INTERNET SYMBOLS AND IT-SPHERE CODES IN LITERARY DISCOURSE (linguistic-aesthetic aspect)

© *E.V. Marinova*

The study aims at revealing aesthetic function of units belonging to semiotic system of IT-sphere. In literary works these units serve as a conspicuous means of renewing literary discourse. The research is conducted on the basis of structural descriptive method of Linguistics (combined with the method of linguistic analysis of the text). The author defines the composition of the Internet symbols that are most frequently used in literary texts and describes their main functions (metaphorical, game function, expressive, compositional) in the structure of literary work. The author makes a conclusion that the modern literary discourse reflects such peculiarity of delivering and receiving information by means of modern IT as coding, which primarily implies visualization (and not voicing). Besides, it is possible to speak not only about the emergence of a new character in modern prose – the user of computer and Internet, but also about a new reader, who is aware of those specific phenomena of virtual sphere which the author includes into his text.

Keywords: Internet symbols, IT-sphere codes, literary discourse, aesthetic function, visualization.

ПРОБЛЕМА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО» В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

© *Е.М. Маркова*

По-разному решая проблему «своего» и «чужого», современные славянские языки в одинаковой степени испытывают влияние со стороны английского языка. Англоязычная экспансия сегодня отличается от тех ситуаций, которые имели место в разных славянских языках в связи с иноязычным влиянием: влиянием немецкого языка на чешский, немецкого и венгерского – на словацкий, турецкого – на сербский, хорватский и болгарский, французского – на русский. Целью статьи является сравнение отношения в наши дни к англоязычным заимствованиям в разных славянских лингвокультурах. Для достижения цели использовались аналитический, историко-диахронический, синхронно-сопоставительный методы. В результате исследования делается вывод, что воздействие английского языка на современные славянские языки носит глобальный и системный характер, хотя и имеет свою специфику в разных славянских языках, обусловленную исторически сложившимся отношением к заимствованиям.

Ключевые слова: славянские языки, заимствования, английский язык.

Кардинальные изменения в жизни мирового сообщества, в особенности в странах Восточной Европы, произошедшие три десятка лет назад, нашли отражение в англоязычной ориентации славянских языков. Потребность в новых номинациях в связи с бурным научно-техническим прогрессом, ассимиляция с мировым цивилизационным процессом, стремление к единообразию обозначений, тенденция к компактным номинациям, вызванным активизацией закона экономии языковых средств, отвечающего духу времени – все эти и другие факторы стали причиной роста числа англоязычных заимствований в современных славянских языках.

В настоящее время именно английский язык считается главным «донором эпохи», роль которого можно сравнить с той, которую в свое время сыграла латынь [Валгина 2001: 116]. Активное проникновение в русский и другие славянские языки иноязычных наименований различных реалий жизни современного мирового сообщества отражают процессы глобализации, расширения и углубления международных связей, резкого увеличения потока информации с Запада. Интернационализация – это не только процесс, но и тенденция, охватывающая в различной мере все развитые языки. Большинство исследователей разделяет мнение, что это явление не относится к чисто лингвистической пробле-

матике, в первую очередь это результат цивилизационных, культурных, экономических, политических явлений и технологических процессов [Bosák 2005: 22].

Обращение к истории славянских языков свидетельствует о том, что славянские языки в разное время испытывали влияние со стороны других языков: русский язык в разные периоды заимствовал лексику из других европейских и восточных языков, общеизвестно влияние французского языка на русский в XVIII – нач. XIX вв., чешский и польский языки испытали сильное влияние со стороны немецкого языка, словацкий – со стороны немецкого и венгерского, болгарский, сербский, хорватский – со стороны турецкого. Однако сегодняшняя ситуация с английским языком коренным образом отличается от того, что наблюдалось в языках ранее.

Иноязычное влияние в прежние века чаще всего было связано с осознанными попытками воздействия на славянские народы, порабощения их, поэтому в них наблюдалось отталкивание чужеродных элементов, вытеснение их на языковую периферию (как это произошло в чешском языке в отношении немецких заимствований, в словацком – с немецкими и венгерскими заимствованиями, в языках балканских народов в отношении тюркизмов). Как известно, стремление к сохранению славянского звучания языков породило целые программы культурного сотрудничества славянских народов в XVIII–XIX вв.: концепцию славянской взаимности, зародившуюся в Чехии и Словакии, славянофильство в России. История славянских языков демонстрирует яркие примеры языковой консолидации на фоне борьбы с чужеземным влиянием.

Обращение к истории чешского и словацкого языков выявляет сильные пуристические тенденции в них, вызванные насильственной германизацией чешских и словацких земель с XVI по XIX вв. и последовавшей активизацией борьбы за «славянское» звучание их языков. Величайшим примером проявления славянской идеи как представления о единстве всех славян стало движение чешских «будителей» в первой трети XIX века (так назывались активные деятели чешского и словацкого национального Возрождения) против засилья германизмов в литературном чешском языке. Лидеры чешского Возрождения: Й. Добровский, Й. Юнгман, Я. Коллар, К.Г. Маха, П.Й. Шафарик – ориентировались прежде всего на русский язык. В представлении «будителей» Россия была могучей славянской державой, оплотом всего славянства, стремившегося к обновлению нарушенных родственных связей.

В это время были заимствованы многие русские слова, которые в большинстве своем сохранились в функции книжных архаизмов и поэ-

тизмов. То, что не удалось осуществить с многочисленными заимствованиями «Обществу любителей русской словесности» в России и Шишкову как его идеологу, удалось Й. Добровскому и его сподвижникам в отношении германизмов в чешском и словацком – они были вытеснены на языковую периферию в качестве просторечных, грубых, стилистически сниженных элементов. К примеру, слвц. прост. *ksicht* ‘морда, рожа’ (из нем. *Gezicht* ‘лицо’), слвц. разг. *kšeft* ‘мелкий бизнес, спекуляция’ (из нем. *Geschäft* ‘дело’), слвц. разг. *kšeftovať* ‘спекулировать, торговать’ и пр.

Южнославянские земли: болгарские, сербские, боснийские – были ареной длительной борьбы с турками. Национальная церковь, культура и письменность болгар при турецкой власти испытывали жестокий гнёт со стороны греческого духовенства. Болгарский язык был объявлен языком черни, а в городах в обиходе были только турецкий и греческий, что обусловило значительный пласт лексики из этих языков в составе болгарского. Народам нынешней Сербии удалось побороть тотальное турецкое влияние, а хорватам и избежать его, что позволило сохранить в большей степени славянские элементы в языке.

В условиях «благожелательного» или отрицательного отношения носителей разных славянских языков к инославянскому влиянию происходили различные процессы заимствования с последующим закреплением или отторжением инославянских элементов. В результате исторической борьбы славянских народов с поработителями и различных ее результатов, а также силы или слабости национальных движений за возрождение языковой самобытности при формировании литературных языков современные славянские языки отличаются отношением к заимствованиям, по-разному относятся к «своему» и «чужому». Одни из них (русский, польский, болгарский) предпочитают *прямые заимствования*, поэтому в них отмечается их больше, другие (чешский, словацкий, хорватский, сербский) – *калькирование* как следствие активных пуристических тенденций, результатом чего является большее количество славянских корней в их современных лексиконах.

Влияние английского языка на современные славянские языки имеет иную природу, нежели инославянское влияние в предшествующие эпохи: оно носит всеобщий характер, подчинено процессам глобализации мировой экономики, связано с едиными цивилизационными процессами, вхождением славянских стран в единую систему Евросоюза и оттачиванием от социалистических установок. Потому славянские культурные сообщества в целом легко принимают новые англоязычные элементы, адаптируют их к своим языковым системам.

Вместе с тем различное отношение к заимствованиям сохраняется в славянских языках в известной степени до настоящего времени, пуристическое «забрало» в чешском, словацком, хорватском, сербском языках сдерживает активный поток иностранных слов. Русский язык противостоит им как язык, «предпочитающий» прямые заимствования. Целые пласты лексики русского языка заимствованы и продолжают заимствоваться из английского: компьютерная, экономическая, политическая, спортивная и пр. лексика. Напр., очень активна в словообразовательном отношении модель с суффиксом *-инг*: *коучинг, рекрутинг, футинг, джампинг, карьеринги* т.п. (что стало основанием появления этого суффикса в русской деривационной системе и послужило причиной образования окказионализмов типа *автобусинг, зацепинг* и пр.). Напротив, в словацком языке, к примеру, суффикс *-инг* не является продуктивным и многие из англицизмов с этим суффиксом используются только как варианты общеупотребительных словацких эквивалентов, напр., *rafting* (рус. *рафтинг*) – *splavovanienarafte, diving* (рус. *дайвинг*) – *potápanie, sailing* (рус. *сейл*) – *plachtenie, armwrestling* (рус. *армреслинг*) – *pretláčanierukou, kidnapping* (рус. *киднеппинг*) – *únos, consulting* (рус. *консалтинг*) – *poradenstvo* и др.

Предпочтение «своего» – «чужого» в чешском/словацком/хорватском языках, с одной стороны, и русском, с другой, можно наблюдать и в других соответствиях, например, в словах, образованных с помощью продуктивного в западнославянских языках праславянского суффикса *-dlo*: чеш., словц. *zavazadlo* – хорв. *prtljag(a)* – рус. *багаж*; чеш., словц. *kružidlo* – хорв. *šestar* – рус. *циркуль*; чеш., словц. *čerpadlo* – хорв. *crpka, šmrk, sisaljka* – рус. *помпа, насос*; чеш. *stínidlo*, словц. *tienidlo* – хорв. *šjenilo, štítnik, zaslón* – рус. *абажур*; чеш., словц. *líčidlo* – хорв. *šminka* – рус. *грим*; чеш., словц. *tužidlo* – хорв. *vočnapjena, kolač* – рус. *мыс* (для укладки волос); чеш., словц. *divadlo* – хорв. *kazalište, pozorište, glumište* – рус. *театр*, чеш., словц. *vozidlo* – хорв. *prijevoz* – рус. *транспортное средство*; чеш., словц. *kormidlo* – хорв. *kormilo* – рус. *руль* и т.п.

Вместе с тем исследователи отмечают появление в русском языке нового суффикса: *-ин/-шен, -жн/-жен*, еще не отмеченного словарями русского языка, но активно используемого в речи [Маринова 2014: 74]: *паблик рилейшн* ‘связь с общественностью’, *ресепшин* ‘приемная в гостиницах’, *экшин* ‘акция’ и т.п. Иногда встречаются на русской почве и параллельные варианты, однако в большинстве случаев (кроме, например, *рецепция* и *ресепшин*) нужно отметить их семантическую или стилистическую дифференциацию, что является залогом жизнеспособно-

сти обеих форм: *акция* и *экин*, *фасон* и *фэшин*, *фикция* и *фикшин*. В отличие от русского языка, в словацком суффиксы *-ин/-шен*, *-жн/-жен* почти не используются (*ekšn, sešn, stejšn*).

Словообразовательную активность в славянских языках проявляют и аффиксы, заимствованные из английского языка. При этом высокую продуктивность во всех языках демонстрируют такие префиксы, как *супер-*, *мега-*, *экс-*: *экс-губернатор*, *экс-премьер*, *экс-мэр* и т.п., в словацком они пишутся слитно: *exmanžel, exmanželka* – сокращенно только *ex* ('бывший муж', 'бывшая жена'), *expremiér* ('бывший премьер-министр'), *exprezident* ('бывший президент') и др. В настоящее время в словацком и русском языках стали популярными префиксы *био-* и *эко-*, отражающие стремление к здоровому образу жизни и защите окружающей среды: слвц. *bioalkohol* – рус. *био-алкоголь*, слвц. *biokozmetika* – рус. *биокосметика*, слвц. *biokrb* – рус. *био-камин*, слвц. *ekodom* – рус. *экодом*, слвц. *ekokoža* – рус. *экокожа*, слвц. *ekonábytok* – рус. *экомебель*.

Многие англо-американизмы заимствуются не только с целью наименования нового явления, но и для того, чтобы служить компактной номинацией того, что до сих пор имело более длинное, аналитическое наименование, что демонстрируют все языки. Например, рус. *триллер* – вместо *приключенческий фильм*, слвц. и чеш. *triler* – вместо *parínavý film*, рус. *дедлайн* – вместо *крайний срок*, слвц. и чеш. *deadline* – вместо *konečný termín, uzávierka, uzávierka* и др.

В некоторых случаях англицизм появляется как синоним уже существующего номинанта в славянском языке и вытесняет его в силу общеизвестности, распространенности и свежести звучания, например, рус. *прайс-лист* вместо старого *прейскурант*, *тинейджер* вместо *подросток*, *паркинг* вместо *стоянка*, *сейл* вместо *распродажа*, *секьюриту* вместо старого *охранник*, *хит* вместо *шлягер*, *ремейк* 'переделка', *дизайн* 'оформление', *имидж* 'образ', *кэши* 'наличные деньги' и др. Из словацких примеров можно привести: *fastfood* вместо франц. *bistro* 'еда на скорую руку', *lúzer* вместо *nímand* (из немецкого) и *niktoš, nula* 'неудачник, никто', *prezent* вместо *dar* 'подарок', *konsenzus* вместо *zhoda* 'согласие' и др.

Сосуществование «своего» и «чужого», как правило, обусловлено тем, что заимствованный элемент имеет семантические, стилистические или эмоционально-оценочные отличия от уже существующего в языке, различается сферой употребления, например, *киллер* не то же, что его исконный синоним *убийца*, *рэкет* не то, что *вымогательство*, *спонсор* отличается от *покровителя*, *саммит* – от *встречи*.

Результатом заимствований становится тенденция к множественности наименований одного и того же объекта [Маринова 2014: 73], к активизации синонимических отношений в языке, расширению синонимических возможностей языка. Синонимичную пару создают уже существующая лексическая единица и заимствование (*макияж* и *мей-кап*, *избиратели* и *электорат*, *вознаграждение* и *бонус*, *обмен* и *бартер*, *творческий* и *креативный*, *давление* и *прессинг*, *перерыв* и *таймаут*, *союз* и *тандем*, *новшество* и *инновация*, *популярность* и *рейтинг* и т.п.; слвц. *obchodný – komerčný* (торговый – коммерческий), *zmluva – kontrakt* (договор – контракт), *výberové konanie – konkurz* (конкурс), *hlásateľ – moderátor* (диктор – ведущий), *obrazovka – monitor* (экран – монитор) и под. Наоборот, в заимствующем языке может достраиваться синоним к заимствованному слову (*внедорожник* возникло на русской почве как синоним заимствования *джип*, слвц. *terénnéauto* – синоним англицизма *džip*).

Доказательством успешной адаптации слова в лексической системе принимающего языка является его дальнейшая лексическая и семантическая деривация. Лексические заимствования активно включаются «в словообразовательные процессы, в которых иноязычные неологизмы выступают в роли деривационных основ, соединяющихся с аффиксами славянского происхождения» [Gazda 2003: 70], «большинство заимствованных словообразовательных гнезд постепенно *достраиваются*» дериватами, созданными в заимствующем языке. Например, от английской лексемы *chat*, рус. *чат*, слвц. *čet* и *chat* ('групповое интернет-общение') были образованы новые дериваты: рус. *чатовка* ('тусовка с какого-л. чата'); *чатиться*, слвц. *četovať* и *chatovať* ('разговаривать, болтать по интернету') и др. В словацком языке при образовании соответствующего гнезда получилась случайная омонимия со словообразовательным гнездом от слова *chata* ('дача') – *chatovať* ('проводить время на даче'; 'болтать по интернету'), но пока не образовался дериват, обозначающий участника чата, причем обсуждались в рамках языковой игры, основанной на омонимии, два варианта – *čatár* ('сержант'), *chatár* ('дачник').

На выбор между «своим» и заимствованным оказывают влияние и отношения в обществе. Чтобы повысить статус непрестижных профессий, в России их номинируют в соответствии с англоязычной моделью: вместо *уборщица* используется иностранное *менеджер по клинингу*, вместо *грузчик – менеджер по перемещению товара* и т.п. Шутливо-ироническое отношение к слову *менеджер* выражается в транслитерации

рованном его воспроизведении: *manaĝer*. Отсутствие непрестижных профессий позволяет в чешской, словацкой, хорватской речевых системах сохранять собственные образования, например, для обозначения уборщицы: чеш. *uklízeč*, словц. *upratovačka*, хрв. *spremač(-ica)*, *čistač(-ica)*. Несмотря на наличие англицизмов чеш. *byznysmen* и словц. *biznis-men*, в них чаще всего используется их собственный аналог *podnikatel / veľkepodnikatel* (букв. ‘предприниматель’), в отличие от рус. *бизнесмен*, которое заняло прочную позицию в русской лексической системе.

Что касается фразеологии, то здесь во всех языках, включая русский, преобладают кальки: например, рус. *замораживать заработную плату*, словц. *zmrazovať platy* (от англ. *to freeze wages*), *отмывание денег – pranie špinavých peňazí* (от англ. *money laundering*), рус. *делать деньги – слвц. zarábať peniaze* (в данном случае русское и словацкое выражение не совпадают по значению, т.к. в словацком нет выражения *robiť peniaze* ‘делать деньги’, а только *zarobiť peniaze* ‘заработать деньги’) (от англ. *to make money*), рус. *серый импорт – слвц. šedý dovoz* (от англ. *grey import*) и др. Нередки семантические кальки (вторичные заимствования с английских слов и выражений): рус. *теневой (теневой) бизнес, теневая экономика* – словц. *tieňová ekonomika* от англ. *shadow economy, shadow business*; рус. *продвинутый – слвц. pokročilý* – от англ. *advanced* во вторичном значении.

Волна англицизмов захватила все современные славянские языки, способствуя, в конечном итоге, их конвергенции, хотя, по мнению многих лингвистов, экспансия английского языка – явление отрицательное, приводящее к утрате славянской языковой самобытности. Славянские языки сохраняют пока еще свое «славянское» звучание, сопротивляясь в разной степени англо-американскому языковому влиянию. Славяне все еще способны понимать друг друга на уровне семикоммуникации, говоря каждый на своем языке, что свидетельствует об их языковой и духовной близости. Много конвергентного обнаруживается в славянских языках благодаря сохранности общеславянских языковых фактов в производных, во фразеологии, в диалектах, в литературных произведениях – всего того, что создает «славянское» звучание наших языков в противовес «чужому», инородному, привнесенному в угоду идеологии и политике.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2001. 303 с.
2. Маринова Е.В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI века // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. С. 65–149.
3. Маркова Е.М. «Живое слово» в славянской лингвокультуре // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.). Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2021. С. 11–19.
4. Маркова Е.М., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Монография. Brno: TRIBUN EU, 2016. 187 с.
5. Bosák J. Dynamika subštandardov // Studia Academica Slovaca. 34. Bratislava: Centrum informatiky a vzdelávania FF UK, 2005. С. 21–28.
6. Gazda J. Internacionalizační tendence v rozvoji slovní zásoby současných zapadoslovanských jazyků // Internacionalizmy v nové slovní zásobě. Praha: Ústav pro jazyk český, Akademie věd České republiky, 2003. С. 64–73.
7. Poljanec R.F., Madatova-Poljanec S.M., Rusko-hrvatski rječnik. Zagreb: Školska knjiga, 2002. 1043 s.
8. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003. 647 s.
9. Kratký slovník slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 2003. 985 s.

THE PROBLEM OF "FRIEND" AND "FOE" IN SLAVIC LANGUAGES

© *E.M. Markova*

Solving the problem of "friend" and "foe" in different ways, modern Slavic languages are equally influenced by the English language. The English-speaking expansion today differs from those situations that took place in different Slavic languages in connection with a foreign-language influence: the influence of the German language on Czech, German and Hungarian – on Slovak, Turkish – on Serbian, Croatian and Bulgarian, French – on Russian. The purpose of the article is to compare the attitude today towards English borrowings in different Slavic linguistic cultures. The author used the analytical, historical-diachronic, synchronous-comparative methods to achieve the objective. As a result of the study it is concluded that the impact of the English language on modern Slavic languages is global and systemic, although it has its own specificity in different Slavic languages, due to the historically established attitude towards borrowings.

Keywords: Slavic languages, borrowings, English.

ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОЙ МОТИВАЦИИ НЕОАГЕНТИВОВ

© *З.И. Минеева*

В статье рассматриваются неодериваты мужского и женского рода, которые обозначают человека (агенти́вы), в аспекте мотивационных связей. Материалом выступают неографические источники, словари новых слов 1971–2021 гг. Устанавливаются системные отношения новых агентивов с двумя мотивирующими словами одновременно. Приводится типология моделей для неоагентивов с множественной мотивацией.

Ключевые слова: деривация, агентив, множественная мотивация.

В современной дериватологии мотивации отводится первостепенная роль [Улуханов 2005: 3], именно выбор мотивирующего слова для деривата определяет словообразовательную структуру, формант и способ словообразования для мотивированной единицы.

Теория мотивации активно разрабатывается в течение последних десятилетий [Ширшов 1995; Ширшов 2007], особо актуальными представляются исследования множественных мотивационных связей [Немченко 2003; Петрухина 2020], признание полимотивированных слов и множественной мотивации важным системным явлением словообразования [Ширшов 2007].

Множественная (И.С. Улуханов, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов), или неединственная (Е.В. Петрухина), мотивация, разработка которой восходит к трудам Г.О. Винокура и В.В. Виноградова, определяется как возможность производного слова соотноситься с двумя и более производящими. Множественная мотивация, как и множественность словообразовательной структуры, не должна нарушать тождества лексического значения мотивированного производного слова, данное основополагающее условие сформулировал В.Н. Немченко [Немченко 2003: 51]. Ученые признают сложность определения способа словообразования дериватов, одной из причин которой является возможность соотношения мотивированного слова более чем с одним мотивирующим.

Актуальность исследования мотивации агентивов (*nomina agentis*), определяется высокой степенью продуктивности субстантивных моделей, высокой неогенностью имен существительных, что подтверждается анализом неологизмов последнего времени [Жданова 2021: 224; Рацибурская 2021: 368–370].

Материалом исследования выступают производные агентивы, включенные в ежегодные и десятилетние словари новых слов, в том числе издание 2021 года [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021].

Проведенное исследование показало, что для неологизмов мужского и женского рода, образованных с помощью аффиксации и сложения, характерна как единственная, так и множественная мотивация. Так, одни составные композиты соотносятся с единственной мотивационной базой: *ковид-беременная*, *тикток-бабушка*, *зум-русалка*, *ковид-идиот*, *коронавирус-диссидент* и т.п.; другие – с двумя: *ковид-пациентка* и др.

Важно при определении мотивирующего слова для неодеривата принимать во внимание контекст, нередко содержащий не только новую единицу, но и описание ее семантики, включающее актуальное с точки зрения автора текста мотивирующее слово. Учет контекста, обрамляющего неодериват, способствует пониманию неединственности мотивирующего слова, или множественности мотивации.

Так, существительное *внештатник* ‘человек вне штата учреждения’ включено в текст наряду с другим однокоренным словом, которое по структуре и семантике выполняет роль мотивирующего: *штатник* ‘человек, состоящий в штате учреждения’; таким образом, мотивирующими можно считать как *штат*, на основании словарной дефиниции, так и *штатник*, на основании ближайшего контекста; в первом случае модель образования деривата префиксально-суффиксальная (к основе мотивирующего слова *штат* присоединяется конфикс *вне-...-ник*), во втором префиксальная (к основе мотивирующего слова *штатник* присоединяется суффикс *вне-*).

Структурно-семантический и корпусный анализ показывает наличие множественной мотивации неоагентивов, каузирующей вариативность способов деривации: 1) префиксального и префиксально-суффиксального; 2) суффиксального и префиксально-суффиксального; 3) суффиксального и префиксального; 4) суффиксации; 5) суффиксации и сложения; 6) сложения.

1. Префиксальный и префиксально-суффиксальный способы. Ученые неоднократно отмечали двойную и тройную мотивацию для абстрактных существительных и двойную для наречий с префиксом негации. Так, характеризуя особенности незуального образования имен существительных, Е.А. Земская писала о том, что *безреагентность* и *бестелесность* «могли быть образованы тремя путями: префиксацией (*без-* + *реагентность*), суффиксально-префиксальным способом (*без-*

реагента + -н-ый) или суффиксацией (*безреагентный* + -ость) [Земская 2009: 82].

Для агентивов мужского рода, называющих противников кого-либо, мотивирующими словами могут быть антропонимы, а также апеллятивы с семантикой ‘сторонник кого-либо’; при этом нарицательное существительное, отсутствующее в словаре, обнаруживается в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ]: *антиельцинец* имеет мотивирующий антропоним Б.Н. Ельцин, а также апеллятив (*ельцинец* в НКРЯ: 2 документа / 3 словоупотребления в основном корпусе 2001–2007 гг. и 1/1 в газетном 2003 г.); *антиельцинист* (антропоним и *ельцинист*: в НКРЯ 12/13 1995–2003 гг. и 10/11 2001–2008 гг.); *антизюгановец* (Г. Зюганов и *зюгановцы*: в НКРЯ 26/29 1995–2003 гг. и 33/37 2001–2008 гг.). Аналогично неологизм *антирампиист* мотивирован именем собственным Д. Трамп и нарицательным существительным (*рампиист*: в НКРЯ 15 документов и вхождений 2016–2019 гг. в газетном корпусе). Интересно, что медиатекст содержит неодериват с двумя мотивирующими словами: – *А Трамп? Это тоже человек будущего? – Я вообще-то антирампиист, потому что я, по сути, строитель, скульптор, а он домовладелец. И сколько я мог заметить за всю жизнь, самый частый конфликт в мире – это именно конфликт архитектора с домовладельцем, понимаешь? Потом я, кстати, стал думать: где критерий, по которому человек делается **рампиистом**?* (Новая газета, 18.05.2017 // НКРЯ).

2. Префиксально-суффиксальный и суффиксальный способы. Существительное мужского рода, называющее человека, который не надевает маску в период пандемии, не соблюдает масочно-перчаточный режим, – *антимасочник*, мотивирующее слово *маска* как средство защиты от коронавирусной инфекции COVID-19, отсюда и единственный способ словообразования, префиксально-суффиксальный: к основе мотивирующего слова прибавляется конфикс *анти-* ‘направленный против чего-л’ ... -ник ‘лицо’. Коррелят женского рода – *антимасочница* ‘женщина, выступающая против ношения маски в период пандемии’: *В Барнауле упрямая **антимасочница** целый час трепала нервы полному трамваю людей <...> Антимасочница не поддавалась на уговоры пассажиров, у которых уже начали сдавать нервы* [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021]. Мотивирующее слово может быть определено аналогично предыдущему случаю, в таком случае способ словообразования – префиксально-суффиксальный; однако те лингвисты, которые разделяют точку зрения, согласно которой все феминити-

вы образуются от существительных мужского рода со значением лица, считают мотивирующим словом *антимасочник*, в этом случае способ словообразования – суффиксальный: *антимасочник* + *-иц(а)*. Такой случай рассматривается также как заменительная деривация [Самыличева 2020].

3. Префиксальный и суффиксальный способы. Мотивация, с одной стороны, существительным с семантикой теории, доктрины (*антимонетаризм*), с другой – существительным, называющим сторонника данной теории (*монетарист*), свойственна слову *антимонетарист* (*монетарист* в НКРЯ: 12/21 1999–2011 гг. и 17/17 2000–2010 гг.; *антимонетаризм*, образованное от *монетаризм*, в НКРЯ: 17/21 1996–2004 гг. и 16/22 2000–2009 гг.).

Аналогично для существительных *антитеррорист* ‘тот, кто борется с террористами’, ‘участник антитеррора’, ‘сторонник антитерроризма’ (*террорист*; *антитеррор* в НКРЯ: 63/ 90 1999–2009 гг. и 251/312 2000–2011 гг.; *антитерроризм* в НКРЯ: 7/7 2003–2004 гг. и 12/12 2003–2007 гг.), *ультрареволюционер* (*ультра-* + *революционер*; *ультрареволюционные* (*взгляды*) + *-ер*).

4. Суффиксальная вариативность. Множественная мотивация относительным прилагательным и существительным позволяют выделить в словообразовательной структуре деривата форманты *-ник/-ик*: *госбюджетник* (*госбюджет*; *госбюджетное* (*финансирование*)); *-иц(а)/-иц(а)*: *челночица* (*челнок*, *к/ч* + *-иц(а)*); женщина, занимающаяся челночным бизнесом + *-иц(а)*); *-ик/-овик*: *клановик* (*клановое* (*объединение*) + *-ик*; *клан* + *-овик*).

5. Суффиксация и сложение. Поскольку аффиксоид, равно как и суффикс, присоединяются и к простому, и к сложному слову, композиты, в состав которых входят данные морфемы, могут быть мотивированы словом с одним корнем (*воришка*), и композитом (*автор*): *авторворишка* (*автор* + размерно-оценочный суффикс *-ишк(а)*); *авто* ‘автомобиль’ + *воришка*). Мотивация одновременно простыми и сложными существительными охватывает неоагенты с суффиксами *-ист*, *-евт*, *-ер/-ор*, реже *-ец*, *-мен* и *иш(а)*: *бизнес-турист* (*бизнес-туризм* + *-ист*; *бизнес* + *турист*), *велоальпинист* (*велоальпинизм* + *-ист*; *вело-* + *альпинист*), *демпропагандист* (*демпропаганда* + *-ист*; *демократический* + *пропагандист*), *лид-гитарист* (*проф.*) (*лид-гитара* + *-ист*; *лидер-гитара* + *гитарист*), *наркотурист* (*наркотуризм* + *-ист*; *нарко-* + *турист*), *радиопублицист* (*радиопублицистика* + *-ист*; *радио-* + *публицист*), *радиотелеметрист* (*радиотелеметрия* + *-ист*; *радио-* + *телеметрист*); *биотерапевт* (*биотерапия*, + *-евт*; *био-* + *терапевт*), *геру-*

дотерапевт (*герудотерапия* + *-евт*; *герудо-* + *терапевт*); *гидроавиатор* (*гидроавиация* + *-ор*; *гидро-* + *авиатор*), *телехроникер* (*телехроника* + *-ёр*; *теле-* + *хроникер*), *арт-дизайнер* (*арт-дизайн* + *-ер*; *арт-* + *дизайнер*), *веб-дизайнер*, *вэб-дизайнер* и *web-дизайнер* (*веб-дизайн* + *ер*; *веб-* + *дизайнер*); *кинолетописец* (*кинолетопись* + *-ец*; *кино* + *летописец*); *нефтебизнесмен* (публ.) (*нефтебизнес* + *-мен*; *нефть* + *-е-* + *бизнесмен*); *бизнесвуменша* (*бизнес-вумен* + *-и(а)*; *бизнес* + *вуменша*).

При объяснении составных феминитивов, включенных в последнее неографическое издание (*ковид-диссидентка*, *ковид-пациентка*), в качестве мотивирующих могут привлекаться как составные композиты в суффиксальной модели с *-к(а)* (*ковид-диссидент*, *ковид-пациент*), так и сочетание двух слов (*ковид* + *диссидентка*, *ковид* + *пациентка*). Предпочтительным ввиду знаковости и частотности одного из ключевых слов нашей эпохи оказывается рассмотрение последовательного образования *ковид* → *ковид-диссидент* → *ковид-диссидентка*.

6. Вариативность сложения: сложение с интерфиксацией и сложно-суффиксальный способ: *рекламораспространитель* ‘распространитель рекламы’ (*реклам(а)* + *-о-* + *распространитель*) и ‘тот, кто распространяет рекламу’, ‘человек, занимающийся распространением рекламы’ (*реклам(а)* + *-о-* + *распространение* / *распространять*). В одном контексте могут быть представлены разные мотивирующие базы: *реклама признается распространённой без предварительного согласия абонента или адресата, если сам рекламораспространитель не докажет, что такое согласие им было получено. Рекламораспространитель по закону обязан немедленно прекратить распространение рекламы в адрес лица, обратившегося к нему с таким требованием* (Российская газета. 26.04.2012).

Приведенные способы деривации, словообразовательные типы и модели неодериватов, соотносящихся с различными мотивирующими базами, не исчерпывают всего многообразия мотивации новых имен существительных, появляющихся в языке и речи. Окказиональные образования типа *русскочитающий* ‘человек, читающий по-русски’ могут возводиться к модели слов *русскоговорящий*, *англоговорящий* и т.п. с заменой первого компонента композита, а может восприниматься как результат субстантивации, поскольку имеются словосочетания, включающие мотивирующее прилагательное: *русскочитающий индивидуум* [НКРЯ], *русскочитающие американцы* [НКРЯ].

Множественность мотивации неоагентов поддерживается высокой продуктивностью моделей и формантов, активным употреблением

мотивирующих слов, а также пополнением языка неологизмами, имеющими тождественную словообразовательную структуру. Множественная мотивация относится к динамическим явлениям, поскольку мотивация слова, осознание говорящим живых связей обозначенного словом понятия с одним или несколькими референтами не остаются неизменными и определяются активными языковыми процессами.

Список литературы

1. Жданова Е.А. Словообразовательные неологизмы в интернет-словарях // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: Сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: Флинта, 2021. С. 222–229.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Либроком, 2009. 224 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 21.06.2021).
4. Немченко В.Н. О множественности словообразовательной структуры слова в современном русском языке // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 49–52.
5. Петрухина Е.В., Яньхун Ма Неединственная словообразовательная мотивация в русском языке и способы ее верификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 1. С. 181–187.
6. Рацибурская Л.В. Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 355–377.
7. Самыличева Н.А. Заменяемость деривации vs деривация по конкретному образцу в современном российском медийном словотворчестве // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С.137–143.
8. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
9. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник, 2005. 314 с.
10. Ширшов И.А. Мотивированность и производность в словообразовательной теории // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Межд. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. С. 487–491.
11. Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивации // Филологические науки. 1995. № 1.

THE PROBLEM OF MULTIPLE MOTIVATION OF NEOAGENTIVES

© *Z.I. Mineeva*

The article regards neoderivatives of masculine and feminine genders denoting a person (agentive) in the aspect of motivational connections. Neographic sources, dictionaries of new words of 1971–2021 serve as material for the research. Systemic connections of new agentives with two motivating words simultaneously are established. The typology of models for neoagentives with multiple motivation is described.

Keywords: derivation, agentive, multiple motivation.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЫ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ СДВИГИ

© *И.Д. Михайлова*

В статье затронута проблема изменения структуры источников, генерирующих неологизмы. Анализ 247 текстов рекламы, звучавшей на российских телевизионных каналах в период с апреля по ноябрь 2021 г., основанный на методах сравнения, сопоставления и обобщения, позволил констатировать резкое снижение количества новых оригинальных слов в данном массиве текстов, отказ от большей части тропов в пользу однозначных обращений с использованием известных слов с прямым номинативным значением, переход от императивности к информативности с усилением оценочного сегмента. Телереклама в большей степени стала восприниматься на слух, а, следовательно, ценность каждого неологизма и любого словообразовательного маркера как средства деавтоматизации восприятия телерекламы и ее экспрессивизации повышается. Словообразовательный потенциал каждого деривационно отмеченного слова обуславливает развитие невуальных способов словообразования, тиражируя заместительную деривацию и актуализируя субъективно-оценочные словообразовательные аффиксы.

Ключевые слова: неологизмы, телевизионная реклама, деривация, словообразовательные аффиксы, экспрессивизация, словообразовательные маркеры.

Большое количество производных, образованных на базе слов *коронавирус* и *вакцина*, отодвинули на периферию неологии новые слова другого семантического наполнения. Проблема изменения структуры источников, генерирующих неологизмы, четко обозначилась в коронавирусную эпоху, в частности практически перестали использоваться окказионализмы в качестве маркера в текстах телевизионной рекламы.

В начале XXI в. бурно развивающаяся телевизионная реклама, помимо решения прагматических задач, параллельно способствовала словотворчеству, мотивируя создателей рекламных текстов экспериментировать с языковыми единицами разных уровней. Реклама являлась источником сбора неологизмов, а, следовательно, и материалом для лингвистических исследований, призванных зафиксировать тенденции развития русского языка.

Применяя методы наблюдения, сравнения, сопоставления и обобщения, мы проанализировали 247 текстов рекламы, звучавшей на телевизионных каналах «Россия 1», «НТВ», «Домашний», «ТВЦ», «Пятница»,

«ТНТ», «ОТР» и некоторых других в период с апреля по ноябрь 2021 г. В таком массиве текстов было обнаружено лишь 5 неологизмов – слов, необычность которых четко фиксируется носителями языка, т.е. активным словотворчеством было затронуто только 2% рекламных текстов, в то время как в 2019 г., по выводам ряда исследователей, отмечалось выше 10% неологизмов в текстах телерекламы. Так, Е.Е. Головина обнаружила 10 неологизмов в 102 проанализированных рекламных текстах, причем в основном глаголов в повелительном наклонении или существительных – наименований фирм или продукта [Головина 2019: 44–46]. Авторы рекламного текста используют окказионализмы, стремясь не столько к новизне и оригинальности, сколько к эффективности интригующей, задерживающей внимание, а потому убедительной своим посылом рекламе. Исследователем была отмечена реклама праздничного агентства «Summit-club» (региональный уровень), обыгрывающего деривацию на базе слова *мышь*: *мышура* ← *мышь* + *мишура*, *мышки* ← *мышь* + *мешки* (контаминация и заменительное словообразование, о таких способах пишет [Самыличева 2020]), *мышоу* ← *мышь* + *шоу* (сложение с морфонологическим явлением наложения). Или неологизм *пельменистые* в рекламе фирмы «Царь-мясо» («*Самые пельменистые пельмени в мире!*»): суффикс *-ист-* со значением ‘обильный свойством, названным производящей основой’ присоединен к основе существительного с предметным значением. В рассматриваемом неологизме повтор корневой морфемы, становящейся и производящей основой, выполняет кумулирующую смысл и выстраивающую идею текста функцию, что и становится словообразовательным маркером. Под словообразовательным маркером мы понимаем любой элемент словообразовательной структуры слова, который либо повторяется, либо используется в несвойственном окружении, в несвойственной функции, что обращает на себя внимание. Словообразовательный маркер акцентирует смысл и во внешне одноструктурных словах: *вкусно* и *хрустно!* (реклама вафель «Причуда»), где во втором производном – неологизме *хрустно* (← *хруст* + *вкусно*) фиксируем заместительную деривацию. При создании новых производных активно используется и графодеривация (например, в той разновидности, которая предполагает задействование знаков разных алфавитных систем: кириллицы и латиницы): *Представляем новинку Хрустteam «МЛХ» — три разных вида хрустящих сухариков в одной пачке. Отличный способ окунуться в мир трехмерных ощущений и раскрасить жизнь яркими впечатлениями!* (реклама сухариков «Хрустteam»).

Данные примеры иллюстрируют развитие трех способов словообразования. Графодеривация (или графическая гибридизация), контаминация, заменительная деривация среди невуальных способов образования неологизмов являются самыми маркированными с точки зрения экспрессивности [Рацибурская 2016: 205; Рацибурская 2021: 129]. Актуализация любого словообразовательного аффикса, любого шага словопроизводства, в том числе и характера соединяемости морфем здесь и сейчас, морфонологических явлений на стыке морфем, любой повтор в тексте рекламы становится словообразовательным маркером. Количественное уменьшение неологизмов в телерекламе повышает, тем не менее, значимость каждого из таких словообразовательных маркеров. Новообразования в рекламных текстах, так же как и в медийный текстах, а также актуализированные словообразовательные элементы, помещенные в позицию ключевого слова, в сильную мозицию начала или конца высказывания, способствуют экспрессивизации и деавтоматизации восприятия адресатом содержания текстов.

Изучение текстов телевизионной рекламы 2021 г. – рекламы глубокого коронавирусного периода – позволило констатировать, что центры словотворчества сместились и телевизионная реклама как таковая изменила свою языковую сущность, практически исключив словотворческий компонент, который и самой рекламе придавал интригующий и вниманиеудерживающий характер.

Для современной телевизионной рекламы характерно использование однозначных языковых единиц в прямом номинативном значении, практически без тропов, что может быть обусловлено как минимум четырьмя причинами: 1) тематическим наполнением рекламных роликов (более половины посвящены продвижению лекарственных препаратов, на втором месте – продукты питания, на третьем – банковские услуги и услуги доставки, небольшой процент – бытовая химия и бытовая техника); 2) опрощением мышления потребителя, о чем часто говорит Т.В. Черниговская [Черниговская 2020]; 3) характером телевизионных программ – прежде всего сериальностью телевизионного продукта, не оставляющего адресату поля для размышлений, дающего рецепты с объяснением полезных свойств продукта на основе его состава и ультимативные выводы, прямолинейно сделанные за потребителя; 4) клиповостью подачи рекламы коррелирует с клиповостью как отличительной чертой самого рекламного текста. В связи с вышесказанным мы констатируем отсутствие и обыгрывания прецедентных феноменов в телерекламе, что существенным образом способствует актуализации лингвокультурологических знаний.

Неологизм как маркер телерекламы стал исключением, тем самым увеличив ценность каждого такого нового слова. Однако заметим, что если телерекламу рассматривать в более широком смысле, то источником неологизмов может явиться экспертный дискурс телевизионных музыкальных шоу, которые не только рекламируют музыкальное творчество и профессиональную музыкальную культуру, но и наставническую деятельность. Члены жюри таких телевизионных проектов, как «Ты супер!», «Шоу Маскгоон», «Голос» и др., подбирая здесь и сейчас наиболее точное, яркое, емкое слово, в рамках одной передачи создают от 10 до 30 неологизмов, причем каждый такой эксперт узнаваем по излюбленным словообразовательным моделям. Чаще всего создаются слова категории состояния (по типу заместительного словопроизводства *хрустно*), синтаксические дериваты со значением отвлеченного признака (*кирпичность*) и глаголы. Отличительной чертой каждого из таких слов является непривычная производящая база.

Названные выше способы создания новообразований реализовались и в том небольшом списке неологизмов, отмеченных в телерекламе 2021 г.

Во-первых, производное *фаршебно* в цикле рекламных роликов «Слово мясника», первый из которых звучал так: *Все фарши хороши. Берите любой. Мне любой не надо. Мне надо, чтобы гости довольны остались. Есть один рецепт. Он простой. Угостить от слова ГОСТ. Слово мясника. Фаршебно. Слово мясника. Фарши по всем правилам ГОСТа.* В последней версии данной телерекламы осуществлен лексический повтор: трижды повторяется неологизм *фаршебно*, а сам текст стал короче вдвое. Фиксируем одновременно заместительную деривацию и контаминация: *фаршебно* ← *фарши* + *волиебно*, обыграна идея «все фарши хороши». В контаминированных новообразованиях отмечается удвоение семантики за счет наложения формально двух исходных слов, причем частей формально тождественных [Рабибурская 2016: 205].

К этой же группе неологизмов можно отнести рекламу «OZON-экспресс»: *Руки-загребуки. Готово. А руки? А руки-загребуки? Большая распродажа. Готовьте руки-загребуки!* (контаминация и повтор *загребуки* ← *загребать* + *руки*).

Повтор аффикса и включение двух новообразований в ряд однородных членов, где один глагол образован узуальным префиксальным способом, а два других окказиональным префиксально-суффиксальным с базовым словом – предметным существительным, создавая иллюзию внешне одноструктурных слов, усиливают эффект рекламного посыла и

обращают на себя внимание: *А ты уже залежёшил? Вот зажарил. За-мангалил. Пора залежёшить. Лепёшки Mission. Вкусно? Удобно? Бесподобно!*

Актуализация в повторе стилистически окрашенных слов *макарошки* и *тюрешка* в рекламе продукции мясокомбината «Черкизово» («*Черкизово знает, как делать правильный выбор! Нам приходится выбирать – с макарошками или с тюрешкой. Но мы точно знаем: котлеты только «Черкизово» из мяса собственных ферм. Черкизово*») становится словообразовательным маркером телерекламы. Синтаксический дериват *натуральность*, образованное на базе относительного прилагательного, в рекламе службы доставки «Самокат» (*Наша пастила – сама натуральность <...> Самокат – само качество*) как необычная словообразовательная позиция также становится маркером, определяющим телевизионную рекламу как новое, неожиданное, интригующее.

Один из первых исследователей рекламных текстов в России Н.Н. Кохтев, рассматривая тексты телевизионной рекламы как креолизованные, называл их «особым лингвовизуальным феноменом, в котором вербальные и невербальные компоненты образуют одно визуальное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Кохтев 1991: 67]. Комплексность и взаимозаменяемость компонентов обуславливает различные акценты и может объяснить сокращение текстов за счет усиления информативности и коммуникативной направленности невербальной части телерекламы. Так, в настоящее время клиповость текста телевизионной рекламы проявляется в эллиптической характере содержательной структуры: может отсутствовать вербализованно выраженный один из компонентов (название компании и объект продвижения, рекламное обращение (адресат) или рекламное послание, выражающее суть, смысл, идею рекламируемого продукта или услуги). В современной рекламе чаще всего отсутствует четко выраженный второй компонент, он размыт. Именно эта позиция компенсируется неологизмами, оценочными словами – словообразовательно маркированными производными, что чрезвычайно важно. Как утверждает А. Назайкин, если «на слух нельзя разобрать, что происходит в телеролике, то с большой долей уверенности можно предположить, что реклама останется непонятой и незамеченной» [Назайкин 2021]. Также во время рекламных пауз потребители чаще всего не смотрят на экран, а только слушают без ущерба для информативности и качество параллельно выполняемой работы. Нужна смысловая «зацепка», яркий «ключок», чем и становятся редкие, но запоминающиеся слова. Неологизмы,

яркие окказиональные слова или другие словообразовательно отмеченные единицы для поколения «слушателей», каковыми стали потребители рекламы в эпоху онлайн-общения, особым образом окрашивают рекламные тексты, таким образом выделяя их на фоне других. Именно они создают рекламный образ эффективнее других средств.

Лингвопрагматические сдвиги в телевизионной рекламе повысили эффективность словообразовательных акцентов, словообразовательных маркеров, повторяющихся, попадающих в ключевые позиции, а, следовательно, запоминающихся. Ключевое словообразовательно отмеченное слово масштабирует оценочность современной телерекламы, усиливая коннотативный уровень даже визуальных знаков.

Список литературы

1. Головина Е.Е. Лингвистические особенности рекламы как разновидности креолизованного текста. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 57 с.
2. Кохтев Н.Н. Стилистика рекламы: учебно-метод. пособие для студентов фак. и отд.-ний журналистики гос. ун-тов. М.: Изд-во МГУ, 1991. 92 с.
3. Назайкин А. Рекламный текст на современном телевидении. Книжки, лекции, семинары [Электронный ресурс]. URL: http://www.nazaykin.ru/lekcii/copywriting/ad/r_text_na_tv.htm (дата обращения: 05.11.2021).
4. Рацибурская Л.В. Продуктивные способы и средства словообразования в электронных СМИ: лингвокультурологический аспект // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Коллективная монография. М.: Флинта, 2021. С. 93–129.
5. Рацибурская Л.В. Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2016. № 2. С. 205–213.
6. Самыличева Н.А. Заменительная деривация vs. по конкретному образцу в современном российском медийном словотворчестве // Актуальные проблемы современной лингвистики: сборник статей. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 137–143.
7. Черниговская Т.В. Человек и его язык // Доклад. VII Международный педагогический форум «Язык, общество, человек». 06.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZT2epg2u7Gg> (дата обращения: 08.11.2021).

DERIVATIVE MARKERS OF CONTEMPORARY TV ADVERTISING: LINGUOPRAGMATIC SHIFTS

© *I.D. Mikhailova*

The article touches upon the problem of changing the structure of sources that generate neologisms. Analysis of 247 advertising texts that appeared on Russian television in the period from April to November 2021, based on the methods of comparison, matching and generalization, made it possible to state the following: a significant decrease of new original words in this texts, the rejection of most of the tropes in favor of unambiguous references using well-known words of a direct nominative meaning, the transition from imperativeness to informativeness with an increase in the evaluative segment. TV advertising has become more perceived by ear, and, consequently, the value of each neologism and each derivative markers as a means of de-automating the perception of TV advertising and its expressivization has been increasing. The word-formation potential of each word determines the development of non-usus ways of word formation, replicating substitutional derivation and actualizing subjective-evaluative word-formation affixes.

Keywords: neologisms, TV advertising, derivation, word-formation affixes, expressivization, derivative markers.

СМЫСЛОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСЕМЫ ПАТРИОТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

© Н.В. Наговицына

В работе рассматриваются смысловые преобразования лексем, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ в современной русской речи. Цель работы – проанализировать контексты концептуальной метафоризации слова *патриотизм* и неодериватов на ее базе. Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора. В работе использована методика анализа концептов национальной культуры, принятая в Нижегородской научной школе. Показано, что в концептуально-метафорических моделях овеществления патриотизм может представлять как предмет, вещь, чувственно воспринимаемый объект, имеющий положение в пространстве, форму, вес и пр. В свою очередь в концептуально-метафорических моделях одушевления патриотизм может быть представлен как живая, активно и целесообразно действующая сущность, в том числе сверхъестественно характера, которая обладает волшебными свойствами и может вмешиваться в жизнь людей. Делается вывод о наличии в концептуальном содержании патриотизма новых когнитивных признаков: ‘мифологизованный конкретно-чувственный объект’; ‘мифологизованное вещество с магическими свойствами’; ‘мифологизованное воображаемое пространство (среда)’; ‘сверхъестественная одушевленная сущность’.

Ключевые слова: концепт ПАТРИОТИЗМ, лексема *патриотизм*, концептуальная метафоризация, смысловые преобразования, овеществление, одушевление.

В работе представлен очередной этап предпринятого нами комплексного описания концепта ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира. Согласно концепции исследования, на этом этапе предполагается охарактеризовать смысловые преобразования лексем, воплощающих данный концепт в современной русской речи.

Цель исследования – охарактеризовать употребление лексемы *патриотизм* и неодериватов, образованных на ее основе, в контекстах концептуальной метафоризации по моделям овеществления и одушевления.

Методологической основой исследования являются принципы анализа «языка культуры» [Вежбицкая 1997; Радбиль 2011; Радбиль 2017] и идеи теории концептуальной метафоры [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004]. В работе использована методика анализа концептов национальной культуры, принятая в Нижегородской научной школе [Радбиль 2016]. Материалом исследования являются данные Нацио-

нального корпуса русского языка (НКРЯ) и собственного интернет-мониторинга автора (ИМ).

Лексема *патриотизм* в русской речи демонстрирует самые разнообразные смысловые преобразования, которые прежде всего связаны с расширением ее сочетаемости. В данной работе мы подробнее рассмотрим контексты концептуальной метафоризации слова *патриотизм*, в которых, на наш взгляд, наиболее ярко проявляются тенденции культурного и языкового освоения носителями русского языка абстрактного по содержанию концепта.

Особенностью естественно-языкового восприятия абстрактных сущностей является их обязательное конкретно-чувственное представление в «наивной» модели мира этноса, и это выступает как общечеловеческая универсалия. В когнитивной лингвистике указанная тенденция выступает как проявление более общего принципа «телесной воплощенности» (conceptual embodiment) знания о мире в естественном языке [Лакофф, Джонсон 2004]. От этноса к этносу варьируются только конкретные наполнения моделей конкретизации абстракции, которые осуществляются в формах концептуальной метафоры как «объяснение одного опыта в терминах другого опыта» [Лакофф, Джонсон 2004].

Осмысление абстрактных сущностей реализуется в моделях **реификации** (овеществления абстракции) или **одушевления** (понижания неодушевленной сущности как одушевленного объекта). Переосмысление абстрактных сущностей как конкретно-чувственных представлений вообще характерно для народно-мифологического мироощущения, что отражено в фольклорных текстах, в многочисленных пословицах, поговорках и загадках.

В нашем случае специфика смысловых преобразований лексемы *патриотизм* по моделям концептуальной метафоризации заключается в том, что языковому освоению подвергается иноязычный концепт, слова – репрезентанты которого отсутствуют в фольклоре, в том числе в фразеологии и паремиологии. Однако общий принцип конкретно-чувственного представления абстрактного понятия сохраняется и в синтагматической репрезентации указанного концепта. Ниже рассматриваются контексты сочетаемости слова *патриотизм*, по которым можно диагностировать овеществленное или одушевленное представление патриотизма.

В концептуально-метафорических моделях овеществления патриотизм может предстать как предмет, вещь, чувственно воспринимаемый объект, имеющий положение в пространстве, форму, вес и пр.

Это проявляется в сочетании слова *патриотизм* с глаголами конкретного физического действия над предметами (глаголы воздействия: перемещения, изменения, уничтожения объекта [Кустова 2004]), отглагольными существительными или прилагательными с значением физических параметров предмета (размер, цвет, вкус, форма, температура, масса и пр.): *Российский же патриотизм упал донельзя низко* (<https://books.google.ru/books?id>).

Патриотизм может метафорически концептуализироваться как товар, имеющий стоимость: *Сколько стоит патриотизм? Сама постановка такого вопроса, смею предположить, способна вызвать у некоторых людей возражения* (<https://www.mk.ru/politics/2020/01/23/>).

Патриотизм переосмысливается как механизм, прибор, который может включаться и выключаться: *Отключается и всё. Патриотизм включает-ся, а мозг — отключается!* (ИМ – URL: <https://echo.msk.ru/blog/nitravkin/>).

В рамках мифопоэтического мышления патриотизм может концептуализироваться как зерно, могущее дать плоды: *Такие плоды даёт патриотизм в крепнущих, находящихся на подъёме народах* (<https://atk.tomsk.gov.ru/uploads/ckfinder/382/>).

Еще одна модель концептуально-метафорического овеществления выражается в представлении абстрактной сущности как чувственно-воспринимаемого вещества, субстанции разной консистенции (текучей, сыпучей, мягкой, твердой и пр.). Это может быть, например, в сочетании лексемы *патриотизм* с глаголами нахождения вещества во вместилище или заполнения вместилища: *Ночь в музее-2019 наполнят патриотизмом, живописью и магией* (ИМ – URL: <http://sevastopol.press/2019/05/15/>).

Возможна концептуальная метафоризация патриотизма как жидкой субстанции: *Прежде чем бурные потоки патриотизма не начнут обильно изливаться на вас из пастей новоявленных геббельсов, я хочу напомнить о неожиданном "добром союзнике СССР" с которым Сталин договорился о дележе восточной Европы 80 лет назад* (<https://www.facebook.com/LesnoiFilin/photos/>).

Контекст овеществления патриотизма по модели осмысления как вещества может задаваться сочетанием с квантификаторами – существительными со значениями меры вещества – кусок, порция: *Карточка «Очередная порция патриотизма в электронной версии российской версии National Geographic.» из коллекции «лето» в Яндекс* (<https://yandex.by/collections/card/>).

Веществу «патриотизма» по законам мифологического мышления могут быть приписаны магические свойства – например, возможность исце-

ления: Лечить верой и **патриотизмом!** России уже надо готовиться к эпидемии СПИДа, но денег на это нет (<https://www.verstov.info/news/inrussia/52394>).

Согласно концепции [Лакофф, Джонсон 2004], имеется еще одна модель метафорической конкретизации абстракции – это переосмысление абстрактной сущности как чувственно воспринимаемого контейнера (вместилища) или физической среды обитания. Такие метафоры обычно реализуются в сочетании с глаголами помещения, погружения в какое-либо вместилище или нахождения в каком-либо ограниченном пространстве, а также с образованными от них отглагольными существительными: *Лично я конечно воспринимаю сам комплекс, как дополнение, создающее атмосферу для полного погружения в патриотизм, который несёт в себе культура Родины-матери...* (<https://www.tripadvisor.ru/>).

Мы видим, что модели метафорического овеществления абстрактного концепта ПАТРИОТИЗМ устойчивы в русской языковой картине мира и выступают как проявление более общей универсальной тенденции к конкретно-чувственному осмыслению любой абстракции в «наивной» модели действительности [Апресян 1986: 5–7], которая отражена в естественном языке.

В концептуально-метафорических моделях одушевления патриотизм может быть представлен как живая, активно и целесообразно действующая сущность, в том числе сверхъестественно характера, которая обладает волшебными свойствами и может вмешиваться в жизнь людей. Так, патриотизм концептуализируется как носитель магии: *Иными словами, черная магия советского патриотизма пала перед обыкновенным желанием граждан что-то захватить на халяву* (<http://журнальныймир.рф/content/>).

Также патриотизм может быть переосмыслен как божество: *Божество патриотизма – сила, а не знания. Но вот что интересно. Для объединения патриотов им нужен образ врага* (<https://kot-begemott.livejournal.com/2626231.html>).

Значительный потенциал метафорического одушевления абстрактного концепта ПАТРИОТИЗМ свидетельствует о живучести в русской языковой картине мира концептуальных механизмов мифологизации действительности, которые зародились еще в древние времена, на дологической магической стадии языкового мышления.

В целях нашего исследования важно, что в подобные концептуально-метафорические модели овеществления или одушевления попадают и префиксальные дериваты на базе лексемы патриотизм, в том числе

окказионального характера – *антипатриотизм*, *ультрапатриотизм*, *ура-патриотизм* и под. В наших предыдущих исследованиях было показано, что эти дериваты выражают негативно-оценочные представления носителей языка о «неправильном», в каком-то смысле отклоняющемся от нормы патриотизме. Реализация негативных коннотативно-оценочных приращений смысла формируется на базе трех семантических пластов: (1) отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине; (2) отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине; (3) отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине [Наговицына 2019]. Попадание дериватов в разнообразные контексты по модели концептуальной метафоризации в таких случаях усиливает выражение негативной оценочности.

(1) Отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине в контекстах концептуальной метафоризации по модели овеществления или одушевления выражается главным образом посредством деривата *антипатриотизм* и неодеривата *контрпатриотизм*.

Модели овеществления:

От слов «космополитизм», «антипатриотизм», «низкопоклонство» самый воздух пропитался ложью и злобой, стало душно... (Мария Шнеерсон, Марк Качурин. Ученый совет // «Вестник США», 29.10.2003) – здесь *антипатриотизм* осмысливается как вещество – источник дурного запаха.

Но тот скепсис, который я увидел в ряде газет и телевизионных программ, связан с другим: люди, которые все прошлые 15 лет неплохо зарабатывали на оголтелом либерализме и антипатриотизме, почувствовали, что нужда в их услугах может отпасть (Неверов Александр. ЮРИЙ ПОЛЯКОВ: НЕ НАВЯЗЫВАЙТЕ АНТИПАТРИОТИЗМ // Труд-7, 27.07.2005) – здесь *антипатриотизм* осмысливается как средство зарабатывания денег в системе товарно-денежных отношений.

Что делать сегодня — возродить изоляционистскую мифологию СССР? Это патриотизм? Нет, это «начальстволюбие». Это жадность, лень и глупость. В широком смысле слова — чистой воды контрпатриотизм (<https://old.kinoart.ru/archive/2006/01/n1-article2>) – здесь *контрпатриотизм* воспринимается как жидкое вещество, очищенное от примесей.

Модели одушевления:

*Из антигосударственности у антисоветской интеллигенции вылупился самый вульгарный и пошлый **антипатриотизм** (С.Г. Карамурза. Антисоветский проект, 2002) – здесь **антипатриотизм** осмысляется как существо, принадлежащее к миру животных, выводящих потомство из яиц.*

(2) Отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине в контекстах концептуальной метафоризации по модели овеществления или одушевления выражается главным образом посредством неодериватов типа *псевдопатриотизм, квазипатриотизм*.

Модели овеществления:

*Свел к нулю квазипатриотизм: эксперт прокомментировал отказ Усика от звания «Героя Украины» (<https://politexpert.net/>) – здесь **квазипатриотизм** рассматривается как конкретно-чувственный объект, подлежащий измерению и трансформации.*

*Кроме того, актер обвинил российские власти в переписывании истории, а соотечественников – в демонстрации **псевдопатриотизма** (Алексей Серебряков прокомментировал обвинения в русофобии // Московский комсомолец, 03.03.2019) – здесь **псевдопатриотизм** осмысляется как чувственно-воспринимаемый объект, который модно наглядно демонстрировать посредством визуального канала восприятия.*

*Желания послужить народу или вообще кому бы то ни было он не испытывал, особенно после того, как обжегся, — только не на молоке, а на доведенном до кипения квасе **псевдопатриотизма**, — выпустив в начале мировой войны совершенно бездарную книжку «Памятник славы» (Евтушенко Евгений. В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО // Труд-7, 11.12.2003) – здесь **псевдопатриотизм** воспринимается как жидкое вещество, которое можно нагревать.*

Модели одушевления:

*Но информационная война против России продолжается, и русофобы просто сменили тактику. На смену откровенной русофобии приходит **псевдопатриотизм** (<https://topwar.ru/>) – здесь **псевдопатриотизм** осмысляется как одушевленная сущность, которая способна к контролируемому движению.*

***Псевдопатриотизм, борьба с инакомыслием возвращаются** в новое время, причем это не только борьба с так называемой «фальсификацией истории», но и с людьми, которые чем-то отличаются от остальных (рассказ «Чпок и Василиса») (Мария Огаркова. Эликсир отрезвления.*

О книге Елены Сафроновой «Портвейн меланхоличной художницы» // Бельские просторы, 2018) – здесь *псевдопатриотизм* осмысляется как одушевленная сущность, которая способна к контролируемому перемещению в пространстве – возвращению в исходную точку движения.

(3) Отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффектированное выражение чувства любви к Родине в контекстах концептуальной метафоризации по модели овеществления или выражается главным образом посредством дериватов типа *ультрапатриотизм*, *ура-патриотизм*.

Модели овеществления:

Почему у вас ультрапатриотизм включается только когда надо государство покритиковать? (<https://e551mm.com/2019/09/16/ultrapatriot/comment-page-1/>) – здесь *ультрапатриотизм* осмысляется как механизм, который можно включать и выключать.

Черный, перекошенный мир еще не засыпанных могил и вечногo снега с дождем на согбенных плечах встает с треков этого альбома, встает и давит на мозги своей «русской весной» и «мясным ура-патриотизмом» (Алексей Поликовский. О любви без мата. Миг, когда ветеран рок-н-рольных войн, прошедший подвалы и стадионы, совпал со страной, был короток, а дальше каждый пошел своим путем // Новая газета, 13.07.2018) – здесь *ура-патриотизм* воспринимается как твердый предмет или вещество, которые способны осуществлять давление на другие предметы или вещества.

Цельное и хорошо просчитанное кино, не затертое во льдах угарного ура-патриотизма и местами, как выражается Балабанов, «прокачивающее» (Андрей Гусев. На войне как на войне // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород), 20.05.2002) – здесь *ура-патриотизм* воспринимается как жидкое вещество, способное к замерзанию.

Хотя, кто-нибудь, ослепленный ура-патриотизмом, наверное, категорически со мной не согласится (Игорь Николаев. Россия эпохи застоя: пять признаков периода отечественного безвременья // Московский комсомолец, 27.12.2018) – здесь *ура-патриотизм* воспринимается как источник яркого света, как светоносное легкое вещество, способное слепить.

Модели «вещественной» метафоры ура-патриотизма вообще особенно активны. Так, в нашем материале представлены примеры, когда *ура-патриотизм* может восприниматься как смесь веществ, как употребляемое в пищу вещество, как вещество, вызывающее определенные вкусовые ощущения:

Журналистка Екатерина Золотарева пишет: «Использовали чисто по-гэбнявому, сыграв на смеси её ура-патриотизма, безбашенности и

низком уровне развития» (Елена Гамаюн. Пятая колонна Москвы: будет ли Россия вывозить Савченко из тюрьмы // Московский комсомолец, 22.03.2018);

В результате этого поворота идеология Советского Союза к закату его существования представляла собой неудобоваримую кашу из ура-патриотизма и идей Маркса образца середины XIX века (практически без всякой поправки на современность), в которые, по-хорошему, практически никто не верил (Дмитрий Саркисов. Красный снаружи // lenta.ru, 27.02.2018).

***Ура-патриотизм** уже откровенно набивает оскомину — в него не верят сами его режиссеры, перестает верить и публика, потому что, несмотря на внедряемую радужную идеологию, Россия стоит на месте и проблемы в ней никто не решает (Николай Миронов. Отчаяние как черта времени // Московский комсомолец, 06.09.2016).*

Модели одушевления:

*Политолог Глеб Кузнецов – о том, почему российский **ультрапатриотизм** выбрал арабскую модель не-развития Антиамериканизм бесплоден, как евангельская смоковница (Глеб Кузнецов. По пути войны, предначертанному Западом // Известия, 01.07.2014) – здесь **ультрапатриотизм** осмысляется как одушевленная сущность, способная к контролируемому и целенаправленному ментальному действию выбора.*

*– Это как, из области научной фантастики? – Я послушал, действительно лучше. — Думаешь, этот **ура-патриотизм** тебе сейчас поможет? – Вы не верите, что наше может быть лучше японского? (В.А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // Волга, 2008) – здесь **ура-патриотизм** воспринимается как одушевленное существо, способное целесообразно действовать в интересах другого существа.*

*Это ведь не слепой ура-патриотизм, а вполне разумные и логичные рассуждения (Бойцов К. Почему Ахатова и Юрьева шли до конца // Советский спорт, 19.11.2009) – здесь **ура-патриотизм** воспринимается как живое существо, лишенное зрения.*

*Критики скажут: «Ну вот, опять пошел ура-патриотизм (Павел Лысенков. Русские идут! // Советский спорт, 06.12.2005) – здесь **ура-патриотизм** осмысляется как одушевленная сущность, которая способна к контролируемому движению.*

В целом проведенный анализ выявил значимые рефлексы смысловых преобразований для лексемы **патриотизм**. Это дает основание для выделения новых когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ – смыслов имплицитной, ассоциативно-семантической природы, которые, в соответствии с принятой концепцией исследования, попадают в даль-

ную периферию полевой организации его концептуального содержания: 'мифологизованный конкретно-чувственный объект'; 'мифологизованное вещество с магическими свойствами'; 'мифологизованное воображаемое пространство (среда)'; 'сверхъестественная одушевленная сущность'.

Также анализ показал и коннотативно-оценочные приращения смысла, возникающие в контекстах концептуальной метафоризации по моделям овещствления и одушевления для дериватов на базе слова *патриотизм*, в которых усиливается негативная оценка трех типов: отрицательная оценочная реакция носителей языка на проявление враждебного чувства к Родине; отрицательная оценочная реакция носителей языка на выражение показного, неискреннего (т.е. фальшивого) чувства любви к Родине; отрицательная оценочная реакция носителей языка на чрезмерное, аффиктированное выражение чувства любви к Родине.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
2. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 256 с.
5. Наговицына Н.В. Оценочный потенциал лексем – репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в русском языке // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: Сб. ст. по мат-лам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова; отв. ред. Н.А. Воскресенская. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 109–114.
6. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 569–573.
7. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна. Арзамас – Саров: Ингерконтакт, 2016. С. 49–54.
8. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
9. Чернейко О.Л. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.

SENSE TRANSFORMATIONS OF THE LEXEME «PATRIOTISM» IN MODERN RUSSIAN SPEECH

© *N.V. Nagovitsyna*

The work examines the semantic transformations of lexemes that embody the concept of PATRIOTISM in modern Russian speech. The purpose of the work is to analyze the contexts of the conceptual metaphorization of the word *patriotism*. The research material is the data of the Russian National Corpus and the author's own Internet monitoring. The paper uses the methodology for analyzing the concepts of national culture, adopted in the Nizhny Novgorod scientific school. It is shown that in conceptual-metaphorical models of reification, patriotism can be represented as an object, thing, sensually perceived object having a position in space, shape, weight, etc. In turn, in conceptual and metaphorical models of animation, patriotism can be presented as a living, actively and expediently acting entity, including a supernatural entity, which has magical properties and can interfere in people's lives. It is concluded that there are new cognitive features in the conceptual content of patriotism: 'mythologized concrete-sensory object'; 'mythologized substance with magical properties'; 'mythologized imaginary space (environment); 'supernatural animate entity'.

Keywords: concept PATRIOTISM, lexeme *patriotism*, conceptual metaphorization, semantic transformations, reification, animation.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ СТУДЕНТАМ-ФИЛОЛОГАМ

© *О.В. Никифорова*

Целью статьи является анализ обучения иностранных студентов дисциплине «Современный русский язык». Обосновывается, что преподавание темы «Лексика ограниченного употребления (диалектная лексика)» должно быть построено иначе, чем для русских студентов. Отмечается, что в процессе преподавания возникает необходимость тщательного подбора теоретического и практического материала с учётом различий русского языка и родного, в частности туркменского, языка студентов, а также с учётом типичных лексических ошибок как в восприятии, так и в воспроизведении слов русского языка. Делается вывод о необходимости учитывать потенциал диалектной лексики, являющейся репрезентативным материалом системы ценностей русского человека, в целях продуктивной работы над повышением мотивации иностранных студентов к изучению русского языка.

Ключевые слова: русский язык, туркменский язык, лексикология, лексика русского языка, диалектная лексика.

Во многих национальных университетах реализуется программа по обучению иностранных граждан русскому языку. В Арзамасском филиале ННГУ по профилю «Русский язык и литература» обучаются студенты из Узбекистана и Туркменистана, поэтому преподаватели кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета учитывают их культурные и языковые особенности при обучении русскому языку, в частности русской лексике. Одной из обязательных дисциплин лингвистического цикла по данному профилю является дисциплина «Современный русский язык», которая способствует формированию лингвистического компонента коммуникативной компетенции. Основой для создания коммуникативной компетенции является лексическая компетенция, предполагающая знания о лексическом составе языка, умение определять лексическое значение слова и фразеологизма в контексте, выявлять системные (парадигматические и синтагматические) возможности лексемы, умение использовать лексику при работе с текстом. В третьем семестре изучается важный раздел «Лексикология современного русского языка» в форме лекционных и практических занятий. Безусловно, преподаватель, опираясь на рабочую программу

дисциплины и оценивая учебно-методическую целесообразность введения новых слов, стремится познакомить иностранных студентов с лексикой, содержащей национально-культурный компонент. Данный критерий особенно актуален для филологов-иностранцев, поскольку именно они должны получать полную информацию о языковых явлениях, даже если они не являются распространёнными. Русское слово, особенно диалектное, обладает огромным запасом национально-культурной семантики и отражает своеобразие национальной культуры русского народа, специфические особенности русского менталитета, поэтому в работе с иностранными студентами становится важным лингвокультурологический аспект изучения русского языка и русской лексики, являющийся собой взаимодействие культуры и языка на основе воплощения культуры в словах и фразеологизмах, которые впитывают в себя культурные явления, формируя на сознательном и подсознательном уровне культурное поле народа. Носитель языка является одновременно и носителем культуры, ведь слово воплощает в себе культурный феномен. Владение иностранными студентами национально-окрашенной лексикой русского языка, знание концептов русской культуры является необходимой составляющей профессионализма будущих иностранных филологов, способных в современных геополитических условиях на высоком уровне преподавать русский язык в родной стране и активно распространять, популяризировать русскую культуру за рубежом, заниматься научно-исследовательской деятельностью в области русистики. Именно поэтому обучение иностранных студентов, по нашему мнению, должно быть профессионально ориентированным.

Опыт преподавания дисциплин «Введение в языкознание» и «Современный русский язык» (раздел «Фонетика») показал, что основные трудности освоения русского языка иностранными студентами и их коммуникативные ошибки связаны с несовпадением систем русского и туркменского языков, отсутствием многих фонетических и грамматических явлений в родном языке обучающихся, с которым постоянно бессознательно соотносится осваиваемый языковой материал. Преподавание раздела «Лексикология современного русского языка» в иностранной аудитории имеет ряд особенностей. Основные проблемы заключаются в том, что студенты неправильно выбирают слова для определённого контекста, что обусловлено неточным пониманием значения слов; допускают ошибки, связанные с выбором синонимов, поскольку развитая система синонимии в русском языке сначала дезориентирует иностранных студентов, им бывает непросто разграничивать как идеогра-

фические, так и стилистические синонимы; возникают трудности в понимании словарных толкований полисемичных слов; частотными являются ошибки, допущенные при использовании паронимов, причём даже отдалённо похожих друг на друга; значительные проблемы для студентов представляет сочетаемость лексем в русском языке; фразеологизмы трудны как в осмыслении, так и в запоминании и др. При изучении лексикологии со студентами-иностранцами преподаватель вынужден ограничиваться только синхронным изложением материала, сопоставлением лексических фактов с явлениями современного русского языка, данные же истории языка остаются для них непонятными. Таким образом, для того чтобы минимизировать ошибки, допускаемые иностранными студентами в процессе овладения новой лексикой, необходимо учитывать как сложность лексической системы русского языка, так и уровень лингвистической компетенции обучающихся.

Преподаватель должен определить, во-первых, объём предлагаемого лексического материала, во-вторых, способы его презентации, в-третьих, проверку его усвоения, разработать упражнения и задания на закрепление. К занятиям по лексикологии для иностранных студентов-филологов. разрабатываются учебно-методические рекомендации, которые призваны помочь иностранным студентам в усвоении основных тем программы курса. Каждая тема включает теоретический блок – краткий адаптированный конспект лекции, содержащий основные положения, термины и понятия темы и вопросы, помогающие проверить усвоение темы в ходе практического занятия. Практический блок содержит задания и тесты по изучаемой теме, способствующие выработке умений и навыков практического анализа лексических явлений.

В качестве примера приведём учебно-методические материалы, подготовленные по теме «Лексика общеупотребительная и лексика ограниченного употребления (диалектная лексика)». Нам представляется целесообразным вынести для изучения по данной теме четыре вопроса: 1) основные понятия и термины темы; 2) типология диалектизмов по соотношению со словами русского литературного языка; 3) функции диалектных слов в художественных текстах; 4) диалектная лексика в словарях. Этот круг вопросов поможет студентам-иностранцам сформировать представление о теме, усвоить основные термины и понятия, понять отличие диалектной лексики от литературной и определить значимость изучения диалектных слов для учителя-словесника. Известно, что отношение к диалектной лексике как к материалу для занятий со студентами-иностранцами неоднозначно. Безусловно, диалектные элемен-

ты не обязательны обучающимся для активного усвоения, однако данная лексика напрямую связана с бытом и жизнью русского народа и содержит важную информацию о традиционной народной культуре русского человека. [Никифорова 2021: 502]. Знакомство с диалектной лексикой может быть особенно эффективным в процессе приобщения к народной культуре, поскольку диалектное слово, отражающее самобытный духовно-практический опыт народа, является источником реконструкции народной ментальности. Художественные произведения небесполезны для изучения в иностранной аудитории для формирования социокультурного и лингвострановедческого компонентов коммуникативной компетенции, поэтому за примерами обращаемся к произведениям нижегородских писателей П.И. Мельникова-Печерского, Н.И. Кочина, А.П. Гайдара, в которых представлена социокультурная информация о русских национальных традициях, обычаях. Текст лекции студенты получают до занятия, чтобы прочитать его, тогда восприятие лекционного материала становится более осмысленным и продуктивным. Объём теоретического материала – не более 2 страниц.

Вопрос «Основные понятия и термины темы “Лексика общеупотребительная и лексика ограниченного употребления (диалектная лексика)”» предполагает рассмотрение терминов «общеупотребительная лексика», «лексика, ограниченная сферой употребления», а также их краткую характеристику. Одной из групп лексики ограниченного употребления является *диалектная лексика* – это встречающиеся в устной речи крестьянского населения слова, распространение которых ограничено определённой территорией. Диалектное слово, помещённое в другую речевую среду, например, включённое в художественное произведение для передачи местного колорита при описании деревенской жизни, для создания речевой характеристики персонажей или в речь носителя литературного языка, называется *диалектизмом*.

Вопрос «Типология диалектизмов по соотношению со словами русского литературного языка» содержит рассмотрение типов диалектизмов, даётся определение и приводятся примеры из нижегородских говоров. Например: *собственно лексические диалектизмы* – это местные слова, корни которых отсутствуют в литературном языке, или диалектные производные от корней, представленных в литературном языке: *дружка* – ‘одно из лиц народного свадебного обряда, распорядитель на свадьбе со стороны жениха (иногда и со стороны невесты); шафер’ [СРНГ 8: 215]. В литературном языке существуют эквиваленты этих диалектизмов, которые называют те же предметы или понятия. Наличие

полных синонимов, дублетов в литературном языке – основное отличие собственно лексических диалектизмов от других типов диалектных слов. Аналогично характеризуются лексико-фонематические (лексико-фонетические), лексико-семантические, лексико-словообразовательные, этнографические, лексико-грамматические, акцентологические диалектизмы.

Вопрос «Функции диалектных слов в художественных текстах» представляется важным, поскольку писатели и поэты широко пользуются диалектными словами, поэтому знание их слов важно для полного понимания многих произведений. В художественном тексте диалектные единицы, помимо узуальных номинативной и понятийной функций, выполняют и текстовые, стилистические функции, а также другие, подчиняющиеся эстетической функции. Например, диалектизмы в романе Н.И. Кочина «Девки» реализуют следующие функции: характерологическую (*А ты ешь, дуреха, – советовали свахи, – али в постельку торопишься?*), функцию создания речевого портрета (*Взаправду, нет ли, люди калякают, отец Марьку в кровь иссёк, теперь и в артель не показывается*), функцию создания портрета местности (*Девки, присев на корточку, начали раздирать руками дерно болотины*), а также являются средством создания эмоционально-экспрессивной окрашенности текста (*Кто она теперича: ни баба, ни девка – в поле обсевок*).

Вопрос «Диалектная лексика в словарях» содержит информацию о том, что диалектные слова, часто используемые в художественных произведениях, помещаются в толковых словарях литературного языка с пометой *обл.* (областное). Самым крупным диалектным словарем русского языка является «Словарь русских народных говоров», к настоящему времени представленный 49 выпусками. Диалектная лексика отражается и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Нижегородская диалектная лексика содержится в «Диалектном словаре Нижегородской области» (ДСНО). В 2013 г. вышел из печати 1 выпуск ДСНО (Аба – Брячить), в 2014 г. – 2 выпуск (Буканка – Вячить).

Теоретический блок обязательно сопровождается вопросами для самопроверки, помогающими выделить значимую информацию:

Изучите материал лекции и ответьте на вопросы: 1. Какие слова называются диалектными? 2. Что такое диалектизм? 3. Какие типы диалектизмов вам известны и чем они отличаются друг от друга? 4. Какие нижегородские диалектные слова вы можете назвать? 5. Какую роль выполняют диалектные слова в художественных произведениях? Для чего писатели используют диалектизмы? 6. Есть ли диалекты в

вашем родном языке? Говорите ли вы на диалекте? 7. Почему учитель русского языка и литературы должен знать диалектные слова?

Практический блок включает задания и тесты для самоподготовки.

Задание 1. Определите, какими являются выделенные диалектизмы: фонетическими, грамматическими, лексическими или словообразовательными.

1. Парулька увидела женщину в кашемировом платье староверского кроения и в **повойнике**. 2. Варвара родила ещё двоих и получила позорную в деревне кличку **«покрытка»**. 3. **Дружка** сыпал серебро в стакан доплна, а девки бросали в него козурой от подсолнуха (Н.И. Кочин. Девки).

Задание 2. Найдите в приводимых ниже примерах диалектные слова, укажите способ их введения в текст (с объяснением или без объяснения, в речи героев или в авторском повествовании).

1. Мы смастерили два лука, запаслись десятком стрел и отправились в перелесок. В запасе у нас было несколько **«лягушек»**. «Лягушками» назывались бумажные трубочки, сложенные в несколько раз, туго перетянутые бечевой и начинённые смесью бертолетовой соли с толчёным углем. Мы привязывали «лягушку» к концу стрелы, один натягивал бечеву, другой поджигал у «лягушки» шнур (А.П. Гайдар. Школа).

Задание 3. Определите лексическое значение выделенных диалектизмов.

1. Ни **смотрин**, ни **сговора** не будет и про то, чтобы невесту пропить, не будет и речи. 2. Терпеть не мог, как иной раз дочери, набравшись вестей на **супрядках** аль у колодца, зачнут языками косточки кому-нибудь перемывать. 3. Из скитов замуж вьявь не выходят – позором было бы это на обитель, но **свадьбы «уходом»** и там порой – временем случаются (П.И. Мельников-Печерский. В лесах).

Задание 4. Найдите в «Диалектном словаре Нижегородской области» слова **блинница**, **блинки**, **восьмёрка**, **вытьянка**, **выставка**. Запишите их значение.

Задание 5. Законспектируйте статью Л.А. Климковой «Диалектизмы в прозе А.П. Гайдара» в журнале «Филологические науки». (1986. №5. С. 69–72).

Тест по теме «Лексика общеупотребительная и лексика ограниченного употребления (диалектная лексика)» содержит задания разных типов.

Таким образом, занятия по «Лексикологии современного русского языка» позволяют максимально раскрыть потенциал русского языка в

процессе освоения его иностранцами-филологами. Преподаватель вуза обязан отобрать технологии обучения с учётом специфических социальных и культурных особенностей туркменских студентов, обеспечить положительную мотивацию студентов в изучении русского языка, способствуя тем самым совершенствованию коммуникативной компетенции у иностранных студентов.

Список литературы

1. Никифорова О.В. Диалектная обрядовая лексика как средство формирования лингвистической компетенции иностранцев – будущих лингвистов // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / Отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 501–511.
2. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.

FEATURES OF TEACHING THE LEXICOLOGY OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE TO FOREIGN STUDENTS-PHILOLOGISTS

© *O.V. Nikiforova*

The purpose of the article is to analyze the training of foreign students in the discipline "Modern Russian language". It is substantiated that the teaching of the topic "Vocabulary of limited use (dialectal vocabulary)" should be structured differently than for Russian students. It is noted that in the process of teaching, it becomes necessary to carefully select theoretical and practical material, taking into account the differences between the Russian language and the native language, in particular Turkmen, the language of students, as well as taking into account typical lexical errors both in the perception and in the reproduction of words in the Russian language. It is concluded that it is necessary to take into account the potential of dialectal vocabulary, which is a representative material of the system of values of the Russian person, in order to productively work on increasing the motivation of foreign students to study the Russian language.

Keywords: Russian language, Turkmen language, lexicology, Russian language vocabulary, dialect vocabulary.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ПРОИЗВОДЯЩАЯ БАЗА ДЕРИВАТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

© *Н.А. Николина*

В статье рассматриваются дериваты, образованные на базе precedentных имен в современной русской речи. Цель статьи – рассмотреть особенности образования данных дериватов в языке СМИ и в современной художественной речи. Для анализа привлекаются тексты современных СМИ, поэтические и прозаические тексты. Показано, что своеобразие семантики precedentного имени определяет оценочные смыслы, присущие производным словам, созданным на их основе. Отмечаются функции дериватов, мотивированных precedentными именами (оценочная, идентифицирующая, интертекстуальная). Делается вывод, что в современной русской речи наблюдается разнообразие способов образования подобных дериватов, при этом указываются сходные деривационные процессы, характерные для языка СМИ и художественной речи. В то же время в художественных текстах шире, чем в СМИ, используются окказиональные способы словопроизводства и нестандартные средства оформления рассматриваемых производных слов.

Ключевые слова: дериват, precedentный текст, способы образования, словообразовательный тип, интертекст.

Precedentное имя представляет собой «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, <...> или с precedentной ситуацией» [Брилев, Вольская, Гудков, Захаренко, Красных 2004: 17]. При употреблении precedentного имени оно соотносится не непосредственно с денотатом, а с определенным набором дифференциальных признаков, которые могут актуализироваться в контексте или коммуникативной ситуации.

Precedentное имя регулярно выступает как производящая база для производных разных типов. Большинство таких дериватов участвует в реализации оценочных или сравнительно-уподобительных отношений. Например: [Грошев] *увидев, что уже девятый час, прекратил шахерзадоподобные речи* (А. Слаповский. Недо). *Эта ларакрофтщина Лиле нравилась* (Е. Некрасова. Молодые руины). *В падающих снежных хлопьях переулков почти сказочный, ганс-христиановский* (Е. Посвятовская. Жила лиса в избушке).

Множество прочтений precedentных имен, «перечень которых открыт и зависит от ситуации и индивидуальности слушателя, возмож-

ность актуализации <...> одновременно нескольких семантических компонентов» [Харитончик 2021: 188], определяет неоднозначность семантики производных от антропонимов.

Состав прецедентных имен, функционирующих в современной русской речи, широк и разнообразен. Это антропонимы, мифонимы, теонимы, топонимы и др. В данной статье объектом анализа служат антропонимы, основы которых выступают как производящая база производных слов.

Прецедентные имена индивидуализируют и идентифицируют тот или иной называемый объект, при этом имена собственные имеют особые семантические признаки. Они характеризуются наличием дескриптивного содержания, которое лишь ассоциируется с ними в сознании говорящих и обычно сводится только к тому или иному знанию об онимическом объекте [Blanaг 2009: 100]. Это «знание» отражается в положительных или отрицательных ассоциациях и оценках, сопровождающих употребление прецедентных имен в речи, а также часто производных от них слов. Функционирование таких имен всегда базируется на представлениях говорящих о свойствах или действиях именуемых лиц, что позволяет декодировать смыслы высказывания.

Образование производных слов на базе прецедентных имен сопровождается метаязыковой рефлексией говорящего, которая предполагает оценку действий называемого лица, учет ассоциаций, связанных с этим именем, и «разархивацию скрытых признаков» [Бабина 2006: 260]. Так, глагол *потрампить* в значении ‘победить соперника в споре, дискуссии’ предполагает оценку поведения Трампа, обыгрывание звуковой формы его фамилии и актуализацию признаков «уверенность в своей правоте», «решительность», «некорректность ведения спора», «экстравагантность».

Производные слова, образованные от имен собственных, представлены несколькими узуальными словообразовательными типами. Это прежде всего относительные прилагательные с суффиксом -ск (*блоковский, путинский*), существительные, называющие лицо, с суффиксами -ист, -ец (*трампиист, собянинец, жириновец*), оценочные существительные с суффиксом -щина (*лужковщина, трамповщина, чеховщина*), наречия со сравнительно-уподобительным значением типа *по-суворовски, по-чеховски*, наконец существительные с суффиксом -изм (*трампиизм, обанизм*).

Наиболее продуктивны в современной речи относительные прилагательные, мотивированные прецедентными именами-антропонимами. Они широко употребительны и в научных текстах, и в языке СМИ, и в худо-

жественной речи. Ср., например: *Хочет ли белорусский избиратель сохранения лукашенковского госкапитализма?* (Культура. № 8. 27.08.2020); ...*В мелодическую канву блоковского текста вводится и ссылка на Достоевского о плаче (слезе) ребенка... Родионовский текст, излагающий современную историю, как бы переворачивает блоковский текст наизнанку...* (Н.Фатеева. Креативный потенциал языка современной русской поэзии); *Именно с чеховской Россией должно было произойти то, что произошло* (А. Варламов. Мысленный волк).

Кроме того, в языке СМИ «ярким средством негативной оценки являются новообразования с разговорным суффиксом *-щин(а)*, называющие общественно-политические течения, идеологические направления, социальные явления, связанные с определенным социально значимым лицом» [Рацибурская 2018: 74]. Продуктивность этой словообразовательной модели сохраняется в русской речи с начала XX века.

В современной речи заметно активизировалось образование глаголов, мотивированных прецедентными именами; см., например: *мазепить, церетелить, (с)марадонить, джигурдить, собянить*. Так, от фамилии Трамп были образованы глаголы *трампить, трампировать, трампануть, трамповать*; кроме того, зафиксированы префиксальные производные с той же основой: *оттрампить, потрампить, утрамповать*. «Графическому и словообразовательному усвоению способствует фонетический облик производящей основы – фамилия *Трамп* фонетически выразительна и лаконична» [Вепрева 2018: 18]. Широкое распространение в СМИ и интернет-коммуникации получил глагол *ванговать*, производящей базой для которого служит имя болгарской прорицательницы Ванги. Этот глагол выступает в значении ‘предполагать, предсказывать что-либо’, см., например: *Вангую, что пройдет совсем немного времени, и экстремистами станут последние независимые СМИ* (Г. Гудков. Эхо Москвы. 21.05.2021); *Оперная дива Любовь Казарновская вангует о России, населенной оцифрованными <...> биороботами* (Gorodche.ru).

Наряду с узуальными словообразовательными моделями, в современной русской речи расширяется круг производных, образованных на базе прецедентных имен посредством контаминации и нетипичной для отантропонимических существительных префиксации, см, например: *недоТрамп, антиКлинтон, Киллари (киллер + Хиллари), Трампокалипсис, Тримплиер, димабиланизм (Дима Былан + дебилизм)* и др. Такие производные характеризуются высокой степенью оценочности и ярко выраженной экспрессией.

В современной художественной речи функции дериватов, образованных от прецедентных имен, усложняются, а арсенал средств, используемых при их создании, расширяется. Если в языке СМИ доминируют имена исторических лиц и политических деятелей, то в художественной речи шире представлены имена писателей, литературных персонажей, мифонимы. Разнообразны и способы образования подобных производных имен: в художественной речи используются все разновидности аффиксации, безаффиксные способы, способы окказионального словопроизводства. Так, например, в поздней поэзии Е. Евтушенко регулярно встречаются образования, мотивированные прецедентными именами, созданные различными разновидностями аффиксации и сложением, а также сложно-префиксальным способом, см., например:

*...Не акакиевствовал Вейнберг,
а колонны ростральные тряс*
(«Петр Вейнберг»)

*Взошел и лосевский сарказм
Советско-босховский*
(«Лев Лосев»)

*Содом-гоморрочки нас ждут,
а также римчики*
(«Лев Лосев»)

Есть в Иртенъеве зоценко-ильфовское...
(«Игорь Иртенъев»)

*И замерших пригревал
Добро, по-домбровски...*
(«Не люблю в Эренбурга камней»).

Наряду с узуальными способами словопроизводства, в художественной, прежде всего поэтической речи, широко используются окказиональные способы словообразования. Особенно часто поэты обращаются к контаминации и ее разновидности – междусловному наложению; см., например: *Гамфелия* (*Гамлет* + *Офелия* – Е. Нациоба), *Элюарагон* (*Элюар* + *Арагон* – В. Мельников), *Эсмеральджильда* (*Эсмеральда* + *Джильда* – В. Строчков), *шекспирт* (*Шекспир* + *спирт* – Ю. Морц), *Иконостасья Филипповна* (*иконостас* + *Настасья* – А. Вознесенский).

Контаминированные образования обладают многомерной семантикой, которая определяется взаимодействием значений объединяемых единиц и присущих им аллюзивных смыслов, а также свертыванием синтаксической конструкции или образной параллели. Например, в стихотворении Ю. Мориц, построенном на основе ряда контаминированных образований разной частеречной принадлежности, развертываются образные параллели, актуализирующие сравнение происходящего в современном мире с художественным миром Кафки:

*Кафказ подо мною...
О, Франц,
Кафказно лицо твоё, Кафка, –
Но здесь у нас **кафкает** кран
Кровавый, и страшная давка,
И **кафкает** жизни **кафкизм**,
И наш **кафказменны** лица,
О том, чтобы эта **кафказнь**
Откафкала надо молиться.*

Контаминированные образования в текстах В. Мельникова, объединяя разные прецедентные имена, служат обычно средством создания иронической экспрессии. Например:

*Лечитесь, граф **бесцеремонте-Кристо**.*

*Растаял **Гумилед**, раскрыв
На зависть сутрам
Ахмадулинский надрыв
ОБЭРИУтром.*

Словообразовательные инновации при этом свертывают тропические конструкции разные типов.

Кроме аффиксации и контаминации, для образования производных на основе прецедентных имен в художественной речи используется десубстантивация. В семантической структуре дериватов-десубстантиватов объединяются значения «релятивный признак» и «качественно-оценочный признак». Ср.:

*Я **достоевский** мальчик
(А. Поляков)*

*И куда ни поверни,
Здесь аллюзии, цитаты, символистские закаты,
Акмеистские цветы, баратынские кусты,
Достоевские старушки да гандлевские чекушки...*
(Т. Кибиров)

Для употребления дериватов, образованных на базе прецедентных имен, в современных художественных текстах, как и в языке СМИ, в ряде случаев характерно обращение к нестандартному графическому оформлению и графодеривации. Ср.:

В коРАБЛЕкрушении виноват Рабле
(А. Вознесенский)

*Жираф – гумилёфф из Африки заглянет
В лицо лазурное*
(Н. Делаланд)

«Не ждали» озвеРепина холсты...
(В. Мельников)

Функционирование прецедентных слов, мотивированных прецедентными именами, в современной художественной речи может быть связано и с неявным словотворчеством. Так, в стихотворении Ю. Мориц «Листопадло», отсылающем к произведениям Ф. Листа, анаграммированию подвергается имя композитора, основа которого подвергается трансформации и входит как квазиморфема в ряд образований. Ср.:

Лалистод, полистад, пистолад...
За окном – далистоп, падолист...
Словно ветром оторванный Лист.

В художественной речи идентифицирующая и оценочная функции, характерные для рассматриваемых дериватов, последовательно сочетаются с интертекстуальной функцией. Такие производные выступают как маркеры интертекстуальности и отсылают к претексту, к художественному миру определенного литературного произведения, а также в ряде случаев и к конкретным единицам, служащим приметой индивидуального стиля автора; см., например:

*Совершали букашки набеги,
было жарко и болконскиймо*

(Л. Лосев)

В то же время в современной постмодернистской прозе производные, мотивированные прецедентными именами, могут участвовать в языковой игре, направленной на нейтрализацию интертекстуальных отношений, при этом их внутренняя форма «обнажается» в тексте. Такой прием характерен для произведений В. Нарбиковой. Как отмечает Н.Г. Бабенко, «антропонимы Нарбиковой отличаются подчеркнутой искусственностью, экзотичностью, псевдомотивированностью, создающей эффект обманутого ожидания: герои ее произведений носят фамилии с интригующе прозрачной семантикой (Додостоевский, Тоесты-толстой, Отматфеян...)» [Бабенко 2007: 280]. Так, в повести В. Нарбиковой «План первого лица. И второго» неоднократно посредством повтора префикса *до-* актуализируется словообразовательная структура фамилии Додостоевский, однако остается неясной связь деривата с прецедентным именем и отсутствуют сигналы, указывающие на интертекстуальные отношения.

Итак, своеобразие семантики прецедентных имен обуславливает характер значений производных, ими мотивированных, и особенности их функционирования. Дериваты, образованные на базе прецедентных имен, обладают широким и объемным коннотативным полем, которое определяет экспрессивность и яркую их оценочность. В современной речи наблюдается богатство словообразовательных средств, используемых при образовании таких дериватов, при этом сходные деривационные процессы характеризуют и язык СМИ, и художественную речь. В то же время в современных художественных текстах шире представлены окказиональные способы образования и нетривиальные средства оформления дериватов. Производные, мотивированные прецедентными именами, служат в художественной речи маркерами межтекстовых отношений и усиливают креативность произведения.

Список литературы

1. Бабенко Н.Г. Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 410 с.
2. Бабина Л.В. О концептуальной деривации // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Тамбов: ТГУ, 2006. С. 258–260.

3. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

4. Вепрева И.Т. Новообразования в политической сфере как способ социальной оценки понятия // Неология как проблема лингвистической поэтики. М.: Азбуковник, 2018. С. 16–19.

5. Рацибурская Л.В. Социокультурные и политические аспекты современного медийного словотворчества // Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 54–83.

6. Харитончик З.А. Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!» // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (45). Знаки языка и смыслы культуры. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021. С. 183–187.

7. Blanař V. Proper Names in the Light of Theoretical Onomastics // Namenkundliche Informationen. 2002. № 95/96. P. 89–157.

PRECEDENT NAME AS A PRODUCTIVE BASE FOR DERIVATIVES IN MODERN RUSSIAN SPEECH

© *N.A. Nikolina*

The paper deals with the derivatives built on the basis of precedent names in modern Russian speech. The purpose of the paper is to regard the features of forming the derivatives in the language of mass media and in modern artistic speech. Texts of modern mass media, poetic and prose texts are used for analysis. It is shown that the uniqueness of the semantics of a precedent name determines the evaluative meanings inherent in derived words created on their basis. The functions of derivatives motivated by precedent names (evaluative, identifying, intertextual) are noted. It is concluded that in modern Russian speech there is a variety of ways of forming such derivatives, while similar derivational processes characteristic of the language of mass media and artistic speech are indicated. Meanwhile, occasional methods of word production and non-standard means of registration of the considered derivative words are used more widely in literary texts than in the media.

Keywords: derivative, precedent text, word-building means, word-building type, intertext.

«ЯЗЫКОВОЕ РАСШИРЕНИЕ» ПО А.И. СОЛЖЕНИЦЫНУ: СЛОВОТВОРЧЕСТВО ИЛИ СЛОВОВЫДУМКА?

© Т.Ф. Новикова

В статье приводятся результаты наблюдений над примерами из художественных и публицистических работ А.И. Солженицына, иллюстрирующими необычность языка писателя, факты словотворчества, обращения к периферийным пластам языка. Цель работы – поиск и предложение аргументов, позволяющих ответить на вопрос в заголовке статьи, являются ли неологизмы и окказионализмы писателя достоинством или недостатком, имеются ли основания говорить о «солженизмах» как о специфическом языковом явлении. Примеры извлекались методом выборки из авторских текстов, апелляции к работам как самого писателя, так и к критическим работам исследователей творчества А.И. Солженицына. Основные результаты заключаются в анализе и систематизации примеров словотворчества писателя, в выводах об уникальности его языка.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, язык, словотворчество, неологизмы, диалектизмы, солженизмы.

Язык произведений А.И. Солженицына – уникальное явление. Это истина, не требующая доказательств. И художественные, и публицистические тексты писателя узнаваемы по первым предложениям. Авторские неологизмы, диалектизмы, народные названия многих привычных вещей и явлений, нестандартные определения, образные выражения, особый, близкий к разговорному синтаксис – в своем оригинальном стиле писатель выступает знатоком народного – «корневого», по выражению А.И. Солженицына, – теряемого нашими современниками русского языка. Но писатель часто выступает не только хранителем и защитником основ языка, но и новатором, языкотворцем, изобретателем новых слов и выражений.

Известно стремление писателя заменить чуждые русскому языку нововведения на собственные, иногда искусственные, однако, по его взгляду, более уместные, более «русские», связанные с русской традицией словообразования слова. Одержимый идеей возвращения к истокам языка, он стремился даже русские, однако, по его мнению, отличающиеся частым употреблением, стандартизированные слова и словоформы заменить на однокоренные, характеризующиеся определенной новизной и свежестью. Писатель использует такие слова, как *бедовище*, *губление*, *окаянство*, *людоджорство*, *перемес* и *перемол*, говоря о России

времен перестройки, борется с *нахлыном* международной английской волны в русский лексикон, пытается противостоять *иссушительному* обеднению языка современников, обличает невежественную *образованщину* (кстати, последнее слово вошло в словари и естественную речь) и др. Для подобных вышеназванным языковым фактам используется термин «*солженизмы*», под которым понимают специфические, присущие только стилю и языку А.И. Солженицына авторские формы слов, новообразования и неологизмы, словообразовательные варианты общеупотребительных слов. «Солженизмы» чаще встречаются в публицистике. Приведем примеры из заметок А.И. Солженицына о книге В.И. Белова «Лад»: *драгоценность в русской печатности; серьёзная, размыслительная книга; автор услеживает безвозвратно погибшие виды художественных промыслов; так любовно схвачено при своём иссякании* и др. Нетрудно подобрать современные синонимы к *печатности, размыслительной* (книге), *любовно схвачено, иссяканию* и другим оборотам – да, это позволило бы выпрямить, выгладить стиль, сделать текст более удобным для восприятия, но при этом текст, безусловно, утратит авторское своеобразие. И разве горькие существительные *бедовище, людоежорство, перемол* из статьи «Как нам обустроить Россию», точное прилагательное *размыслительная* (книга) из «Лада» и др. нуждаются в переводе с русского на русский? Корни позволяют вполне однозначно их «перевести», но словообразовательная новизна формы добавляет этим узнаваемым словам глубину и силу авторских чувств и оценок.

Поскольку в качестве цели работы мы видим поиск аргументов, позволяющих ответить на вопросы, является ли активное словотворчество и «новотворчество» писателя достоинством или недостатком, индивидуализируют ли «солженизмы» манеру письма или затрудняют понимание произведений писателя, считаем нужным привести аргументы «за» и «против».

Известный исследователь творчества Солженицына Р.Б.Гуль, анализируя его публицистику и высоко ценя ее глубокое содержание, злободневность, бесстрашие в определении пороков и просчетов современного общества, тем не менее осуждает неумеренное словоискательство автора: «...Мое второе «но» из другой области. Это – язык Солженицына, который я не всегда приемлю и порой дивлюсь: зачем бы это? Конечно, «Теленок» («Бодался теленок с дубом». – *Т.Н.*) по языку куда проще и «Августа», и «Архипелага». Язык тут, в сущности, почти классический, что продиктовано самим жанром вещи – литературные мемуары. Но все же и в «Теленке» (пусть редко!), но иногда становишься в

святой тупик, а иногда и не «допонимаешь». Зачем, например, понадобилось: «вередил наутык», «деготный зашлеп», «нераскрыв» (существительное), «неполегающий голод», «прогляженные годы», «утонутое положение» и мн.др.?» [Гуль 1976: 4]; «Не скрою, что язык Солженицына заставил меня скорбеть...<...> Первую половину книги я читал <...>, преодолевая и путаясь в *спотыкаче неудачных слововыдумок* (выделено нами. – Т.Н.), неуместных диалектизмов, неприятных вульгаризмов.<...> И чем дальше читал я «Август», тем чаще приходилось мне, читателю, задумываться и над отдельными слововыдумками над целыми фразами с изломанным синтаксисом» [Гуль 1971].

Еще более яростно обличают «непонятный» язык писателя недоброжелатели из числа читателей. Приведем пример реплики под интернет-постом об А.И. Солженицыне: «Безгранично самомнение <...> этого «лингвиста». Его слова – корявые, неудобочитаемые и искажающие смысл уродцы. А «обработка далевского словаря» – просто изнасилование русского языка в циничной форме <...> при чтении его текстов сразу бросалось в глаза полное отсутствие чувства языка, элементарная безграмотность и образцы натужного, абсолютно неоправданного новояза. «Коренная струя» – это что вообще?!» (vk.com/wall-72683727_967035).

Под «обработкой далевского словаря», очевидно, имеется в виду работа писателя над созданием «Русского словаря языкового расширения» [Русский словарь... 2000]. Но, по нашему убеждению, как раз представленные здесь народные названия знакомых явлений и предметов удачны и выразительны, тем более, сам писатель предупреждает, что собрал здесь не то, что используется, а то, что не должно быть утрачено, что имеет право быть в языке – «живое в языке». Разумеется, нет надежды, что весь лексический фонд, представленный в словаре, может быть возвращен в активное пользование, однако в нем есть беспрецедентные по смысловым нюансам языковые единицы: *безмирье* (войны нет, но нет и мира), *безлетье* (лето наступило, но холодно не полетному), *бавка* (игрушка), *якало* (зацикленный на себе человек) и др.; весьма значимы в мировоззренческих, воспитательно-нравственных целях глаголы с приставкой *обез-*: *обезъязычить*, *обезбожить*, *обезыкониться* [Русский словарь... 2000]. Или возьмем емкое слово *бесиво* – так, оказывается, называли в народе любое одурманивающее средство (табак, алкоголь, наркотики). В этом слове не только корень, но даже суффикс (ср.: *месиво*, *чтиво*) содержит оценку называемого. Не случайно в речи современников получили распространение презрительные окказионализмы *смотриво*, *слушиво*, *разводилово* и подобные им слова

с ярко выраженной отрицательной коннотацией для обозначения того, что мы видим и читаем в современных СМИ и интернете. «Русский словарь языкового расширения» содержит около 40 тысяч слов, составлением его писатель занимался треть века, «по мере сил противясь» <...> «оскудительному процессу» в русском языке, и это, как нам кажется, как раз неоспоримый вклад писателя в работу по сбережению «живого» языка народа, по активизации в речи наиболее выразительных диалектизмов, забытых слов – возьмем те же *бесиво* или *якало*.

Однако основным полем языкотворчества А.И. Солженицына являются его художественные произведения. Любое произведение дает яркое представление о стремлении писателя найти точное, единственное для данной ситуации, для данного героя слово. Если в поздних работах заметно стремление автора к выискиванию, а иногда и придумыванию необычных словоформ, к замене привычного, «затёртого» слова архаизмом или авторским неологизмом, то его ранние произведения: «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Захар Калига» – гармоничны в языковом плане, в умелом поддержании баланса между естественной простотой и прозрачностью языка автора и его героев и соразмерной с ними долей оригинальных, нестандартных слов и выражений, тонко включенных в ткань повествования. Чаще это не придуманные, а взятые из народной речи выражения, «оживленные» диалектизмы.

Представление о количестве и качестве лексики, характеризующей-подлинную, «внутреннюю», по определению автора, Россию, можно получить, обратившись к примерам, взятым из его знаменитого «Матрёнин двора» [Солженицын 2010]: *доброжилая изба, непрохожие леса, неурядная вещь, жить в зануци, любота, грево, картофь* и мн. др. В рассказе употреблены уместные в данном языковом поле диалектные и просторечные слова: *дивирь* ‘деверь, родной брат мужа’; *чаять* ‘чувствовать’; *горница* ‘чистая половина избы’; *четверть* ‘бутыль определенного объема’; *вязаночка* ‘вязаная вещь’ (кофта, платок); *болезная* ‘несчастливая’ и др. Народную речевую стихию отражают также разговорные и просторечные лексемы: *таскать* ‘носить’; *подале* ‘подальше’, *сулить* ‘обещать’, *балаболка* ‘болтливый человек’; *беспритульный* ‘беспритульный’; *здоровяга* ‘сильный человек’ и др.

Следует отметить, что употребление диалектных, просторечных, жаргонных слов у А.И. Солженицына не является обычной стилизацией. Нелитературное слово органически вплетается в ткань произведения. Писатель с любовью вслушивается в речь простых русских людей, восхищается её богатством, выразительностью, точностью – иногда

большей, чем у нормативной речи: например, употребленное автором *грево* (*Ветрами студеными выдувало из нее печное **грево** не сразу*) намного точнее, чем общелитературное *тепло* (*грево* ‘то, что греет, создает тепло’). Ощутимо, что и герои, и автор чувствуют красоту удачно найденного слова, умеют хранить язык, полученный в наследство от предков, иногда привнося и своё словотворчество, например, Матрёнино «изобретение» *дуель* вместо *метель*. Слово ‘дуель’ образовано наложением основ *дует* и *метель* и представляет собой явно авторское новообразование. Другие примеры из рассказа: *У самой у нее места не было (они с мужем **воспитывали** ее престарелую мать)* – *воспитывали* ‘кормили-поили’, ‘ухаживали’; *было тесно и **лопотно*** – *лопотно* (возможно, от *лопотать* ‘говорить быстро, неясно’ или вероятно от *лопоть* ‘верхняя одежда’), т.е. было много тряпья; *у нее не так **уборно**, в **запуци** она живет, болеет* – *уборно* ‘чисто, прибрано’; *запуць* ‘запустение, упадок’; *если попадалось что **неурядное**...* – *неурядное* ‘из ряда вон выходящее’, в данном контексте ‘несъедобное’; *А он (конь) **стиховой** какой-то попался* – *стиховой* ‘буйный, не поддающийся обузданию’. Для образованного читателя прилагательное-определение *стиховой* ассоциируется со словом *стихия*.

Одобрение слога и слова писателя встречаем в работах современных критиков – см., например, статью А. Архангельского «Солж земли»: «...Чудо Солженицына» совершает язык Солженицына. Он создал язык, в котором вязнешь, очень скоро начинаешь говорить и даже мыслить по его законам. Почему это работает до сих пор, почему попадаешь в капкан обаяния солженицынского слога при всей, прямо скажем, искусственности этой языковой конструкции даже по меркам второй половины XX века? <...> В. Сорокин говорил, что ощущение глубины писателя зависит от наличия в его тексте воздуха, свободного пространства, которое он оставляет своему читателю. Это странно слышать по отношению к Солженицыну. Казалось бы, он явный диктатор в слове, особенно в публицистике. Но при всей бескомпромиссности его идей язык Солженицына – парадокс! – оставляет большой зазор свободы для читателя...» [Архангельский 2018].

Итак, ответы на вопросы о том, индивидуализируют ли «солженизм» манеру письма или затрудняют понимание произведений писателя, является ли активное словотворчество писателя достоинством или недостатком, как видим, иногда могут быть прямо противоположными. В любом случае, «солженизм» – это важная и правомерная черта стиля знаменитого писателя и публициста, как бы ни были расценены по-

добные авторские формы слов, новообразования и неологизмы, варианты общеупотребительных слов: как словотворчество или как нелепые слововыдумки.

А.И. Солженицын навсегда останется в истории русской литературы и культуры не только как великий писатель, общественный деятель, не только как собиратель и хранитель языка, но и как талантливый его строитель.

Список литературы

1. Архангельский А. Солж земли // Огонек. №47 (5543). 10.12.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20201011040707/https://www.kommersant.ru/doc/3805224> (дата обращения: 03.09.2021).
2. Гуль Р.Б. Читая «Август четырнадцатого» А.И. Солженицына. США, Нью-Йорк: Rausen Publishers, 1971. 30 с.
3. Гуль Р.Б. Солженицын. Статьи. А.И. Солженицын в СССР и на Западе. США, Нью-Йорк: Мост, 1976. 98 с. [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/gul_solzhenitsyn_1976_ocr.pdf (дата обращения: 03.09.2021).
4. Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И. Солженицын. 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
5. Солженицын А.И. Матренин двор: рассказы. М.: Детская литература, 2010. 224 с.

«LANGUAGE EXPANSION» BY A.I. SOLZHENITSYN: WORD-CREATION OR WORD-INVENTION?

© *T.F. Novikova*

The article presents the results of observations on examples from the artistic and journalistic works of A.I. Solzhenitsyn, illustrating the unusual nature of the writer's language, the facts of word-creation, appeals to the peripheral layers of the language. The purpose of the work is to search for and offer arguments that allow to answer the question of the title of the article: are neologisms and occasionalisms of the writer a virtue or a disadvantage? Is there any reason to speak of "solzhenisms" as a specific linguistic phenomenon? Examples were extracted by sampling from the author's texts, appeals to the works of both the writer himself and the critical works of researchers of A.I. Solzhenitsyn's creativity. The main results consist in the analysis and systematization of examples of the writer's word-creation, conclusions about the uniqueness of his language.

Keywords: A.I. Solzhenitsyn, language, word-creation, neologisms, dialectisms, solzhenisms.

ДВОЙНЫЕ СРАВНЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ИЛИ КОНКРЕТИЗАЦИЯ?

© *Е.В. Огольцева*

В статье представлен анализ «удвоения» образа сравнения – стилистического приёма, часто встречающегося как в художественной литературе, так и в публицистике. Использование таких методов, как анализ словарных дефиниций и контекстный анализ, позволяет разграничить устойчивые сравнения, трансформированные и индивидуально-авторские компаративные структуры. Выявлены основные модели «двойных сравнений» и «каскадов сравнений». В результате проведенного анализа автор приходит к выводу, что функционирование двойных сравнений в текстах зависит от того, связано ли «удвоение образа» с изменением основания сравнения или мы имеем дело с единством признака-основания при варьировании образа компаративной конструкции. В первом случае имеет место уточнение, конкретизация признака, во втором случае – его интенсификация, являющаяся следствием поиска более экспрессивного образа.

Ключевые слова: компаративная структура, двойное сравнение, устойчивое сравнение, индивидуально-авторское сравнение, образ сравнения, модель, интенсификация признака.

Все модели индивидуально-авторского построения компаративных единиц так или иначе опираются на многовековой опыт народа, который «в застывшей форме» отражён в богатой системе моделей устойчивых сравнений (УС). С другой стороны, анализ наиболее часто встречающихся типов авторских трансформаций позволяет судить о тонких нюансах компаративной семантики в целом, о закономерностях употребления сравнений разных типов в художественном тексте и публицистике.

Структура образного сравнения общеизвестна: то, что подвергается сравнению (компонент А); то, с чем сравнивается предмет – образ компаративной структуры (компонент В); общий признак сравниваемых предметов (С); формальный показатель компаративных отношений (m). Таков компонентный состав любого образного сравнения, будь то единица устойчивая, воспроизводимая всем языковым коллективом, или индивидуально-авторская, «свободная». В рамках этой статьи мы рассмотрим одну из часто встречающихся в художественном тексте речевых моделей компаративных структур – так называемое «двойное срав-

нение», являющееся результатом удвоения образа сравнения при одном общем компоненте А.

Обратимся к основным разновидностям «двойных сравнений».

Тип 1. Модель C1B1-C2B2. В таких компаративных структурах несколько оснований, каждому из которых соответствует свой образ (элемент А при этом единый).

Подобные двойные сравнения часто используются в «словесных портретах», при описании внешнего вида персонажа; при этом одна и та же деталь внешности рассматривается с разных сторон, к примеру, по цвету и по форме: *Только чёрные, как угольки, и круглые, как вишни, зрачки ходили по белому полю глазного яблока, подобно часовому маятнику, да алые губы оттопырились ещё больше в весёлую насмешливую улыбку.* (Л.А. Чарская. Так велела царица // НКРЯ). В этом фрагменте «в одной связке» оказались устойчивое сравнение *как угольки* и трансформация *как вишни*: автор заменяет признак-основание С – в узусе УС *как вишни* употребляется по отношению к очень чёрным глазам.

Та же цель – разностороннее описание предмета посредством двух дополняющих друг друга сравнений – преследуется, вероятно, и в следующем примере: *Я отдал бы все свои призовые деньги, лишь бы увидеть моего доброго друга, Илью, в прежнем духе... Это душа в обществе, это голова в деле: добр как ангел и смел как чёрт!* (А.А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»). Обратим внимание на то, что два сравнения в таких случаях, функционально сближаясь, вместе с тем никогда не являются синонимами: они помогают индивидуализировать разные, подчас противоречащие друг другу признаки.

Во многих случаях при одном объекте образной характеристики мы наблюдаем не пару сравнений, а три и даже более: *Наталья имела прелестную душу, была нежна как горлица, невинна, как агнец, мила как май месяц.* (Н.М. Карамзин. Наталья, боярская дочь); *Тут любят сходки горячие, весёлые. Любят сходку бурную, как речка в разлив, и крикливую, как базарная бабочка, и весёлую, как свадьба...* (П.С. Бубеннов. Сыновний бунт). В обоих примерах мы имеем дело с трёхчленными рядами сравнений, вводимых посредством союза *как*; при этом в одном ряду оказываются и общеязыковые образы устойчивых сравнений (*нежна / как горлица, невинна / как агнец*), и трансформированные устойчивые конструкции (*крикливая / как базарная бабочка*), и свободные, индивидуально-авторские структуры (*мила / как май месяц, бурная / как речка в разлив, веселая, как свадьба*). В совокупности все эти сравнения позволяют нарисовать сложный образ: в первом случае это и

внешние, и внутренние качества человека, во втором – противоречивое разнообразие того, что в селе называют «сходкой».

Анализируемые нами ряды (серии, каскады) сравнений – мощный риторический прием, к которому часто прибегают не только поэты и писатели, но и публицисты, юристы, историки. Вот как, к примеру, пользуется этим действенным способом повышения экспрессии текста выдающийся историк своего времени Н.И. Костомаров: *Он ходил по заповедям Божиим, – говорил о нём русский современник, – побеждал поганных язычников, устремлялся на них как лев, гневен как рысь, губителен как крокодил, пролетал по их земле как орёл...* (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей). В одном контексте употреблены четыре индивидуально-авторских сравнения с разными образами-анимализмами, характеризующими с разных сторон князя Романа Мстиславовича.

Будучи сильным средством создания экспрессии, двойные образные сравнения нередко участвуют в реализации других тропов, например, антитезы: – *Опасаясь – кино тебя развертит, лёгкие деньги и всякие западные поклонницы типа госпожи Герберт. Паришь как ангел, не приземлишь как чёрт* (Ю.В. Бондарев. Берег); *Несмотря на май, вода в нём была холодна, как лёд, и обжигала, как огонь* (А.П. Хейдок. Призрак Алексея Бельского).

Бывают и особые случаи, когда признаки-основания в тексте отсутствуют: *Ни один из восходов солнца не бывает похож на другой. Иногда солнце всходит как золотой шар, иногда как белое видение в густой осенней мгле, а иной раз как большой искристый алмаз* (К. Паустовский. Памяти Аксакова). Основания-наречия здесь лишь подразумеваются, они не выражены и вряд ли могли бы быть эксплицированы в силу их сложности, но очевидно, что они различны. В данном случае сравнению подвергаются разные (взаимоисключающие) проявления одного и того же события – восхода солнца. Ср. также другой подобный пример: *Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя, / То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...* (А.С. Пушкин. Зимний вечер). Обратим внимание на повторяющиеся в обоих случаях «маркеры» периодической повторяемости события (природного явления): обстоятельства *иногда, иной раз* в первом случае, разделительный союз *то...то* – во втором.

Тип 2. Модель С – В1В2. В этом случае при одном признаке-основании С мы наблюдаем два (или более) образов В, каждый из которых по-своему индивидуализирует признак: *Глаза же у царя [Соломо-*

на] *были темны, как самый тёмный агат, как небо в безлунную летнюю ночь* (А.И. Куприн. Суламифь); *А вот узнает она, какой ты трус, и не будет любить нисколючко. У Шурки горели уши, горели щёки, он весь горел, как в огне, как в аду, когда черти поджаривают грешников на сковороде* (В. Смирнов. Открытие мира). Интересно, что в обоих приведённых примерах один из образов является устойчивым, воспроизводимым, ср.: как (словно, точно) агат '(книжн.). **Чёрный**. Чёрный с блеском. Преим. о глазах человека'. [Огольцев 2001: 28]; как (словно, точно) в огне '1.1. **Гореть** (в жару, при болях, болезни). О человеке (– теле человека) <...> 1.2. **Гореть, пылать** (от сильного переживания, смущения). О человеке (– лице)' [Огольцев 2001: 422].

В первом случае автор трансформирует устойчивое сравнение *как агат* посредством интенсификатора – прилагательного в превосходной степени *самый тёмный*, в результате чего повышается степень логического сближения образа и основания сравнения: *темны, как самый тёмный агат*. Кроме того, он идет по пути дальнейшего усиления экспрессивности этого, казалось бы, предельно точного образа компаративной конструкции, добавляя индивидуально-авторское развернутое сравнение *как небо в безлунную летнюю ночь*.

Во втором случае мы имеем дело с тем же приёмом: автор, как бы не удовлетворившись воспроизводимым (трафаретным, «примелькавшимся») сравнением *как в огне*, добавляет ещё одну компаративную конструкцию, с тем же значением, но уже свободную и развернутую в придаточной части, рисующей наглядную устрашающую картину: *как в аду, когда черти поджаривают грешников на сковороде*. Очевидно, что в этом случае автор нуждается не просто в усилении признака, – ему нужна его конкретизация, дополнительные семантические признаки, позволяющие не просто выразить внешний признак (покраснение лица), но уточнить психологическое состояние Шурки, лицо которого «горит» не от болезни, а именно от крайнего смущения, стыда.

Встречаются также иные примеры, когда автор наряду с устойчивым сравнением, характеризующимся возвышенной коннотацией, намеренно использует второе (свободное) сравнение, снижая его пафосность: [Николай Михайлович Счастнев, муж, 30, жилец в доме Чежина]: *Я свободен, как орёл в небе, как лосось в Финском заливе...* (И.Е.Чернышёв. Жених из долгового отделения). Благодаря такому стилистическому контрасту рождается комический (в данном случае иронический) эффект.

Если ни одно из сравнений в подобном ряду не получает синтаксического распространения, варьирование образов, как правило, выполня-

ет функцию простой интенсификации признака: *Олег ещё дрожал, чувствуя во всей руке разлитое наслаждение, ещё живое ощущение того, как чужое тело, как вещь, как мешок, как гиря, поддается, валится, уступает, и как часто после драк он с любовью поглаживал разбитую и заслуженную свою кисть.* (Б.Ю. Поплавский. Домой с небес) Образы «вещь», «мешок», «гиря» выполняют общую художественную функцию: в совокупности они передают ощущение безжизненного, податливого, тяжелого, бесчувственного тела. Любопытно, что все три существительных используются и в системе УС, но в иных значениях: как (словно, точно) с вещью. *‘Обращаться, поступать с кем-л. – не считаясь с личностью, попирая человеческое достоинство. <...>’.* [Огольцев 2001: 92]; как (словно, точно) мешок. *‘1. Падать, сваливаться – грузно, инертно. О человеке. <...>’.* [Огольцев 2001: 355]; как (словно, точно) <пудовая [двухпудовая, стопудовая]> гиря. *‘1.1. Тяжелый. О предмете. <...>. 3. Висеть, виснуть на ком-л., на шее, на ногах кого-л. Обременять, быть помехой, препятствием в делах, жизни.’* [Огольцев 2001: 120–121]. Мы привели именно те значения устойчивых сравнений, которые, на наш взгляд, послужили объектом творческой трансформации в приведенном выше каскаде компаративных структур.

«Двойные сравнения» могут быть и всецело авторскими, свободными. Показательно, что в этом случае они, как правило, являются результатом языковой игры, образными вариантами выражения одного и того же признака; в данном случае варьирование компонента В не сопряжено ни с интенсификацией признака, ни с его уточнением, конкретизацией. Иными словами, в таких случаях мы имеем дело с синонимией свободных компаративных конструкций. *Я вижу поодаль бесскорбный лик незримого Случая и, поднясь жутью, как мешок овсом, как река половодьем, я молю его о пощаде...* (А. Иличевский. Случай Крымского моста (2000) // Зарубежные записки, 2007).

В подобных случаях, как бы желая показать равноценность образов, их однофункциональность, авторы нередко используют союз *или* между двумя сравнениями: *Иван Егорович был смирен, кроток, послушен, терпелив, как овца или как знаменитое неутомимостью животное стран полуденных, но только до известной степени* (Н.И. Греч. Чёрная женщина). В данном примере автор при бегает к трансформированному УС *как овца*, а второй образ (*верблюд*) легко угадывается читателем за перифрастическим описательным выражением *знаменитое неутомимостью животное стран полуденных*. Лёгкость дешифровки основана на том, что в сознании носителей русского языка присутствует устойчивая компаративная структура *как (словно, точно) верблюд: <...>*

‘Выносливый, неприхотливый, способный не пить и не есть длительное время. О человеке’ [Огольцев 2001: 88] В паре компаративных единиц, связанных между собой разделительным союзом *или*, одно из сравнений (как правило, первое) является устойчивым, а второе – свободным; при этом между ними чаще всего возникают отношения предельной семантической близости: – *Со мной ли хочешь бороться, можешь ли ты дать крылья человеку, полетит ли он по воздуху, как сокол, можешь ли усилить слабое зрение человека, увидит ли он как орёл или как летучая мышь, ночью?* (А.С. Сорокин. Навуходоносор и Тимур).

Реже союз *или* связывает между собой два не вполне равноценных в плане экспрессии компаративных значения: *Потом он рассказывал, как он «гуляет» в комнате: засеку время на часок и хожу, хожу как зверь в клетке или как человек в камере-одиночке.* (А.Т. Твардовский. Рабочие тетради // «Знамя, 2003). Сравнение человека со зверем, бесспорно, более выразительно, нежели сравнение человека с человеком же. Однако автор предпочитает поставить именно второе сравнение в сильную позицию, полагая, очевидно, что «нестандартность» этой компаративной конструкции сама по себе уже обеспечит некую градацию экспрессии.

При удвоении образа вовсе не является обязательным воспроизведение формального показателя компаративных отношений: Он *держался прямо, как будто маршировал* или *проглотил ариин* (А.П. Чехов. Степь). В отличие от предыдущих примеров, здесь на первой позиции оказался авторский сравнительный оборот *как будто маршировал*, который вводится составным сравнительным союзом *как будто*, далее следует сравнительная часть (собственно образная основа) устойчивого сравнения *как (словно, точно) ариин проглотил*: ‘Прямой; ходить, сидеть, держаться неестественно прямо <...>’ [Огольцев 2001: 36]. При этом именно УС оказывается более экспрессивным, поскольку, помимо внешнего признака, воспринимаемого скорее положительно (прямая спина как признак хорошей осанки), оно даёт возможность выразить и напряженное внутреннее состояние человека: *как ариин проглотил* – не просто *прямо*, а именно *неестественно прямо*. Отметим, что более «сильное» в коннотативном плане, более точное и более развернутое сравнение оказывается в конце ряда (если же перед нами пара сравнений, оно следует вторым).

Важно отметить, что подобное нагнетание образов часто встречается в текстах и при употреблении метафор, причём ряд метафор-экспрессивов чаще всего состоит из трёх образов, среди которых есть как воспроизводимые, так и индивидуально-авторские: *К вечеру Алёха*

был черномаз от копоти, масла и пыли, но редко угождал отцу. Прокон то и дело покрикивал на него, обзывал *рохлей, мокрой вороной, бабой* (Ф.П. Певнев. Осенние костры). Здесь в одном ряду оказались близкие по семантике образы: *рохля* ‘Разг. Пренебр. Вялый, неэнергичный, нерасторопный человек; размазня, шляпа’ [МАС, т. 2: 734]; *баба* ‘4. Разг., презр. О слабом, нерешительном мужчине, мальчике’ [МАС, т. 1: 53]. *Мокрая ворона* – индивидуально-авторская метафора, родившаяся как результат скрытой контаминации двух образов: общезыковой метафоры *ворона* ‘2. Разг. О рассеянном, невнимательном человеке’ [МАС, т. 2: 212] и фразеологизма *мокрая курица*: ‘2. Безвольный, бесхарактерный человек, размазня. <...> 2. Человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо’ [ФСРЯ 1986: 218].

Таким образом, двойные сравнения бывают двух типов, в зависимости от того, сопряжено ли «удвоение образа» с изменением основания сравнения или нет. В первом случае мы имеем дело с операциями уточнения, обогащения, конкретизации признака, которые имеют своей главной целью передать разные грани объекта образной характеристики, показать его читателю с разных сторон. Во втором случае (при единстве признака-основания) удвоение образа обычно связано со стремлением автора к интенсификации признака, с поиском более экспрессивного образа.

Список литературы

1. МАС – Словарь русского языка. В 4-х тт. М.: Русский язык, 1981–1984.
2. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 04.09.2021).
3. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2001. 800 с.
4. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд. М.: Русский язык, 1986. 544 с.

DOUBLE COMPARISONS IN ARTISTIC TEXT: INTENSIFICATION OR CONCRETIZATION?

© *E.V. Ogoltseva*

The purpose of the article is to analyze a stylistic device that is often found both in fiction and in journalism: «doubling» the image of comparison. The use of such methods as dictionary definition analysis and contextual analysis makes it possible to

distinguish between stable comparisons, transformed and individually authored comparative structures. The main models of «double comparisons» and «cascades of comparisons» are revealed. As a result of the analysis, the author comes to the conclusion that functioning of double comparisons in texts depends on whether the «doubling of the image» is associated with a change in the basis of comparison or we are dealing with the unity of the attribute-base when varying the image of the comparative construction. In the first case, there is a clarification, specification of the feature, in the second case – its intensification, which is a consequence of the search for a more expressive image.

Keywords: comparative structure, individual author's comparison, stable comparison, comparison image, doubling of the comparison image, model, feature intensification.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ НОВЕЙШИХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

© *И. Палоши*

В статье рассматриваются неологизмы русского языка коронавирусной эпохи, связанные с дистанционным обучением. Целью анализа является рассмотрение деривационных процессов, в результате которых возникают лексемы трех словообразовательных гнезд, производящими словами которых являются прилагательные *дистанционный*, *удаленный* и название онлайн-платформы *ZOOM*. Исследование, проведенное на ограниченном языковом материале, свидетельствует об активном использовании деривационного арсенала русского языка (суффиксального и конфиксального словообразования, усечения, универбации и контаминации с тмезисом и без тмезиса) в бытовом общении, в средствах массовой информации, а также при онлайн-коммуникации. В ходе анализа обратим внимание на возникновение омонимов, возникших в результате деривации.

Ключевые слова: неологизмы, словообразование, омонимы, пандемийный дискурс, дистанционное обучение.

Введение

В последнее время в русском языке возник своеобразный лексикон коронавирусной эпидемии, который постоянно пополняется новыми словами, обозначающими новые явления, новые признаки, новые формы деятельности. Данные неологизмы часто отражают субъективное, эмоциональное отношение носителей языка к актуальным условиям жизни. К неолексемам можно причислить многочисленные заимствования (*зум-конференция*), дериваты от интернационализмов (*ковидничать*), кальки (*социальная дистанция*), слова, которые появились в результате деривационных процессов, основанных на русских словах (*масочничество*), а также сочетание заимствованных и русских лексем (*Zoom-истощение*).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Внеязыковые условия предоставляют возможность наблюдаться актуальные номинативные тенденции, а также проследить за активизирующимися словообразовательными процессами в русском языке. Неслучайно, что в последнее время наблюдается повышенный интерес лингвистов к интерпретации, описанию и лексикографической фиксации неологизмов, см. в том числе работы [Буцева, Зеленин 2021: 162–213; Вальтер, Мокиенко 2020: 33–44; Геккина 2020: 148–156; Громенко 2020: 45–61; Громенко 2021: 138–149; Кронгауз 2021: 150–161; Левина 2020: 157–166; Минеева 2020: 167–177; Митурска-Бояновска 2020: 178–187; Митурска-Бояновска 2021: 459–468; Палоши 2021: 552–560; Радбиль 2021: 640–649; Рацибурская 2021: 355–377; Янурик 2021: 470–494], а также словарь [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021].

Настоящая статья представляет собой обзор неологизмов, которые возникли в результате изменений в вузовском и школьном образовании при переходе на дистанционное обучение. Количество данных неолексем ограничено: производящими словами являются *дистанционный*, *удаленный* и наименование онлайн-платформы *ZOOM*. Соответственно этому, в основном мы будем концентрировать свое внимание на представлении трех словообразовательных гнезд. По нашему мнению, данная тематическая группа безусловно заслуживает внимания, тем более что существуют мнения, согласно которым *дистант* и *зум*, наряду с лексемами *коронавирус*, *ковид* и *карантин*, можно считать ключевыми словами эпохи [Громенко 2021: 102]. На данном материале мы попытаемся рассмотреть активные деривационные процессы в современном русском языке. Предварительно заметим, что в рамках данной работы мы не будем заниматься вопросами правописания.

Необходимо подчеркнуть, что словосочетание *дистанционное обучение* не является продуктом последних двух лет. Как известно, в многочисленных российских вузах уже давно осуществляются такие программы обучения. Однако, с тех пор как дистанционное обучение стало частью жизни преподавателей и студентов, возникли новые слова, обозначающие новую реальность.

1. Образование неониминаций (существительных)

Из словосочетания *дистанционное обучение* образуется усеченная форма *дистант*, соответственно, из словосочетания *полудистанционное обучение* – *полудистант*.

(1) *Вузам разрешили перейти на дистант в период нерабочих дней* (рпн.ru. 22.10.2021);

(2) **Полудистант** вводят в ВолГУ с 4 октября из-за COVID-19 (gorvesti.ru. 30.09.2021).

Отрицательное отношение к дистанционному обучению выражается лексемой *недодистант*.

(3) *Вкусив весенний НЕДОдистант* никто не захочет вновь в это окунуться. я бы не была в этом так уверена (u-tama.ru. 29.06.2020).

Кроме усеченных форм дистанционное обучение обозначается и универбатами *дистанционка*, *удаленка*. Как известно, при универбации часто возникают многозначные слова. В этом случае тоже можно наблюдать такое явление:

дистанционка < *дистанционное обучение*, *дистанционная работа*.

(4) *Минпросвещения не планирует перевод школьников на дистанционку после 7 ноября* (tass.ru. 25.10.2021) – ‘дистанционное обучение’;

(5) *Дистанционка в законе: 10 правил, которые защитят ваш бизнес.* (delovoyumir.biz. 21.04.2021) – ‘дистанционная работа’;

удаленка < *удаленное обучение*, *удаленная работа*

(6) *Школы некоторых регионов России переходят на удаленку* (rg.ru. 28.09.2021) – ‘удалённое обучение’;

(7) *Как удаленка изменила в столице работников и работодателей* (rg.ru. 06.10.2021) – ‘удалённая работа’.

Заметим, что по данным нашего корпуса *дистанционка* чаще употребляется для обозначения дистанционного обучения, в то время как *удаленка* в большей мере прикрепляется к удаленной работе. Диминутивная форма универбата *удаленка* – *удаленушка*, появляющаяся в Интернете в мемах, интерпретируется тоже неоднозначно. *Удаленушка* представляет собой контаминат: *удаленная работа* / *удаленное обучение* / *удаленные отношения* + *Алёнка*.

К универбатам можно причислить производные существительные с суффиксами *-ник*, *-щик*, обозначающие лиц, вовлеченных в процесс дистанционного обучения: *дистанционник*, *дистанционщик*, *студент-дистанционщик* ‘студент, который осуществляет свою учебу дистанционно’, *дистанционщик-учитель*, *педагог-дистанционщик* ‘учитель, который проводит занятия дистанционно’:

(8) <...> **дистанционники**, наименее удовлетворенные процессом обучения, просто не имеют опыта в формате онлайн обучения и обладают низкими навыками таймменеджмента (5uglov.ru. 14.11.2021);

(9) *В результате, когда учебный год очный начался, оказалось, что эти успешные дистанционщики в пройденном материале ни в зуб ногой* (demkristo.livejournal.com. 05.12.2020);

(10) *Цвет глаз у педагогов-дистанционщиков не одинаково-красный* (zen.yandex.ru. 16.04.2020).

В связи с лексемой *дистанционщик* стоит обратить внимание на многозначность слова: 1. Спортсмен, участвующий в дистанционных видах лыжных гонок; 2. Работник, который выполняет свои обязанности дистанционно; 3. Студент, который осуществляет свою учебу дистанционно. Первые два значения иллюстрируют примеры (11) и (12).

(11) *Вся швейцарская сборная, включая спринтеров и дистанционщиков, составляла максимум 18 – 20 человек.* (Марьянчик Н. Немецкий врач сборной России Изабель Кнауте: Сборная обязана быть чистой! // Советский спорт, 01.07.2010);

(12) *Дистанционщик может приезжать в офис для решения рабочих вопросов* (krerk.ru. 29.07.2021).

Неолексема *дистанционник* тоже считается омонимом: 1. Пульт дистанционного управления; 2. Дистанционный держатель; 3. Работник, который выполняет свои обязанности дистанционно; 4. Студент, который осуществляет свою учебу дистанционно. Для иллюстрации первых трех значений приведем примеры (13)-(15).

(13) *Например, ваш фирменный «дистанционник» мог выйти из строя или телевизионный приемник попал к вам через третьи руки* (nastrojkin.ru. 28.11.2021);

(14) *Буквы backlight не имеют задника, поэтому они крепятся к стене через дистанционники* (svetobukva.com/infa/3-vida-naruzhnyix-bukv-s-kontrazhurnoj-podsvetkoj);

(15) *Когда прописка дистанционника влияет на начисление процентной надбавки к зарплате и районного коэффициента* (buhexpert18.ru. 29.03.2019).

С суффиксом *-ер* образуется существительное *зумер* ‘пользователь платформы ZOOM’:

(16) *Как обучать зумеров – рассказала декан факультета психологии НГПУ* (nsru.ru. 19.04.2021).

С суффиксом *-аци(я)* образуются существительные, указывающие на распространенность платформы ZOOM: *зумизация, зумификация* ‘широкое применение платформы ZOOM для видеоконференций’.

(17) *Массовая "Зумизация" и умение вести лекцию онлайн стала чем-то вроде ленинского Ликбеза в 1920-е* (forum.vgd.ru. 29.03.2020);

(18) *Оптимисты уверяют, что вынужденная "зумификация" всей страны заставила даже самых консервативных преподавателей обратиться к новым технологиям, а пассивных студентов активизиро-*

вала, пересадив с заднего ряда аудитории за экран компьютера (svoboda.org. 06.01.2021).

Некоторые существительные в данной тематической группе образуются простым сложением слов:

(19) **Карантинообучение** оказалось таким утомительным делом! (youtube.com. 03.05.2020).

Особенно интересными являются контаминаты *зумби* / *ЗУМби* / *ЗООМби* ‘тот, кто злоупотребляет применением платформы ZOOM’: *зум* + *зомби*; *зумченик* / *ЗУМченик* ‘ученик, обучающийся на платформе ZOOM’: *зум* + *ученик*; *зумчилка* / *ЗУМчилка* ‘учитель, обучающий на платформе ZOOM’: *зум* + *училка*; *зуминар* / *ЗУМинар* / *ЗООМинар* ‘семинар, проводимый на платформе ZOOM’: *зум* + *семинар*; *карантикулы* ‘каникулы, во время которого ученики и студенты находятся на карантине’: *карантин* + *каникулы*; *ковикулы* ‘нерабочие дни, из-за тяжелой ситуации во время коронавирусной эпидемии’: *ковид* + *каникулы*. Некоторые из перечисленных выше лексем проиллюстрируем примерами (20)–(24).

(20) *Эти "зумби" страдают от нового феномена, известного как "Zoom-истощение"* (isrageo.com. 08.04.2021);

(21) *Вот примеры: "вирусспруденция", "гречкохайп", "зависанцы", "зумчилка"... Войдут они в язык?* (godliteratury.ru. 03.06.2021);

(22) *Мы уже говорим «давайте позумимся», «у меня вчера был зуминар»* (aif.ru. 29.06.2020);

(23) *В России закончились карантикулы: как длинные выходные повлияли на заболеваемость* (66.ru. 08.11.2021);

(24) *"Ковикулы" в Сочи: курорт ожидает около 100 тысяч туристов* (ru.euronews.com. 28.10.2021).

В некоторых случаях можно наблюдать явление тмезиса, при котором один из членов контаминации ставится во внутрь другого члена:

(25) *И что мы теперь принимаем? – экЗООМен! А кто мы теперь? – экзуминаторы!* (vk.com. 08.08.2020).

Существительное *безумие* приобрело новое значение в результате его шуточного переосмысления: *беЗУМие* / *беЗООМие* / *безоотие* ‘усталость, недовольство дистанционным образованием на платформе ZOOM’.

(26) **Безоотие** на удаленке: 10 неприятных случаев во время онлайн-созвонов, герои которых прославились на весь интернет (timeout.ru. 08.04.2021).

Явление тмезиса можем наблюдать и в существительном *беззумие / безZOOMие* ‘отсутствие работы платформы ZOOM’:

(27) *Полное беззумие: чем госсектор Петербурга заменил Zoot* (dp.ru. 15.04.2021).

(28)

2. Глагольные дериваты

Самыми частотными глаголами являются лексемы с суффиксом *-и-*: *дистантить* ‘обучаться в дистанционном режиме’; *дистантиться* ‘обучаться в дистанционном режиме’; по образцу *Google > гуглить*, образован глагол *ZOOM > зумить*, по образцу глаголов *чатиться* и *скайпиться* возник глагол *зумиться* ‘проводить видеоконференцию на платформе ZOOM’ и производные от них: финитивы *отзумить*, *отзумиться*, делимитативы *позумить*, *позумиться*, семельфактив *зумнуться*, сатуратив *назумиться*, глагол финально-отрицательного способа действия *дозумиться*, и прочие глаголы, в том числе, *призумиться* ‘присоединиться к зуму’ и *взумиться* ‘войти в зум’:

(29) – *Ты сегодня в школу идешь? / – Нет, у меня карантинкулы. Пойду зумить*, – так может выглядеть диалог в обычной петербургской семье во время пандемии (spbdnevnik.ru. 21.10.2021);

(30) *К июлю почти 90% россиян вышли с удаленки, однако привычка «зумиться» осталась* (adindex.ru. 29.09.2021).

Подобно к сфере номинативной деривации, контаминация является активным словообразовательным процессом и в области глаголов. См. контаминаты *зумерничать* ‘общаться в ZOOM в сумерках’ (*зум + сумерничать*); *ЗУМировать/ZOOMировать* ‘подвести итоги видеоконференции, лекции’ (*зум + суммировать*); *перезумовать* ‘провести какое-л. время на платформе ZOOM’ (*зум + перезимовать*). Заметим, что некоторые глаголы, образованные от названия онлайн-платформы ZOOM, являются омонимами глаголов, которые связаны с изменением фокусного расстояния объектива фотоаппарата, например *зумить*, *зумировать* (см. об этом подробнее в работе [Кронгауз 2021: 151]). Представляют интерес глаголы, образованные путём тмезиса: *уЗУМляться*, *иZoomиться*, *обеЗУМеть/обеZOOMеть* ‘устать от работы на платформе ZOOM’; *обезЗУМеть/обезZOOMеть* ‘остаться без сервиса ZOOM; перестать пользоваться платформой ZOOM’:

(31) *"В конце рабочего дня хочется сказать, что я обраZоотилась и иZоотилась:)* Главное не *обеZоотеть:)*" (facebook.com. 04.06.2020);

(32) *Хотелось бы скорее обезЗУМеть, но именно ZOOM, одна из наиболее популярных виртуальных площадок, помогает творческим*

людям и во время карантина встречаться и делиться своими новыми или популярными произведениями (objectiv.tv. 29.06.2020);

(33) Обдумывая планы нашего семинара на следующий учебный год, вместо этого придумал слово: **перезумовать** (axam.livejournal.com. 20.09.2021).

3. Образование прилагательных

В области тематической группы слов, связанных с дистанционным обучением, прилагательные чаще всего употребляются в усеченной форме, т.е. без суффикса. Таким образом образуются сложные слова, в которых усеченный член выполняет функцию определения главного члена. Такой способ деривации не является новым, ср. сложное слово *Интернет-пространство* и *дистант-обучение*, *дистант-образование*, *дистант-формат*, *дистант-режим*, *дистант-преподавание*, *дистант-сессия*, *дистант-экзамен*, *дистант-семестр*, *дистант-семинар*, *дистант-урок*, *дистант-учёба*, *дистант-задание*, *дистант-скептик*, *дистант-центрист*, *дистант-оптимизм*, *дистант-оптимист*, *онлайн-занятие*, *онлайн-обучение*, *онлайн-преподавание*, *зум-занятие*, *зум-класс*, *зум-обучение*, *зум-одежда*, *зум-преподавание*, *зум-презентация*, *зум-русалка*, *зум-сессия*, *зум-урок*, *зум-усталость*, *зум-прогул*, *зум-обучение*, *ZOOM-истощение*. Для иллюстрации употребления данных лексем приведем примеры (33)–(35).

(34) *Чтобы **дистант-формат** для учителей стал более удобным и доступным, а для учеников и родителей интересным и понятным, новые идеи и проекты ижевским педагогам в течении нескольких дней будут презентовать спекеры со всей страны* (myudm.ru. 24.08.2020);

(35) ***Онлайн-обучение** в школах Москвы при заражении детей коронавирусом продлится две недели* (tass.ru. 28.08.2021);

(36) ***Zoom-усталость**: что это и как с ней бороться?* (br-russia.ru. 02.11.2021).

Итоги

Суммируя наш анализ, можно установить, что массовое применение ранее существующей формы обучения бесспорно привело к активизации словообразовательных процессов в русском языке.

Представленные неологизмы обозначают явления, мероприятия дистанционного обучения, лиц, т.е. участников дистанционного обучения, а также их действия. Для образования данных лексем активизируется весь деривационный арсенал русского языка: суффиксальное словообразование, конфиксальное словообразование, усечение, универбация и контаминация с тмезисом и без тмезиса. В некоторых случаях новые дериваты становятся ононимами уже существующих лексем.

Список литературы

1. Буцева Т.Н., Зеленин А.В. Наименования лиц в период коронавирусной пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований. 2021. С. 162–213.
2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне) // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 33–44.
3. Геккина Е.Н. Ковид versus коронавирус: из наблюдений за регулярными случаями деривационных различий // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 148–156.
4. Громенко Е.С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020-х годов // Новые слова и словари новых слов: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 45–61.
5. Громенко Е.С. Символы новых расстояний: удаленка, дистанционка и социальная дистанция // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 138–149.
6. Кронгауз М.А. Зум и зумиться как символы коммуникативных технологий Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 150–161.
7. Левина С.Д. Новая болезнь в глагольной лексике коронавирусной эпохи // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 157–166.
8. Минеева З.И. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 167–177.
9. Митурска-Бояновска Й. Словообразовательная контаминация в эпоху коронавируса (на материале разговорной речи и газетных заголовков) // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 178–187.
10. Митурска-Бояновска Й. Словообразование в русском языке в эпоху коронавируса // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 459–468.
11. Новое в русской лексике. Словарные материалы-2020 / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. 486 с.
12. Павлова А.С. Наименования коронавирусной инфекции Covid-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 126–138.
13. Палоши И. О семантическом соотношении приставок *недо-* и *пере-* в зеркале лексики последних месяцев // Активные процессы в современном русском

языке: национальное и интернациональное. Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 552–560.

14. Радбиль Т.Б. Лексема *самоизоляция* как семантический неологизм в русской речи новейшего периода // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 640–649.

15. Рацибурская Л.В. Новые словообразовательные гнезда с «коронавирусной» лексикой // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований. 2021. С. 355–377.

16. Словарь русского языка коронавирусной эпохи // Громенко Е.С., Павлова А.С., Приемышева М.Н. (отв. ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.

17. Янурик С. Новые английские заимствования в русском языке в коронавирусной эпохи: контаминанты и композиты // Русский язык коронавирусной эпохи / Отв. ред. М.Н. Приемышева. СПб.: Институт лингвистических исследований, 2021. С. 470–494.

DISTANT LEARNING IN THE MIRROR OF MODERN WORD-BUILDING PROCESSES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

© *I. Paloshi*

The article examines the neologisms of the coronavirus era in the Russian language associated with distance learning. The purpose of the analysis is to observe the derivational processes, as a result of which lexemes of three word-families are formed. The deriving word of these word-families are *дистанционный* ‘distant’, *удаленный* ‘remote’, and ZOOM, the online platform. The study, carried out on limited linguistic material, shows that the whole derivational arsenal of the Russian language, including suffix and confix derivation, truncation, univerbation and contamination with and without tmesis, is actively used in everyday communication, in the media, as well as in online communication. As part of the analysis we described some homonyms that have appeared as a result of derivation.

Keywords: neologisms, word-formation, homonyms, pandemic discourse, distance learning.

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

© *Н.И. Полидовец*

Рассматривается один из сетевых жанров интернет-коммуникации – интернет-комментарий. Автором был проведен сравнительный анализ синтаксических конструкций, употребляющихся в сетевом жанре интернет-комментария. Подтверждена высокая частотность употребления в качестве интернет-комментариев простых и сложных предложений как наиболее удобных синтаксических конструкций для пользователей социальных сетей. В результате исследования была также подтверждена высокая частотность употребления приемов экспрессивного синтаксиса как способа замещения вербальных средств выражения эмоций. В результате исследования были определены общие тенденции изменения синтаксической языковой культуры в сети Интернет, которые выражаются в приверженности к экономичности в текстах, в использовании в качестве приемов экспрессивного синтаксиса знаковых единиц, а также в большом количестве случаев несоблюдения правил синтаксиса и орфографии, использования в сообщениях ненормативной лексики.

Ключевые слова: интернет-комментарий, экспрессивный синтаксис, интернет-коммуникация, эмодзи, социальные сети.

Глобальное развитие компьютерно-опосредованного общения пользователей в сети Интернет стало основанием для появления особых сетевых жанров текста, среди которых, по нашему мнению, особый интерес представляют интернет-комментарии.

Общие характеристики интернет-комментария как особого сетевого жанра впервые были обозначены в работе Е.И. Горошко, которая поставила перед собой задачу систематизировать знания о жанрах, относящихся к виртуальному пространству [Горошко 2006: 169].

К основным признакам и свойствам интернет-комментария современные лингвисты относят: 1) неограниченное количество участников и неопределенность завершения процесса комментирования, связанную с тем, что указанный процесс может существенно растянуться во времени или же потерять актуальность [Патрушева 2015: 8]; 2) использование интернет-комментария в качестве способа авторского самовыражения, отстаивания его личной позиции относительно действий продуцента первичного сообщения, размещенного на странице сайта, форума или поста в социальных сетях; 3) вторичность интернет-комментария по

отношению к первоначальному тексту, его реакционность на исходное сообщение [Сидорова 2014: 163]; 4) формирование и выявление нового ракурса, позволяющего осмыслить «иллокутивную, интенциональную и социокультурную «программы» сетевых транзакций» коммуникантов [Митягина 2021: 191]; 5) создание особой коммуникативной среды, в которой репрезентируются, интерпретируются, обсуждаются и оцениваются факты с целью определения их достоверности; 6) использование интернет-комментария как способа самопрезентации в социальных сетях [Карпоян 2015: 242–243]; 7) отсутствие четкой адресности и реализации принципа «всем и сразу» [Асмус 2005: 9].

Интернет-комментарий может относиться как к предмету обсуждения, описанному в социальных сетях или на странице интернет-ресурса, так и к другому автору, который также подключился к дискуссии по заданной теме.

Анализ современной литературы показывает, что основное внимание ученых сконцентрировано на изучении лексических особенностей этого жанра, в то время как синтаксические особенности интернет-комментария находятся на периферии лингвистических исследований.

В настоящей работе проведена систематизация имеющихся знаний о синтаксических особенностях использования комментариев в интернет-коммуникации, проанализированы особенности их стилистического оформления, в том числе с помощью средств экспрессивного синтаксиса, идеографических знаков и др.

Материалом статьи послужили 500 интернет-комментариев, извлеченных из группы «Подслушано во Владимире» социальной сети «ВКонтакте» в июле 2021 года. Были проанализированы две многоуровневые цепочки комментариев, относящихся к нейтральной и негативной новостям, размещенным на указанном ресурсе.

Новизна настоящей работы заключается в проведении сравнительного анализа синтаксических конструкций, которые употребляются пользователями в сетевом жанре интернет-комментария, и в определении общих тенденций изменения синтаксической языковой культуры в сети Интернет.

В выделенном нами языковом материале две трети комментариев (352 единицы) принадлежат пользователям мужского пола и одна треть (148 единиц) – пользователям женского пола. Идентификация по половому признаку проводилась на основании анализа никнеймов пользователей, которые по морфологическим показателям можно было отнести к тому или иному полу.

Исследуемый языковой материал можно разделить по тональности высказываний: среди всех примеров лишь 155 имеют мелиоративную коннотацию или нейтральную окраску и 349 единиц – ярко выраженную пейоративную оценку. Интересно, что в первичном сообщении с информацией нейтрального характера также не наблюдается единообразия комментариев пользователей по негативному или позитивному (либо нейтральному) отношению к обсуждаемой теме. Среди 184 комментариев данной ветки 112 высказываний имеют ярко выраженный негативный характер, и только 72 можно отнести к нейтральным или положительным.

По нашему наблюдению, одной из причин наличия значительного количества негативных комментариев к тексту нейтральной тональности является переключение внимания с обсуждаемой темы на оценку комментариев других авторов или непосредственно самих личностей пользователей.

По синтаксическим характеристикам проанализированный языковой материал можно разделить по следующим признакам:

1. *Использование словосочетаний.* В исследуемом языковом материале выявлено 22 примера использования в качестве интернет-комментариев словосочетаний. Относительно невысокая частотность использования указанных конструкций может объясняться тем, что с помощью словосочетаний авторам сложно дать полную и точную оценку обсуждаемому событию. Чаще всего словосочетания употребляются после распространенных предшествующих комментариев, когда собеседник усиливает значение уже сказанного ранее другим человеком. Также отметим, что вне контекста сложно понять полную смысловую нагрузку этих комментариев. Ср. (здесь и далее авторская орфография и пунктуация сохранены): 1) *странная аналогия..*); 2) *ваше право*; 3) *золотые слова* 🙄 и т.д.

2. *Использование неполных предложений.* На основе исследуемого материала можно сделать выводы о сравнительно небольшой частотности использования в качестве интернет-комментариев неполных предложений. В общем массиве комментариев было выделено 36 примеров с неполными предложениями. Как и в случае с употреблением словосочетаний, смысл неполных предложений вне контекста всей цепочки комментариев до конца не понятен. Ср.: 1) *откройте* 😊; 2) *согласна* 👍; 3) *и детей в тележках не должно быть*; 4) *фэнтези перечитал что ли* 🤔.

3. *Использование простых предложений.* Среди проанализированного языкового материала в качестве интернет-комментариев пользователями социальных сетей чаще всего употребляются простые предложения. Среди всех примеров их количество составляет 234 единицы. Необходимо отметить, что в этих случаях используются как единичные простые предложения, так и группы простых предложений. В большинстве своем простые предложения в достаточной степени распространены второстепенными членами. Ср.: 1) *По мне, хоть с алабаем пусть ходят. А вот немых людей с перегаром и запахом пота, надо запретить пускать в магазины;* 2) *А каким образом работодатель обеспечит вакцинацию? Только может отпустить с работы и не более того.*

Использование простых предложений в интернет-комментариях удобно как продуцентам текста, так и остальным участникам коммуникации. Их выбор не требует дополнительных интеллектуальных усилий на обдумывание конструкции будущего сообщения.

4. *Использование осложненных предложений.* В качестве интернет-комментария конструкции осложненного предложения используются нечасто. В исследуемом нами языковом материале было обнаружено всего 15 примеров осложненных предложений. Низкая частотность, вероятнее всего, обусловлена стремлением экономить усилия при создании текста комментария и косвенно может указывать на степень грамотности участников процесса коммуникации. Ср.: 1) *Я не против животных, я против тупых и бездарных людей;* 2) *К сожалению, необразованность это главная наша проблема...;* 3) *Но часть твоего генома изменена уже давно - внезапно, вирусами.*

5. *Использование сложных предложений.* В выделенном языковом материале было обнаружено 193 примера использования в качестве интернет-комментариев сложных предложений, в том числе 76 сложносочиненных и 89 сложноподчиненных предложений, а также 28 предложений с бессоюзной связью. Использование сложных предложений позволяет авторам эффективнее аргументировать свою позицию по обсуждаемой теме, обосновывать собственную оценку происходящего. Тем не менее, низкая частотность употребления сложных предложений в качестве интернет-комментариев по сравнению с простыми предложениями может указывать на общие тенденции к экономии языковых средств, свойственные языковой личности в интернет-коммуникации.

Таким образом, на синтаксическом уровне зафиксировано предпочтение пользователями социальных сетей простых и сложных предло-

жений как наиболее удобных конструкций, подходящих для интернет-комментариев.

Анализ языкового материала позволил выявить несколько общих тенденций изменения синтаксической языковой культуры в сети Интернет. Необходимо отметить большое количество ошибок, которые были обнаружены в 317 примерах. Подавляющее большинство ошибок совершается именно на синтаксическом уровне – в 269 случаях. Реже в исследуемом материале встречались нарушения правил орфографии, всего в 48 примерах. Нередко в одном примере встречались ошибки разного типа, нарушение грамматических и орфографических норм; ср.: 1) *Сокращать и не будут, будут просто в неотплачиваемый отпуск кидать до стабилизации ситуации и это законно и прописано в самом же ТК*; 2) *Чтобы на основании данного постановления, эти организации могли требовать необходимое количество завершенной вакцины, для своих сотрудников 😊*.

Интернет-комментарии в большинстве своем отличаются повышенной эмоциональностью и экспрессивностью. Пользователи социальных сетей часто используют приемы инверсии, парцелляции, употребляют в своих сообщениях ненормативную лексику. Использование приемов экспрессивного синтаксиса было отмечено в 227 примерах исследуемого языкового материала. Ср.: 1) *Все законно теперь. Обязательная вакцинация. КАК КППФ и хотели* 2) *Всегда так(привиться обязательно. интересно чем? Вакцины нет. но вы привейтесь)) денег нет. но вы держитесь*.

Отметим, что анонимность, свойственная интернет-коммуникации в целом, и негласное разрешение внутри рассматриваемого нами сообщества на использование в сообщениях матерных выражений и жаргонизмов делает процесс комментирования привлекательным для большинства пользователей маргинального типа. Ср.: 1) *Те че надо!!!! Олень!!!!* 2) *Быдло как всегда не может без мата*.

Еще одной тенденцией изменений на синтаксическом уровне, свойственных для интернет-комментариев, можно назвать высокую частотность использования смайлов и эмодзи. Знаковые языковые единицы в отсутствие возможности передавать невербальными средствами эмоции позволяют достигать заданной цели, внося в устно-письменную речь интернет-текстов разнообразие и привлекательность для других пользователей и участников беседы. В собранном языковом материале отмечено 168 случаев использования эмодзи и эмодзи в интернет-комментариях. Ср: 1) *Ответить нечего, слив не засчитан, все ясно 😊*;

2) 😂😂😂😂 *садись, «два»*; 3) *Народ смеётся над такими бумажками* 🙄🙄🙄🙄.

В нашем исследовании стала очевидной еще одна тенденция – замена эмодзи необходимыми знаками препинания. По всей вероятности, это происходит по нескольким причинам: с целью привлечения внимания к собственным сообщениям, а также для экономии времени при переключении на смартфоне регистра клавиатуры, необходимого для выбора того или иного пунктуационного знака. Ср.: 1) *Уже до собак докопались* 😏 *люди некоторые опасны могут покушать нежели собаки*; 2) *aaa он ещё и свами дискуссию проводил* 😏 *я ему в личку написала мног всего* 😏.

Таким образом, собранный нами языковой материал позволяет выявить следующие тенденции в синтаксисе современной русскоязычной интернет-коммуникации на примере интернет-комментариев:

1. В интернет-комментариях высокой частотностью употребления характеризуются простые и сложные предложения как наиболее удобные синтаксические конструкции для выражения авторской точки зрения и оценки события (или самой личности собеседника).

2. Использование приемов экспрессивного синтаксиса, в том числе знаковых единиц, остается у пользователей социальных сетей популярным способом привлечения внимания к собственным сообщениям при невозможности использования невербальных средств выражения эмоций.

3. Интернет-комментарии в социальных сетях содержат большое количество ошибок и ненормативную лексику, что в целом объясняется особенностью интернет-коммуникации и свидетельствует о формировании особой языковой культуры в сети Интернет.

Список литературы

1. Асмус Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 265 с.
2. Горошко Е.И. Интернет-коммуникация: проблема жанра // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник научных трудов. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2006. С. 165–175.*
3. Карпоян С.М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 242–245.*
4. Митягина В.А. Интернет-комментарий как коммуникативное действие // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сборник*

научных трудов. Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2012. С. 188–197.

5. Патрушева Л.С. Форум как речевой жанр интернет-дискурса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015. 175 с.

6. Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса (сайт, блог, социальная сеть, комментарий). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 249 с.

ON SOME SYNTACTIC FEATURES OF INTERNET COMMENTS IN MODERN INTERNET COMMUNICATION

© *N.I. Polidovets*

In this article, one of the online genres of Internet communication-Internet commentary – was considered. The author conducted a comparative analysis of syntactic constructions used in the online genre of Internet commentary. The high frequency of using simple and complex sentences as Internet comments, as the most convenient for users of social networks, was confirmed. The study also confirmed the high frequency of using expressive syntax techniques as a way of replacing verbal means of expressing emotions. As a result of the study, general trends in the syntactic language culture on the Internet were identified. They consist in commitment to economy in texts, use of sign units as expressive syntax techniques, as well as a large number of cases of non-compliance with the rules of syntax and spelling, use of profanity in messages.

Keywords: internet comment, expressive syntax, Internet communication, emoji, social networks.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

© Т.Б. Радбиль

В работе рассматриваются новые явления в лексике и грамматике русского языка, которые имеют своим источником лингвопрагматические эффекты, связанные с обстановкой речи, условиями употребления единиц, спецификой интенциональности говорящего и адресата и пр. Использована методика комплексного описания активных процессов в русском языке на разных уровнях системы языка и ее речевой реализации, принятая в исследованиях ученых ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Материалом исследования являются языковые данные, полученные посредством собственного Интернет-мониторинга автора. Освещаются новые явления, возникающие путем применения таких лингвопрагматических механизмов языка, как операции с пресуппозициями, инференциями или импликатурами дискурса, особенности реализации коммуникативных намерений говорящего (иллокутивных сил), способы актуализации условий успешности речевого акта, модели косвенных речевых актов, реализация метатекстовых элементов, использование тех или иных коммуникативных стратегий, явления соблюдения или нарушения принципа кооперации и пр.

Ключевые слова: прагматика языка и речи, лингвопрагматические механизмы языка, активные процессы, неолексемы, современная русская речь в Интернете.

Выглядит вполне естественным, что активные процессы в том или ином языке следует прежде всего искать в особенностях речевой актуализации явлений его лексической, словообразовательной, морфологической и синтаксической системы. Наша позиция, представленная в данном исследовании, заключается в том, что ряд нетривиальных новых явлений в лексике и грамматике русского языка имеют своим источником лингвопрагматические эффекты, связанные с обстановкой речи,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

условиями употребления единиц, интенциональностью говорящего и адресата и пр.

Цель исследования – осветить указанные новые явления, порожденные прагматикой нашей речи, в среде русскоязычной интернет-коммуникации как наиболее репрезентативной и динамической области возникновения разного рода инноваций.

В исследовании использованы методика лингвокультурологической интерпретации фактов языка и речи [Вежбицкая 1996; Радбиль 2016] и методика комплексного описания активных процессов в русском языке на разных уровнях системы языка и ее речевой реализации, принятая в исследованиях ученых ННГУ им. Н.И. Лобачевского [Радбиль 2011; Русский язык 2014; Радбиль 2017]. Материалом исследования являются языковые данные, полученные посредством собственного Интернет-мониторинга автора.

Традиционно к прагматической сфере относятся операции с пресуппозициями, инференциями или импликатурами дискурса, особенности реализации коммуникативных намерений говорящего (иллокутивных сил), способы актуализации условий успешности речевого акта, модели косвенных речевых актов, реализация метатекстовых элементов, использование тех или иных коммуникативных стратегий, явления соблюдения или нарушения принципа кооперации и пр. Ниже мы рассмотрим некоторые из них. Нас прежде всего будут интересовать прагматически обусловленные явления, которые воспринимаются как аномальные, как отклонения от интуитивно ощущающихся норм и конвенций общения, но в то же время обладающие потенциалом стилистической выразительности и лингвокреативности [Грайс 1985; Серль 1986; Падучева 1996; Булыгина, Шмелев 1997].

Прежде всего мы рассмотрим **операции с пресуппозициями**. В научной литературе выделяется два типа пресуппозиций – **семантические** и **прагматические** [Падучева 1996].

Под **семантическими пресуппозициями** понимаются обязательные для понимания высказывания невербализованные смыслы, которые имплицитируются из общезыковых значений слов и выражений в качестве необходимого условия их осмысленности. Примером операции с семантической пресуппозицией является использование выражения с новым значением слова *карантин*, которое в эпоху коронавируса претерпевает семантическое сужение – ‘система ограничительных мер для населения со стороны государства, призванных сдерживать пандемию коронавируса’. Если говорящий хочет выразить нетривиальное положительное отношение к

данному явлению, оцениваемому носителями языка отрицательно, он помещает спорную информацию в зону семантической пресуппозиции: *Карантин не всем нам пошел на пользу* (<https://sisters.ru/seks-i-otnosheniya/>) – в семантической пресуппозиции данного высказывания имеется пропозиция, выражающая скрытое утверждение с квантором существования: ‘некоторым людям карантин пошел на пользу’.

Под **прагматическими пресуппозициями** понимаются обязательные для правильной интерпретации высказывания невербализованные смыслы, которые содержат информацию либо общеизвестную, либо не стоящую внимания. Они понимаются коммуникантами по умолчанию, так как извлекаются ими из ситуации общения или общего фонда знаний о мире. Примером операции с прагматической пресуппозицией является использование какого-либо слова или выражения в типизированном диагностическом (репрезентативном) контексте для выявления негативной ценности обозначаемого явления. К числу таких контекстов в русском языке, например, относится *погрязнуть в...* То, в чем можно погрязнуть, по умолчанию всеми говорящими по-русски воспринимается как нечто отрицательное: *В чем заключается самый неожиданный недостаток социального дистанцирования сегодня, когда мы погрязли в виртуальных конференциях? В отсутствие смеха* (<https://www.vedomosti.ru/management/articles/>) – здесь говорящий эксплуатирует имплицитную негативно-оценочную информацию, возникающую в прагматической пресуппозиции любого слова в данном контексте *погрязнуть в...*: ‘всем известно по умолчанию, что X плохо’. В нашем случае X = *виртуальные конференции*.

В известном смысле противоположной по направленности рассмотренной выше операции с пресуппозициями является **операция с инференциями**. Под инференцией мы понимаем нестрогое умозаключение, импликацию, которую адресат должен, по замыслу говорящего, сам вывести из того, что ему сказано. В литературе это иногда именуется «подведение к определенному умозаключению» [Иссерс 1999]. Иначе говоря, пресуппозиция – это то, что имеется в наличии до высказывания говорящего, а инференция – это то, что обязательно возникает после. Особенность этого приема в том, что говорящий, в случае чего, всегда может откеститься от сказанного (типа «я этого не говорил»). Вот примечательный фрагмент новостной статьи в интернет-издании: *Исследователи из NASA назвали неожиданную **пользу от введенных из-за коронавируса мер во всем мире*** (<https://abnews.ru/2020/11/19/>) – несмотря на то, что реально в высказывании говорится о пользе от мер,

введенных из-за коронавируса, а не от самого коронавируса, в прагматике высказывания наводится ложное умозаключение – ‘от коронавируса есть польза’. Это подтверждается экспликацией именно данной мысли в самом заголовке новости: ***Найдена польза от пандемии коронавируса для человечества!***

Близкими по смыслу операциям с инференциями являются **операции с импликатурами дискурса**. Это также небуквальная информация, которую адресат должен самостоятельно восстановить из того, что сказано, опираясь на тот факт, что говорящий соблюдает принцип кооперации, постулаты речевого общения [Грайс 1985]. Как правило, подобного рода прием используется при небуквальной интерпретации тавтологий (типа *Закон есть закон!*), экивоков (типа *Деньги я не сохранил, потому что у меня их и не было!*), каламбуров (типа *И холостяки бывают женаты!*) и других, внешне неинформативных и / или алогических высказываний: небуквальная, непрямая интерпретация в этих случаях как бы навязывается необходимостью, потому что прямая интерпретация ведет к бессмысленности или тавтологии, а значит, недопустима в кооперативном речевом взаимодействии. Ср, например, внешне тавтологическое высказывание: «*Хайп рождает хайп*»: *Сложно ли продавать кроссовки в центре Москвы?* (<https://www.thevillage.ru/>) – реально же здесь навязывается импликатура ‘Хайп по одному поводу каузирует хайп по другому поводу’.

Интересны в плане нашего исследования разного рода явления, связанные с особенностями реализации коммуникативных намерений говорящего (иллокутивных сил). В наших работах по языковой аномальности мы в свое время выделили такой любопытный вид аномалий, как **коммуникативно-прагматические аномалии** [Радбиль 2007]. По нашим наблюдениям, неолексемы и неодериваты также активно участвуют в порождении таковых аномалий. Одной из указанных аномалий можно считать столкновение взаимоисключающих коммуникативных намерений говорящего в пределах одного речевого акта (конфликт иллокутивных сил). Так, одна из тем на форуме носит название: *Здравствуй, коронавирус?* (<https://forums.goha.ru/>) – здесь можно видеть аномальную одновременную актуализацию двух несовместимых иллокутивных сил – приветствия и вопроса, тогда как, согласно Ю.Д. Апресяну, в норме говорящий не может иметь противоречивые намерения [Апресян 1995].

Однако, в соответствии с нашей теорией языковой аномальности, аномалии подобного рода в дискурсе очень часто коммуникативно

оправданны, так как служат для языкового отображения внутренне полемичного или нетривиального содержания. Иными словами, они выступают как осознанный прием «языковой игры» на коммуникативно-прагматическом уровне. В нашем случае знак вопроса есть сигнал сомнения в автокоммуникации (обращенный и себе, и другим); автор как бы выражает неприятие ситуации, когда нужно приветствовать неожиданного «гостя» в лице коронавируса, и иронически призывает аудиторию разделить с ним данную установку в емкой и образной форме.

Подобные модели, не обязательно в форме вопроса, широко распространены в сети. Это выступает как проявление более общей тенденции, которую мы условно именуем **конфликт условий успешности** Дж.Р. Серля [Серль 1986], см., например: *Здравствуй, новый карантин* (<https://www.svoboda.org>). В работах Дж.Р. Серля обосновано важное для лингвопрагматики понятие – условия успешности речевого акта. Это совокупность экстралингвистической информации, наличие которой необходимо и достаточно для того, чтобы данный речевой акт был признан успешным (т.е. достиг своей цели). Дж.Р. Серль выделил четыре группы условий успешности, в числе которых назвал условие искренности [Серль 1986]. В подобных примерах без вопросительной иллокутивной силы нет конфликта иллокутивных сил, но есть нарушение **условия искренности** – нельзя в серьезном ироническом контексте приветствовать наступление негативно оцениваемой ситуации.

Также интересно рассмотреть разнообразные прагматически обусловленные явления, возникающие при употреблении неолексем **в режиме косвенных речевых актов**, когда в высказывании эксплицирована одна иллокутивная сила, но, в соответствии с принятыми в обществе конвенциями общения, облигаторно предполагается другая [Серль 1986; Падучева 1996]. Хорошим примером этого является контекст риторического вопроса, который скрывает реальное утверждение. Прием используется, когда говорящий по тем или иным причинам хочет выразить неочевидное суждение, могущее быть воспринятым неоднозначно или негативно: *Так ли страшен коронавирус, как его рисуют?* (<https://www.putevka.com/blog/>) – здесь в форме косвенного вопроса выражается утверждение ‘коронавирус не так страшен, как это представляют’ с целью вызвать у аудитории сомнение в правильности неких общепринятых истин.

В плане нашего исследования вызывает интерес также нестандартное **использование метаязыковых операторов**, которые преобразуют семантику исходного высказывания, переинтерпретируя его в нужном говоряще-

му направлении. Здесь коснемся особенностей употребления лишь одного метаязыкового оператора – в *буквальном смысле слова*. Наше внимание привлекают случаи, когда его эксплицитное содержание – установка на понимание адресатом сказанного в буквальном смысле – приходит в противоречие со смыслом комментируемого выражения: *Мое обращение является в буквальном смысле ковидным. К сожалению, вирус не обошел меня стороной* (<https://www.bbc.com/russian/news-54688484>) – можно ли представить себе какой-то иной, не буквальным способом интерпретации прилагательного *ковидный* в данном прямом, экстенциональном контексте?

Мы выделяем два типа аномального в коммуникативно-прагматическом плане употребления метаязыкового комментария в *буквальном смысле слова*.

(1) Языковые аномалии – противоречия. К аномалиям этого рода мы относим случаи, когда эксплицитная семантика интересующего нас метаязыкового комментария приходит в логическое противоречие с явно переносным значением комментируемого слова или выражения: *Тем временем коронавирус грозил в буквальном смысле выкосить местное население и окончательно убить экономику небольшой страны — из-за непрекращающегося локдауна* (<https://tass.ru/opinions/11373571>); *Слушая историю пациентки COVID-госпиталя Ольги Николаевны Бажановой, по коже, в буквальном смысле, пробегают мурашки* (<https://minzdrav.tatarstan.ru/index.htm/news/1847025.htm>) – совершенно очевидно, что лексема *выкосить* и фразеологизм *пробегают мурашки* употреблены в контексте именно в переносном смысле и никакого буквального прочтения не предполагают. Трудно вообразить коронавирус в виде косаря, не менее трудно себе представить, что по корреспонденту в момент интервью в прямом смысле бегают насекомые.

Во всех этих случаях прибавление метаязыкового комментария с установкой на буквальное восприятие смысла комментируемого слова никаким образом не устраняет их переносно-метафорическую семантику. Получается, что здесь задействована внутренне противоречивая когнитивная схема считывания общего смысла: ‘воспринимай в буквальном смысле то, что не может и должно, по моему замыслу, восприниматься буквально’, т.е. модус буквального и небуквального восприятия как бы задействуется одновременно. Это вполне соответствует «формуле подлинной языковой аномальности» Ю.Д. Апресяна: для говорящего нельзя одновременно иметь противоречивые намерения.

(2) Языковые аномалии – тавтологии. К аномалиям этого рода мы относим случаи, во многом противоположные описанным выше, когда

метаязыковой комментарий с установкой на буквальное восприятие смысла комментируемого слова относится к слову, которое и так само по себе употреблено в буквальном смысле (и не предполагает в данном контексте иных, небуквальных, идиоматичных интерпретаций): *Сеть взорвала новая песня Семена Слепакова, в которой он **в буквальном смысле** обматерил коронавирус и предложил ему уйти, чтобы жизнь в России вновь стала прежней* (<https://rg.ru/2020/04/01/>); *Скажите, пожалуйста, а если, допустим, женщина только планирует беременность и заразилась коронавирусом, может ли этот подлый (в буквальном смысле слова) вирус поразить репродуктивную систему и сказаться в будущем на возможности деторождения?* (<https://www.vesti.ru/article/2499668>) – здесь, как видим, случаи обратные описанным выше. В буквальном смысле предлагается трактовать то, что и так никакого иного, небуквального, переносного смысла не предполагает. Например, нельзя представить, что кто-то может что-то обматерить в каком-то переносном смысле. Данный контекст такой трактовки не допускает. Аналогично – возникает вопрос, как можно ли быть подлым в небуквальном, переносном смысле?

Как нам представляется, во всех этих случаях можно видеть тавтологически избыточную когнитивную схему считывания общего смысла 'воспринимай в буквальном смысле то, что я и так, по умолчанию, употребил в прямом, буквальном смысле'. Представляется излишней, с точки зрения коммуникативного сотрудничества, вербализация установки понимать буквально то, что уже и так сказано в буквальном смысле.

Еще одной группой интересных лингвопрагматических эффектов в употреблении языковых инноваций является **использование тех или иных коммуникативных стратегий и тактик, моделей речевого поведения, речеповеденческих установок** и пр. В нашем материале мы подробнее остановимся лишь на одной группе речевых стратегий, которые в научной литературе имеют название **речевые стратегии de re**. Так, в работе Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева в числе приемов «языковой демагогии» рассматривается **использование манипулятивной речевой стратегии de re вместо кооперативной стратегии de dicto**. Еще в античной риторике были известны две возможные речевые стратегии в описании какой-либо ситуации: стратегия *de dicto*, в соответствии с которой ситуация излагается объективно, «как она есть» (эту стратегию можно считать нормальной, т.е. кооперативной), и стратегия *de re*, при которой ситуация перетолковывается в нужном говорящему направлении (именно такая стратегия может считаться демагогической, манипу-

лятивной): «Стратегия de dicto направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия de re всегда маркирована и выбирается со специальной целью» [Булыгина, Шмелев 1997: 474].

Образование и использование некоторых неодериватов в современной русской речи вполне вписывается в рамки этого приема. Чаще всего это характерно для употребления говорящим тенденциозных негативно-оценочных номинаций в отношении лиц, явлений или событий, которые в норме такой оценке могут и не подлежать. Так, часто вполне разумные меры по борьбе с коронавирусом трактуются как «ковидобесие»: *Проявлениями **ковидобесия** стали подозрительность и недоверие между людьми, абсурдный запрет пожилым людям выходить из дома для прогулок со всеми вытекающими унижительными формами контроля, суматошное, плохо организованное введение куар-кодов* (https://ruskline.ru/news_rl/2021/03/29/) – едва ли объекты этой характеристики сами бы интерпретировали свои действия и отношения к другим людям как ковидобесие, в терминах недоверия и подозрительности, абсурдности ограничительных мер. Возможно, они сочли бы эти меры вполне разумными?

Использование подобной речевой стратегии *de re* порой сопровождается тенденциозным передергиванием фактов – см. примечательный пример «расшифровки» этого понятия, предлагаемый одним из блогеров: *Что такое **ковидобесие**? Это когда тебя убеждают, что если ты не привьёшься, то обязательно умрёшь от болезни, которой ты уже переболел и от которой смертность меньше процента* (<https://zen.yandex.ru/media/>).

Интересны случаи использования в стратегии *de re* языковых механизмов экспрессивного словообразования – использование неодериватов, образованных посредством размерно-оценочных, в том числе диминутивных суффиксальных показателей: *Все дело, господа, в суффиксах. Ну вот у них на Западе что? Эпидемия, пандемия, ковидище. А у нас? Легкая **пандемийка ковидика**. Небольшой подъемчик заражённый заболеваньем. Так мы и со всем этим отлично справимся. У нас же везде пунктики вакцинации есть. Главное, режимчик соблюдать и всюду ходить в масочках и перчаточках. <...> А проблемки – решим: выпьем нарушителям штрафики. И будем все соблюдать режимчик. А то ишь* (https://www.ng.ru/titus/2021-04-28/1_8140_titus.html) – здесь в иронически-сниженном, негативно-оценочном плане осуществляется речевая стратегия дискредитации комплекса мероприятий по борьбе с пандемией ковида.

Еще одна разновидность коммуникативно-прагматических эффектов, присущих речевой реализации активных процессов в речевой практике современных носителей русского языка, который мы рассмотрим в настоящей работе, – это разного рода нарушения в области принципа кооперации. Здесь мы остановимся только на одном таком явлении, а именно – на явлении «иллокутивного самоубийства», описанного философом-аналитиком З. Вендлером. Это явление основано на прагматическом эффекте, когда глаголы, которые, будучи поставлены в стандартную перформативную позицию (первое лицо единственного числа) и будучи при этом явными эксплицитными перформативами, семантически сами перечеркивают свое перформативное значение, т.е. вербализуют иллокутивную силу, которая в норме должна быть скрыта либо может исходить только от III л., в его оценочном плане (глаголы типа *хвастаться, похвалиться, клеветать, выбалтывать, высмеивать, льстить* и под) [Вендлер 1985].

Нам в этом плане интересны наблюдения над неолексемой *хайпить* ← *хайп*. Неолексема *хайпить* (← *хайп*), в узусе зачастую имеющая негативно-оценочный фон, в контексте неиронического «серьезного» употребления глагола *хайпить* в I лице ед. ч., т.е. когда человек говорит о себе, приобретает ситуативно обусловленную положительную оценочность: *Хайплю в тренажёрном зале* (<https://folloart.com/>); *“Хайплю перед премьерой клипа. Она кстати в понедельник”*, – подписала тикантный снимок экс-солистка *Виагры* (<https://m.znaj.ua/ru/>) – подобное употребление было бы невозможно в случае негативной оценочности указанного действия для говорящего, так как выступало бы чем-то вроде «иллокутивного самоубийства», по З. Вендлеру.

Наконец, последний тип коммуникативно-прагматических явлений на уровне особенностей дискурсной реализации в целом – это **расширение изначально специализированной сферы употребления** заимствований и перенос моделей их дискурсной реализации в другие, уже неспециализированные сферы. Так, нами зафиксированы случаи неспециализированного употребления «коронавирусной» лексики в контекстах негативно-оценочной метафоры, обозначающей отрицательные стороны жизни социума вообще, без привязки к ситуации с COVID-19: *Пандемия коррупции. Transparency International опубликовала ежегодный Индекс восприятия коррупции* (<https://www.kommersant.ru/doc/4663780>); *У Камю такой подход к тексту концептуален, ибо этим приемом учреждалась пандемия безразличия – героя к миру, мира к нему, его к самому себе* (<https://www.kinopoisk.ru/film/554/reviews/>).

В целом предлагаемая в исследовании модель коммуникативно-прагматической интерпретации инноваций в русском языке новейшего периода, как нам кажется, позволяет выйти за пределы чистой фиксации и структурного анализа новых явлений в сферу понимания и объяснения стоящих за активными процессами в современной русской речи форматов знания о мире, ценностных приоритетов, речеведенческих стереотипов и моделей коммуникации носителей русского языка нашего времени.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 767 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
4. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 238–251.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 285 с.
7. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
8. Радбиль Т.Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 239–265.
9. Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 569–573.
10. Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климовой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
11. Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.
12. Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. 325 с.
13. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.

**ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN
INTERNET COMMUNICATION: A LINGUO-PRAGMATIC ASPECT**

© *T.B. Radbil*

The paper examines new phenomena in the lexis and grammar of the Russian language, which have as their source linguo-pragmatic effects associated with the environment of speech, the conditions for the use of units, the specifics of the intentionality of the speaker and the addressee, etc. The methods of complex description of active processes in the Russian language at different levels of the language system and its speech implementation, adopted in the research of scientists of the N.I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod are applied. The material of the research is the language data obtained through the author's own Internet monitoring. New phenomena arising from the use of such linguo-pragmatic mechanisms of language as operations with presuppositions, inferences or implicatures of discourse, the peculiarities of the implementation of the speaker's communicative intentions (illocutionary forces), methods of actualizing the felicity conditions of a speech act, models of indirect speech acts, the implementation of metatext elements, the use of those or other communication strategies, the phenomenon of compliance or violation of the principle of cooperation, etc.

Keywords: pragmatics of language and speech; linguo-pragmatic mechanisms of language; active processes; neolexemes, modern Russian speech on the Internet.

СЛОЖНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *КОРОНА-/KORONA-* В РУССКОМ И ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКАХ

© *М.В. Радченко*

Существительное *корона/korona*, являющееся усечением от термина *коронавирус/koronavirus*, используется как в русском, так и в хорватском языке для обозначения коронавирусной инфекции COVID-19. Данная лексема приобретает статус ключевого слова текущего момента и активно включается в деривационные процессы. В настоящей работе проводится сопоставительный анализ структуры и семантики сложных новообразований с компонентом *корона-/korona-* в русском и хорватском языках. Материалом исследования послужили медийные тексты и лексикографические источники. Проведенный анализ показал, что в обоих языках большинство сложных новообразований с компонентом *корона-/korona-* произведено в соответствии с узуальными словообразовательными моделями. Наиболее продуктивным способом образования русских и хорватских композитов с начальным компонентом *корона-/korona-* является модель чистого сложения без интерфикса, что отражает тенденцию к усилению аналитизма в славянских языках.

Ключевые слова: русский язык, хорватский язык, компонент *корона-/korona-*, сложное новообразование.

Пандемия коронавирусной инфекции оказала влияние на все языки мира, вызвав «шквал коронавирусной неологике» [Вальтер, Мокиенко 2020: 33]. Как в русском, так и в хорватском языке для обозначения коронавирусной инфекции COVID-19 широко используется слово *корона/korona*, являющееся усечением от термина *коронавирус/koronavirus*. Данная лексема приобретает статус ключевого слова текущего момента и активно включается в деривационные процессы. В обоих языках возникает большое количество сложных слов с начальным компонентом *корона-/korona-*, носящим значение ‘связанный с коронавирусной инфекцией COVID-19, относящийся к ней’ [СлКЭ 2021: 136]. В настоящей работе предпринимается попытка сопоставительного анализа структурно-семантических особенностей русских и хорватских сложных новообразований с компонентом *корона-/korona-*, а материалом исследования послужили медийные тексты и лексикографические источники на русском и хорватском языках. Основным лексикографическим источником материала на русском языке является «Словарь русского языка коронавирусной эпохи», вышедший в 2021 г. в издательстве Института линг-

вистических исследований РАН в Санкт-Петербурге и содержащий более 700 сложных слов с компонентом *корона-*. При этом в основной части словаря, в которой приведены слова, получившие полную лексикографическую обработку, зафиксировано 93 сложных новообразования с компонентом *корона-*. В сравнительно небольшом по объему словаре-справочнике «*Ročnjovnik koronavirusa*», который был размещен на страницах Института хорватского языка и лингвистики весной 2020 г. и с тех пор не пополнялся, зафиксирован всего 21 сложный дериват с компонентом *корона-*. В медийных текстах на хорватском языке представлено около 200 сложных слов с первой частью *корона-*.

Анализ языкового материала показывает, что сложные новообразования с компонентом *корона-/korona-* образуются преимущественно по продуктивным словообразовательным моделям создания сложных слов, которые совпадают в обоих языках. Исследователи отмечают, что интернационализация в современных деривационных процессах приводит к росту продуктивности некоторых словообразовательных моделей: «К ключевым моделям словообразовательного пространства относятся, в частности, словообразовательные модели сложных существительных агглютинативного типа с первой неизменяемой частью. В качестве первой части могут выступать социально значимые слова *корона, ковид...*» [Радибурская 2021: 666].

Большинство сложных слов с компонентом *корона-/korona-* создано с целью номинации явлений, связанных с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Можно выделить несколько тематических групп, к которым относятся русские и хорватские новообразования подобного типа, например:

– наименования медицинских учреждений, созданных или перепрофилированных для лечения больных коронавирусной инфекцией: *коронагоспиталь, коронаотделение, коронабольница; koronabolnica (bolnica* ‘больница’), *korona-odjel (odjel* ‘отделение в больнице’), ср.: *Коронавирус в Санкт-Петербурге, последние новости на 4 октября 2020 года: Город подготовил «Ленэкспо», область открыла новые коронабольницы* (spb.kp.ru. 04.10.2020); *Čak je i KB Dubrava, koja je ostala koronabolnica, stigla do 44 posto uobičajenog dnevnog broja pacijenata* (Jutarnji list. 09.06.2020); *Spreman je treći korona-odjel u Općoj bolnici Virovitica* (vzp.hr. 14.12.2020);

– обозначения понятий, связанных с распространением коронавирусной инфекции: *корона-обзор, коронаобстановка, коронасводка, коронакарта/корона-карта, коронастатистика, коронацифра; korona-*

brojke (*brojka* ‘цифра’), *korona-kontakt* (*kontakt* ‘контакт’), *korona-stanje* (*stanje* ‘состояние, положение’), *korona-statistika* (*statistika* ‘статистика’), *koronakarta/korona-karta* (*karta* ‘карта’), *korona-žarište* (*žarište* ‘очаг распространения инфекции’), ср.: *Što se događa u Njemačkoj? Eksplozivne su im korona-brojke, gore je čak nego prošlog ljeta* (Slobodna Dalmacija. 06.08.2021); *EU testira platformu koja bi povezala sve nacionalne aplikacije za praćenje korona-kontaktata* (zimo.dnevnik.hr. 14.09.2020); **Korona-stanje**: *u varaždinskoj bolnici na liječenju su 73 pacijenta* (varazdinski.net.hr. 16.10.2021); **Crna korona-statistika**: *„eksplozija“ oboljelih i smrtnih slučajeva* (Slobodna Dalmacija. 23.11.2020); *Hrvatska obala na korona-karti i dalje narančasta, loše vijesti dolaze iz drugih zemalja* (Dnevno.hr. 05.08.2021); *Imamo novo korona-žarište: u dva tjedna broj slučajeva povećan za 465 posto* (Poslovni.hr. 26.08.2021);

– обозначения понятий, связанных с введением мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции: *коронаограничение/корона-ограничение, коронапаспорт, коронапатруль, коронапо-слабление, коронапроверка, коронарейд/корона-рейд; koronaputovnica* (*putovnica* ‘заграничный паспорт’), *koronapropusnica* (*propusnica* ‘пропуск’), *korona-protokol* (*protokol* ‘протокол’), *korona-pravila* (*pravila* ‘правила’), ср.: *Danska i Švedska uvode koronaputovnice, evo što će sve omogućiti građanima* (Večernji list. 17.02.2021); *Nizozemski sud odbacio je u srijedu poziv da se ukinu koronapropusnice potrebne za ulazak u restorane, barove, muzeje, kazališta i druga javna mjesta u Nizozemskoj* (Vijesti.hrt.hr. 06.10.2021); *Škole bi dobile novi korona-protokol, pravila po kojima će učenici ubuduće ići u samoizolaciju* (HRT 1, teletekst. 26.09.2021); *Nova korona-pravila pri ulasku u Srbiju, na popisu je i Hrvatska* (Indeks.hr. 23.07.2021);

– наименования различных временных периодов, связанных с пандемией: *коронанеделя, коронамесяц, корона-апрель, коронавесна, коронагод/корона-год; koronaožujak* (*ožujak* ‘март’), *koronaljeto* (*ljeto* ‘лето’), *korona-jesen* (*jesen* ‘осень’), ср.: **Koronaožujak** ‘март 2020 года, когда Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку нового типа коронавируса COVID-19 пандемией’ [PK]; **Koronaljeto** (RTL.hr. 06.08.2021); **Korona-jesen je još tu** (Novi list. 04.09.2021);

– наименования массовых мероприятий, проводимых в период ограничительных мер: *коронасвадьба/корона-свадьба, коронаконцерт; korona-misa* (*misa* ‘месса’), *korona-pričest* (*pričest* ‘причащение’), *koronasvadba* (*svadba* ‘свадьба’), *korona-izbori* (*izbori* ‘выборы’), ср.: **Kоронаконцерт в рестораторах** (novayagazeta.ru. 01.08.2020); **Korona-**

misa: prije samog ulaska u crkvu vjernici su dezinficirali ruke, a tijekom misnog slavlja držali socijalnu distancu (liberoportal.hr. 03.05.2020); *Od svete pričesti do korona-pričesti* (glotria.tv. 23.05.2020); *Koronasvadba kod Koprivnice* (Net.hr. 15.07.2021); *U svibnju se očekuju drugi po redu korona-izbori* (RTL.hr. 02.04.2021);

– обозначения отношения к коронавирусной инфекции: *коронамания/корона-мания, коронафобия, коронапаника/корона-паника, коронаистерия, коронапофизизм; koronamanija, koronafobija, koronaludilo* (ludilo ‘сумасшествие’), *koronapanika* (panika ‘паника’), *koronapesimizam* (pesimizam ‘пессимизм’), *koronafrustracija* (frustracija ‘фрустрация’), *korona-diktatura* (diktatura ‘диктатура’), ср.: „**Koronapanika**“ je ljude starije životne dobi zahvatila više nego one mlađe (Net.hr. 14.03.2020); *Novca ima na računima, i čim se aktualni korona-pesimizam malo relaksira, ljudi (i turisti) počet će naglo trošiti, jednim dijelom nadoknađujući mjeseca koronafrustracija* (Večernji list. 01.03.2021); *Strah, vođa, kontrolirani mediji, mediji pretvoreni u propagandu, PR bojna za ispiranje mozga, novi ribari ljudskih duša, sve su to obilježja onoga što se zove korona-diktatura* (Slobodna Dalmacija. 10.05.2021);

– номинации лиц, зараженных коронавирусной инфекцией: *корона-больной/корона-больной, коронапациент, коронаноситель; koronabolesnik* (bolesnik ‘больной’), *korona-pacijent* (pacijent ‘пациент’), ср.: *Imamo i dodatnih šest pacijenata na respiratoru koji nisu koronabolesnici* (Jutarnji list. 21.04.2021); *Nakon što je korona-pacijent pobjegao s Križina jer nije bilo tople vode, reagirao i premijer Plenković* (Slobodna Dalmacija. 16.12.2020);

– номинации лиц по их отношению к коронавирусной инфекции: *корона-атеист, коронафаталист, коронациник, коронаэнтузиаст; korona-optimist* (optimist ‘оптимист’), *korona-skeptik* (skeptik ‘скептик’), ср.: **Korona-skeptici** družili se u parku, najavljeno i novo okupljanje (varazdinski.hr. 03.08.2020);

– номинации лиц, занимающихся незаконной деятельностью в период пандемии: *корона-аферист, коронажулик/корона-жулик, коронаспекулянт; koronakriminalac* (kriminalac ‘преступник’), *korona-profiter* (profiter ‘о том, кто стремится только к выгоде, наживе’); ср.: *Dok se skrivamo u kućama, korona-profiteri nam uništavaju obalu: Bračani se upravo zgražaju nad Švedaninom koji je na otoku bespravno sagradio mul* (Slobodna Dalmacija. 04.04.2020).

Большинство композитов с компонентом *корона-/korona-* являются существительными, примеры сложных прилагательных в русском языке

немногочисленны (*корона-бесплатный, короназависимый, коронаобразный, коронаопасный, коронаустойчивый* и др.), в то время как в хорватском языке нам удалось обнаружить только одно новообразование-прилагательное с первой частью *korona-*: *Splitsko-dalmatinska županija: svaki treći testirani je korona-pozitivan, danas ih je ukupno 312 novozaraženih* (Slobodna Dalmacija. 17.04.2021 – ср.: *pozitivan* ‘положительный’).

В русском языке представлены сложные новообразования, созданные неузвальными способами, например, путем контаминации: *коронавасия* (*корона + катавасия*), *коронагностик* (*корона + агностик*), *короникулы* (*корона + каникулы*) и под. Примеры хорватских контаминантов, в которых одним из мотивирующих слов является существительное *korona*, в исследованном нами материале не обнаружены. С установкой на языковую игру созданы новообразования в заголовке ***Koronaovo, koronaono, koronaovoiono***... (Korona.net.hr. 13.12.2020). С целью привлечь внимание читателей на продуктивность компонента *korona-* в хорватском языке автор публикации создает окказионализмы, используя в качестве второй части сложения указательные местоимения *ovo* ‘то’ и *ono* ‘это’.

И в русском, и в хорватском языке представлены сложные неологизмы с компонентом *корона-/korona-*, заимствованные из английского языка, например: *коронашейминг/корона-шейминг* [СлКЭ 2021: 173] и *korona-shaming* (от англ. corona-shaming), ср.: ***Korona-shaming: možemo li ovih dana napraviti išta, a da nas netko za to ne osuđuje?*** (gloriagram.hr. 13.05.2020). В некоторых случаях наряду с кальками английских слов могут употребляться и полукальки, в которых вторая часть сложения заменяется исконным словом языка-реципиента, например: *коронапати/корона-пати* и *коронавечеринка/корона-вечеринка* ‘о нелегальной вечеринке, организованной во время карантина по коронавирусной инфекции’ [СлКЭ: 164]; *koronaparty* и *koronazabava, koronatulum* [PK] (от англ. corona party). В хорватском языке встречаются сложные новообразования, заимствованные из немецкого языка, например, *koronašpek* ‘лишний вес, набранный за время карантина’ (от нем. *coronaspek*), ср.: *Novotvorenica koronašpek odnosi se na višak kilograma skupljen u doba korone* (Jutarnji list. 22.04.2020).

В обоих языках создаются композиты с первой частью *корона-/korona-*, в которых отражены некоторые индивидуально-национальные особенностей жизни в России и Хорватии, например: *коронашашлычники* ‘о тех, кто нарушает режим самоизоляции и строгий карантин по

коронавирусной инфекции' [СлКЭ: 173]; *korona-sezona* 'туристический сезон в Хорватии в период пандемии', ср.: *Korona-sezona pokazala da je Kvarner hit destinacija u Hrvatskoj i u ovom dijelu Europe* (Dnevno.hr. 13.08.2020) и под.

Как видно из приведенных примеров, в обоих языках наблюдается варьирование слитного и дефисного написания сложных слов с компонентом *корона-/korona-*. Некоторые российские лингвисты считают, что многочисленные слитные написания свидетельствуют о включении компонента в разряд префиксоидов: «Исследуемый нами материал показывает проникновение элементов *корона-...*, *ковид-...* в репертуар префиксоидов русского языка, широко поддержанное и разговорной, и жаргонной стихией» [Зеленин, Буцева 2021: 190]. Другие исследователи говорят о принадлежности данного компонента к аналитическим прилагательным: «Так, несмотря на свойственные компоненту *корона-* характеристики аффиксоида и аналитического прилагательного, думается, что ключевым аргументом в пользу аналитической, а не аффиксоидной природы элемента *корона-* является эксплицированная в языке промежуточность положения лексических единиц с этим элементом между сложными словами, в которых часть *корона-* замещает прилагательное *коронавирусный* и наследует весь комплекс его значений, и словосочетаниями с полным прилагательным *коронавирусный*» [Громенко 2020: 53]. Хорватские лингвисты предлагают рассматривать компонент *korona-* в качестве префиксоида и рекомендуют слитное написание слов, в состав которых входит данная морфема [Filipović 2020].

Проведенный сопоставительный анализ показал, что в обоих языках подавляющее большинство сложных новообразований с компонентом *корона-/korona-* произведено в соответствии с узуальными словообразовательными моделями. По нашим наблюдениям, наиболее продуктивным способом образования русских и хорватских композитов с начальным компонентом *корона-/korona-* является модель чистого сложения без интерфикса, что отражает тенденцию к усилению аналитизма в славянских языках.

Список литературы

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Аксиологическое пространство коронавирусной паремиологии (на славянском фоне) // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 33–44.
2. Громенко Е.С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020 г. // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 45–62.

3. Зеленин А.В., Буцева Т.Н. Наименования лиц в период коронавирусной пандемии // Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. С. 162–213.
4. Рацибурская Л.В. Словообразовательные неологизмы в электронных СМИ // Активные процессы в русском языке: национальное и интернациональное: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 661–669.
5. СлКЭ – Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.
6. Filipović M. Kako je pandemija promijenila jezik kojim govorimo? [Электронный ресурс]. URL: <https://korona.net.hr/analize-i-intervjui/koliko-je-pandemija-promijenila-jezik-kojim-govorimo/> (дата обращения: 12.10.2021).
7. РК – Pojmovnik koronavirusa [Электронный ресурс]. URL: <http://jezik.hr/koronavirus> (дата обращения: 18.09.2021).

COMPOUND NEOLOGISMS WITH THE COMPONENT *КОРОНА-/KORONA-* IN RUSSIAN AND CROATIAN LANGUAGES

© *M.V. Radchenko*

The noun *корона/korona*, which is a truncation from the term *коронавирус/koronavirus*, is used in both Russian and Croatian languages to refer to the coronavirus infection COVID-19. This lexeme acquires the status of a key word of the current moment and is actively included in derivational processes. In this work, a comparative analysis of the structure and semantics of compound innovations with the *корона-/korona-* component in Russian and Croatian languages is carried out. Media texts and lexicographic sources were the material for the research. Analysis revealed that in both languages majority of compound innovations with the *корона-/korona-* component were produced in accordance with conventional derivational models. The most productive way of forming Russian and Croatian compounds with an initial component *корона-/korona-* is the model of pure addition without interfix, which reflects the tendency towards increased analyticism in Slavic languages.

Keywords: Russian language, Croatian language, component *корона-/korona-*, compound neologism.

«КОРОНАВИРУСНАЯ ЛЕКСИКА» В СОВРЕМЕННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ¹

© *Л.В. Рацибурская*

В статье характеризуется участие «коронавирусной лексики» в деривационных процессах: в качестве исходных слов, в продуктивных словообразовательных моделях, в узуальном (префиксация, аффиксация, сложение) и неuzuальном (контаминация, заменительная деривация) словообразовании. Рассматривается функциональная специфика медийных новообразований, созданных на базе слов пандемийной тематики.

Ключевые слова: русский язык, деривация, «коронавирусная лексика», словообразовательные модели, способы словообразования.

Словообразовательная система языка представляет собой открытую структуру, динамика которой в значительной степени определяется внешними факторами: языковые изменения «тесно связаны с тенденциями развития экономической и социально-политической сфер жизни общества» [Коряковцева 2021: 8]. На словообразовательные процессы, в частности, влияют смена социального строя, идеологии, политические и экономические кризисы, изменения морального и духовного порядка.

Словообразовательный механизм современного русского языка откликается на полную противоречий и социальных катаклизмов российскую действительность новообразованиями, представленными в медийных текстах.

В 2020–2021 гг. события, связанные с пандемией коронавируса, не только значительно изменили жизнь российского социума, но и способствовали активизации словотворческих процессов, «результатом чего стал приток в язык массмедиа и интернета огромного количества новаций, связанных с новыми объективными условиями жизнедеятельности человека» [Русский язык коронавирусной эпохи 2021: 6].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

С точки зрения социокультурной и лингвокогнитивной большую роль в деривационных процессах играют социально-значимые исходные слова, или ключевые слова социокультурного пространства. Вокруг таких слов обычно происходит быстрый, лавинообразный процесс роста производных, которые широко представлены в текстах печатных и электронных СМИ, теле- и радиоэфира.

Яркой особенностью современности стало наличие ключевых слов, символических для нашего времени, – ключевых слов пандемической эпохи (*ковид, коронавирус, корона, пандемия, вирус, вакцина, прививка, карантин* и др.), которые активно вовлекаются в процессы словопроизводства.

На базе ключевых слов пандемической эпохи (*коронавирус, ковид, пандемия, прививка, маска, вакцина* и др.) создаются суффиксальные неогериваты, а также дериваты с продуктивными префиксами противопоставления, отрицания, отсутствия (*анти-, без-*), временной семантики (*до-, пост-*), размерно-оценочной семантики (*супер-, сверх-*): *Новые коронавирусные ограничения вступают в силу 30 октября в Приморье* (Интерфакс. 29.10.2021); *Лечение ковидных больных – это военная ситуация* (Московский комсомолец. 13.10.2021); *Не знаю, может, мне показалось, но в фильмах и сериалах пандемийной поры актеры держали между собой «социальные дистанции»...* (Российская газета. 26.04.2021); *В Европе новый вакцинальный скандал* (1-й канал. 25.04.2021); *Код антивируса* (Российская газета. 27.04.2021); *Все большую мощь год за годом набирает движение антипрививочников* (Наша Версия. 02–08.11.2020); *В Москве раньше штрафовали антимаасочников, а теперь – и «подбородочников»* (Комсомольская правда. 27.10–03.11.2021); *Антивакцинаторы ... всякую чушь несут* (Вести FM. 11.02.2021); *Президент дал поручения по антиковидным ограничениям* (Российская газета. 26.10.2021); *В наши дни у Рашикина активная антипрививочная позиция* (Россия 1. 31.10.2021); *Все безмасочники как на подбор: думают, что они революционеры и рок-звезды* (Комсомольская правда. 27.10–03.11.2021); *С 1 декабря 2020 года начала работать в бесковидном режиме больница 19...* (Om1.ru. 26.03.2021); *На карте России не осталось белых, безвакцинных пятен* (Россия-1. 26.03.2021); *Возвращение туризма на докоронавирусный уровень в планах пока не значит* (Россия-24. 13.05.2020); *Ковидные госпитали переходят к доковидной жизни* (Россия-1. 07.06.2020); *Эксперт спрогнозировал возвращение в 2022 году безработицы на допандемический уровень* (Известия. 26.02.2021); *Квота для привлечения иностранных*

специалистов, которым для въезда в Россию нужна виза, на 2022 год составит 124 007 человек, что на 14% ниже уровня **допандемийного** 2019 года (Российская газета. 26.10.2021); ... мало кто помнит, какой была смертность от инфекций в **довакцинальную** эпоху (Российская газета. 20.10.2021); Отдых в **посткоронавирусную** эпоху будет другим (1-й канал. 27.04.2020); Врач рассказал, как бороться с **постковидной** бессонницей. Ученые описали уже более двухсот различных проявлений **постковида** и нарушения сна... (Московский комсомолец. 13.10.2021); ...будь то ядерное оружие или какой-нибудь **суперкоронавирус**... (mixednews.ru/archives/162957); А я думал, как идеи **сверхкоронавируса** сносят башни поклонников коронавируса (arion.ru 28.03.2020); Объявится **суперковид** 2020, который сделает богатыми еще несколько человек в мире (narprod.com/blog/klimenkov); Инопланетное происхождение **сверхковида** еще не рассматривали (eva.ru/forum).

«Коронавирусная лексика» актуализируется в продуктивных словообразовательных моделях, в частности в моделях именной префиксации, указанных выше. Слова пандемийной тематики находят отражение также в суффиксальных отыменных названиях лиц: *И в соцсетях, и в офлайне (в транспорте, магазинах) растет противостояние «масочников» и «безмасочников»*. Ковид еще больше разделит население по классам и возрастам (Аргументы недели. 06.11.2020); *На судмедэкспертизу возут не «ковидников», а умерших при невыясненных обстоятельствах* (hromadske.ua. 19.05.2021); ...появление бессонницы после коронавирусной инфекции стало одним из главных симптомов **постковида** <...> Впервые за последние 7 лет появилась навязчивая идея жечься <...> Согласен с детьми, с ипотекой, даже на **постковидницу** (Московский комсомолец. 28.04–04.05.2021); *Цирк остался, вакцинаторы уехали: в Петербурге закрылся самый весёлый прививочный пункт* (fontanka.ru. 08.07.2021). С помощью суффикса -(н)ик образуются также существительные с пространственной семантикой: *Китайский «ковидник» в крупном порту поставил под угрозу мировую торговлю. Власти перекрыли одну из самых загруженных морских гаваней* (mk.ru. 13.08.2021).

Размерно-оценочные модели суффиксальных существительных реализуются производными с уменьшительно-ласкательными суффиксами -ик, -ушк-, а также с суффиксом невзрослости -онок/-ат(а): «слабенький, хиленький **коронавирусик**» (tsargrad.tv. 20.11.2020); *И ковидик по степени патогенности очень слабенький* (tsargrad.tv. 02.08.2020); *Вот спасибо тебе тогда будет **коронавирушика** наш – накормилец!*

(fakeoff.org. 18.03.2020); *проникшим в поры цивилизации изменчивым вирусом «ковидушки»* (Наша Версия. 30.07.2020); ... у одного человека, в организме которого (как и у всех) миллиарды миллиардов **вирусенков**, у одного **вирусенка** возникла мутация (m.buisiness-gazeta.ru. 23.05.2020); *А маленькие **вирусята**, «выйдя из роддома на волю», отправляются на охоту за другими здоровыми клетками* (Вести.RU. 31.10.2021).

«Коронавирусная лексика» представлена также в словообразовательных моделях сложных слов: *основная претензия **вакциноскептиков*** (Россия-24. 18.08.2020); *Ученый <...> пояснил, что установить **лжепривитых** не трудно...* (Российская газета. 26.10.2021); *По данным комитета здравоохранения региона, из всех, кто попадает в стационар с коронавирусом, половина – **лжевакцинированные*** (Российская газета. 27.10.2021). В последних двух случаях часть *лж(е)-* может рассматриваться как префиксоид.

В начале XXI века активизировалась словообразовательная модель создания сложных слов агглютинативного типа без соединительных элементов. В качестве первых (реже – вторых) частей новообразований, реализующих данную модель, нередко выступают слова *ковид* и *корона* и другие социально значимые слова: *Во Владивостоке появились желтые **ковид-маршрутки*** (Российская Газета. Неделя. 31.03.2021); *Несколько дней мы лечились дома, но состояние становилось все хуже, и ее госпитализировали в ижевский **ковид-центр*** (<https://forum.sevastopol.info/viewtopic.php?t=1435282&start=15500>); *...в мире говорят о третьем пришествии **коронакризиса*** (НТВ. 06.04.2021); *Я очень благодарен проекту Маска, который разбавил эту **корона-ситуацию*** (НТВ. 02.05.2021); ***Обамаштамм**, как его окрестили в штате <...>, где в начале августа праздновали день рождения Обамы* (1-й канал. 12.08.2021).

Модель образования композитов без помощи соединительных элементов продуктивна в «глобальном» английском языке, влиянием которого объясняется появление особого класса сложных слов в ряде славянских языков [Коряковцева 2016: 120].

Наряду с узуальными способами словообразования на базе «коронавирусной лексики» в деривационных процессах активность проявляют также неuzuальные способы словообразования, и прежде всего контаминация, при которой наблюдается совмещение формально тождественных частей исходных слов: *Лингвистическая **коронавирусистика***. Слово «коронавирус» вошло в общезыковую лексический фонд совсем недавно (до этого оно было известно только узким специалистам и

даже писалось через дефис: «корона-вирус»), однако всего лишь за несколько месяцев русский язык успел приспособить его под себя (phifak.ru 05.05.2020) – *коронавирус* + *русистика* [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021]; *Самый популярный хештэг <...> – #вакцинацизм* (1-й канал. 14.08.2021) – *вакцина* + *нацизм*.

В контаминированных новообразованиях в качестве исходного часто выступает производное *корона*: ***Коронагеддон*** — *Армагеддон в эпоху коронавируса* (Posta-Magazine.ru 13.05.2020) – *корона* + *Армагеддон*; ***Коронагностия*** — *отрицание наличия вируса и вера во всемирную мистификацию. Никакие разумные доводы и свидетельства не способны столкнуть коронагностика с его точки зрения.. Есть случаи, когда коронагностик с уже диагностированным COVID отрицал очевидное и не принимал мер предосторожности* (news-life.pro 19.04.2020) – *корона* + *агностик*; *25 твитов о том, что чувствует бизнес во время коронакалиписиса* (news.myseldon.com. 03.04.2020) – *корона* + *апокалипсис*; *Рестораны, парки развлечений, даже фрилансеры уже ощутили неприятные последствия короникул* (teleguide.ru. 04.08.2020) – *корона* + *каникулы*; *«Новая коронормальность» в социально-политической рефлексии* (Околокремля. 28.05.2020) – *корона* + *нормальность* [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021].

Среди сложных слов с исходным *ковид* также представлены контаминированные новообразования: *И прозрев, ринулись помочь оказавшемуся в непростой ковидной ситуации ближнему своему, окрестив свой искренний порыв ковидарностью* (Сорок один. 03.07.2020) – *ковид* + *солидарность*; ***Ковидео*** – *по аналогии с карантинками, ковидео – это видео о жизни в самоизоляции* (Posta-Magazine.ru. 13.05.2020) – *ковид* + *видео* [Словарь русского языка коронавирусной эпохи 2021]; ***Дальновидная*** *внешняя политика* (Коммерсантъ. 24.11.2020) – *дальновидный* + *ковид*; *Образец, выдавший ковиды. Утвержден единый сертификат о вакцинации* (Российская газета. 27.10.2021). В последнем случае обыгрывается прецедентное словосочетание *выдавший виды*.

Среди сложных неударенных, созданных неударными способами, выделяются неударенные, образованные путем заменительного словообразования, при котором в исходном слове заменяется одна из частей (морфемная или неморфемная): *Отменили Евровидение – получите карантинovidение* (mir24.tv. 12.04.2020) – исходное *Евровидение*; ***КОРОНАЯЗ***. *Нет слов, как ковидно!* (Комсомольская правда — Москва 20.11.2020) – исходное *новояз*; *Только штрафы вразумят коронафренников* (BezFormata.com 19.03.2020) – исходное *шизофреник*; *Уже три*

месяца в мире бушует коронафрения. Коронафрения вызвала принятие нелепых решений в организации карантинных мероприятий в разных учреждениях высшего образования (saroblnews.ru 19.03.2020) – исходное шизофрения.

Ученые связывают подобные всплески словообразовательной активности в СМИ с ситуациями, которые могут быть подвергнуты комической трактовке и тем самым послужить толчком для языковой игры. «Ярко выраженная экспрессивность и оценочность большинства подобных новообразований способствует, в первую очередь, реализации воздействующей функции СМИ» [Радченко 2021: 658].

Как отмечают ученые, «...словообразовательно маркированные единицы наиболее полно передают информацию о системе ценностей народа, его мировидении и мировосприятии» [Коряковцева 2021: 8]. Новообразования с исходными словами, отражающими ситуацию пандемии в современном российском социуме, достаточно наглядно свидетельствуют об общественных умонастроениях: от негативной оценки, неприятия сложившейся ситуации до иронизирования и языковой игры.

Список литературы

1. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. 152 с.
2. Коряковцева Е.И. Nomina actionis: эволюция периферийных словообразовательных категорий в эпоху глобализации. Естественно-гуманитарный университет в г. Седльце, 2021. 169 с.
3. Радченко М.В. Особенности современного медийного словотворчества в русском и хорватском языках // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное. Сб. науч. ст. М.: Флинта, 2021. С. 649–660.
4. Русский язык коронавирусной эпохи. Коллективная монография / Ред. коллегия Е.С. Громенко, Н.В. Козловская, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 556 с.
5. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Ред. коллегия Е.С. Громенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. 550 с.

**«CORONAVIRUS VOCABULARY»
IN THE MODERN DERIVATIONAL PROCESSES**

© *L.V. Ratsiburskaya*

The article characterizes involvement of «coronavirus vocabulary» in the derivational processes: as base words, in productive word-building models, in usual (prefixation, affixation and compounding) and non-usual (contamination, substitutional derivation) word-building. The author regards functional specificity of media neologisms coined on the basis of the words of pandemic thematic range.

Keywords: Russian language, derivation, «coronavirus vocabulary», word-building models, word-formation means.

ИГРОВАЯ МЕТАФОРА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале ток-шоу «60 минут»)¹

© *Н.А. Самыличева*

© *М.М. Бинштейн*

Актуальность исследования обусловлена тем, что образ игры занимает важное место в русском языковом сознании и оказывается весьма эффективной базой для создания различных метафор. Цель исследования – осмысление понятия игры в политической метафоре в рамках политического дискурса. В результате применения структурно-семантического, контекстуального и прагматического методов демонстрируются отличительные характеристики метафорических образов игры, выявляются коммуникативные составляющие игровых образов, сквозь призму игры осмысливаются различные аспекты межличностных и социальных отношений. В политическом дискурсе игровые метафоры становятся активным средством воздействия на аудиторию. Анализ речи ведущих политического ток-шоу «60 минут», а также речи участников и гостей доказывает, что игра выступает как определенный способ взаимодействия с реальной действительностью, политика сама по себе осмысливается как игра.

Ключевые слова: игра, игровая метафора, спортивно-игровая метафора, митарная метафора, театральная метафора, политический дискурс.

Политический дискурс – одна из самых остро чувствующих и в то же время чрезвычайно требовательных областей реализации современного языка. Усиление изобразительности и выразительности, а также активное использование разнообразных речевых средств является закономерным следствием специфики самого политического дискурса.

Многими исследователями (Н.Д. Арутюновой, А.Н. Барановым, Ю.Н. Карауловым и др.) признаётся тот факт, что повышенная метафоричность является одним из важнейших признаков современной политической речи, в которой метафора выполняет задачу косвенного речевого манипулирования аудиторией и расширения границ интерпретации. «Будучи одним из самых эффективных средств воздействия на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

интеллект и эмоции адресата, метафоры (как и иные изобразительно-выразительные средства в политическом тексте) имеют ценность не сами по себе, а как средство оживления материала, прежде всего с точки зрения оценочного эффекта, который они производят» [Скрипаль 2011: 35]. В когнитивной лингвистике метафору рассматривают «как основную ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира» [Максимова 2016: 26]. Следовательно, при анализе речи, изобилующей метафорами, необходимо учитывать, что человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает через них тот мир, в котором живет.

Интересной оказывается модель, представляющая политический дискурс как игру. Подобное столкновение обусловлено наличием идеи соперничества, характерной как для политической, так и для игровой деятельности. Для достижения успеха политику необходимо усвоить «правила игры» и превзойти всех противников, поэтому столкновение различных позиций рассматривается в политической коммуникации именно через игровую призму [Литвинова 2007: 104].

Иллюстрацией может послужить высказывание Артура Демчука: *Ну, Америка – это вообще страна контрастов, и то, что сейчас происходит в Вашингтоне напоминает шахматную партию, где каждая из сторон хочет выиграть любой ценой* (60 минут. 12.01.2021). Образ шахматной игры позволяет представить действия оппозиционных политических партий США в виде закономерной последовательности логических «ходов», при этом в поступках представителей разных сторон усматривается определённая стратегия, целью которой является победа в данной «игре». Примечательно саркастическое замечание Ольги Скабеевой, продолжающее метафору «политика – шахматная игра»: *Демократы играют черными, или черные играют демократами?* (60 минут. 12.01.2021). В вопросе ведущая использует каламбур, поскольку в контексте словосочетание «играют черными» не только имеет значение ‘играть черными фигурами’, но и отсылает к представителям темнокожего населения США, участвующим в массовых протестах. Усиливает иронический тон хиазм – «фигура речи, состоящая в обратном («кrestoобразном») расположении элементов двух словосочетаний» [Ахманова 1969: 499], который позволяет усомниться в том, кто в действительности является «главным игроком» в данной «шахматной партии».

К игровой метафоре относим употребление лексемы «фигура» в значении ‘человек, играющий ведущую роль в социально-политической среде’ [Евгеньева 1999] – отсюда неизбежно возникает ассоциация с

«фигурой на шахматной доске». Подобный метафорический перенос находим в речи Игоря Коротченко, когда он описывает образ американского политика: *Карпенгер – это крупная фигура, это человек с очень сильными позициями, и в американских спецслужбах, и в американских силовых элитах. Не простой какой-то человек – это серьезная теневая и влиятельная фигура в американском силовом истеблишменте* (60 минут. 26.04.2021).

Помимо шахматной игры политические мероприятия метафорически соотносятся и с карточной игрой. Например, Константин Сёмин употребляет словосочетание «положить козырь», чтобы сделать акцент на том, как важно для партии Дональда Трампа использовать любые преимущества: *Трампу, который строил свою репутацию на борьбе с нелегальной миграцией, на конфронтационной риторике по отношению к испаноязычному меньшинству в Соединенных Штатах – ему нужно положить какой-то козырь прямо сейчас...* (60 минут. 01.02.2019) («козырь» – 1) ‘карта той масти, которая считается в данной карточной игре старшей’ 2) ‘что может дать кому-л. в нужный момент преимущество’ [Евгеньева 1999]). Ольга Скабеева в своей речи представляет политический мир в виде игры, в которой есть «свои» и «чужие» игроки: *Но ведь завтра, если верить всем абсолютно белорусским политологам, он снова собирается разыгрывать антироссийскую карту, снова собирается немало говорить про эту провокацию* (60 минут. 03.08.2020). Ведущая не стремится скрыть свою позицию: у российской стороны есть противники, стремящиеся ослабить её положение. При отсутствии прямых доказательств обличительную функцию выполняет именно метафорическое выражение *разыгрывать антироссийскую карту*, которое апеллирует к чувствам аудитории.

В настоящее время метафорическая модель «политика – это игра» получает наибольшее развитие в политической коммуникации. Тенденция к использованию метафор со смысловым компонентом «игра» в политических телепередачах объясняется и самим форматом ток-шоу, когда одной из важнейших задач для говорящего является привлечение внимания аудитории. Эмоциональная, но при этом простая и понятная любому зрителю речь позволяет достичь максимально воздействующего эффекта. С лингвистической точки зрения, в политическом дискурсе язык реализует свою творческую возможность, позволяет через метафору перенести ассоциации из одной сферы в другую. В данной статье мы рассмотрим следующие ассоциативные ряды: ПОЛИТИКА – ИГРА – СПОРТ – ВОЙНА, ПОЛИТИКА – ИГРА – ТЕАТР.

Несомненно, политический дискурс и спортивно-игровую сферу объединяет соревновательный характер, т.е. через спортивную метафору политическая действительность отображается как борьба, соперничество, конкуренция мнений и представлений. Подобное сближение особенно заметно в процессе «борьбы за власть», когда наиболее ярко проявляется агональная функция политического дискурса, связанная со стратегиями агрессии, создания конфликта.

Например, специальный гость ток-шоу «60 минут» Александр Рар комментирует действия украинского правительства следующим образом: *Украине надо следить, чтобы не стать **футбольным мячиком в игре американцев**. Настолько не прав президент Украины сейчас – **нельзя играть на стороне западных разведок против собственных разведок, против собственных силовых структур***. Метафора *футбольный мячик в игре американцев* даёт возможность в образной форме предостеречь представителей власти на Украине, которую, по мнению говорящего, американская сторона использует в своих интересах. Продолжением мысли эксперта становится высказывание *нельзя играть на стороне западных разведок*, в котором Александр Рар обвиняет украинских политиков в том, что они предают интересы собственного народа в угоду Западу.

Следующей ступенью эволюции спортивно-игровой метафоры оказывается милитарная метафора, которая напрямую связана с конфликтной стороной политического дискурса и позволяет создать образ не противника, но уже «врага», чтобы сплотить группу «своих» на борьбу с ним. Евгений Попов высказывается следующим образом: *С точки зрения национальной, как переговоры проходили? Потому что украинцы до переговоров как будто к **боксерскому матчу готовились*** (60 минут. 19.09.2019), – в речи ведущего ток-шоу метафора игры переосмыслена как спортивное соревнование между политическими командами. Переговоры уподобляются не просто игре, но конкретно «боксерскому матчу» – кулачному бою, который можно соотнести с битвой, а значит – с войной. Лексема «война» ассоциируется у зрителей с тяжёлым, страшным временем, поэтому милитарные метафоры усиливают серьёзность ситуации, создают напряжение в студии. Так, уже ставшее штампом словосочетание «допинговая война» делает возможным определить образ «врага» – всех тех, кто обвиняет российских спортсменов в использовании допинга. Например, в речи Алексея Журавлёва имитируется речь противников российской стороны: *Они сейчас к нашим спортсменам подходят и кричат: «**Вы проиграли в допинговой**»*

войне, вы не имеете права так себя вести, вы не имеете права выигрывать! Как вы можете подниматься на пьедестал?! Вы не имеете права вообще говорить, что вы из России!» (60 минут. 02.08.2021). В речи эксперта удачно объединяются концепты «игра» и «война», общим для которых оказывается возможность выиграть или проиграть в соревновании или в битве.

Про борьбу на политической арене высказывается и политолог Алексей Мартынов: *Мы не знаем про мифы свободы человека, про демократию – сегодня этих мифов больше нет. Эти мифы уничтожены, эти мифы сгорели в горниле этой политической борьбы с Трампом, с его идеями снова сделать Америку великой, с его идеями прекратить играть в глобализм, играть в национальные интересы* (60 минут. 12.01.2021). Эксперт указывает на последствия политической борьбы с Трампом, а именно: на потерю нравственных ориентиров, характерных для американского общества – веры в демократию и абсолютную свободу человека. Действия американского правительства в речи Алексея Мартынова представляются *игрой в глобализм, игрой в национальные интересы*. Сема «игра» принижает значимость, серьёзность политических решений оппозиции, поскольку в сознании аудитории латентно соотносится с деятельностью детей, а не политических лиц, которые, по словам политолога, только «играют в политику», а значит могут и проиграть в этой борьбе.

Метафорическая модель «политика – это игра» имеет много общего и с концептом «театр». В словарной статье «театр» – это «художественное отражение жизни посредством драматического действия, осуществляемого актёрами перед зрителями» [Евгеньева 1999]. Сравнение политической ситуации с разыгрываемым действием часто несёт негативный смысловой компонент, который проявляется через близость со словами «искусственный», «фальшивый», «наигранный» – этот ряд позволяет рассматривать игровую метафору как приём в стратегии на понижение, связанный с очернением образа оппонента, поскольку для политика важно выглядеть честным и искренним перед аудиторией. Например, украинский эксперт Александр Дубинский выступает против власти, действующей на Украине: *Мы имеем дело с театральной труппой, которая получила право называть себя менеджерами государства, они занимались постановками и спектаклями на протяжении всего этого времени борьбы с коронавирусом* (60 минут. 08.04.2021). Речь направлена на дискредитацию образа оппозиции, которая представляет «театральную труппой», занимающейся «постановками и спектакля-

ми». В вину украинским деятелям ставится их стремление ввести людей в заблуждение, обмануть их ожидания. Параллель с театром в стратегии на понижение позволяет выставить оппозицию в невыгодном свете. Юрий Кот указывает на нелепость действий политических противников через их метафорическое уподобление с персонажами кукольного театра-вертепа: *Больше напоминает такой известный украинский театр-вертеп, в котором основные действующие персонажи-то как раз украинские представители, которые разыграют его перед европейцами, чтобы доказать европейцам: смотрите, это не мы виноваты, это все плохая Россия!* (60 минут. 19.09.2019).

Евгений Попов объединяет в высказывании концепты «театр» и «война»: *Называется рекогносцировка, театр военных действий. Ну Лукашенко тоже к нему пришёл* (60 минут. 11.09.2020). Негативный компонент значения игровой метафоры проявляется через сочетание с лексемой «военный». Параллель между политическим конфликтом и войной создаётся через использование военной терминологии: «рекогносцировка» – ‘изучение расположения противника и местности перед предстоящими боевыми действиями’.

В приведенных примерах чётко прослеживается иронический оттенок используемых средств. Сущность иронии как явления заключается в следующем: одномерному плану выражения соответствует гораздо более сложный, многомерный, прежде всего в модельном аспекте, план содержания. Ирония, языковая игра становятся не столько просто стилистическим приёмом и средством выразительности, сколько самим способом мышления и мировоззрения. «Креативность пронизывает современную коммуникацию, тем самым компенсируя серьёзность бытия, скрывая за игровой формой, а порой и растворяя в ней кардинальные вопросы современной жизни» [Иванова 2014: 253].

Итак, концепт «игра» становится чрезвычайно продуктивным в плане его лексической объективации и метафорического переосмысления. В зависимости от задач, стоящих перед говорящим, в контексте игровая метафора приобретает различные семантические характеристики: игра – детская, спортивная, театральная, шахматная, карточная и т.п.; обман, фальшь, имитация реальности; зрелищность; эмоциональное напряжение, столкновение «своих» и «чужих» и т.д. Таким образом, данные значения дают неограниченные возможности для реализации игровых смыслов в политическом дискурсе.

Источники

Выпуски ток-шоу «60 минут»

1. 19.09.2019 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f4xKJ2mO2qg>
2. 11.09.2020 // URL: https://www.youtube.com/watch?v=_fVMihUUpSU
3. 19.10.2020 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q4zxxBjzYZ4>
4. 12.01.2021 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vBUVT1zXom4>
5. 08.04.2021 // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=twiliq1-GKs>

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
2. Евгеньева – Словарь русского языка: В 4-х т. РАН, Ин-т лингвистич. исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. 1999.
3. Иванова С.В. Языковые игры в политическом пространстве // Лингвистика креатива–3. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2014. С. 253–264.
4. Корбо Беатриче. Спортивно-игровая метафора в политическом дискурсе (на материале русского и итальянского языков) // Московский государственный лингвистический университет, 2015. № 3 (53). С. 116–123.
5. Литвинова Т.И. Метафоры со сферами-источниками «Спорт» и «Игра» в немецком политическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2007. № 1. С. 101–105.
6. Максимова Ю.А. Метафорическая модель «Политика – это игра, спортивное состязание» в политическом дискурсе Л. Д. Троцкого (на материале работы «К истории русской революции») // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 26–30 [Электронный ресурс]. – URL: <https://e-koncept.ru/2016/86009.htm>
7. Скрипаль А.А. Метафора как характеристика политического дискурса // Вестник ВолГУ. Вып. 9, серия 9. 2011. С. 36–38.

GAME METPHOR IN THE POLITICAL DISCOURSE (ON THE MAGTERIAL OF TALK-SHOW «60 MINUTES»)

© *N.A. Samylicheva*
© *M.M. Binshtein*

The relevance of the research is due to the fact that the image of the game takes an important place in the Russian language consciousness and turns out to be a very effective base for creating various metaphors. The purpose of the study is to comprehend the concept of a game in a political metaphor within the framework of political discourse. As a result of the use of structural-semantic, contextual and pragmatic

methods, the distinctive characteristics of the metaphorical images of the game are demonstrated, the communicative components of the game images are revealed, various aspects of interpersonal and social relations are comprehended through the prism of the game. In political discourse, game metaphors become an active means of influencing the audience. The analysis of speech of the hosts of the political talk show "60 Minutes", as well as speech of the participants and guests of the study proves that the game acts as a certain way of interacting with reality, politics itself is interpreted as a game.

Keywords: game, game metaphor, sport and games metaphor, military metaphor, theatrical metaphor, political discourse.

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ

© *М.В. Сандакова*

Цель данной статьи – анализ семантических и прагматических особенностей лексических интенсификаторов, выраженных прилагательными, наречиями, устойчивыми сочетаниями. Применяется метод семантического анализа. Привлекаются данные толковых словарей русского языка, тексты художественной литературы и СМИ, используются материалы Национального корпуса русского языка.

Описаны общие и частные лексические интенсификаторы. Выделены следующие семантические модели частных интенсификаторов: 1) ‘такая высокая степень, что это производит сильное эмоциональное или ментальное воздействие’ (*изумительно, пугающе*); 2) ‘такая высокая степень, что это противоречит обычным представлениям о действительности или истине’ (*невероятно, небывало*); 3) ‘такая высокая степень, что это делает невозможным свести к нулю (ослабить) данное явление (свойство)’ (*неисчерпаемо, несокруσιμο*); 4) ‘такая высокая степень, что данный объект (явление) уподобляется объекту (явлению), считающемуся эталоном данного свойства’ (метафорическое значение) (*ангельский, ювелирный*).

Ключевые слова: семантика, общие и частные интенсификаторы, толкование, оценочность, сочетаемость, метафора, лексические и семантические неологизмы.

Под лексическими интенсификаторами принято понимать единицы, выражающие различную степень свойства или явления. К ним относятся прежде всего прилагательные и наречия, а также устойчивые сочетания, которые могут употребляться с наименованиями существей, подающихся градуированию и/или оценке: *очень полезно, ослепительная красота, ослепительно красива, до неприличия развязный*.

По семантике среди интенсификаторов различают общие и частные.

Интенсификаторы, которые в лингвистических работах называют по-разному – общими [Ермакова 2005; Шарапова 2018] и универсальными [Родионова 2005], выражают только идею интенсивности, не осложнённую никакими другими семантическими компонентами. К ним относятся прежде всего наречия (*абсолютно, весьма, несколько, очень, совершенно, чересчур*), а также ряд прилагательных (*абсолютный, полный, совершенный*) и устойчивых сочетаний (*в высшей степени, в определённой мере*).

Наиболее универсальные в семантическом отношении, общие интенсификаторы имеют самую широкую сочетаемость и употребляются с определяемыми, разнообразными по значению и по оценке. Ср.: *весьма разнообразный, красивый, преуспевающий – весьма ограниченный, гнусный, отсталый; в высшей степени благородно – в высшей степени подло.*

Частные интенсификаторы, кроме идеи интенсивности, содержат в своём значении другие компоненты, обычно выражающие качественные характеристики. Например, слово *несносный*, по БТС, имеет значение: «Невыносимый, очень сильный, мучительный. *Несносная боль. Несносная тоска, скука, печаль. Несносная жара*» [БТС 2001: 641]. В словарном толковании отражено сочетание интенсификационного компонента ‘очень сильный’ с качественно-характеризующим ‘невыносимый, мучительный’.

Частные интенсификаторы имеют более специализированное значение и более узкую сочетаемость.

Некоторые из них проявляют свободу сочетаться с определяемыми любой оценки, ср.: *поразительный талант, удача – поразительная бездарность, невезение; оглушительный успех, победа – оглушительный провал, поражение; стопроцентная честность, попадание – стопроцентная ложь, негодяй.*

Другие тяготеют к определяемым либо положительно-оценочным (*весомый вклад, достижения*), либо отрицательно-оценочным (*несуветная чепуха, глупость*). Данная особенность наиболее показательна для интенсификаторов, которые сами выражают оценку, ср.: *восхитительно многообразные, талантливый; божественно гармоничен, совершенен – невыносимо скучная, занудный; катастрофическая нехватка, загрязнение.*

Частные интенсификаторы весьма разнообразны по своей семантике.

Среди них можно выделить группы единиц, объединяющихся общностью семантической модели, по которой образуется интенсификационное значение. Назовём четыре такие модели.

1. Семантическая модель ‘такая высокая степень, что это производит сильное эмоциональное или ментальное воздействие’: *возмутительно, восхитительно, головокружительно, жутко, изумительно, мучительно, оглушительно, ослепительно, ошеломительно, ошеломляюще, поразительно, потрясающе, пугающе, сногсшибательно, убийственно, удивительно, ужасающе, умопомрачительно, цепеняще, щемяще* и др.

Например, наречие *восхитительно* в интенсификационном значении можно истолковать: ‘такая высокая степень свойства (явления), что это вызывает восхищение’. Ср.: *После пятой рюмки заиграл аппетит – Саша изничтожил всю яичницу, остывшую уже, но **восхитительно вкусно** всё равно.* (З. Прилепин. Санька.)

К этой семантической модели относятся интенсификаторы из сферы просторечия и жаргонов: *обалденно, офигенно, офигительно, охрентельно, потрясно* и др. Сегодня они активно проникают в язык СМИ и художественные тексты. Например: *Львиное Сердце...! Как **охрентельно романтично!*** (В.А. Шевцов. Медленный свинг // «Волга». 2013.) [НКРЯ]; *Ты давно живёшь в своём вымышленном мире, и тебе в нём **офигенно комфортно.*** (П. Басинский. Любовное чтиво); *ВСМ – это была **обалденно интересная** инженерная задача. Первая в России **высокоскоростная магистраль, 350 км / ч и больше!*** (Труд. 11.06.2017).

2. Семантическая модель ‘такая высокая степень, что это противоречит обычным представлениям о действительности или истине’: *баснословно, небывало, невероятно, невиданно, невозможно, невообразимо, неимоверно, немыслимо, необыкновенно, необычайно, нереально, неслышанно, фантастически, чудесно* и др.

Например, наречие *невероятно* в интенсификационном значении можно истолковать: ‘такая высокая степень свойства (явления), что это кажется невероятным’. Ср.: *Это **тёплая и невероятно удобная куртка!*** (Из телерекламы); *Они **невероятно активные, ужасно хрупкие, взрослые, но маленькие. Торопятся жить.*** (Литературная газета. 20.10.2021).

Наречие *неправдоподобно* в интенсификационном значении можно истолковать: ‘такая высокая степень свойства (явления), что это кажется неправдоподобным’. Например: *Он смотрел, как **неправдоподобно медленно** колонна курсантов двигалась к арке его дома.* (Е. Водолазкин. Соловьёв и Ларионов); *Ведмедко и его жену, и **впрямь неправдоподобно толстую, арестовали.*** (Н. Свечин. Кубанский огонь.)

В языке последних десятилетий как интенсификаторы стали употребляться слова *нереальный* и *нереально*. Словари пока не фиксируют нового значения, однако его активизация в разных сферах употребления говорит о его вхождении в узус (см. [Сандакова 2020]). Ср.: ***Нереально прекрасный** дом Твердова начала XIX века с деревянными колоннами!* (Яндекс Дзен. 14.05.2021); *Мужчина ..., порывшись за пазухой, извлёк на свет божий **фантиком сложенную бумаженцию.** ...Он долго и нежно разглаживал её **нереально тонкими, очень подхлывшими** к его*

худобе, сутулости и усталому лицу пальцами. (А. Виноградов. Кофе на троих.)

3. Семантическая модель ‘такая высокая степень, что это делает невозможным свести к нулю (ослабить) данное явление (свойство)’: *невосполнимо, неизбывно, неиссякаемо, неистоощимо, неистребимо, неисчерпаемо, необоримо, необузданно, неограниченно, неодолимо, неоспоримо, неопровержимо, непереносимо, непобедимо, непоколебимо, неоправимо, непреоборимо, непреодолимо, непримиримо, непробиваемо, непробудно, непроглядно, непролазно, непроходимо, непрошибаемо, неразрывно, расторжимо, несгибаемо, несмолкаемо, несмываемо, несокрушимо, нестерпимо, неугасимо, неудержимо, неужёмно, неуклонно, неукоснительно, неукротимо, неумеренно, неусыпно, неутешно, неутолимо, неутомимо* и др.

Например, наречие *неистоощимо* как интенсификатор имеет значение: ‘такая высокая степень свойства (явления), что это делает невозможным истощить обладающий им объект (явление)’. Ср.: *Куда я растратил его способность радоваться неистоощимому разнообразию мира – огромного и моего мира?* (А. Сафронова. Мишку жалко // «Волга». 2012) [НКРЯ]; *Наша страна (банальное и неопровержимое наблюдение) неистоощимо богата талантами.* (Труд. 13.08.2018).

4. Семантическая модель ‘такая высокая степень, что данный объект (явление) уподобляется объекту (явлению), считающемуся эталоном данного свойства’ (метафорическое значение); а также ‘такая высокая степень, что свойство уподобляется названному’ (метафорическое значение): *адский, ажиотажный, ангельский, арктический, астрономический, божественный, варварский, волчий, дьявольский, железный, животный, зверский, калейдоскопический, каменный, клинический, космический, кристальный, мертвецкий, патологический, пламенный, пожарный, рабский, сатанинский, свинцовый, сказочный, стальной, сумасшедший, царский, циклопический, чертовский, чудовищный, ювелирный* и др.

Например, интенсификаторы *ангельский, ангельски*. Ангел, в нашем представлении, являет собой *чистоту, доброту, безгрешность, кротость* и другие свойства. Прилагательное *ангельский*, по БТС, выражает метафорическое значение: «2. Такой, как у ангела; чрезвычайно добрый, кроткий, нежный» [БТС 2001: 39]. Интенсификационное значение слов *ангельский* и *ангельски* можно сформулировать следующим образом: ‘такая высокая степень свойства (доброты, кротости, терпения и др.), как это свойственно ангелу’. Ср.: *Роцин знал его по Москве ещё гимназистом, ангельски хорошеньким мальчиком с голубыми глазами*

и застенчивым румянцем. (А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Восемнадцатый год. 1928) [НКРЯ]; *При перевязках она держит его за руку, нащёптывает ему что-то ласковое, а он стонет, кричит или ругается дикими словами, каких в России я не слышал даже от кучеров и солдат. Криса сносит это с **ангельской кротостью**.* (Л. Юзефович. Филэллин.)

Слова *ювелирный, ювелирно* выражают интенсификационное метафорическое значение 'такая высокая степень (точности, тщательности, тонкости исполнения), как в ювелирном деле'. Например: *ювелирная тщательность, ювелирно точно, тонко*. Ср.: **Ювелирная тщательность** изготовления выставочного домика – лишнее доказательство профессионализма и серьёзности намерений. (М. Песин. Кровельные братья. 2002) [НКРЯ]; *Добавим подчеркнуто аскетичную аранжировку... и получим яркую, ювелирно точную звуко-зрелищную партитуру...* (Труд. 24.06.2014).

В языке новейшего времени на основе метафоризации возникают семантические неологизмы – экспрессивно-оценочные интенсификаторы. Среди них такие, как *лайнерский, пожарный (скорость, темп)* (см. [Кустова 2011]); *ажитоажный (спрос, интерес, популярность)*; *клинический (глупость, дурак)*; *калейдоскопический (быстрота, смена событий, многообразия)*; (см. [Сандакова 2020; Сандакова 2021]).

Например, в настоящее время слова *клинический, клинически* стали употребляться для обозначения высокой степени человеческой глупости. Ср.: *Фоном может быть шорох листвы за окном. Или шёпот волн на пустынном пляже ночью. Но не может быть фоном трель дебила, пусть короткая, но **клинически глупая** трель.* (Литературная газета. 13.03.2013); – *Лобстер «Термидор»..., а не «Терминатор»! Что толку, что у тебя голубые глаза, когда ты **клиническая идиотка**???* (М. Симоньян. Ленка). «Медицинская» метафора, обладающая яркой экспрессивностью и пейоративной оценочностью, пополнила привычный синонимический ряд интенсификаторов: *полный, круглый, абсолютный, непроеходимый дурак*.

В художественных текстах встречаются метафорические эпитеты, в значении которых присутствует интенсификационный компонент. По сравнению с узуальными интенсификаторами, они создают более яркий стилистический эффект. Например: *Певец был одет в национальный костюм **тропической яркости** как артист фольклорного ансамбля. Раньше это попугайское великолепие предназначалось для смотров художественной самодеятельности, ныне – для туристов.* (Л. Юзефович. Журавли и карлики.) Словосочетание *костюм тропической ярко-*

сти (то есть ‘яркий до такой степени, что вызывает представление о тропических красках’) обладает особой выразительностью по сравнению с устоявшимися: *очень, слишком, чрезмерно, кричаще яркий костюм*. Ещё примеры: *У Чалдоновых – впервые на памяти Линдта – царил самумный разгром*. (М. Степнова. Женщины Лазаря); *В отсеке стенки и потолок раскалились от солнца, а банная жара не вытекала из приоткрытых кормовых дверей: в общем, днём машины превратились в душегубки*. (А. Иванов. Ненастье.)

В качестве примечания отметим, что то или иное слово может относиться одновременно к разным семантическим моделям. Так, во всех группах есть слова с метафорическими значениями.

Некоторые прилагательные и наречия, развившие значение высокой степени путём метафоризации, как интенсификаторы употребляются только метафорически. Среди них, например: *несгибаемый* (воля, мужество, сила, стойкость, упорство); *потрясающий* (аппетит, амбиции, преданность, эрудиция, циник); *сногшибательный* (красота, успех); *убийственный* (жара, скука, спокойствие, тоска, хладнокровие); *фантастический* (богатство, ловкость, популярность, самообладание, скорость) и др.

Другие интенсификаторы функционируют в прямом и метафорическом значении. Ср.: *непроглядная мгла, ночь, темнота* (прямое значение) – *непроглядное невежество, пустота, тоска* (метафорическое значение). Аналогично: *оглушительные аплодисменты, грохот, рёв – оглушительная победа, сенсация, эффект; ослепительная белизна, луч, свет – ослепительная красота, прелесть, талант*.

Подводя итоги, заметим, что, хотя группы прилагательных и наречий, соответствующие описанным семантическим моделям, не исчерпывают всего корпуса лексических интенсификаторов, они выделяются вполне отчётливо, многочисленны по составу, активно функционируют в современной речи и пополняются новыми единицами – лексическими и семантическими неологизмами.

Список литературы

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
2. Ермакова О.П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 272–279.
3. Кустова Г.И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (MAGN’ы-прилагательные) // Слово и язык:

Сб. ст. к 80-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256–268.

4. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.

5. Сандакова М.В. Оценочные интенсификаторы в современном русском языке: семантический и прагматический аспект // Проблемы лингвистической прагматики: доклады Международной научной конференции, Калуга, 10–12 сентября 2021 г. / Отв. ред. А.Н. Ерёмин. Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2021. С. 203–211.

6. Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226.

7. Шарапова Е.В. Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2018. 229 с.

ON THE PROBLEM OF INTENSIFIERS' SEMANTIC TYPOLOGY

© *M.V. Sandakova*

The purpose of the article is to analyze semantic and pragmatic peculiarities of the lexical intensifiers which are expressed by adjectives, adverbs, set expressions. The method of semantic analysis is employed. The data of the dictionaries, belles-lettres texts and mass-media, the materials of the Russian National Corpus are used.

The general and particular lexical intensifiers are described. The following semantic models of the particular intensifiers are singled out: 1) 'such a high degree that it produces great emotional or mental influence' (*изумительно, пугающе*); 2) 'such a great degree that it contradicts the general idea about the reality or truth' (*невероятно, небывало*); 3) 'such a great degree that it makes it impossible to bring to naught (weaken) this phenomenon (characteristic) (*неисчерпаемо, несокрушимо*)'; 4) 'such a high degree that this object (phenomenon) is compared to the object (phenomenon) which is considered a benchmark of this quality (metaphorical meaning) (*ангельский, ювелирный*)'.

Keywords: general and particular intensifiers, definition, evaluation, collocation, metaphor, lexical and semantic coinages.

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «СОСТОЯНИЕ»

© *Е.В. Сирота*

Целью данной работы является исследование способов выражения синтаксического концепта «состояние». В работе применяются дистрибутивный и трансформационный анализы, а также полевое структурирование концепта и метод моделирования; анализируются свойства изучаемого концепта, выявляются ядро и периферия поля концепта; даются дефиниции понятий «состояние» и «структурная схема монопредикативной единицы». Устанавливается, что выявленные ядерные и периферийные структурные схемы, репрезентируя исследуемый концепт, дифференцируются способностью к речевым видоизменениям, которые определяются в зависимости от онтологического статуса семантики «состояние» и морфологического статуса предиката предложения.

Ключевые слова: состояние, синтаксический концепт, структурная схема, ядро, периферия, репрезентация концепта.

Активный исследовательский интерес в последние десятилетия сконцентрировался на широком круге вопросов, касающихся концептов. Целью данной работы является исследование способов представления синтаксического концепта «состояние».

В различных лингвистических дисциплинах сложилось свое понимание концепта как объекта исследования. Так, к примеру, Е.С. Кубрякова отмечает, что концепт служит единству как ментальных, так и психических возможностей индивида и информации, отражающей систему знаний и опыт человека, он является «оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90].

Концепт «рождается» как образ реальной действительности или «мыслительная картинка», которая «снимается» в коллективном сознании носителей языка с присущих предмету характеристик [Бабушкин 1996: 19]. Эта «мыслительная картинка» составляет основу, ядро будущего концепта. Индивидуальный характер ядра обуславливает нетождественное образное «смысловое содержание», подводимое под какой-либо концепт в психике разных людей, определяемый индивидуально мышлением, особенностями психики, уровнем культуры и социальным статусом носителей языка. Концепт становится более богатым,

насыщенным в случае значительного национального, профессионального, семейного и личного опыта индивида, который пользуется концептами [Лихачев 1993: 5].

Формируемый в сознании человека, концепт, абстрагируясь, подвергается категоризации и стандартизации языковым сознанием этноса, выполняя тем самым функцию заместительства в языке.

Вслед за учеными-когнитивистами, под концептом понимается ментальное образование, отражающее элементы окружающего людей мира, образ, основанный на восприятии и категоризации предметов и явлений внеязыковой действительности, продукт познавательной деятельности человека.

Язык является основным средством объективации концепта. Способ вербализации концепта языковыми средствами определяет его дифференциацию на лексические концепты, фразеологические концепты и синтаксические концепты. Категория синтаксического концепта мало разработана. Вопрос о возможности вербализации концепта средствами синтаксиса на сегодняшний день является дискуссионным.

Впервые разработка категории синтаксического концепта в русском языкознании стала объектом внимания Г.А. Волохиной и З.Д. Поповой, которые выделили и описали некоторые синтаксические концепты: «бытие объекта», «бытие признака объекта», «инобытие объекта», «самостоятельное перемещение агенса» и др. [Волохина, Попова 1999]. Однако другие синтаксические концепты остаются мало изученными.

Синтаксический концепт маркируется с помощью особого синтаксического знака – структурной схемы простого предложения. Синтаксический концепт, как и концепт, репрезентируемый лексико-фразеологическими единицами, способен репрезентироваться не одной схемой. Например, для реализации такого синтаксического концепта, как «бытие объекта», ученые выделили пять структурных схем [Волохина, Попова 1999: 19–32]; каждая из них актуализирует определенные, но не абсолютно все признаки этого концепта.

Структурная схема монопредикативной единицы представляет собой совокупность словоформ, в которой означаемым выступают осмысленные и оформленные как суждения отношения между явлениями континуума. Эти осмысленные и классифицированные отношения (означаемое ССП) и есть синтаксические концепты. Такая трактовка ССП дает возможность рассматривать ее как синтаксический знак, при котором синтаксический концепт выступает означаемым.

Структурная схема формирует конструктивный центр монопредикативной единицы. «Наличие в структуре предложения обязательного состава – конструктивного ядра – с неизбежностью следует из важнейшей функциональной характеристики предложения: канонизации его структуры как средства обеспечения стандартности представления в коммуникативных актах» [Плоткин 1986: 35].

Таким образом, структурную схему мы трактуем как знак языка, в качестве означающего которого выступают субъект и предикат с фиксированными синтаксическими позициями, а означаемым – определенный синтаксический концепт, создающий типовое значение монопредикативной единицы. Схема позиций представляет пропозицию высказывания и зачастую не совпадает со структурной схемой.

Совокупность структурных схем монопредикативной единицы для репрезентации определенного концепта обуславливает формирование полевой структуры концепта.

В лингвистике вопрос о категории состояния носит дискуссионный характер. Сложилось два понимания данного понятия – широкое и узкое. Широкое понимание категории состояния опирается на ее трактовку как категории научного познания: «Состояние охватывает все сущее в мире, выделяя вещь на основании ее всевозможных характеристик» [Камалова 1998: 10].

При данном подходе категория состояния трактуется как функционально-семантическая категория, представленная лексическими, фразеологическими, грамматико-лексическими и грамматическими средствами [Сирота 1990б: 4].

При узком подходе в понятие «состояние» включается семантический компонент ‘испытывать нечто’. Способностью же ‘испытывать нечто’ обладают только живые существа. В связи с этим к предикатам состояния мы относим предикаты физиологического и психологического состояния людей и представителей животного мира.

Начало изучению семантики состояния положили работы, посвященные описанию лексической семантики слова, в частности глагола:

– состояние как фаза в существовании, фиксирующая момент устойчивости в изменении, развитии объектов: Т.В. Булыгина О.Н. Селиверстова, В.Н. Мигирин;

– состояние – качественная характеристика объектов материального мира: Р.А. Ефимова, Л.А. Андреева, У. Чейф, Д.И. Арбатский [Сирота 1990а: 45].

Первым признаком состояния, отличающим его от свойства, лингвисты называют его временность, его непостоянный, ограниченный вре-

менными рамками денотат. Если качества (свойства) «представляют собой относительно независимую от течения времени характеристику предмета и в то же время характеризуют сам мир» [Булыгина 1982: 17], то состояния представляют собой признак «преходящий», непостоянный, который присущ субъекту именно в данный период времени [Селиверстова 1982: 33].

В способности состояния переходить в другое, противоположное, состояние отображается динамика материального мира. Названный признак состояния позволяет вводить в структуру высказывания, информирующего об актуальном состоянии субъекта, различные темпоральные конструкции: со значением длительности во времени типа *долго, весь день, в течение двух месяцев, два часа, с трех до пяти*; начала и завершения состояния типа *с утра, до вечера*; время проявления состояния типа *вечером, утром, сейчас*. Ср.: *Она весь день сегодня нервничает; С двух часов ребенок не спит; Сейчас я здоров*. Также состояние конкретизируется пространственным указанием.

Преходящий характер состояния обуславливает его фазовость. Фазовость – это признак, объединяющий действие и состояние и противопоставляющий их лишенному фазовости свойству. Как отмечают исследователи, свойство не возникает во времени, а просто перемещается по времени. Состояние представлено как целое в каждый момент своего существования, тогда как действие получает свою целостность лишь в рамках всего того отрезка, пока оно существует.

Состояние, сосредоточенное в субъекте, «не требует выхода» за пределы его носителя. Этот признак определяет минимальную и информативно достаточную двухкомпонентность синтаксического концепта «состояние одушевленного субъекта» ('субъект-пациент' + 'предикат-состояние'), означаемого ССПП, компонентами которой являются «субъект» и «предикат». Субъектив номинирует носителя состояния, а предикатив служит обозначению состояния.

Тем не менее в лингвистических трудах до сих пор нет полного описания структурных схем, означаемым которых выступает синтаксический концепт «физиологическое и психологическое состояние одушевленного (живого) существа».

Онтологический и гносеологический статус семантической категории состояния позволяет выделить совокупность ее признаков, отграничивающую эту категорию как от действий, так и от свойств. Присущие предикатам состояния признаки определяют содержательную валентность предиката как конститутивного компонента структурной

схемы предложения, а также способность типовой пропозиции обогащаться дополнительными смыслами.

В понимании понятия «состояние» мы основываемся на дефиниции В.Н. Мигирина, который определял данное понятие как «фаза в существовании, характеризующаяся однородностью качеств» [Мигирин 1973: 174].

Учитывая данные философии, логики и лингвистики, мы выделили следующие дифференциальные признаки данного понятия:

- 1) реальность существования;
- 2) отображение совокупности однородных качеств;
- 3) статичность;
- 4) фазисность;
- 5) свойственно любому носителю [Сирота 1990б: 6–7].

Описанные дифференциальные признаки отличают содержание состояния в языке.

В работе В.И. Казариной описаны 32 структурные схемы, которые специализируются для репрезентации синтаксического концепта «физиологическое и психологическое состояние одушевленного существа», среди них наиболее частотными можно назвать следующие: «кому есть каково», «кому есть жалко кого / что», «кому (не) быть в каком состоянии», «кому не следует бояться чего», «кому (не) следует быть каким», «кому быть в каком настроении» [Казарина 2003]. Исследователь анализирует формирование структурных схем, их структурно-семантические и речевые модификации.

К числу специализированных ССПП, где в качестве означаемого представлен исследуемый концепт, относим схемы, предназначенные для репрезентации только данного концепта. В формировании специализированных ССПП, которые используются для репрезентации синтаксического концепта «физиологическое и психологическое состояние живого существа», принимают участие как «безличные глаголы», так и ряд наименований процессов, включающих сему 'состояние'.

Для рассматриваемого нами синтаксического концепта «состояние живого существа» можно выделить также неспециализированные структурные схемы монопредикативных конструкций, специализирующиеся на маркировании иных синтаксических концептов, например концепта «бытие предмета», «субъект воздействует на объект», «самостоятельное перемещение субъекта» и под., но используемые и для выражения смысла 'состояние' путем наполнения предикативной позиции лексемами, имеющими семему 'состояние'.

По занимаемому пространству в синтаксическом поле «состояние одушевленного существа» эти ССПП являются периферийными. ССПП «кто находится в каком состоянии» занимает ближнюю периферию синтаксического концепта. Формирование данной схемы произошло на базе структурной схемы «кто/что действует чем», специализирующейся на реализации синтаксического концепта «инобытие предмета», в результате лексического наполнения позиций схемы, позволившего вербализовать типовую пропозицию физиологического и психологического состояния лица (или другого живого существа), представленного формой именительного падежа. Способ проявления состояния – «чем», его конкретизация – в статуальных именах в форме творительного падежа. Эти имена служат названиями болезней типа *насморк, пневмония, грыжа, ревматизм, дифтерит, шизофрения, чахотка*; различных физиологических состояний типа *аппетит, бессонница, боль, одышка, озноб, болезнь* (конкретизация состояния при лексеме *болезнь* последовательно представлена атрибутом), а также эмоциональных состояний типа *жажда, желание*.

Семантика «проявление состояния» вербализуется в процессах состояния, имеющих, как правило, градационную сему ‘сильно’, ‘очень’, ‘страшно’: *Он раздражался на то, что она недостаточно чутка к нему...* (Ю. Бондарев).

Позицию субъекта могут занимать лексемы с семантикой собирательности и определительные и неопределенные субституты живых существ, родовые номинации: *Лиза только рукой махнула. До чаю ли сейчас!* (Ф. Абрамов).

В высказываниях с глаголом сослагательного наклонения реализуется одна из сем ‘предположение’ или ‘пожелание’ состояния. Например: *Он этого и добивался: чтоб сгорела со стыда* (Ю. Трифонов).

Использование глаголов повелительного наклонения в реализации неспециализированных схем немногим продуктивнее использования форм сослагательного наклонения. Эти глаголы вносят в высказывание оттенок пожелания, просьбы. При этом использование глаголов совершенного вида чаще имеет своей целью предостеречь человека от того отрицательного эмоционального состояния, которое может с ним случиться, реже побуждает адресата испытать репрезентируемое предикативом состояние: *Пусть они от него и страдают, если способны страдать* (В. Распутин); *Выздоровливай. Я после первого боя напишу* (Ю. Бондарев).

К фазовым модификациям структурных схем можно отнести введение в позиционную схему комплексного обозначения состояния стату-

альным существительным в сочетании с глаголом *подступить* во фразеологизированном значении с семой 'возникнуть': *На рассвете я почувствовал, что по спине прошел озноб* (М. Булгаков).

При наличии в высказывании усиленного отрицания эта сема, 'усиленное отрицание', наслаивается на пропозитивное содержание высказывания: *Но мысль эта уже не испугала меня, ни тоски, ни отчаяния, ни чувства преступности в душе уже не было* (И. Бунин).

Выявленным ядерным и периферийным структурным схемам, представляющим исследуемый концепт, свойственны разные речевые модификации, определяемые природой состояния, а также морфологическим статусом предиката предложения. Расширение позиционных схем в высказываниях осуществляется за счет введения детерминирующих конструкций, определяемых онтологическим статусом состояния. В составе детерминантов чаще всего отмечаются временные, реже – пространственные конструкции.

Таким образом, мы можем констатировать факт функционирования синтаксического концепта «состояние», являющегося совокупностью концептов психологического и физиологического состояния одушевленных существ.

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: ВГУ, 1996. 104 с.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке / Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
3. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А. Волохина, З.Д. Попова. Воронеж: ВГУ, 1999. 193 с.
4. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). Дис. ... докт. филол. наук. Елец, 2003. 429 с.
5. Камалова А.А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1998. 326 с.
6. Кубрякова Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи / Словарь. Грамматика. Текст. М.: Наука, 1996. С. 218–224.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
8. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев: Штиинца, 1973. 237 с.
9. Плоткин В.Я. Семантика и синтаксис предложения и высказывания / Синтаксическая и лексическая семантика (на материале разных языков). Новосибирск: Наука, 1986. С. 33–43.

10. Селиверстова О.Н. Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка / Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 86–157.

11. Сирота Е.В. Лингвистическая интерпретация понятия состояния / Языковые категории и закономерности. – Кишинев: Штиинца, 1990. С. 45–52 (а).

12. Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: 1990. 17 с. (б)

SPECIFICITY OF REPRESENTATION OF THE SYNTACTIC CONCEPT “STATE”

© *E.V. Sirota*

The purpose of this work is to study the ways of representing the syntactic concept “state”. The techniques of distributive and transformational analysis, modeling and field structuring of the concept are used; the properties of the studied concept are analyzed, the nucleus and the periphery of the concept field are identified; the definitions of the concepts “state” and “the structural diagram of a simple sentence” are given. It is established that the identified nuclear and peripheral structural schemes representing the syntactic concept “state” differ in the ability for speech modifications, determined by the ontological status of the state, as well as the morphological nature of the sentence predicate.

Keywords: state, syntactic concept, structural scheme, the nucleus, periphery, concept representation.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

© *Т.А. Сироткина*

Целью настоящей статьи является описание возможностей использования текстов о регионе в преподавании русского языка как иностранного. Основным методом преподавания в данном случае является когнитивно-коммуникативный, обеспечивающий формирование как коммуникативных навыков обучающихся, так и системы представлений о социально-культурном пространстве. Приводятся возможные региональные тексты, а также варианты предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий к ним. Делается вывод о том, что использование региональных текстов на разных уровнях обучения русскому языку будет способствовать формированию социокультурной компетенции иностранных обучающихся, погружению их в культурную среду региона.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, региональный текст, Сургут, предтекстовые задания, притекстовые задания, послетекстовые задания.

Преподаватели РКИ пишут о том, что «учебники и учебные пособия, реализующие федеральный компонент образования в области русского языка как иностранного, недостаточно обеспечивают региональный компонент в преподавании, в результате чего на занятиях по русскому языку как иностранному практически не используется языковой материал, отражающий специфику того или иного региона или города России» [Верхованец 2015: 425].

Вместе с тем уже на начальном уровне обучения русскому языку в практику обучения можно и необходимо, на наш взгляд, включать тексты, в том числе аутентичные, направленные на развитие всех видов речевой деятельности. Рассмотрим это на примере текстов об одном из сибирских городов России – Сургуте.

Когнитивно-коммуникативное направление современного обучения обуславливает интерес к широкому кругу источников, при этом «рецепты, песни, опросы, прогнозы погоды, газетные статьи, рекламные странички, литературные тексты» [Рогалева 2019: 136] призваны служить образцами текстов, которые функционируют в реальной коммуникации. Роль аутентичного текста состоит в том, что он «мотивирует обучающегося, ставя его на место носителя языка и позволяя ему иметь прямой доступ к языку как с точки зрения культуры, так и с точки зрения языка» [Рогалева 2019: 137].

В связи со сказанным особенно значима проблема отбора аутентичных текстов, которые можно без адаптации предложить аудитории уже на уровне А1. В нашем случае, при изучении темы «Сургут – город в России», для решения учебных задач могут быть использованы поликодовые тексты таких жанров, как прогноз погоды, мем, вывеска, афиша, меню, реклама и некоторых других. Для разработки учебного занятия по выбранной теме считаем логичным опираться на систему работы с текстовым материалом, которая нацелена на развитие навыков чтения (именно данный вид речевой деятельности мы возьмем за основу в нашем проекте), аудирования, говорения и письма, и состоит из предтекстовых, притекстовых и послетекстовых заданий.

В учебное пособие по чтению и аудированию [Репонь 2018] мы с коллегой Антоном Репонем включили тему «Сургут», изучение которой призвано помочь словацким студентам сориентироваться в культурном пространстве ХМАО-Югры, освоить некоторые региональные культурные реалии. Текстами для чтения по данной теме в указанном пособии стали стихи и проза региональных авторов, студенческие эссе и тексты некоторых других жанров. Однако работа по данному пособию ориентирована на студентов, владеющих русским языком на уровне В2. Актуальным, на наш взгляд, является создание книги для чтения «Добро пожаловать в Сургут!», в которую были бы включены тексты для студентов, как начинающих изучать русский язык (уровень А1), так и для владеющих им на более высоких уровнях.

Важно в этой связи решить проблему отбора текстов для чтения. На наш взгляд, уже на начальном уровне изучения языка можно предложить студентам аутентичные тексты. Довольно эффективным может быть использование поликодовых текстов таких жанров, как прогноз погоды, мем, вывеска, афиша, меню, реклама и некоторых других.

Логичным, на наш взгляд, при работе по темам, связанным с географией, историей, культурой отдельных городов России, использовать в качестве исходного текста географическую карту, на которой будет указан либо изучаемый регион, либо конкретный город. Другим типом аутентичных текстов на начальном уровне изучения языка могут послужить открытки, магниты, значки с изображением города, сообщающие отдельные сведения из его истории, показывающие отношение к нему жителей. Данный вид поликодового текста позволит обучающимся наглядно представить изучаемый материал, запомнить некоторые сведения об этом городе.

Еще одним важным в функциональном плане текстом является прогноз погоды. Именно с данного текста можно начать разговор о природе и климате данной местности. Хорошо в данном случае подключить и привычные для молодежной аудитории тексты мемов, изначально рассчитанных на хорошее восприятие и запоминание информации, представленной в них. Знакомство с городскими объектами можно начать с изучения текстов вывесок, названий улиц, городской рекламы.

На уровне А2 можно предложить иностранным студентам, например, следующий текст для изучающего чтения:

Добро пожаловать в Сургут!

Сургут – это город в России. Он находится в Сибири. Сургут стоит на очень красивой реке – Обь. На гербе города изображена чёрная лисица. Это символ леса, тайги. Зима в Сургуте длинная и холодная, температура бывает до минус сорока градусов.

Город был образован в 1594 году. Его название переводится с хантыйского языка как «рыбное место». Коренные жители данной местности – народ ханты.

В 1950-х годах в регионе нашли нефть и газ и начали их добывать. Сейчас в Сургуте находится одна из самых больших российских компаний – «Сургутнефтегаз».

А вы знаете, что Сургут считается городом молодёжи? Это потому, что здесь разных учебных заведений. В них вы можете получить профессии врача, инженера, нефтяника. А если хотите стать учителем – поступайте в Сургутский государственный педагогический университет. В городе много школ, где изучают иностранные языки. Вы удивитесь: одна из них выглядит как английский Биг-Бен.

Сургут – одна из крупных железнодорожных станций. Первый поезд пришел в город в 1975 году. Сама станция построена позднее, в 1988-м. Сургутский мост через реку Обь – самый длинный в России.

Хочется узнать, как жили люди раньше, из чего они ели, какую одежду носили? Всё это вы узнаете, если придёте в краеведческий музей. А в музее «Старый Сургут», который находится на берегу реки Сайма, можно увидеть старые городские постройки.

Много в Сургуте разных памятников. В самом центре расположен памятник основателям города. Около городской библиотеки находится памятник русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. У детской поликлиники малышей встречает памятник известному сказочно-герою – доктору Айболиту.

В Сургуте много парков и скверов. Зимой в них можно кататься на лыжах, а летом – кормить белок. Летом, в июне, на одной из главных площадей города проходит праздник «Соцветие». На него собирается весь город. Представители разных народов готовят национальные блюда, поют народные песни.

В нашем городе часто бывают туристы из других городов и стран. Все говорят, что Сургут им очень понравился. Приезжайте и вы к нам. Добро пожаловать в Сургут!

Предтекстовыми заданиями к данному тексту могут являться, например, следующие:

1. Найдите на карте России Сибирь, Сургут.
2. Что такое герб? Что изображено на гербе вашего города? Посмотрите на картинку. Что изображено на гербе города Сургута?
3. Посмотрите на фотографию представителей народа ханты. Как вы думаете: они живут на юге или на севере?
4. Посмотрите на фотографии двух башен «Биг-Бен». Попробуйте угадать, какая фотография сделана в Лондоне, а какая – в Сургуте.
5. Посмотрите на фотографию моста через реку Обь. Что вы можете сказать об этой реке? Какая она?
6. Посмотрите на фотографию музея «Старый Сургут». Что вы видите на ней? Как вы думаете, когда строили такие церкви?
7. Посмотрите на фотографию памятника доктору Айболиту. Кого лечил доктор в детской сказке?
8. Посмотрите на фотографию. Кого жители Сургута кормят в парках?

Послетекстовые задания можно сформулировать следующим образом:

Задание 1. Ответьте на вопросы:

1. На какой сибирской реке находится Сургут?
2. Как переводится с хантыйского языка название города?
3. Какую профессию можно получить в Сургутском государственном педагогическом университете?
4. В каком году в Сургут пришел первый поезд?
5. Что можно увидеть в краеведческом музее?

Задание 2. Представьте, что Вы собрались поехать в Сургут. Напишите письмо сургутскому студенту. Спросите его, какая в городе погода, какое время (часовой пояс), что нужно обязательно взять с собой.

На уровне В2 для изучающего чтения уже можно использовать не очень большие художественные тексты региональных авторов, например:

Сергей Луцкий
Тропинки

Февраль – кривые дорожки... Для малоснежной европейской зимы такое утверждение, быть может, и справедливо. В Сибири же всё по-другому. Задуют февральские ветры, наметёт на тропинки сугробы, а деревенский люд не очень-то старается их обходить, натаптывать новые дорожки. Так напрямик и двигает по старым следам, порой утопая в снегу по колено.

Эта бескомпромиссность показалась мне странной. И я решил поступать иначе. Как-то, встретив на пути наметённый за ночь сугроб, шагнул в сторону, собираясь благоразумно обойти...

Снег вытряхивать пришлось долго. И добро бы только из валенок, а то из карманов брюк и даже куртки. Ухнул, что называется, по пояс.

Что ж, всякий опыт имеет свою цену.

Основные задания по данному тексту (мы составляли их для студентов-переводчиков) будут выглядеть примерно так:

1. *Прочитайте заголовок текста. Как вы думаете, о чём будет данный текст?*

2. *Подберите антоним к словосочетанию «малоснежная европейская зима».*

3. *Найдите в тексте фигуру умолчания. Какую роль она играет в тексте?*

4. *Как вы понимаете фразу «каждый опыт имеет свою цену»?*

5. *Письменно составьте небольшой текст, в котором с использованием фигуры умолчания опишите произошедший с вами или известный вам случай.*

Таким образом, использование региональных текстов на разных уровнях обучения русскому языку будет способствовать формированию социокультурной компетенции иностранных обучающихся, погружению их в культурную среду региона.

Список литературы

1. Верхованец Н.А. Региональный компонент как основа культурно-ориентированной методики преподавания РКИ // Ученые заметки Тихоокеанского государственного университета. 2015. Том 6. № 4. С. 424–428.

2. Репонь А., Сироткина Т. Русский язык как иностранный: чтение и аудирование. Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2018. 160 с.
3. Рогалева А.А. Концепция аутентичности учебного языкового текста // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 136–138.

REGIONAL TEXT IN THE SYSTEM OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

© *T.A. Sirotkina*

Teachers of Russian as a foreign language write that textbooks and teaching aids that implement the federal component of education in the field of Russian as a foreign language do not sufficiently provide the regional component in teaching, as a result of which language material that reflects the specifics of a particular region or city of Russia is not applied. The purpose of this article is to describe the possibilities of using texts about the region in teaching Russian as a foreign language. The main teaching method in this case is cognitive-communicative, which ensures the formation of both the communicative skills of students and the system of ideas about the socio-cultural space. Possible regional texts, as well as variants of pre-text, on-text and post-text tasks for them are given. It is concluded that the use of regional texts at different levels of teaching the Russian language will contribute to the formation of the socio-cultural competence of foreign students, their immersion in the cultural environment of the region.

Keywords: Russian as a foreign language, regional text, Surgut, pre-text assignments, on-text assignments, post-text assignments.

**СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**
(краткий обзор по материалам
«Словаря русского языка XXI века»)¹

© *И.О. Ткачева*

Цель статьи – представить краткий обзор основных языковых процессов, происходящих в сфере русской разговорной речи на лексическом уровне. Явления современной разговорной речи рассматриваются в рамках нового подхода «от словаря к языку» в противоположность традиционному в лексикографии подходу «от языка к словарю». В качестве эмпирической базы исследования используется «Словарь русского языка XXI века» под ред. Г.Н. Складневской, который представляет богатый лексический материал для анализа. Отобранные нами словарные статьи, маркируемые определенными стилистическими пометами, свидетельствуют о том, что пласт разговорной лексики продолжает активно пополняться. При этом можно отметить разнообразие способов этого пополнения: заимствование, калькирование, внутриязыковое словообразование, а также появление новых разговорных значений на основе различных механизмов семантической деривации. Поскольку в словарь включается только такая лексика, употребительность которой подтверждается значительным числом примеров в современных русскоязычных источниках, использование такого словаря в качестве эмпирической базы исследования позволяет обратить особое внимание на языковые факты, не являющиеся окказиональными или временными.

Ключевые слова: толковая лексикография, русская разговорная речь, заимствование, калькирование, словообразование, семантическая деривация.

Активное изучение русской разговорной речи ведется с 60-х годов XX века и по сей день не теряет своей актуальности. Среди наиболее известных ученых, которые занимались или занимаются исследованием русской разговорной речи в разных аспектах, можно назвать Е.А. Земскую, О.Б. Сиротинину, О.А. Лаптеву, Н.Ю. Шведову, Л.П. Крысина, Н.В. Богданову-Бегларян и многих других.

Одна из задач, которая стоит в настоящее время перед специалистами в области разговорной речи, – это ее лексикографическое описание. Такую

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00122А «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г.Н. Складневской)».

задачу поставили перед собой наши московские коллеги, работающие над созданием Толкового словаря русской разговорной речи под руководством Л.П. Крысина [ТСПРР; Крысин 2017]. Это пример применения традиционного подхода «от языка к словарю», то есть от анализа языковых явлений к их описанию в словаре. Перед нами же, в отличие от группы Л.П. Крысина, стоит иная задача – исследование разговорной речи в рамках нового подхода «от словаря к языку», то есть от материалов, представленных в словаре, к описанию языковых явлений.

В качестве такого словаря не без оснований был выбран «Словарь русского языка XXI века», работа над которым ведется в РГПУ им. А.И. Герцена под руководством д.ф.н., проф. Г.Н. Скляревной. С концепцией словаря и образцами словарных статей можно ознакомиться в электронном журнале *Journal of Applied Linguistics and Lexicography* [Скляревная 2019]. Словарь отличается от других современных лексикографических изданий рядом характерных особенностей: исключительной обширностью словника в сочетании с глубиной семантической разработки, оперативностью описания новых слов и значений, входящих в язык, включением в словарь лексических пластов, традиционно остающихся за рамками толковых словарей общего типа (в том числе разговорной, разговорно-сниженной и жаргонной лексики). Все это позволяет использовать данный словарь в качестве полноценной эмпирической базы для исследования современного русского языка в его основных лексических категориях и функциональных разновидностях. Разговорная речь – это только один из объектов, рассматриваемых в рамках данного проекта.

На первом этапе исследования из готового массива словаря были отобраны словарные статьи, содержащие помету *Разг.* (разговорное), а также некоторое количество словарных статей, маркированных пометами *Разг.-сниж.* (разговорно-сниженное) и *Жарг.* (жаргонное), поскольку между соответствующими пластами лексики существуют области размытых границ, возможен переход единиц из одного пласта в другой и поэтому выбор пометы в ряде случаев может быть спорным. Отобранный материал получился очень обширным и разнородным по тематическому и частеречному составу. В этом значительном по объему массиве определенную часть занимают слова и значения, появившиеся в языке недавно и наглядно отражающие современные языковые процессы, происходящие в сфере разговорной речи на лексическом уровне. Рассмотрим их ниже. Сразу оговоримся, что анализируемый материал ограничен только знаменательными частями речи.

1. Активное проникновение в сферу разговорной речи иноязычных заимствований. В словаре описан целый ряд разговорных заимствованных единиц: *арт* ‘искусство, обычно современное, неформальное’, *аттачмент* ‘вложение’, *баттл* и *батл* ‘состязание в мастерстве исполнения рэпа, брейк-данса, хип-хопа и т. п.’, *бипер* ‘устройство, предназначенное для подачи звукового сигнала’, *вьюер* ‘программа, позволяющая просматривать содержимое файлов различных форматов’, *прайс* ‘цена’, *сейл* ‘распродажа’ и многие другие. На более раннем этапе составления словаря некоторые из перечисленных выше заимствований сопровождалась пометой *Жарг.*, которая впоследствии была заменена на *Разг.* в связи с распространенностью таких слов в повседневной речи. В то же время какая-то часть лексики, изначально маркируемая пометой *Разг.*, в процессе постепенного вхождения в язык перестала восприниматься как разговорная (ср. *логин* в значении ‘имя пользователя’, *скан* в значении ‘отсканированное изображение’, *троллинг* в значении ‘размещение в Интернете провокационных сообщений’). Как видим, многолетняя работа над словарем позволяет проследить переход лексических единиц из одного стилистического пласта в другой.

2. Образование новых разговорных единиц путем калькирования. Предположительно являются кальками слова *читалка* ‘программа для чтения электронных книг’ (от англ. reader), *стрелялка* ‘компьютерная игра, в которой требуется убить как можно больше противников’ (от англ. shooter). Примечательно, что наряду с калькированными единицами употребляются также синонимичные им заимствования *ридер* и *шутер*. Примерами новых разговорных полукалек могут служить слова *баннерокрутилка* ‘механизм показа баннеров’ (от англ. banner rotator) и *сайтостроитель* ‘специалист, занимающийся созданием и обслуживанием сайтов’ (от англ. site builder).

3. Образование новых разговорных единиц с помощью различных средств словопроизводства. В современном русском языке наблюдается необычная активизация аффиксального словопроизводства от новых заимствований. Образовываться могут слова разных частей речи: существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Во многих случаях формируются целые словообразовательные гнезда. В «Словаре русского языка XXI века» есть много подтверждающих это примеров.

Так, целое гнездо образовалось от слова *аниме* ‘японская анимация; молодежная субкультура поклонников этой анимации’ – *анимешка*, *анимешный*, *анимешно*, *анимешность*; от слова *бан* ‘запрет на обращение к интернет-ресурсу’ – *банить*, *баниться*, *забанить*, *забаниться*; от

слов *баттл* и *батл* ‘состяжание в мастерстве исполнения чего-л.’ – *баттловый* и *батловый*, *баттлить* и *батлить*, *баттлиться* и *батлиться*; от слова *пост* ‘сообщение или статья, публикуемые в социальной сети, на форуме и других ресурсах и т.д.’ – *постить*, *поститься*, *запостить*, *запоститься*, *перепост*, *перепостить*, *перепоститься*.

Новые разговорные лексемы образуются не только от заимствований, но и от слов основного словарного фонда, именующих обозначаемый предмет по функции или главному свойству: *безопаска* ‘приспособление в виде накладки на угол мебели’, *бродилка* ‘приклоченческая компьютерная игра’, *искалка* ‘поисковая машина или поисковая система’, *качалка* ‘компьютерная программа для загрузки файлов’ или, в другом значении, ‘тренажерный зал’.

Ряд новых разговорных единиц образован путем усечения – *аттач* (от *аттачмент*), *грейн* (от *грейпфрут*), *бот* (от *робот*), *комбез* (от *комбинезон*), а также путем универбации (с суффиксацией или усечением) – *стиралка* (от *стиральная машина*), *вкусняшка* (от *вкусный продукт*, *вкусное блюдо*), *демка* (от *демонстрационная версия*), *упрощенка* (от *упрощенная система налогообложения*), *безлимит* и *безлимитка* (от *безлимитный тариф*, *безлимитный проездной билет* или *безлимитный абонемент*), *безнал* и *безналичка* (от *безналичные деньги* или *безналичный расчет*), *металлопластик* (от *металлопластиковое окно*).

Встречаются, хотя и гораздо реже, также случаи образования новых разговорных лексем путем словосложения (*когтедралка*, *когтеточка*) и аббревиации (*б/у* – ‘бывший в употреблении’).

4. Развитие новых разговорных значений. По данным «Словаря русского языка XXI века», новые разговорные лексико-семантические варианты формируются на основе четырех типов семантической деривации – метафоры, метонимии, сужения и расширения значения. Проиллюстрируем это на конкретных примерах.

В результате метафорического переноса образовалось новое разговорное значение слова *блондинка* ‘сексуально привлекательная, но интеллектуально недалекая женщина’, которое недавно появилось и актуализировалось в русском языке (*Ну кто так водит, блондинка, видимо, за рулем!*). В основе этого переноса лежит стереотипный признак «глупость», приписываемый светловолосым женщинам. Этот же признак прослеживается и в других словах гнезда – *блондинить* (*что-то я сегодня блондиню*), *блондинистый* (*типичный блондинистый блог, ни одной серьезной темы*) и *блондинистость* (*по своей блондинистости никак не могла понять задание*).

Примерами метонимического переноса могут служить новые разговорные значения слов *интернет-деньги* – *перевести тысячу рублей через интернет-деньги* (‘платежные средства’ – ‘сервис для перевода платежных средств’); *памперсный* – *памперсный ребенок*, *памперсное поколение* (‘относящийся к памперсам’ – ‘носящий или носивший памперсы’); *конвертный* – *конвертные зарплаты* (‘относящийся к конверту’ – ‘выдаваемый в конверте’); *бикини* – *эпиляция бикини*, *цена на классическое бикини* (‘одежда’ – ‘зона тела’ – ‘косметологическая процедура в этой зоне’).

В результате расширения значения образовалось несколько новых разговорных лексико-семантических вариантов у слова *бомжовский*: ‘отличающийся крайне низким качеством и дешевизной’ (*бомжовский фастфуд*, *бомжовская лапша*, *бомжовское питание*); ‘недостаточный для нормального существования’ (*бомжовская зарплата*, *бомжовская пенсия*); ‘имеющий непрезентабельный вид’ (*бомжовская кофта*, *бомжовская мебель*, *бомжовский телефон*). В данном случае имеет место переход от более узкого значения «характерный для бездомного человека» к более широкому «характерный для очень бедного человека».

Пример сужения значения – появление новой семантики у прилагательного *бюджетный* ‘приемлемый по цене, недорогой’ (*бюджетный корм для животных*, *бюджетный мобильник*, *бюджетный ремонт*). Здесь наблюдается переход от более широкого значения «связанный с бюджетом вообще» к более узкому «связанный с очень маленьким, ограниченным бюджетом». Интересно отметить, что от этого разговорного значения образовалось целое гнездо: *бюджетно* (*отпраздновали свадьбу бюджетно*), *бюджетность* (*пансионат популярен благодаря своей бюджетности*), *небюджетный* (*небюджетный отель*, *небюджетный смартфон*), *небюджетность* (*небюджетность меню*), *небюджетно* (*отдохнули небюджетно*).

Итак, какие выводы мы можем сделать из этого краткого обзора?

Пласт знаменательной разговорной лексики активно продолжает пополняться. При этом можно отметить разнообразие способов данного пополнения: заимствование, калькирование, образование новых слов с помощью внутриязыковых средств словопроизводства, а также развитие новых разговорных значений на основе различных механизмов семантической деривации.

Нельзя сказать, что сами способы или механизмы образования разговорных слов и значений, которые были представлены в нашем крат-

ком обзоре, являются новыми. Механизмы семантической деривации по сути универсальны. Новых способов словообразования среди рассмотренного материала тоже нет. Это подтверждается данными монографии «Русская разговорная речь» 1981 года [Земская 1981: 82–83, 120–124], в которой процессы разговорного словопроизводства освещены весьма подробно. Отличием же современного периода развития разговорной речи является необычайная активизация различных словообразовательных моделей.

Вместе с тем за рамками данного обзора остался целый ряд словообразовательных новшеств, характерных для нашего времени и привлекающих внимание исследователей. Это появление в русском языке новых аффиксов (*супер-*, *-инг* и других), образование диминутивов от заимствованных основ (*элитка*, *гламурненько*), распространение «модных» феминитивов на *-ка* (*авторка*, *блогерка*), активизация так называемого блендинга, или телескопии (*Гейрона*, *майдаун*), а также совершенно новый тип словообразования, при котором в одно слово без пробелов соединяются слова словосочетания или предложения (*крымнаш*, *яжемать*) (подробнее см. [Маринова 2012: 141; Радбиль 2017: 35; Шмелева 2019: 322–326]). Подобного рода примеры отсутствуют в нашем обзоре не случайно. Именно в этом состоит одно из главных отличий применяемого нами подхода «от словаря к языку»: мы анализируем только те слова, употребительность которых подтверждается значительным числом примеров в текстовых корпусах и материалах Интернета и которые на этом основании могут быть включены в словарь. Это позволяет нам обратить особое внимание на языковые факты, не являющиеся окказиональными или временными.

Список литературы

1. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1981. 276 с.
2. Крысин Л.П. Стихию устной речи – в словарь? // Актуальные проблемы стилистики. № 3. 2017. С. 179–189.
3. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. М.: Флинта, 2012. 240 с.
4. Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33–39.
5. Складневская Г.Н., Ткачева И.О., Сергеев М.Л., Ваулина Е.Ю., Фивейская Е.А. Проект «Словаря русского языка XXI века». Образцы словарных ста-

тей // Journal of Applied Linguistics and Lexicography, 2019. Vol 1. No. 1. С. 136–311. [Электронный ресурс]. URL: <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1> (дата обращения: 08.11.2021).

6. Шмелева Е.Я. Новые способы словообразования в русском языке // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы Международной научной конференции. Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского Калуга, 20–22 сентября 2019 г. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2019. С. 320–328.

7. ТСРРР – Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А-И; Вып. 2. К-О; Вып. 3. П-Р / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–2019.

**MODERN LANGUAGE PROCESSES IN COLLOQUIAL SPEECH
(a brief overview based on the materials of the Dictionary of the XXI century
Russian language)**

© *I.O. Tkacheva*

The purpose of the article is to give a brief overview of the main linguistic processes occurring in Russian colloquial speech at the lexical level. The phenomena of modern colloquial speech are considered within the framework of a new approach «from dictionary to language» as opposed to the traditional lexicographical approach «from language to dictionary». The research is carried out on the base of «The Dictionary of the XXI century Russian language», ed. G.N. Sklyarevskaya, which provides a rich lexical material for analysis. The material of the dictionary shows that the colloquial vocabulary is constantly enriched. There is a variety of ways of this enrichment: borrowing, calquing (modeling words according to foreign patterns), word formation, as well as formation of new colloquial meanings based on various mechanisms of semantic derivation. Since the dictionary includes only such lexis, the frequency of which is confirmed by a significant number of examples in modern Russian-language sources, the use of such a dictionary as an empirical basis for research allows us to pay special attention to linguistic facts that are not occasional or temporary.

Keywords: explanatory dictionary, Russian colloquial speech, borrowing, calquing, word formation, semantic derivation.

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ В НОВОСТНЫХ ТЕКСТАХ ОПОЗИЦИОННОГО ИЗДАНИЯ «ДОЖДЬ», ОСВЕЩАЮЩИХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

© У Сяохун

В статье рассматриваются медиатексты, освещающие международную деятельность В.В. Путина и Си Цзиньпина в области экономики и торговли. Цель нашей работы – с опорой на теорию Г.П. Грайса о субъективном значении изучить интенцию корпоративного адресанта (автора и издания) и используемые им речевые стратегии и тактики в новостных текстах оппозиционного издания «Дождь». Описательный метод и контент-анализ позволили установить, что адресант не нацелен на пропаганду дружественных отношений между Китаем и Россией и прибегает к речевым стратегиям противостояния, сопоставления, неясности, которые реализуются через тактику отрицания, ссылок на авторитетное мнение, сравнения и неопределенности, а также с помощью лексических и синтаксических средств русского языка.

Ключевые слова: субъективное значение, адресант, медиатекст, оппозиционные СМИ, речевые стратегии и тактики.

С тех пор как Дж. Остин предложил теорию речевых актов, эта концепция не теряет свою актуальность. Последователь Дж. Остина Дж. Серль отметил, что речевые акты обычно возникают при произнесении звуков или написании значков с определенным значением: 1) «о звуках или значках, делающих возможным совершение речевого акта, обычно говорят, что они имеют значение»; 2) «о человеке обычно говорят, что он что-то имел в виду, употребляя эти звуки или значки» [Серль 1986: 157–158]. Эти положения легли в основу теории Г.П. Грайса, выдвинувшего понятие «субъективное значение», под которым он подразумевал намерение говорящего. По его словам, «сказать, что А что-то имел в виду под x (A meant something by x) – значит сказать, что А намеревался, употребив выражение x , этим своим употреблением оказать определенное воздействие на слушающих посредством того, что слушающие опознают это намерение» [Серль 1986: 158]. Российский лингвист И.М. Кобозева также отмечает: «По Грайсу, субъективное значение высказывания есть намерение говорящего получить с его помощью определенный результат, благодаря осознанию слушающим

этого намерения» [Кобозева 1986: 15]. Интенция (или намерение) является важнейшим компонентом общения, она служит основой для создания высказывания субъектом. В связи с этим можно заключить, что в совершении речевых актов главное – передать информацию с субъективным значением, чтобы оказать воздействие на адресата.

Согласимся с тем, что интенцию можно понимать как выражение субъективного значения. Ведь речевое общение ситуативно обусловлено, многоаспектно, каждое слово имеет свое значение, однако оно может изменяться в зависимости от контекста. Нередко одни и те же слова, используемые коммуникантами в разных ситуациях, приобретают иные значения, которые определяются интенцией субъектов речи.

Нужно признать, что идеи Г.П. Грайса до сих пор «продолжают определять то, как философы, лингвисты и когнитивные ученые рассуждают о значении, коммуникации и связи между языком и сознанием» [Neale 2005: 254]. Результаты исследования Г.П. Грайса «есть плодотворный подход к анализу субъективного значения, прежде всего потому, что он показывает тесную связь между понятием значения и понятием намерения, а также потому, что он улавливает то, что является существенным для употребления языка» [Серль 1986: 158].

В данной статье мы опираемся на теорию Г.П. Грайса о субъективном значении, изучаем интенции адресанта и средства их выражения в медиатекстах российских оппозиционных СМИ, а именно телеканала «Дождь».

Понятия интенции и речевой стратегии взаимосвязаны. Речевые стратегии – это планы для достижения установленной цели речевого общения, а интенция есть важная предпосылка и основа для построения планов. Реализуя интенцию в любом речевом действии, говорящий поэтапно выполняет свой план через использование языковых средств различных уровней. В процессе коммуникации важную роль играет как сама интенция, так и способы ее реализации, это означает, что мы должны выбрать наиболее эффективные речевые стратегии для достижения ожидаемого перлокутивного эффекта.

В нашем исследовании речевая стратегия текста СМИ всегда подчинена интенции корпоративного адресанта, под которым понимается автор и издание СМИ в их единстве [Беневоленская, У Сяохун 2021]. Интенция собственно автора текста тесно связана со спецификой информационного агентства или конкретного СМИ, что оказывает большое влияние на выбор используемых им речевых стратегий. В России существуют проправительственные и оппозиционные СМИ, представляющие разные взгляды на события. В отличие от государственных

медиа оппозиционные издания не нацелены на пропаганду идей власти. Мы провели поиск по ключевым словам *Си Цзиньпин, Путин* и собрали 35 сообщений на сайте телеканала «Дождь» о международной деятельности лидеров двух стран. Затем для анализа было отобрано пять статей (за 2013–2015 гг.) из тематической группы «Экономика и торговля» в качестве материала для нашей работы.

Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время развитие российско-китайских отношений получило плодотворные результаты в различных сферах: и стратегическое взаимодействие, и политическое взаимодействие, даже личные отношения между лидерами двух стран достигли беспрецедентного уровня развития. Медиа-тексты как важнейший источник информации оказали влияние на сознание аудитории, сформировали положительное представление о сотрудничестве двух стран [У Сяохун 2021]. Однако кроме анализа правительственных СМИ, нас заинтересовало освещение российско-китайских отношений оппозиционными СМИ.

Анализ материала показал, что субъективное значение адресанта при сообщении о сотрудничестве Китая и России в области экономики и торговли, как правило, нейтрально или даже негативно. Иными словами, адресант не ставит целью пропагандировать сотрудничество и хорошие отношения между двумя странами, пытается показать, что сотрудничество Китая и России строится на основе современных государственных интересов, а не дружбы. Если нарушатся интересы одной из двух сторон, то не будет и самого сотрудничества. Например, в сообщении о подписании газового контракта между Китаем и Россией уделяется внимание именно препятствию на пути к сотрудничеству между двумя странами – перед подписанием возникли вопросы о цене газа. Так адресант применяет **речевую стратегию противостояния**, что вызывает у читателей ощущение противостояния Китая и России.

Для реализации данной стратегии используется:

1) **тактика отрицания**, выражающаяся через языковые средства разных уровней: *Китай отложил подписание газового контракта с Россией; Накануне, 20 мая, газета «Ведомости» со ссылкой на источники в российской делегации написала, что переговоры затягиваются. После этого акции «Газпрома» упали на 2%; В интервью Bloomberg TV накануне визита Путина премьер-министр РФ Дмитрий Медведев заявил, что переговоры с Китаем о поставках газа ведутся давно, назвав их «не самыми простыми» из-за расхождения взглядов о цене (Дождь. 21.05.2014).* На лексическом уровне адресант использует слова с отри-

цательным значением, например: *отложил, затягиваются, упали, не самыми простыми* и т.д. На синтаксическом уровне применяются отрицательные предложения, например: *Китайская государственная нефтяная компания PetroChina («дочка» крупнейшего в Китае производителя нефти и газа CNPC) не будет подписывать контракт с «Газпромом» о поставках газа в ходе визита Президента России Владимира Путина (Дождь. 21.05.2014);*

2) **тактика ссылок на авторитетное мнение** – чтобы подтвердить точку зрения адресанта, убедить читателя в своей правоте, приводятся слова третьих лиц: *«Сейчас цена на импортный газ превышает стоимость на внутреннем рынке. Мы и так **теряем** деньги из-за импортного газа и **не можем** допустить дополнительных **убытков**», — сказал Мао Цзэфэн; «Китай благотворительностью, **конечно**, заниматься **не будет**. <...> Китай **не спешит**. Инициатива должна исходить от России. Россия на этом фоне **отказалась** от газопровода через Алтай и решила сконцентрироваться на месторождениях в Восточной Сибири и уже оттуда вести газопровод. **Но там газ богат** дополнительными химическими веществами, и чтобы его очистить, **нужны значительные инвестиции**», — сказал ранее «Дождю» старший аналитик Arbat Capital Виталий Громади (Дождь. 21.05.2014). В речи экспертов Мао Цзэфэна (пресс-секретаря компании PetroChina) и Виталия Громади (старшего аналитика Arbat Capital) используются лексемы с негативным значением (*теряем, не можем, убытков, не будет, отказалась*), отрицательные предложения, вводные слова и словосочетания, в частности, слово *конечно* усиливает решительное отрицание речедеятелем условий для этого сотрудничества.*

Кроме того, в текстах используется **речевая стратегия сопоставления** и **тактика сравнения**, которая реализуется через противопоставление слов, например, *накануне – давно*: ***Накануне** визита Путина в Китай премьер-министр РФ Дмитрий Медведев в интервью Bloomberg TV заявил, что переговоры с Китаем о поставках газа ведутся **давно**, назвав их «не самыми простыми» из-за расхождения взглядов о цене (Дождь. 21.05.2014); 400 долларов – 350–360 долларов: «Газпром» рассчитывал получить в качестве базовой цены для Китая **400 долларов** за тысячу кубометров. Китайская сторона хотела **350–360 долларов** (Дождь. 21.05.2014). Адресант сравнивает настоящую ситуацию с прошлыми условиями, цену от России с ценой от Китая и через данные сравнительные предложения выражает свое субъективное мнение о том, что сотрудничество между Китаем и Россией не такое успешное, обе*

стороны не достигли согласия из-за своих интересов. Несмотря на то что Китай и Россия в итоге подписали контракт, адресант не придает информации положительной оценки, а акцентирует внимание на вопросе «торга» между Китаем и Россией. Такая подача информации не способствует формированию у аудитории положительного представления об отношениях между Китаем и Россией.

В ходе анализа было установлено, что отобранные тексты семантически не сильно различаются, они освещают одно и то же событие – поставку природного газа из России в Китай. При этом акцент всегда делается на том, что ведутся переговоры насчет объема и стоимости поставок, т.е. в финансовых интересах РФ: *Объемы годовой поставки российского газа в Китай составят 38 млрд кубометров с возможностью увеличения до 60 млрд* (Дождь. 22.03.2013); *Россия планирует увеличить товарооборот с Китаем в два раза — до 200 миллиардов долларов* (Дождь. 24.05.2014). Таким образом, лексика и композиционная организация текстов новостей повторяются, нет разнообразия, неоднократно озвучивается общая сумма контракта, объем поставок, аванс от Китая и т.д.

Адресант также выражает неуверенность, применяет **речевую стратегию неясности**, которая реализуется через **тактику неопределенности**: *Контракт с китайской национальной нефтегазовой корпорацией может быть подписан до конца этого года и начнет действовать с 2018 года; Глава «Газпрома» отметил, что предусмотрена возможность авансового платежа в счет будущих поставок газа* (Дождь, 22.03.2013). На лексическом уровне применяются слова со значением неуверенности (*может быть, возможность* и др.) и неопределенное местоимение *несколько*: *«Газпром» и CNPC вели переговоры о заключении контракта в течение нескольких лет* (Дождь, 21.05.2014). Подобные выражения заставляют читателей сомневаться в перспективе сотрудничества двух стран.

Но на самом деле договоренность была достигнута: *Россия и Китай подписали меморандум о поставках газа через Алтай* (Дождь. 09.11.2014). Таким образом, через стратегию неясности и тактику неопределенности адресант ставит под сомнение, дискредитирует взаимоотношения двух стран и оказывает воздействие на сознание читателей.

Итак, анализ медиатекстов телеканала «Дождь», освещающих международную деятельность В.В. Путина и Си Цзиньпина в области экономики и торговли, показал, что адресант (автор и издание в целом) для выражения своего субъективного знания или интенции использует ре-

чевые стратегии противостояния, сопоставления, неясности, чтобы сообщить о сотрудничестве между Китаем и Россией с негативной стороны, не давая представление о дружбе двух стран. В то время, как в государственных СМИ можно найти освещение этой темы с положительной оценкой. Ср.: *Газовый контракт с Китаем позволяет России создать ситуацию более устойчивую с точки зрения позиционирования на мировом рынке энергоресурсов* (РИА Новости. 24.05.2014). Таким образом, направленность издания и интенция адресанта взаимосвязаны, что и влияет на выбор стратегий, тактик и языковых средств. Результаты нашего исследования помогут читателям лучше распознавать намеренные адресанта или субъективное значение сообщений в оппозиционном СМИ «Дождь».

Список литературы

1. Беневоленская Н.П., У Сяохун. Тема борьбы с коронавирусом в текстах российских СМИ (анализ речевого воздействия) // Филология и культура. *Philology and culture*. 2021. № 1(63). С. 7–15.
2. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 7–21.
3. Серль Дж.П. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151–169.
4. У Сяохун. Речевые стратегии и тактики в текстах российских СМИ, отражающих сотрудничество Китая и России в борьбе с коронавирусом // Когнитивные исследования языка. М.: ФЛИНТА, 2021. Вып. 3 (46). С. 743–747.
5. Neale S. H.P. Grice (1913–1988) // *A Companion to Analytic Philosophy* / Ed. by A.P. Martinich, D. Sosa. Oxford: Blackwell, 2005. P. 254–273.

SPEECH STRATEGIES AND TACTICS OF EXPRESSING SUBJECTIVE VALUES IN NEWS TEXTS OF THE OPPOSITION PUBLICATION "RAIN" (Dozhd) COVERING RUSSIAN-CHINESE COOPERATION

© *Wu Xiaohong*

The article discusses media texts covering the international activities of V.V. Putin and Xi Jinping in the field of economics and trade. The purpose of our work is based on the theory of G.P. Grice on the subjective meaning of studying the intention of the corporate addressee (author and publication) and the speech strategies and tactics used by him in the news texts of the opposition publication Dozhd. The

descriptive method and content analysis made it possible to establish that the addressee is not aimed at promoting friendly relations between China and Russia and resorts to speech strategies of confrontation, comparison, ambiguity, which are implemented through the tactics of denial, references to authoritative opinion, comparisons and uncertainty, as well as with using the lexical and syntactic means of the Russian language.

Keywords: subjective meaning, addressee, media text, opposition media, speech strategies and tactics.

ЭФЕМИСТИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ СУБЪЕКТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© *Е.А. Фефелова*

Данная статья посвящена рассмотрению эфемистических номинаций субъектов экономических отношений. Определен эфемистический статус номинаций и способы их формирования.

Ключевые слова: эфемизм, экономический дискурс.

Коренное изменение экономического уклада, начавшееся в России в конце XX в., не могло не отразиться на языке экономики. Языковой приметой новой эпохи стало использование в речи профессиональных экономистов и людей, вовлеченных в новые экономические отношения, большого количества эфемистических метафор, смягчающих и вуалирующих прямые наименования таких экономических операций и их субъектов, которые ранее считались неблагоприятными, нечестными, поэтому эфемистическая лексика экономического подязыка требует изучения и систематизации с лингвистической точки зрения. Изучаемые номинации образуют особую совокупность единиц, где каждая тематическая подгруппа может включать в свой состав не только терминологические лексемы или словосочетания, но и жаргонизмы, аббревиатуры и даже невербальные знаки, в связи с чем встает вопрос о статусе эфемистических номинаций в обозначенном ракурсе.

Данная статья посвящена исследованию номинаций субъектов экономических отношений. Поскольку особенно широкое распространение эфемизмы получили в сфере биржевых отношений и экономической безопасности, в данном исследовании под субъектами экономических отношений мы будем иметь в виду участников разного рода биржевых операций, а также субъектов коррупционных отношений. В ходе исследования было выявлено и проанализировано 38 эфемизмов в русском языке и 23 их английских аналога.

Номинации, принадлежащие к тематической подгруппе «Субъекты биржевой игры», обозначают разных деятелей: инвесторов, трейдеров, брокеров и др. Следует отметить, что не все лексемы-эфемизмы являются терминами и находят своё отражение в актуальных терминологических словарях. Введение высокочастотного трейдинга, получившее своё развитие в Европе около 40 лет назад, и появившееся в России

только в начале 2000-х годов, привело к возникновению большого количества лексем, которые до сих пор не имеют русского эквивалента, зафиксированного в словаре.

В русском языке особое внимание стоит обратить на наименования-зоонимы, использование которых для обозначения участников финансового рынка достаточно частотно. Зоонимы тематической группы «Субъекты биржевой игры» в русском языке насчитывают 20 лексем. В основу метафорической номинации могут быть положены разные признаки: стратегия инвестирования, тактика поведения, опыт. Обратимся к подробному рассмотрению номинаций.

Самыми распространенными и самыми старыми переносными номинациями являются *быки* и *медведи*, метафорически именующие игроков по стратегии инвестирования. *Быки* – участники рынка, играющие на повышение, *медведи* – спекулянты, играющие на понижение рынка. Данные лексемы являются кальками с английских *bulls*, *bears* и не имеют синонимов. Отметим, что фактическое происхождение данных лексем неизвестно, однако существует несколько наиболее распространенных объяснений. Так, считается, что в основе именованя биржевых брокеров лежит принцип атаки животных: бык атакует, поднимая на свои рога вверх, на воздух, а медведь накидывается сверху вниз, стараясь вбить соперника в землю. Эти действия метафорически связаны с движением рынка. Стоит особо отметить, что в языке трейдинга используются производные единицы, например *бычара*, *бычий*.

К номинациям, символизирующим опыт трейдера или брокера, можно отнести лексемы *волк*, *акула*, *хомяк*, *планктон*. *Волком* называется опытный трейдер, закрывающий большую часть сделок с прибылью. Самых успешных и опытных инвесторов называют *акулами*; помимо фундаментальных и технических знаний, акулы обладают тонким чутьём, которое позволяет увидеть прибыльную сделку там, где другие её не замечают. Новичков за склонность впасть в панику называют *хомяками*, а также *планктоном* или *кормом*: образно говоря, они идут на корм опытным торговцам. Но *хомяками* по-русски часто называют и таких игроков, которые в англоязычной традиции именуется *lemmings* [Кого называют хомяком на бирже?]. Опытных инвесторов в английском языке называют *angel investors* (рус. *ангелы*) [5 Types of Investors].

Биржевых новичков называют также *мамкиными инвесторами* или *диванными аналитиками*: это люди, не разбирающиеся в биржевых процессах, однако охотно раздающие советы, как правило, читателям своих блогов. Мамкины (папкины) инвесторы часто имеют теоретиче-

ские, а не фактические знания о бирже. Выражение *диванный аналитик* схоже с известными выражениями *диванный критик* и *диванные войска*, в которых «служат» люди, не имеющие действительного представления о предмете разговора, а *мамкины инвесторы*, в свою очередь, как дети, опираются на жизненный опыт родителей (мамы).

Самая многочисленная группа – номинации, символизирующие тактику поведения игрока биржи. По особенностям поведения называются преимущественно неудачливые игроки, а биржевая удача приписывается опыту и не связывается с конкретной тактикой.

Тигровая, или свинговая, торговля характеризуется долгосрочным удерживанием открытой сделки. Аналогия с тигром является уместной, так как одно из достоинств тигра – терпение при выслеживании добычи [Форекс-стратегия Tiger Trading]. Метафорой *овцы* обозначают сомневающихся трейдеров, которые долго не могут определиться с продажей или покупкой активов. Когда биржевые овцы терпят убытки, опытные спекулянты говорят: «остригли овцу» [Что символизируют разные животные]. *Свиньями* называют жадных трейдеров, которые не могут вовремя остановиться и забрать прибыль. Такие игроки больше всего нацелены на получение прибыли, поэтому безответственно подходят к сумме вложений и качеству приобретаемых акций [Азбука трейдера]. Согласно другим источникам, игроков, придерживающихся такой тактики, называют *кабанам* [Краткий словарь биржевого сленга]. *Зайцами* именуются игроки, которые совершают большое количество быстрых сделок, играя на колебаниях курсов и их нестабильности. Подобная позиция на рынке является не самой удачной, поскольку нетерпеливость может обернуться большими убытками. За брокерами, которые постоянно повторяют ошибки, закрепилась номинация *лемминги*. Согласно одному из распространенных заблуждений, эти мелкие грызуны раз в несколько лет совершают массовое самоубийство для контроля популяции. Несмотря на то, что биологи этот миф уже развенчали, ироничная поговорка о том, что миллионы леммингов не могут ошибаться, осталась. На бирже такая стратегия массового поведения нерезультативна [Вы «бык», «медведь» или «лемминг»?]. *Страусы* бездействуют на рынке, игнорируя негативные новости, и надеются, что ситуация выправится сама собой [Животные-символы игры на бирже: быки, медведи и все-все-все]. Трейдеров, чья торговля нередко ведёт к серьёзным финансовым потерям и банкротству, называют также *хромыми утками* [Зоопарк финансиста: о леммингах, страусах и многих других животных], а мелких спекулянтов-неудачников – *муффонами* [Муффоны].

Для брокеров, которые регулярно несут убытки, в русском языке используются номинации *олени* и *лоси*. Лексема *лось* возникла в русском языке как отражение английского слова *loss* ‘убыток’, лексема *олень* – по аналогии с *лось*. На биржевом рынке таких игроков очень много, поэтому существует масса производных выражений: например, *лося* можно *ловить*, *кормить*, *резать*, *пасти*, *выращивать* и даже *спать с лосем* (случай, когда убыточная позиция переносится на следующий день). Кроме того, *лось* может обозначать не биржевого игрока, а именно потерю им денежных средств.

В английском языке наименования трейдеров по тактике поведения в основном сходны с русскими. Номинации *bulls*, *bears* находят широкое употребление не только в языке, но и в культуре в целом. Лексемы широко используются, представляют собой термины, о чем свидетельствует их закрепление в словарях экономической тематики. Менее распространенными по употреблению являются номинации *rabbits* (кролики), *turtles* (черепахи), *pigs* (свиньи), *ostrich* (страус), *sheep* (овцы), *stags* (олени), *wolves* (волки), *lame ducks* (хромые утки), *hawk and dove* (ястреб и голубь), *whales* (киты), *sharks* (акулы). Отметим, что подавляющее большинство номинаций совпадает по значению с русскими аналогами: русские выражения являются кальками английских, что может быть объяснено глобализацией и большим влиянием англоязычных стран на мировой бирже.

Обратим внимание на английские номинации, отсутствующие в русском языке. Осторожных инвесторов называют *ostrich* (рус. *страус*), что может быть объяснено каноническим представлением носителей языка о поведении животного: в непонятной ситуации страус закапывается головой в песок, таким образом как бы избегая проблемы. Также поступает и новичок трейдинга – пасует при волнениях на рынке. *Hawk* и *dove* – номинации, используемые для описания лиц, которые занимают определенную позицию в различных экономических ситуациях. «Ястреб», как птица-хищник, хочет занять жесткую позицию, в то время как «голубь», птица мира, хочет уладить вопросы без конфликта.

Некоторые номинации отражают особенности тактики игроков в плане их специализации на торговле активами того или иного типа. Крупные инвесторы, чаще всего хедж-фонды или национальные фонды инвестиций, способные влиять на биржевые цены, носят название *китов* [Зоопарк финансиста: о леммингах, страусах и многих других животных]. Номинация *цыпленок* применяется по отношению к осторожному брокеру, использующему в основном консервативные инструмен-

ты рынка, например работающему преимущественно с государственными облигациями. Трейдеров, специализирующихся на покупке золота, называют *золотыми жуками*. Выражение *золотой жук* может иметь отрицательную коннотацию, если уверенность инвестора в том, что золото будет подниматься, представляется необоснованной. Выражение схоже с номинацией *permabull* ‘вечный бык’, за исключением того, что относится к трейдерам, покупающим золото. Однако обычно коннотация выражения *золотой жук* нейтральна [Кто такие золотые жуки] и соответствует номинации *a gold bug* в английском языке.

Зоонимы используются для именования не только биржевых брокеров, но и других участников различных экономических операций. Так, консультанта, который при помощи агрессивных стратегий помогает компании избежать невыгодного поглощения, называют *пчелой-убийцей* или *репеллентом для акул* (*Killer Bees / Shark Repellents*) [Краткий словарь биржевого сленга]. *Жирным котом* (*a fat cat*) называют компанию, получающую сверхприбыль благодаря финансированию рискованных сделок [Fat Cat].

В подгруппе «Субъекты биржевой игры» есть и метафорические номинации, не представляющие собой зоонимов. Так, крупных, агрессивных игроков часто называют *кулаками*, *хозяевами* или *смотрящими*, игроков, задающих тон рынка, так называемых маркет-мейкеров, – *кукловодными*. Последняя лексема дает производные *кукловодить*, *куклить* – манипулировать ценами. Крупных покупателей на бирже именуют *кульцами*. Неофициальный биржевой посредник носит название *кулисы*: он работает за кулисами, проводя сделки вне официальной обстановки, негласно. Для биржевых брокеров, играющих на повышение, используется номинация *космонавты*. Эта лексема схожа с зоонимом *бык*, но не получила такой большой известности [Зоопарк финансиста: о леммингах, страусах и многих других животных]. *Страшным человеком* называют инвестора, совершающего крупные сделки с большой долей риска, *динамитчиком* – энергичного торговца, продающего ненадежные товары и ценные бумаги [Динамитчик], *танцором на могиле* – инвестора, ищущего выгоды от покупки ценных бумаг проблемных, разорившихся компаний. В основу каждой метафоры кладется определенный признак: так, *страшный человек* пугает других трейдеров своими рискованными решениями, *динамитчик* продает активы, которые могут принести убытки покупателю, а *танцор на могиле* наживается на банкротстве компаний.

За финансовым консультантом закрепилась номинация *астролог*, причем эта номинация имеет не только переносное, но и прямое значе-

ние: так, реальные астрологические прогнозы давно используются на бирже. В 1982 году астролог Рэймонд Мэрриман создал на этом целый бизнес, основав компанию Merriman Market Analyst. Его компания публикует прогнозы цен активов на основе движения планет [Звездные аналитики].

Игроки, совершающие в течение одной торговой сессии множество сделок с минимальной прибылью каждая, называются *скальперами*: их тактика сравнивается с аккуратной работой хирурга скальпелем [Что такое скалпинг]. Скальперов также называют *черепашками*, а скальперов, которые так сильно увлекаются игрой, что не могут без неё обходиться, – *мышечными наркоманами* (от названия компьютерного приспособления *мышь*, т.к. сделки совершаются при помощи компьютера). Номинация *scalpers* в английском языке также означает трейдера, совершающего большое количество сделок за короткий период.

Особо отметим специфическую подгруппу русских зоонимов, аналога которой нет в английском языке, – лексемы, называющие коррупционеров. В русской действительности анималистическая метафора встречается при описании коррупционных отношений в разных сферах экономической деятельности. *Динозаврами* называют людей, практикующих коррупцию на протяжении долгого времени. Динозавры получают материальную выгоду от кандидатов на работу, сдачи в аренду корпоративных офисных помещений в личных целях, выплату завышенного вознаграждения «нужным» членам совета директоров. В основу метафорической номинации кладётся факт длительности существования коррупционной схемы. *Хищники* – коррупционеры органов государственной власти (таможенной службы, пожарной инспекции, правоохранительных органов), вымогающие деньги у бизнесменов. Хищникам присуще довольно наглое вымогательство. Владельцы бизнесов часто не могут дать отпор и соглашаются на подобную аферу. Именно стремление к доминированию, подавлению жертвы и составляет суть метафоры. *Грызунами* называют работников бизнеса, использующих ресурсы компании для получения собственной выгоды. Например, сотрудники региональных подразделений компаний иногда получают комиссионные от поставщиков или покупателей, а руководители тратят средства компании на покупки дорогих автомобилей, организацию личных поездок и так далее. *Грызуны* представляются мелкими вредителями, приносящими урон компании. Характерный для России тип коррупционеров – *пингвины*. Это люди, использующие в коррупционных целях личные отношения: нанимающие на работу родственников, при-

влекающие поставщиков, находящихся в дружественных отношениях с руководством и т.п. Подобные действия часто не воспринимаются самими *пингвинами* как коррупция. В природе пингины – коллективные животные и живут не просто семействами или стаями, а образуют целые птичьи колонии, которые могут достигать численности до миллиона особей, что и обуславливает появившуюся анималистическую метафору, называющую коррупционеров, окружающих себя родственниками и друзьями. Отметим, что употребления в СМИ лексем *грызуны* и *пингины* найдено не было, однако номинация употребляется в некоторых экономических статьях, посвященных описанию видов коррупции в России [6 видов коррупции в России].

Обратимся к эвфемистической функции рассмотренных лексем. Анималистические метафорические номинации человека отражают социальные, культурные и индивидуальные предпочтения нации. Естественный интерес человека к денотативному компоненту значений имен животных, которые имеют потенциальные, не закодированные в словарных толкованиях признаки, дает импульс для реализации новых переносов, в данном случае в экономическом дискурсе. Механизм порождения эвфемизмов основан на признаках денотата, как включенных, так и не включенных в семный состав прямого номинативного значения. Так, динозавры – древние, вымершие животные, и то, что их трудно представить, обеспечивает размытие денотата при использовании метафорической номинации. В номинации *хищники* отмечается сформированный стереотип о том, что они – обитатели дикой природы, которых так же, как и динозавров представляется мало возможным встретить. Следовательно, можно констатировать главный признак эвфемизма – улучшение денотата, которое состоит, таким образом, в нереальности события. Улучшение денотата в номинации *грызуны* основано на литоте, то есть нарочитом преуменьшении: грызуны-коррупционеры не приносят значительного, осязаемого вреда в большой компании. Улучшение денотата в эвфемизме *пингины* основано на переносе ответственности на коллектив: один человек перестает быть виноватым в большой системе.

Говоря о терминологическом статусе лексем, отметим, что в терминологических словарях их дефиниции отсутствуют, однако употребление в СМИ и фиксация в статьях на тему коррупции позволяют нам отнести рассматриваемые зоонимы к профессионализмам.

Таким образом, мы рассмотрели номинации субъектов некоторых типов экономических отношений, а именно биржевой игры и коррупционных отношений. Изученные номинации имеют разный статус в

профессиональном языке. Такие лексемы, как *бык*, *волк*, *медведь* давно вошли в терминосистему; эти номинации закреплены как в русских, так и в англоязычных терминологических словарях. В то же время многие лексемы, найденные в материалах авторитетных СМИ, не фиксируются в словарях, что не позволяет на данном этапе развития экономического языка отнести их к терминам. Таковы, например, лексема *тигр* и его производное *тигровая торговля*. Подобные номинации мы можем отнести к термиоидам, поскольку они не отвечают требованиям, предъявляемым к терминам.

Среди рассмотренных лексем большинство единиц (26 в русском языке и 20 в английском) составляют зоонимы, следовательно, языковым механизмом формирования эвфемизмов выступает метафора. Приписывание субъектам биржевой игры характеристик, соответствующих поведению различных животных, позволяет улучшать денотат, т.к. отрицательные качества субъектов не называются прямо. Также отметим, что в русском языке, в отличие от английского, является частотным использование зоонимов в сфере экономических правонарушений.

Список источников

1. Кого называют хомяком на бирже? // По заветам Грэма-Баффета [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.com/media/graham_baffett_investment_rules2020/kogo-nazyvaiut-homiakom-na-birje-rasskazyvaiu-otkuda-poshlo-prozvisce-i-chto-ono-oznachaet-5f801dc05dbc67260c50577b (дата обращения: 10.10.2021).
2. 5 Type of Investors // Larta Institute: Let`s feed, fuel & heal the world. Blog. September, 16, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://larta.org/idea/5-types-of-investors/> (дата обращения: 10.10.2021).
3. Форекс-стратегия Tiger Trading // Finansplay [Электронный ресурс]. URL: https://finansplay.com/strategy/foreks_strategiya_tiger_trading.html (дата обращения: 10.10.2021).
4. Что символизируют разные животные [Электронный ресурс]. URL: <https://binaroption.com/stati/556-zoopark-v-trejdinge-chto-simvoliziruyut-raznyezhivotnye> (дата обращения: 10.10.2021).
5. Азбука трейдера: интернет-журнал для трейдеров и инвесторов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.azbukatrejdera.ru/svini.html> (дата обращения: 10.10.2021).
6. Краткий словарь биржевого сленга // SMART-LAB. Чат. 19 января 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-lab.ru/blog/588059.php> (дата обращения: 10.10.2021).
7. Вы «бык», «медведь» или «лемминг»? // MONSTER TRADERS. PROТрейдинг [Электронный ресурс]. URL: <https://monstertraders.io/protrading/byki-i-medvedi.html> (дата обращения: 25.12.2018).

8. Животные-символы игры на бирже: быки, медведи и все-все-все // CRYPTO FOX. База знаний [Электронный ресурс]. URL: <https://crypto-fox.ru/faq/zhivotnye-simvol-y-na-birzhe/> (дата обращения: 10.10.2017).

9. Зоопарк финансиста: о леммингах, страусах и многих других животных // BCS EXPRESS. Обучение [Электронный ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/zoopark-finansista-o-lemmingakh-strausakh-i-mnogikh-drugikh-zhivotnykh> (дата обращения: 29.03.2018).

10. Муфлоны // Economy-Ru.com [Электронный ресурс]. URL: <https://economy-ru.com/birjevoe-delo-birja/muflonyi.html> (дата обращения: 10.10.2021).

11. Кто такие золотые жуки // Золотой запас [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zolotoy-zapas.ru/why-gold-coins/useful/kto-takie-zolotye-zhuki/> (дата обращения: 10.10.2021).

12. Краткий словарь биржевого сленга [Электронный ресурс]. URL: <https://smart-lab.ru/blog/588059.php> (дата обращения: 10.10.2021).

13. Fat Cat // Investopedia. Business Leaders. Rich & powerful [Электронный ресурс]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/f/fatcat.asp> (дата обращения: 10.10.2021).

14. Динамитчик // Финанс. Словари [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finam.ru/Dictionary/WordF010D9/> (дата обращения: 10.10.2021).

15. Звездные аналитики // Финансы. № 176. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/09/26/57e50e789a794717d33bba62> (дата обращения: 26.09.2016).

16. 6 видов коррупции в России [Электронный ресурс]. URL: <http://old.ekb-security.ru/publications/4604-6.html> (дата обращения: 10.10.2021).

EUPHEMISTIC NOMINATIONS OF THE SUBJECTS IN THE ECONOMIC DISCOURSE

© *E.A. Fefelova*

This article deals with the consideration of euphemistic nominations of subjects in the economic discourse. The euphemistic status of the nominations and the ways of their formation are determined.

Keywords: euphemism, economic discourse.

КЛАССИФИКАЦИЯ ОФИЦИАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ: ШИРОКАЯ И УЗКАЯ ТРАКТОВКА¹

© *Е.А. Фивейская*

В отечественной лексикографии существуют различные точки зрения относительно понятия «официальный язык». В узком смысле к нему относятся слова официально-делового стиля законодательных текстов, делопроизводства, деловой переписки; в широком смысле также включаются общие термины права, политики, экономики и некоторых других сфер общественной жизни. Статья посвящена анализу лексического массива с точки зрения широты интерпретации понятия официально-языка в различных толковых словарях, при этом за основу сравнения берутся материалы «Словаря русского языка XXI века». Большинство крупных толковых словарей общего типа выделяет официально-деловую лексику в отдельный разряд, обычно при помощи пометы «Офиц.» или, реже, сочетания помет. Тематическим и специальным словарям, тезаурусам свойственна более широкая и не всегда однозначная трактовка официального лексикона, охватывающая лексику смежных областей, а также отчасти общеупотребительную лексику.

Ключевые слова: официальный язык, официально-деловая лексика, лексикография, словарь, функционально-стилистические пометы.

Официальный (официально-деловой) язык обеспечивает коммуникацию в официальной сфере между различными организациями и учреждениями, между юридическими и физическими лицами, внутри страны и между государствами. В отечественной науке существует два основных традиционных представления об официальной лексике. В **узком смысле** это слова официально-делового стиля законодательных текстов, делопроизводства, деловой переписки, в **широком смысле** к ним добавляются общие термины права, политики, экономики и некоторых других сфер общественной жизни. Существуют и смешанные варианты трактовок. Так, Т.В. Жеребило к лексике официально-делового стиля относит: 1) официально-деловую терминологию, не имеющую синонимов в общеупотребительной лексике: *закон, конституция, паспорт, декрет, заявление*; 2) узкоспециальную юридическую терминологию: *санкция, истец, кодифика-*

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований» (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г. Н. Складневской).

ция; 3) канцеляризмы: *нижеподписавшийся, вышеозначенный, поименованный* [Жеребило 2010: 172].

Данная статья посвящена анализу лексического массива с точки зрения широты трактовки понятия официального языка в различных толковых словарях, причем за основу сравнения берутся материалы «Словаря русского языка XXI века» (далее – Словарь). Словарь создается в РГПУ им. А.И. Герцена коллективом лексикографов под руководством Г.Н. Скляревской. Авторы ставят перед собой задачу описания современного русского языка «во всем его многообразии и с максимальной полнотой». Значительная часть Словаря на данный момент составлена в черновом виде, опубликован «Проект» Словаря [Проект XXI], подготовлены к печати 1-ый и 2-ой том (буквы *А* и *Б*), готовится к печати 3-ий том (буква *В*).

Для официальной лексики в Словаре используется помета *Офиц.* (официальное), которая ставится «при словах официальной сферы употребления, в которую входят государственные постановления, правительственные заявления, дипломатические документы и т.п., а также маркирует лексику деловых бумаг (приказов, повесток, ведомостей, актов и т.п.)» [Проект XXI: 77]. На данный момент в Словаре разработано в общей сложности около пятисот пятидесяти единиц (слов, словосочетаний, аббревиатур) с пометой *Офиц.* – знаменательные части речи, предлоги, союзы, устойчивые словосочетания (словник находится в процессе доработки). Устойчивые словосочетания размещаются в словарной статье за знаком «треугольник» Δ. Приведем некоторые примеры словарных статей из материалов Словаря (об особенностях подачи грамматической, семантической, стилистической и т.п. информации подробно описано в [Проект XXI]).

благопри'ятствование, я, ср.

Офиц. Создание благоприятных условий для чего-л., покровительство. *Принципы благоприятствования. Информационное б. СМИ по отношению к некоторым политическим фигурам.* Δ Режим наибольшего благоприятствования (принцип торгово-экономических отношений между государствами: предоставление одним государством другому не менее благоприятных условий — прав, преимуществ и льгот, чем оно предоставляет или предоставит в будущем любому третьему государству).

бюдж'етный, ая, ое; тен, тна, о.

Фин. 1. только *полн. ф.* Относящийся к бюджету (1 зн.), связанный с ним. *Бюджетные источники. Бюджетные потери. Бюджетная политика европейского экономического сообщества. Бюджетное законодательство.*

<...> Δ Бюджетная инициатива *Офиц.* (внесение изменений в представленный правительством проект бюджета членами парламента). <...>

взим'ать, 'аю, 'аешь, *нсв.*

Офиц. Брать плату. *В.* акцизы с экспортируемых товаров. Терминал взимает три процента с платежей. За предоставление информации взимается небольшая сумма. Комиссионные, взимаемые с операций по кредитным картам.

во исполн'ение, *предлог с род.*

Офиц. Употр. при обозначении законодательного акта, документа, распоряжения и т. п., в соответствии с которым совершаются какие-л. действия. *Имущество, арестованное во исполнение судебных актов. Проверка осуществляется во исполнение распоряжения Кабинета Министров. Во исполнение поручения Президента в республике начались экологические проверки.*

востр'ебовать, бую, буешь, *св;* что.

Офиц. Потребовать выдачи чего-л. *В.* багаж. Победитель востребовал свою награду. Банк востребовал долг с компании.

директ'ива, *ы, ж.* [франц. directive < лат. dīrēctus прямой, непосредственный < dīrigere направлять]

1. *Офиц.* Указание, распоряжение вышестоящего органа или должностного лица, обязательное для выполнения. *Директивы центра. Д.* за подписью министра обороны. *Д.* Генштаба особой важности. Действовать согласно директивам руководства. Спустить директиву исполнительным органам. <...>

засл'ушать, аю, аешь, *св;* засл'ушивать, аю, аешь, *нсв.*

Офиц. Выслушать что-л. публично оглашаемое, кого-л. выступающего на собрании, заседании и т. п. *На конференции был заслушан доклад известного академика. Начальник охраны заслушал рапорты подчиненных. Суд заслушивает показания истца.*

надлеж'ащий, ая, ее.

Офиц. Должный, соответствующий. *Належащее исполнение обязательств по договору. Товар надлежащего качества. Обеспечить надлежащую безопасность. Без надлежащей подготовки горный маршрут проходить не рекомендуется.*

на предм'ет, *предлог с род.*

Офиц. Употр. при обозначении цели действия. *Инвентаризация оборудования на предмет реконструкции. Освидетельствование на предмет алкогольно-го опьянения. Проверка реестра на предмет выявления подозрительных записей. Расследование на предмет растраты казенных денег.*

уполном'оченный¹, ая, ое.

Офиц. Наделенный, обладающий какими-л. полномочиями (1 зн.); полномочный. *У. представитель фирмы. Уполномоченная компания. Уполномоченная служба по опеке и попечительству. Уполномоченные государственные органы.*

уполном'оченный², ого, м.

Офиц. Доверенное лицо, действующее на основании каких-л. полномочий (1 зн.). *У. по вопросам здравоохранения. Подпись уполномоченного. Занимать должность уполномоченного. Участковый у. обеспечивает охрану порядка.*

Как видно из приведенных примеров, понятие официального языка трактуется в Словаре достаточно узко.

Представление официального-деловой лексики в основных толковых словарях русского языка XX века. Большинство крупных толковых словарей выделяет официально-деловую лексику в отдельный разряд (исключение составляет БАС (Большой академический словарь русского языка), включающий официальную лексику, но не маркирующий ее): при помощи пометы *Офиц.* (слова, свойственные «речи официальных отношений, а также речи канцелярско-административной» [СО: 7]) – Словарь С.И. Ожегова [СО], Словарь С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой [СОШ], Большой толковый словарь С.А. Кузнецова [БТС]; используя пометы *Офиц.* и *Офиц.-Дел.* («официальное для актов различного характера и официально-деловое для документов» [МАС: 9–10]); используя пометы *Офиц.* (язык правительственных актов, постановлений, официальных бумаг и т.п.) и *Канц.* (язык, «свойственный канцелярскому, деловому слогу» [СУ: 27]).

В соответствии с данными, представленными в статье О.Н. Емельяновой [Емельянова 2014: 115–119], доля официально-деловой лексики в толковых словарях сравнительно невелика: МАС – всего порядка сорока вокабул, например: *бракосочетание, сограждане, содеять, убыть, ведение, востребовать, домовладение, квартиросъемщик*; Словарь Ожегова – чуть более 200 вокабул; Словарь Ожегова, Шведовой – около 250 вокабул, например: *бесхозный, брифинг, воссоединить, дачевладелец, касательство, меморандум, накладная, предоплата, респондент, содеять, трудоустройство*; Словарь Ушакова – около 1600 единиц с пометой *Офиц.* и около 260 единиц с пометой *Канц.* Причем многие из них имеют дополнительную стилистическую окраску в виде помет *Загр.* (*контрассигновать с гнездом*), *Дореволюц.* (*благоугодно, августейший, всемилостивейший*), *Устар.* (*воспоследовать, вчинить, жительство-*

вать), Церк. (вероисповедный, высокопреосвященство), Нов. (горсовет, довыборы, заводоуправление, жакт, завхоз), а некоторые отмечены сразу двумя пометами *Офиц.* и *Канц.*, например: *ведение, заавансировать, нижеподписавшийся, истребовать, протоколировать*. Также значительное количество официальных слов отмечается в Словаре Ушакова как принадлежащие к различным общественным сферам: *бездоходный, землеустроительный (офиц. экон.), безошлинный (торг. офиц.), держава, казарма (офиц. воен.)*.

Таким образом, в толковых словарях общего типа понятие официального языка трактуется по-разному — в одних строго, в других достаточно широко и не всегда однозначно.

Тематическим и специальным толковым словарям свойственна более широкая трактовка понятия «официальный язык» с включением в него лексики смежных областей (право, экономика, финансы и др.).

Одним из таких тематических словарей является словарь «Современная официальная лексика: краткий словарь» [Фивейская 2014]. Назначение этого словаря — дать описание основных и наиболее актуальных понятий и терминов современного русского языка, используемых в официальном общении. Основу словника составляет лексика следующих тематических групп: лексика официально-деловых текстов, делопроизводства (*адресат, академические свободы, взыскание, ГОСТ, градостроительство, директор, занятость, застройщик, известить, предъявить, убыть*); политика, социальное устройство (*автономизация, вето, голосовать, государственность, гражданство, лоббировать, парламентарий, пикетировать, совещательный голос*); экономика, финансовое дело, коммерция (*аванс, авизо, аккордный, безналичный, бонусный, бюджетный, валовой внутренний продукт, вычет, государственный заказ, дебетовать, инвестировать, клиринг, коммунальное хозяйство, кредитовать, лизинговый, НДС*); юридическая терминология (*аболиция, арбитражный, визирование, даритель, иск, земельный кадастр, кассация, наследовать, нотариальный, ОСАГО, патентообладатель, петиция, уголовный*). Также в словарь включены некоторые общеупотребительные слова и устойчивые словосочетания, широко используемые в официальных текстах (*аппарат, ведомство, гарантия, гербовый, должность, номенклатура, паспорт, реформа*) [Фивейская 2014: 4–5].

Интересное описание языка делового взаимодействия, выходящего за рамки официального и во многом смыкающегося с финансово-экономическим, дано в книге «Рабочие материалы к словарю делового русского языка» под редакцией С.А. Коваля и М.А. Сторчевского [Коваль 2007].

Представление официальной лексики в сети Интернет. В «Тезаурусе русской деловой лексики» [ТРДЛ] при большинстве вокабул даны объяснительное толкование и синонимы, а также отсылки на словарные статьи из других онлайн-словарей. Присутствуют как собственно официальные слова (*адресат, аппарат* ‘органы управления...’, *табель*), так и финансовые термины (*аккредитив, акционер, ассигновать, тариф*), экономические (*арендодатель, товарный знак, торговая марка*), финансово-экономические (*амортизация* ‘износ’), юридические (*арбитраж*), финансово-юридические (*трансферт*), научные и технические (*агрегация* ‘соединение частей’, *передатчик*), а также значительное количество общеупотребительных единиц, как правило, иноязычного происхождения (*анонимный, ассортимент, таможня, темперамент, транспортабельный, трансформация* и др.).

Лексическим единством словника характеризуются **краткие словари-справочники**, ограниченные малым объемом и перечисляющие самые основные понятия официально-деловой сферы. «Краткий словарь терминов, используемых в официально-деловом стиле» [КСТ ОДС] содержит порядка 120 слов и устойчивых сочетаний с толкованиями (*делопроизводство, документооборот, корреспондент, повестка, спецификация* и др.). «Краткий словарь делового человека» [Рахманин 1997] включает в себе около 80 вокабул с толкованиями (*адресат, виза, гриф, извещение, корреспондент, опись, протокол, резолюция, юридическое лицо* и др.).

Список литературы

1. БТС – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
2. Емельянова О.Н. Официально-деловая лексика в толковых словарях современного русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 2 (28). С. 115–119.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Коваль 2007 – Рабочие материалы к словарю делового русского языка / Под ред. С.А. Ковалья, М.А. Сторчевского. СПб.: Изд-во СПбГУ, факультет филологии и искусств, 2007. 276 с.
5. КСТ ОДС – Краткий словарь терминов, используемых в официально-деловом стиле. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberpedia.su/13x15173.html> (дата обращения 05.11.2021).
6. МАС (Малый академический словарь) – Словарь русского языка: в 4 т. АН СССР / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981–1984.
7. Проект XXI — Словарь русского языка XXI века: Проект / Под ред. Г.Н. Склярской. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 143 с.

8. Рахманин Л.В. Краткий словарь делового человека // В кн.: Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М.: Высшая школа, 1997. С. 11–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/2838064/page:22/> (дата обращения 05.11.2021).

9. СО (Словарь Ожегова) – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Сов. энци., 1961. 900 с.

10. СОШ (Словарь Ожегова, Шведовой) – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

11. СУ (Словарь Ушакова) – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

12. ТРДЛ – Тезаурус русской деловой лексики. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/rus/tezaurus-del.html> (дата обращения 05.11.2021).

13. Фивейская Е.А., Севастьянова Н.Д. Современная официальная лексика: краткий словарь. СПб.: филол. фак. СПбГУ, 2014. 352 с.

CLASSIFICATION OF THE OFFICIAL LANGUAGE IN RUSSIAN LEXICOGRAPHY: NARROW AND WIDE INTERPRETATION

© *E.A. Fiveiskaya*

In Russian lexicography, there are different points of view regarding the official language. In a narrow sense, these are words of the official style of legislative texts, office work, business correspondence; in a broad sense, general terms of law, politics, economics and some other spheres of public life are added. The report is devoted to the analysis of the lexical array from the point of view of the width of official language interpretation in various explanatory dictionaries, the study being based primarily on the materials of the “Dictionary of the Russian language of the XXI century”. Most large dictionaries of general type assign official vocabulary to a separate category, usually marked with a tag “Offic.” or, less commonly, a combination of tags. Thematic and special dictionaries, thesauri tend to a broader and often rather ambiguous understanding of the notion, including vocabulary of related fields and, partly, common lexis.

Keywords: official language, business vocabulary, lexicography, dictionary, functional stylistic marks.

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВА «ТОБОЛ. МНОГО ЗВАННЫХ»

© *В.Б. Шавлюк*

© *В.С. Шевко*

Цель работы – изучение употребления устаревших слов в романе А. Иванова «Тобол. Много званных». В статье использованы эмпирический метод исследования (наблюдение, изучение разнообразных источников информации, а также анализ полученных сведений), описательный метод, метод сплошной выборки. В данной статье рассматриваются основные функции устаревших слов, среди которых именование явлений действительности описываемой эпохи; стилизация индивидуальной речи персонажей или речевых особенностей эпохи; создание комического эффекта при описании явлений действительности; формирование индивидуального авторского стиля.

Ключевые слова: историзм, архаизм, хронизм, устаревшая лексика, пассивный словарный запас, активный словарный запас.

Роман-пеплум А. Иванова «Тобол» представляет собой произведение, описывающее исторические события в период правления Петра I, повествует о жизни людей – представителей разных народов, населяющих Сибирь. Данный роман является образцом современного художественного литературного творчества: первый том произведения, «Тобол. Много званных», увидел свет в 2016 году, второй, «Тобол. Мало избранных», – в 2018 году. Произведение привлекает особое внимание наличием в нем специфической лексики, посредством которой А. Иванов погружает своих читателей в мир созданных им персонажей. На эту особенность стиля А. Иванова постоянно обращают внимание критики и читатели его произведений. Писатель, публицист, литературный критик Дмитрий Быков так характеризует прозу Иванова: «Бесчисленные вогульские словечки, все эти эруптаны и ургаланы, выполняют в книге ту же функцию – создают непостижимый мир, в котором значения, в общем, необязательны: читатель волен вчитывать их в текст самостоятельно, как самостоятельно представляет себе бокров и калушу» [Быков 2006: 3]. Читателю остается лишь самостоятельно разбираться, что же собой представляют данные неизвестные слова.

Схожие мысли звучат в цитируемых ниже фрагментах отзывов о романе «Много званных», размещенных на форуме «Отзовик» (сохранены орфография и пунктуация авторов, выступающих под псевдонимами, или никнеймами, wanit, Sandra-KS, хранья, Имя).

«Читается достаточно трудоемко и порой теряешь нить происходящего, уж очень много лишних описаний и к тому же книга изобилует старинными словечками, смысл которых далеко не всегда понятен» (wanit).

«В общем, куча топонимов, куча историзмов плюс непереверённая на русский язык речь Новицкого, уроженца Малороссии, которая не всегда была понятна...» (Имя).

«Язык у Иванова понятен, хотя в нем очень много исторических оборотов, свойственных тому времени» (хранья).

«А вот словечки, описывающие особенно быт орды меня, конечно, изрядно подгрузили. Да они погружают в эпоху, но запомнить все их значения оказалось выше моих сил. Я потом уж и забила на то, чтоб понимать, что они означают: общий смысл понятен и хорошо» (Sandra-KS) [Форум Отзовик: 8].

Читатели не только отмечают присутствие в тексте «Много званных» значительного количества «исторических оборотов», то есть устаревшей лексики, но и говорят о трудности их восприятия и правильного понимания.

Термин «устаревшая лексика» является обобщающим по отношению к терминам «архаизм» и «историзм».

«Архаизмы – слова, называющие существующие реалии, но вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными лексическими единицами» [Лингвистический... 1990: 4].

Е.Г. Михайлова подчеркивает особенность восприятия архаизмов носителями современного языка как стилистически значимых: «это динамическое языковое явление, воспринимаемое носителями языка как устаревшее, стилистически значимое, благодаря своей противопоставленности более употребительным нейтральным эквивалентам» [Михайлова 1987: 5].

«Историзмы – устаревшие слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали» [Словарь-справочник... 1976: 6].

Следует отметить, что некоторые исследователи выделяют еще одну лексико-семантическую разновидность устаревшей лексики – хронизмы, в которых «происходит изменение и в означаемом, и в означающем: частичное изменение означаемого, сужение или расширение предметной или предметной отнесенности и выход слова из активного употребления» [Солиева 1985: 7]. Хронизмы занимают промежуточное положение между архаизмами и историзмами. «В отличие от историзмов

здесь не исчезло означаемое, а в отличие от архаизмов вытесненным словам соответствуют слова, которые не находятся с ними ни в отношениях синонимии, ни в отношениях вариантности» [Солиева 1985: 7].

По словам В.Ф. Алтайской [Алтайская 1960: 2], хронизмы принадлежат пласту устаревшей лексики послеоктябрьского периода и имеют узкую сферу распространения: названия политических партий, членов партий, армии, состава армии, руководящих административных учреждений и возглавляющих их лиц.

Д.И. Алексеев выделяет хронизмы как особую разновидность историзмов и относит к ним все наименования, которые «архаизируются в связи с сознательными, преднамеренными переименованиями учреждений, организаций, городов и т.п.» [Алексеев 1974: 1]. Таким образом, ученый значительно расширяет сферу распространения данных лексических единиц, включая в нее названия единиц административно-территориального деления (*волость, губерния*), топонимы (*Петроград, Екатеринослав*), наименования общественно-политических, социально-экономических, научно-технических учреждений, организаций и их представителей (*Осоавиахим, РАПП, Пролеткульт, торгсин, ЭПРОН, эпроновец, комбедовец* и т.п.).

В ходе исследования использовалось традиционное деление устаревшей лексики на историзмы и архаизмы. Главным способом отбора фактического материала выступил метод сплошной выборки. Из текста первого тома «Тобола» было выделено 256 слов, среди которых 117 историзмов и 139 архаизмов. Эти слова выполняют в романе следующие функции.

Функция 1. Создание исторического фона: отражение предметного мира и понятий эпохи. Такое употребление историзмов и архаизмов свойственно произведениям на исторические темы. Реализация этой функции осуществляется в словоупотреблении как автора, так и персонажей произведения.

В приводимых ниже цитатах устаревшие слова называют характерные реалии петровской эпохи:

а) понятия, не свойственные современности: *Значит, на три года они не ясачные инородцы, а казенные крестьяне, и таковым положена барицина* – слова Толбузина. (Персонаж Агапон Иваныч Толбузин – березовский воевода, комендант.)

Солдаты-рекруты, вечно голодные на казенном харче, тёрлись в обжорном ряду; Челобитью воспротивился ещё первый русский посол Фёдор Байков, который прибыл в Пекин по указу царя Алексея Михайловича почти шестьдесят лет назад – речь автора.

б) предметы быта, явления: *Хозяева меняли армяки на зипуны, а телеги на сани; по скотным дворам забивали скотину – мясо уже можно было положить в погреб на лёд.*

Обычно А. Иванов включает в предложение устаревшее слово без каких-либо пояснений свойственного ему значения. *Через полгода пришёл указ выслать Аввакума Петрова вместе с женой и детьми в Енисейск, а там его отдали лютому воеводе Афанасию Пашкову, и Аввакум с пашковскими служилыми людьми уплыл в Даурию возводить заново Нерчинский острог, сожжённый тунгусским князьцом Гантимуром; За эти выгоды дружины остяков ходили в походы вместе с казачьими отрядами: строили остроги и давили мятежи самоеди, вогулов, селькупов и тунгусов.*

Иногда писатель вводит в текст устаревшие названия реалий, сопровождая их пояснениями, что придает роману черты энциклопедичности. *Однако жулики заводили корчмы – тайные винокурни; Длинный стол под скатертью, шандалы, две дюжины стульев, поставцы с посудой, стены, обитые обоями, слюдяные наборные окна в свинцовых рамах, зеркала, портьеры – слова автора. Архаизм шандал (синоним слова «подсвечник») в данном контексте употреблен без пояснений, раскрывающих его значение; сочетание слова поставец со словом посуда позволяет понять, что это какой-то предмет мебели, в котором хранится посуда.*

Несомненно, устаревшие слова используются автором для придания исторической достоверности описаниям бытовой стороны жизни и событий конкретного времени.

Функция 2. Изображение речи описываемой эпохи: стилизация словоупотребления отдельной личности или представителей определенной социальной группы. В изображении А. Иванова словоупотребление как предводителя раскольников (Авдоний), так и представителя традиционного духовенства (митрополит Филофей) характеризуется частым использованием устаревшей лексики, в особенности слов церковно-религиозной тематики (*агнец, пастырь*) и архаичных грамматических форм (*человече*).

В остроге на Иргень-озере, когда Пашков затеял стрыти протопопа, четверо праведных юношев бестрепетно остенили старца своими плещми и пояли Пашкову и шуйцу, и десницу; «Вот и привёл господь агнца к пастырю», – сказал он с удовлетворением» – слова Авдония.

Слова митрополита Филофея, занимавшегося крещением коренных жителей Сибири: *«Ладно, – согласился Филофей. – А ты не греши, человече»; Почто новокрещенов захолопил, Агапон Иваныч?*

Функция 3. Выражение разных видов комического (ирония, сарказм). Выражение речевой агрессии.

Ироническое отношение автора к российскому императору, сурово подавлявшему сопротивление его реформам, передается через архаичное название пантеры (*панфирь*) в сочетании с эпитетом *порфиросносный*, указывающим на принадлежность к царскому роду. *В том, что такие команды будут, никто не сомневался: тысячи, и тысячи, и тысячи народа не принимали Никоновой ереси, и царь Пётр, панфирь порфиросносный, не утихал в своём злоеистовстве.* А. Иванов рисует образ хищного зверя, облаченного в порфиру, то есть парадную мантию, которую носили монархи.

Продуктивно использование Ивановым устаревших слов для выражения речевой агрессии персонажей: *Но какая-нибудь подьячая сволочь нацарапает донос, чтобы выслужиться, и укудут меня в Преображенский приказ!* – слова С.У. Ремезова. Семен Ульянович Ремезов – глава семьи Ремезовых, зодчий, картограф, архитектор (архитектор). Подьячими в 16–18 вв. назывались писцы и канцелярские служащие. В данном контексте проявляется крайне негативное отношение героя к данному виду работников.

«Ишь ты, этот пистоль ещё укоряет меня!» – изумился Семён Ульянович; *«Помалкивай, аршин казённый!»* – сразу громыхнул Семён Ульяныч. Лексемы *пистоль*, *аршин* употребляются по отношению к жильцу в доме Ремезовых – Ивану Демарину, который осмеливается перечить хозяину дома, будучи значительно моложе его. Демарин находится на военной службе (отсюда наименование *пистоль*, то есть *пистолет*, и эпитет *казённый*), *аршином* он назван, потому что по своему телосложению длинный и тощий. Сарказм, свойственный Семену Ульяновичу, проявляется с помощью этих слов для выражения неприязненного отношения к Демарину.

Функция 4. Использование устаревшей лексики как средства формирования индивидуального стиля писателя. Включение устаревших лексем в речь персонажей логично, так как героям исторического романа следует говорить иначе, чем современникам писателя. В речи «от автора» могло использоваться слово активного запаса, но писатель предпочел ему более яркое изобразительно-выразительное средство – устаревшую лексему.

Это его сокровища, его вивлиофика, его святая Либерея! Фраза относится к повествованию о пожаре в мастерской С.У. Ремезова, для которого книги представляли огромную ценность. *Вивлиофикой* мог назвать свое собрание книг сам Ремезов. Использование архаизма вместо слова *библиотека* А. Иванов подчеркивает отношение персона-

жа к книгам, а также придает эмоциональности описываемому событию. Важно отметить, что для обозначения рода деятельности Ремезова А. Иванов использует архаизм *архитектон*, а не слово активного запаса *архитектор*.

Обер-фискал принимал подношения от *лихоимцев* и сжигал дела, заведённые *Нестеровым*, *провинциал-фискалом*. Здесь А. Иванов включает в предложение не только историзмы – названия должностей, но и архаизм, обозначающий взяточников, для придания повествованию историчности.

Таким образом, в романе «Тобол. Много званых» основными функциями устаревших слов являются: а) именование конкретных явлений описываемой эпохи; б) стилизация речи, свойственной описываемой эпохе; в) создание комического эффекта, выражение речевой агрессии; г) формирование индивидуального стиля писателя. Усвоение современными читателями устаревшей лексики способствует их приобщению к прошлому страны. Правильное понимание значений единиц устаревшей лексики необходимо для восприятия современными носителями русского языка как художественной, так и исторической литературы.

Список литературы

1. Алексеев Д.И. О функционировании и судьбе аббревиатурной лексики послеоктябрьской эпохи // Язык и общество: межвуз. науч. сб. Вып. 3. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1974. С. 95–114.
2. Алтайская В.Ф. Переходные явления в лексике русского языка послеоктябрьского периода // Русский язык в школе. 1960. № 5. С. 16–17.
3. Быков Д.Л. «Сплавщик душу вынул, или В лесах других возможностей» // Новый мир, № 1, 2006. «Алексей Иванов. Золото бунта, или Вниз по реке теснин» [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2006/1/splavshhik-dushu-vynul-ili-v-lesah-drugih-vozmozhnostej.htm (дата обращения 17.10.2021).
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
5. Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития (на материале русского литературного языка XVIII в.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987. 22 с.
6. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
7. Солиева К.А. Эволюция архаичных элементов в газетной лексике советской эпохи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. 24 с.
8. Форум «Отзовик» [Электронный ресурс]. URL: https://otzovik.com/review_12430008.html (дата обращения 17.10.2021).

**OBSOLETE WORDS IN THE NOVEL
“TOBOL. MANY ARE CALLED” BY ALEXEI IVANOV**

© *V.B. Shavlyuk*

© *V.S. Shevko*

The purpose of the work is to study the use of obsolete words in the novel by A. Ivanov “Tobol. Many are called”. The article uses an empirical research method (observation, study of various sources of information, as well as analysis of the information received), a descriptive method, a continuous sampling method. This article discusses the main functions of obsolete words, including naming of the phenomena of reality of the described era; stylization of individual speech of characters or speech features of the era; creating a comic effect when describing the phenomena of reality; formation of an individual author's style.

Keywords: historicism, archaism, chronism, outdated vocabulary, passive vocabulary, active vocabulary.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАГОЛОВКОВ В АГРЕГАТОРЕ «ЯНДЕКС-НОВОСТИ»: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© *Е.Н. Широкова*

В статье исследуются парадигмы новостных заголовков, объединенных общностью пропозиционального содержания. Описываются пути трансформации исходного (исходных) заголовков, с помощью которых формируется прагматический компонент значения. Материалом исследования послужили новостные заголовки поисковой системы *Яндекс*. Рассматриваются приемы трансформации заголовков на основе количественного параметра (элиминация числительного, приводящая к генерализации высказывания; синекдоха). Показывается манипулятивный характер трансформаций заголовков на основе количественного параметра. Анализируются семантические трансформации (столкновение значений, мена модуса высказывания, заголовки-нарративы, заголовки-интертексты). В работе используется коммуникативно-прагматический метод, а также методы полисистемного и интерпретативного анализа. Автор статьи приходит к выводу, что при незначительности информационного повода, превращенного в информационное событие, заголовки приобретают дополнительную прагматическую функцию – убеждение адресата в том, что данный информационный повод является новостным событием.

Ключевые слова: заголовок, новость, лингвопрагматика, пропозициональное содержание, прагматическая функция.

События, репрезентируемые СМИ как новостные, неоднородны по степени значимости. Так, критериями, обуславливающими превращение события в новость, являются «новизна, актуальность, общественная значимость события, пространственная или психологическая близость к получателю информации, возможные последствия для массовой аудитории, наличие конфликта или негативного компонента, участие известных личностей, фактор человеческого интереса» [Добросклонская 2017: 37]. Однако в современных, прежде всего региональных, СМИ большинство перечисленных критериев новостной ценности может элиминироваться до двух критериев, таких как пространственная близость к получателю информации и фактор человеческого интереса.

Характер заголовков новостей коррелирует со степенью значимости информационного повода, репрезентируемого в качестве новостного события. Чем менее значим информационный повод, тем значительнее должна быть прагматическая составляющая в значении заголовка. Заго-

ловки информационных событий, сконструированные «в соответствии с психологией любопытства» и «преподносящие локальное событие как общезначимое, то есть создающие информационный шум», относятся исследователями к кликбейт-заголовкам [Сладкевич 2019а: 134, 136]. Такие заголовки выполняют дополнительную прагматическую функцию, которая заключается в необходимости убеждения адресата в том, что информационный повод является новостным событием. Для реализации данной функции релевантным также является количество СМИ, представляющих определенное событие как новостное, а также временной период, в течение которого транслируется данная новость.

Так, информационное событие, содержание которого наиболее точно было отражено в заголовках *Медики избавили двоих нижегородцев от тараканов в ушах* (Newsroom24. 29.09.2021); *ЛОРы помогли пациентам извлечь тараканов из ушей в Нижнем Новгороде* (Нижегородская Правда. 29.09.2021); *Два нижегородца обратились к врачам с жалобами на тараканов в ушах* (Царьград. 29.09.2021); *Нижегородские врачи оказали помощь двум пациентам с тараканами в ушах* (Живем в Нижнем. 30.09.2021) в агрегаторе «Яндекс-новости» было представлено 29 раз, причем тиражировалось это событие в течение четырех дней (с 29 сентября по 2 октября) не только нижегородскими СМИ, но и федеральными, а также СМИ других регионов (Петрозаводска, Брянска, Казани и др.).

Все заголовки, репрезентирующие данное информационное событие, создаются в результате лексических и грамматических трансформаций исходного заголовка (заголовков) и объединяются в парадигму на основе общности пропозиционального содержания. Кроме того, в соответствии с акцентуируемым в заголовке компонентом пропозиции, заголовки можно разделить на три группы: помощь врачей, действия тараканов, пострадавшие нижегородцы. Рассмотрим приемы трансформации заголовков, формирующие прагматические компоненты значения.

Трансформации, связанные с количественным параметром. При этом используются следующие приемы трансформации.

Элиминация количественного числительного *два*, выражающего нижний предел множественности, приводит к тому, что форма множественного числа существительного приобретает элементы генерализации: *Тараканы стали заползать в уши нижегородцев* (Ньюс-НН. 29.09.2021); *Жители Нижнего Новгорода жалуется на тараканов, которые заползают в уши* (ГИПОРТ – Нижний Новгород. 29.09.2021); *Нижегородские медики рассказали о пациентах с тараканами в ушах*

(Ньюс-НН. 30.09.2021). Импликатурой таких заголовков становится прагматический компонент ‘такие события происходят с X-ами, следовательно, могут произойти и с адресатом’. Эффект генерализации усиливается за счет введения обстоятельства с семантикой частотности: *Тараканы стали часто заползать в уши жителям Нижнего Новгорода* (Время Н. 29.09.2021).

Кроме того, генерализация достигается с помощью введения обстоятельства времени, выраженного темпоральным показателем циклического времени незначительной временной протяженности, что придает обстоятельству дополнительную семантику дистрибутивности и цикличности: *На этой неделе тараканы заползли в уши к двум нижегородцам* (АиФ Нижний Новгород. 29.09.2021).

Прагматический компонент на основе количественного параметра формируется также с помощью синекдохи (*ухо* → *голова*). В обычном понятии, закрепленном в словарном значении лексемы *голова*, у головы человека выделяется два составляющих компонента – черепная коробка и лицо: ‘верхняя часть тела человека, передняя (верхняя) часть тела позвоночного животного, состоящая из черепной коробки и лица у человека или морды у животного’ [ССРЛЯ 1992: 190]. Поэтому синекдоха, вызывая связь лексемы *голова* в сознании адресата с замкнутым пространством (черепной коробкой) или лицом, участвует в формировании прагматического компонента ‘сообщение интригующей / шокирующей информации об X’. Этот компонент также усиливается введением определения *живой* и элементами персонализации одного из участников события (*женщина, девушка, беременная женщина*): *В Нижнем Новгороде из головы девушки достали живого таракана* (Брянск Today. 30.09.2021); *Женщина несколько дней жила с живым тараканом в голове* (Про Город Казань. 01.10.2021); *Женщина несколько дней проходила с живым тараканом в голове* (Петрозаводск говорит. 01.10.2021); *У жительницы России несколько дней в голове находился живой таракан* (A42.Ru. 02.10.2021); *Нижегородские врачи обнаружили таракана в голове у беременной девушки* (Росбалт. 02.10.2021).

Кроме того, прагматический эффект таких заголовков строится на обыгрывании столкновения значения свободного словосочетания и значения поговорки *с тараканами в голове* (‘разг., шутл.-ирон. или пренебр. 1. Об умственно отсталом, глупом человеке. 2. О человеке со странностями’ [Мокиенко, Никитина 2007: 657–658]): *«Тараканы в голове»: двое нижегородцев пожаловались на насекомых в ушах* (В горо-

де N. 29.09.2021); *У беременной россиянки нашли таракана в голове* (ФедералПресс. 01.10.2021).

Способом активизации интереса читателя к информационному событию на третий день его тиражирования являются (1) заголовок-нарратив, в котором происходит переход от модуса 'сообщение о событии' к модусу 'рассказывание истории', маркерами чего являются элементы пересказа или актантная структура заголовка, характерная для нарратива, – наличие субъекта, объекта, пространственно-временных координат, а также семантика предиката; (2) заголовок-интертекстема, отсылающий ко всем предыдущим заголовкам и связанным с ними текстам: (1) *«Там кто-то ползает»: россиянка проходила несколько дней с живым тараканом в голове* (Ruposters.ru. 01.10.2021); *Живой таракан несколько дней просидел в голове россиянки* (Наша версия. 01.10.2021); (2) *Что за история с тараканом, прожившим у женщины в голове несколько дней?* (АиФ. 01.10.2021).

Отметим, что вопросительные заголовки-интертекстемы характерны для еженедельника «Аргументы и факты». Прагматический эффект таких заголовков усиливается, если в заголовки включаются не известные адресату термины или профессионализмы, за счет прагматического компонента 'разъяснение непонятого термина, профессионализма и т.п.', например: *Циклонический паук обрушит на Москву новый мощный снегопад* (Московский комсомолец. 06.03.2021, 14:03); *Москвичей предупредили о надвигающемся циклоническом пауке* (РИА Новости. 06.03.2021, 14:36); *Москвичам рассказали о надвигающемся циклоническом пауке* (Lenta.ru. 06.03.2021, 18:30); ***Что за «циклонический паук» надвигается на Москву?*** (АиФ. 06.03.2021, 18:42); *Москвичей напугали мощным циклоническим пауком: метеорологи предупредили, что разорвет голову* (Царьград. 06.03.2021, 21:45). Причем в силу специфики представления заголовков в новостных агрегаторах Интернета такие заголовки-интертекстемы оказываются связанными не только с предшествующими, но и с последующими заголовками, репрезентирующими то же самое новостное событие.

При тождестве пропозиционального содержания заголовков прагматический компонент значения, формируемый на основе количественного параметра, может варьироваться по оценочной шкале. Причем тиражирование в заголовках определенного оценочного варианта приобретает манипулятивный характер. Например, наряду с нейтральным способом подачи информации в заголовках *Рейтинг самых дешевых квартир в городах с населением более 1 миллиона человек* (Агентство Строч-

ительных Новостей. 04.03.2021); *Эксперты сравнили стоимость самых дешевых квартир в городах-миллионниках* (NN.ru Нижний Новгород. 04.03.2021), в заголовке *Квартиры в Нижнем Новгороде признаны одними из самых дорогих среди городов-миллионников России* (Царьград. 05.03.2021) представлена отрицательная оценочная коннотация, а в остальных – положительная: *Нижний Новгород вошел в топ городов-миллионников России с самыми дешевыми квартирами* (Ньюс-НН. 04.03.2021); *Нижний Новгород занял 12 место среди городов-миллионников с дешевым жильем* (В Городе N. 04.03.2021); *Нижний Новгород занял 12-е место по дешевому жилью в городах-миллионниках* (Гипер НН. 04.03.2021); *Нижний Новгород занял 12 место по дешевизне жилья среди городов-миллионников* (Открытый Нижний. 05.03.2021); *Нижний Новгород попал в топ-15 городов-миллионников с дешевым жильем* (Newsroom. 04.03.2021); *Нижний Новгород вошел в топ городов-миллионников России с самыми дешевыми квартирами* (Ньюс-НН. 04.03.2021).

При этом в заголовках с положительной оценочной коннотацией наблюдается явный манипулятивный характер за счет подмены понятий, использования числительных и слов *дешевизна*, *дешевый* в качестве оценочной шкалы. Так, словосочетания *попасть* или *войти в топ* предполагают выбор из всех участников ограниченной группы победителей, тогда как речь идет о ранжировании всех участников – в России всего 15 городов-миллионников. При таком способе представления информации 12 место может оказаться привлекательным для адресата (тогда как Нижний Новгород занял 4 место из 15 по дороговизне квартир). Перераспределение же синтаксических связей словоформ *дешевизна*, *дешевый*, *самый дешевый* приводит к явному искажению информации: *стоимость самых дешевых квартир в городах-миллионниках* → *вошел в топ городов-миллионников России с самыми дешевыми квартирами; среди городов-миллионников с дешевым жильем*.

В узком понимании к кликбейт-заголовкам относятся заголовки, не соответствующие содержанию новостного текста [Вольская 2018], искажающие смысл и не договаривающие суть новости [Хорошие...], отсылающие к текстам, имеющим «содержание низкопробного или отвлекающего характера» [Сладкевич 2019б: 364–365]. Несмотря на политику «Яндекса», нацеленную на создание информативных новостных заголовков [Хорошие...], в этой поисковой системе встречаются и такие кликбейт-заголовки. Причем при появлении в парадигме кликбейт-заголовков информативного заголовка, прагматически отмеченным,

привлекающим внимание читателя на общем фоне неинформативно-абсурдных заголовков оказывается именно информативный заголовок, например: *Московская художница «разбросала» кукольные головы по Нижнему Новгороду* (Открытый Нижний. 03.04.2021); *Уличная художница разбросала кукольные головы в центре Нижнего Новгорода* (Ньюс-НН. 03.04.2021); *Уличная художница Linden Tar «разбросала» кукольные головы по Нижнему Новгороду* (Pro Город НН. 03.04.2021); ***Необычные арт-объекты из кукольных голов разместила уличная художница в Нижнем Новгороде*** (Живем в Нижнем. 03.04.2021); *Уличная художница спрятала 15 кукольных голов в центре Нижнего Новгорода* (Newsroom24. 03.04.2021); *«Замурованные в стенах домов кукольные головы»: На улицах Нижнего Новгорода появились необычные арт-объекты* (КП – Нижний Новгород. 03.04.2021); *Замурованные в стены кукольные головы появились в центре Нижнего Новгорода* (В городе N. 03.04.2021); *Фото дня: уличная художница разместила в Нижнем Новгороде кукольные головы* (Нижегородская правда. 03.04.2021). В этом плане также можно говорить о большей прагматической значимости заголовка *«Замурованные в стенах домов кукольные головы»: На улицах Нижнего Новгорода появились необычные арт-объекты*, первая часть которого является кликбейт-заголовком, а вторая – информативным заголовком.

Таким образом, один из путей трансформации заголовков, объединенных общностью пропозиционального содержания, связан с осложнением семантики заголовка прагматическим компонентом значения, выполняющим манипулятивную функцию. При этом используются трансформации, связанные с количественным параметром (элиминация числительного, генерализация, манипуляция числами, синекдоха), а также семантические трансформации (столкновение прямого и переносного значений, мена модуса высказывания). В случае незначительности информационного повода, репрезентируемого в качестве новостного события, у заголовка появляется дополнительная прагматическая функция – убеждение адресата в том, что данный информационный повод является новостным событием и заслуживает внимания адресата.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Актуальные направления изучения новостного дискурса // Медиалингвистика: материалы II Междунар. научн.-практ. конф. СПб, 2017. С. 36–38.

2. Вольская Н.Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации // Медиаскоп. 2018. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/2450> (дата обращения 15.07.2021).
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Групп», 2007. 784 с.
4. Сладкевич Ж.Р. Деформация фактуальной информации в новостных веб-ресурсах с кликбейт-заголовками // Публичная политика. 2019а. Том 3. № 1–2. С. 127–148.
5. Сладкевич Ж.Р. Заголовки-анонсы в сетевых медиасервисах: между информированием и кликбейтингом // Медиалингвистика. 2019б. № 6(3). С. 353–368. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.306>
6. ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 3. М.: Рус. яз., 1992. 400 с.
7. Хорошие и плохие заголовки. Критерии оценки с примерами: Рекомендации по оформлению заголовков для партнеров сервиса Яндекс.Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/support/news/headers.html> (дата обращения 24.09.2021).

HEADLINES' TRANSFORMATION IN THE SERVICE “YANDEX-NEWS”: LINGUISTIC AND PRAGMATIC ASPECTS

© *E.N. Shirokova*

The paradigms of news headlines united by common propositional contents are explored in the article. The author analyses the transformation ways with the help of which the pragmatic component of the meaning is formed. The news headlines of the search engine *Yandex* serve as the material for the analysis. The transformation ways on the basis of the quantitative parameter are explored such as the numeral's elimination leading to the statement generalisation, synecdoche. The manipulative potential of the headlines' transformation on the basis of the quantitative parameter is shown. The semantic transformations are studied (clash of meanings, the change of the statement's tone, headlines-narratives, headlines-intertextual element). The communicative and pragmatic, polysystematic and interpretative methods are used in the paper. The conclusion is made that however insignificant the news topic which is turned into the information event is the headlines acquire an additional function – to persuade the reader that this news topic presents a news event.

Keywords: headline, news, linguopragmatics, propositional contents, pragmatic function.

НАИМЕНОВАНИЯ ТУРФИРМ В АСПЕКТЕ ИХ ДЕРИВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА¹

© *Е.В. Щеникова*

Цель исследования заключается в выявлении структурно- и семантико-прагматических особенностей неодериватов, прямо либо опосредованно восходящих к туристическим эргонимам. Материалом для исследования послужили тексты форумов, опубликованные в период 2009–2021 гг. Основной метод исследования – описательный. Обозначаются задействуемые способы словообразования (аббревиация, суффиксация, префиксация, чистое сложение, контаминация, префиксально-суффиксальный способ) и форманты (*-овск-*, *-ин-*, *-овец-*, *по-...-и*, *не-* и некоторые другие); высказываются предположения о причинах их выбора. Отмечается ограниченность круга привлекаемых словообразовательных средств, с одной стороны, и полисемантичность/полифункциональность ряда таких единиц – с другой. Указываются номинируемые явления (организации, признаки связанных с ними объектов, лица, транспортные средства, объекты виртуальной действительности, действие/состояние). В качестве основных функций неодериватов выделяются номинативная и (применительно к аббревиатурам) компрессивная; экспрессивно-оценочная и игровая функции представляются как дополнительные.

Ключевые слова: интернет-дискурс, форумный дискурс, эргонимы, словообразовательные неологизмы, аббревиация, суффиксация.

Отдых, как известно, является одной из важнейших человеческих потребностей, и ее удовлетворению, в частности, способствует туризм. Выбор турфирмы/туроператора во многом определяет качество отдыха, и наименования туристических организаций как объектов, значимых для современных носителей языка, регулярно вовлекаются в процессы словообразовательной деривации.

Вопросы туристической сферы активно обсуждаются в сети Интернет, в том числе на различного рода форумах. При этом неодериваты, созданные на базе туристических эргонимов, были выявлены нами преимущественно на профильных ресурсах (из данного сегмента к иссле-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

дованию были привлечены форумы любителей речных круизов: <https://riverforum.net> (далее в ссылках на источники текстовых примеров – РеФ); <https://old.vodohod.com/club/forum/> (ВЪ), <https://infoflotforum.ru/> (ИФ)). Прочие ресурсы (форумы любителей кошек и собак, форумы автовладельцев, форумы о недвижимости) дали совсем небольшой процент рассматриваемых единиц.

Всего было зафиксировано 98 неодериватов (представленных 431 словоупотреблением), часть из которых непосредственно восходит к туристическим эргонимам, часть – опосредованно (создана на базе отэргонимических производных). В результате проведенного анализа было выявлено следующее.

Поскольку многие наименования туристических организаций включают относительно большое количество знаков, интернет-пользователи активно прибегают к речевой компрессии, а именно задействуют способ аббревиации (аббревиацию в рамках данной статьи мы будем понимать широко, относя к данному способу случаи создания неодериватов не только на основе словосочетаний, но и на основе «усеченных компонентов, названий начальных букв компонентов исходного сложного слова» [Русский язык 2003: 9]).

Аббревиатурные наименования туристических организаций чаще образуются на базе эргонимов – сложных слов: *ВЛ* ← *Волга-Лайн*, *ВФТ* ← *Волга-флот-тур*, *ИФ* ← *Инфофлот*, *ТТ* ← *Технотур*, *ЭТ* ← *Экспресс-тур* (отталкиваясь от терминосистемы, которую предлагает Г.Ю. Касим [Касим: www], такие единицы можно было бы определить как псевдокомпози́ты; принимая узкое толкование аббревиации – как сложные усечения инициального типа). Эргонимы-словосочетания в качестве производящей базы привлекаются не столь активно, но при этом достаточно регулярно: *БЛ* ← *Белый Лебедь*, *ВП* ← *Волжские путешествия* (продуктивность проиллюстрированной модели (прилагательное + существительное) демонстрирует также сокращенное наименование объединения круизных компаний – «Речного альянса»: *РА*). Особо выделим неодериваты, которые восходят к эргонимам – предложно-падежным конструкциям и формально не могут быть подведены даже под расширенное толкование аббревиации, однако по своим функционально-семантическим и стилистическим параметрам не обнаруживают отличий от представленных выше обозначений: *ВС* ← *Вокруг света*.

Единицы, полученные способом аббревиации, как правило, эмоционально нейтральны, а их создание и использование имеют под собой чисто рациональное основание – упростить набор текста, что особенно важно в условиях активного применения мобильных устройств для общения в интернет-пространстве. Тенденцией к упрощению письменной

интернет-коммуникации можно также объяснить появление некоторых аббревиатур-вариантов. Так, наряду с обозначением *BW* (которое отражает особенности графики производящего слова *Волга-Wolga*) в форумном дискурсе возник его не совсем точный, упрощенный вариант *BB*, позволяющий избежать затруднений, связанных со сменой раскладки клавиатуры (кириллица ↔ латиница).

Заметную и достаточно цельную в формальном отношении группу составляют неодериваты с признаковой семантикой.

Среди них доминируют единицы, созданные с использованием суффикса *-овск-*, который присоединяется как к полным, официальным, так и к сокращенным, аббревиатурным обозначениям организаций: *инфофлотский счал с 302-ми: (от берега) «Лебединое озеро», «Дмитрий Фурманов», «Карл Маркс», «Лунная соната»* (ИФ, 10.11.2017; ← *Инфофлот*; здесь и далее в текстовых иллюстрациях орфография и пунктуация текста-источника сохранены); *пассажиры МТФовского теплохода* (ИФ, 08.06.2015; ← *МТФ 'Мостурфлот'*); *это же легендарный «Плеханов» со всеми прелестями РТФовского сервиса* (РеФ, 01.07.2016; ← *РТФ*). Суффикс *-овск-* используется при реализации не только суффиксального, но и сложно-суффиксального способа: *Тут тема Вол<г>олайнская есть* (РеФ, 14.05.2018; ← *Волга Лайн*; знаком < > отмечено исправление опечатки, допущенной в тексте-источнике).

Встречаются также словообразовательные неологизмы, созданные посредством вариантов суффикса *-овск-*: *-евск-*, *-ск-*; однако их количество невелико (в случае с суффиксом *-ск-*, вероятно, по причине неблагозвучности большей части производных, которая отчетливо ощущается даже в письменной речи): *Цезаревский «Президент»* (ИФ, 01.09.2010; компания «Цезарь Трэвел»); *созвездьевские теплоходы* (РеФ, 18.11.2018; компания «Созвездие»); *цены на РТФский Ленинградец* (РеФ, 04.08.2011); *Что же это за перегон судов «Водоходских»?* (ИФ, 02.10.2013); *Инфофлотовская программа <...> будет в отличии от МТФской, при зачислении бонуса учитывать путевки, купленные у агентств* (РеФ, 16.11.2012).

Указанные морфемы, и прежде всего суффикс *-овск-*, в составе неодериватов демонстрируют свойство полисемантическойности. В одних контекстах реализуется значение 'характерный для того / присущий тому, что названо производящим словом': *«старая» волгафлоттуровская раскраска* (РеФ, 12.04.2013); *до сих пор я не видел тематических ужинов в мостурфлотовском исполнении* (РеФ, 05.05.2016), в других контекстах – значение 'выделяемый по смежности с объектом, который назван мотивирующим словом': *это был не водоходовский круиз* (ВЪ, 20.02.2017); *Хотите лайфхак от многолетнего водоходовского клиен-*

та? (ВЪ, 13.09.2020); *При заселении забирают путевку <...> В конце круиза выдают другую путевку, уже **Донинтурфлотовскую*** (РеФ, 01.06.2021). Однако наиболее распространенным является значение принадлежности (неодериваты создаются для указания на принадлежность теплоходов той или иной компании, а именно на нахождение в собственности и/или в управлении): *у 14 причала не только **Водоходовские** теплоходы стоят* (ВЪ, 27.09.2016); *волгаволговский «Бажов»* (РеФ, 20.07.2017); *у **гамовских** Свешникова и Алдана хорошие каюты и неплохое питание* (ВЪ, 21.04.2017; ← ГАМА); *мегафлотовская москвушка* (РеФ, 22.09.2013; ← Мегафлот); *м/х «К. Коротков» против «Спутник-Гермесового» м/х «Ф. Достоевский»* (ВЪ, 23.07.2014; ← Спутник-Гермес); *волго-плесовские Герцен и Капитан Пушкарев* (РеФ, 28.05.2021; ← Волга-Плес; в последнем примере звук *а* в конце первой производящей основы эргонима трансформируется в соединительный гласный *о*).

Нами также были зафиксированы отаббревиатурные производные с суффиксом *-ин-*, указывающим на принадлежность; однако все они относятся к периоду до 2013 года: *в Самару пришел первый из **ВФТэшных** теплоходов* (ИФ, 14.05.2009); *МТФшный «Красин»* (РеФ, 12.03.2012).

Среди признаков слов обнаруживает продуктивность группа наречий, образованных при помощи форманта *по-...-и*. Популярность таких единиц среди пользователей речных форумов, видимо, обусловлена тем, что они позволяют легко сделать акцент на характерных для той или иной компании принципах деятельности: *а в мелочах вылезает та самая экономия «**по-гамовски**»* (РеФ, 06.09.2019); *стоящий левее – «голос теплохода», или экскурсовод по маршруту **по-водоходовски**, Павел Долганов* (ИФ, 27.10.2020); *Цензоры-модераторы все принципиальные вещи внезапно вырубают. Вот вам и демократия **по-инфофлотовски!*** (ИФ, 21.03.2009); *стандарт обслуживания **по-белолебедовски** вполне узнаваем: от громоподобной трансляции до вкусной выпечки* (РеФ, 11.07.2017; ← Белый лебедь).

В русле тенденции к антропоцентризму пользователями речных форумов активно создаются субстантивы с личным суффиксом *-овец-*. Здесь наблюдается ситуация, сходная с той, которая имеет место при образовании адъективных неодериватов с суффиксами типа *-овск-*: при богатом репертуаре имеющихся в языке словообразовательных средств предпочтение отдается одному, которое применяется для передачи целого спектра смысловых оттенков, в данном случае – для обозначения субъектов/объектов, различия между которыми для говорящих очевидны и нередко концептуально значимы. Словами с суффиксом *-овец-*

называются как представители туристических компаний: *зная свои косяки цены они запрашивают раза в 1.5, а то и два ниже, чем тезтуровцы* (<https://mauforum.ru/>, 07.10.2010); *Товарищи инфофлотовцы, наберите в яндексе работа решена, ну почитайте! Есть стандарты* (РеФ, 14.10.2018), так и их клиенты: *«Президент» готов возить технотуровцев с большой скидкой* (РеФ, 15.07.2016). Более того, такие единицы регулярно задействуются для называния неживых объектов – теплоходов, что демонстрирует типичное для речных форумов фоновое, неакцентированное олицетворение этих транспортных средств. Если в связи со словами типа *водоходовец, инфофлотовец*, которые относительно регулярно воспроизводятся применительно к людям, еще можно усмотреть лексико-семантическое олицетворение, то во многих других случаях олицетворение является результатом реализации словообразовательных процессов: *инфофлотовец «К. Маркс» всю в ноябре кружил* (РеФ, 01.10.2012); *В общем, никакого сравнения относительно других пермских теплоходов с довольно шумными бортовками: с тем же «интурбюрковским» «Уралом» (самый шумный), 2 «кама-трэвеловцами»: КМ и НГ, и даже с 3 «волга-волговцами»: МК, ВМ и ПБ* (РеФ, 22.01.2021; *кама-трэвеловцы ← Кама-Трэвел, волга-волговцы ← Волга-Wolga; КМ – Козьма Минин, НГ – Николай Гоголь, МК – Михаил Кутузов, ВМ – Владимир Маяковский, ПБ – Павел Бажов*). Традиция вторичного использования антропонимов для официального обозначения теплоходов, вероятно, дополнительно поддерживает реализацию модели с личным суффиксом.

Тенденция к антропоцентризму в форумном дискурсе может быть также проиллюстрирована редким в структурном отношении случаем фонового олицетворения через создание притяжательного прилагательного с суффиксом *-ов-* на основе эргонима: *«Гамов» день в Самаре* (РеФ, 31.08.2012).

Способами префиксации и чистого сложения на базе туристических эргонимов создаются неодериваты как с предметной, так и с признаковой семантикой.

Префиксация обнаруживает значительно меньшую продуктивность, чем суффиксация. Задействованы две группы моделей, которые представлены небольшим количеством неолексем. Первая (*«не + прилагательное», «не + существительное»*) используется для соотнесения некоего явления с эталоном и/или точкой отсчета. Выражаемая при этом оценка является, скорее, объективной; префикс *не-* в составе неодериватов чаще указывает не на противоположность, а просто на нетождественность тому, что названо производящим словом: *только модератор может ответить на вопрос, почему он пропустил тему о проектах неводоходовских теплоходов* (ВЪ, 26.03.2017); *это слишком узкая*

тема, поскольку сравнивает *РА* и *неРА* (РеФ, 15.11.2016); Место у причальной стенки <...> так и пусто? Ждет своего первого круизного теплохода из числа **неортодоксов**? (РеФ, 06.07.2021; круизная компания «Ортодокс»). Вторая группа представлена субъективно-оценочной моделью «недо- + существительное», в составе которой префикс *недо-* реализует значение несоответствия норме: *И ответ на претензию д.б. направлен «Волжскими НЕДОпутешествиями» в течение 10 дней с момента получения таковой* (РеФ, 01.08.2018).

Сложные прилагательные, подобно префиксатам, не очень частотны. Как правило, они создаются для уточнения мысли, конкретизации факта: *Зосима Шашков на прежнем водохранилищно-интуристском месте* (РеФ, 19.06.2016; уточнение дислокации: первая производящая основа обозначает всю территорию, закрепленную за компанией, вторая выделяет сегмент, предназначенный для теплоходов, которые перевозят иностранных туристов); *Вопрос к участникам инфофлотовско-созвездьевских экспедиций «Чапалева» на Вятку* (РеФ, 11.07.2021; уточнение информации о том, какая компания организовывала «экспедиции», – окказиональное прилагательное отражает смену названий: вторая производящая основа (*созвездьевский*) отсылает к актуальному, правильному, но непривычному и даже отторгаемому частью аудитории названию, первая (*инфофлотовский*) – к старому, неактуальному, но привычному и быстро осмысляемому, что позволяет точно и при этом доступно обозначить явление).

Модели существительных – чистых сложений более продуктивны. Созданные по этим моделям неолексемы можно распределить на три неравноценные в количественном плане группы.

В первую входят единицы, которые позволяют охарактеризовать объект (совокупность лиц, транспортное средство, площадку для интернет-коммуникации) через связь с турфирмой: *Инфофлот-форум, ИФ-форум, МТФ-форум, ИФ-братия, ИФ-состав, МТФ-теплоходы*. Как видно, слова данной группы отличаются структурным однообразием: все они демонстрируют сложение агглютинативного типа и в качестве первой производящей основы, как правило, включают отэргонимическую аббревиатуру.

Вторая группа представлена единственной неолексемой – *ИФ-РФ*, которая обозначает сложную совокупность, а именно ситуативное объединение компаний: *СГ возглавляет объединенную эскадру ИФ-РФ. Вторым за нами идет Пирогов. Третьим – Бенуа* (РеФ, 30.04.2018; *ИФ ← Инфофлот, РФ ← Речфлот; СГ – т/х «Солнечный город»*).

Наконец, третью группу составляют окказионализмы, которые можно определить как фантазийные. Это негативно-оценочные наименова-

ния не существующих в реальности, гипотетических организаций, созданные по типовым моделям туристических эргонимов: *Юрий Иванович откроет новую контору «Шараи-Круиз»?* (ИФ, 14.07.2014); *Откуда неопытный и не читавший форумы турист-новичок узнает, что фирма ХХХФлот радикально отличается от УУУФлот?* (ИФ, 03.07.2014); *вы гораздо больше защищены от неприятностей, чем покупая у посредника - Технотура, икс-игрек-тура и прочих* (РеФ, 15.07.2016); *ракко, понимаете... давайте представим такую ситуацию Вы - директор, я ваш клиент. <...> Допустим прочитал на форуме, что у вашей конторы «ПАККО-ТУР» близится звездный час* (РеФ, 17.07.2016); *в прошлом году некий «Лох-тур» пытался впарить круизы на Страннике* (РеФ, 30.05.2021). При создании таких неодериватов, с одной стороны, задействуется прием стилизации, с другой – прием контраста, поскольку часть позиций в составе используемых шаблонов заполняется нетипичными для них единицами – в частности, единицами с отрицательной и неопределенной семантикой.

Игровые эргонимы-неодериваты, созданные на базе реально функционирующих рекламных имен с целью обозначения соответствующих объектов, в рассматриваемом сегменте дискурса почти не встречаются – отчасти потому, что правилами многих ресурсов «Настоятельно НЕ рекомендуется и НЕ приветствуется: намеренное коверканье слов и названий» (https://riverforum.net/faq.php?faq=riverforum#faq_riverforum_rules). Нами было выявлено всего по одному примеру контаминации: *После этого зареклись ходить в круизы этого Водосброда* (РеФ, 18.07.2016; *ВодоходЪ + сброд*) и игровой префиксации (добавление префикса к слову, находящемуся в составе устойчивого словосочетания): *Волжские НЕДопутешествия* (РеФ, 01.08.2018; контекст см. выше).

С опорой на названия туристических организаций интернет-пользователи могут осуществлять категоризацию не только предметов и признаков, но и действий; однако данное явление все же не имеет массового характера: *Хочет завтра прямо с борта в аэропорт ехать. Наводоходилась, похоже...* (РеФ, 06.05.2021; *наводоходиться* ‘напутешествоваться с компанией «ВодоходЪ»’).

Итак, единицы, прямо или опосредованно восходящие к туристическим эргонимам, представляют собой достаточно цельную группу, характеризующуюся небольшим количеством структурных показателей (способов словообразования, формантов, последние из которых нередко являются полисемантическими/полифункциональными), и обеспечивают категоризацию действительности по наиболее значимым для интернет-пользователей параметрам. У преобладающей части единиц ведущей является собственно номинативная функция, а эмоционально-оценоч-

ная и игровая функции проявляются слабо и/или не реализуются совсем. Особое место в группе занимают аббревиатуры, которые главным образом реализуют потребность в компрессии текста и до некоторой степени способствуют непринужденности речи.

Список литературы

1. Касим Г.Ю. Псевдокомпозицы в топонимии [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28352/1/vo_12_06.pdf (дата обращения: 25.08.2016).
2. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 704 с.

NAMES OF TRAVEL AGENCIES IN THE ASPECT OF THEIR DERIVATIONAL POTENTIAL

© *E.V. Shchenikova*

The purpose of the study is to identify the structural-pragmatic and semantic-pragmatic features of non-derivatives, directly or indirectly related to tourist ergonyms. The material for the research was the texts of Internet forums published in the period 2009–2021. The main research method is descriptive. The methods of word formation used to create units of the specified group (abbreviation, suffixation, prefix, pure addition, contamination, prefix-suffix method) and formants (-*овск-*, -*ин-*, -*овец-*, *по-...-и*, *не-* and some others) are indicated; suggestions are made about the reasons for their choice. It is noted that the range of used word-formation means is limited, on the one hand, and the polysemanticity / polyfunctionality of a number of such units, on the other. The nominated phenomena (organizations, signs of related objects, persons, vehicles, objects of virtual reality, action) are indicated. The main functions of non-derivatives are called nominative and (in relation to abbreviations) compressive functions. Expressive evaluative and play functions are defined as complementary.

Keywords: Internet discourse, ergonyms, word-formation neologisms, abbreviation, suffixation.

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ

© Ю. Языкова

Конфликт изучается многими науками: социологией, психологией, педагогикой, лингвистикой и т.п. Конфликт часто возникает при взаимодействии людей ввиду речевых и внеречевых противоречий, несовпадения целей коммуникантов, их взглядов, мнений и т.д. Цель нашей работы – выявление сходств и различий невербальных средств коммуникации в романе и его экранизации в ситуации конфликта. В качестве материала исследования мы выбрали роман А. Иванова «Географ глобус пропил» и его одноименную экранизацию. Мы проследили сходства и различия невербальной коммуникации в романе и его экранизации. Сходства и различия прослеживаются в нескольких аспектах, это: глаголы речи в романе и их звуковое воплощение в экранизации; характеристика речи адресанта, чаще всего выражаемая глаголами речи и наречиями в романе и изменением темпа и громкости голоса в экранизации; кинетические средства коммуникации, широко представленные в экранизации и редко встречающиеся в романе; окулетические средства коммуникации, широко представленные только в экранизации и отсутствующие в романе.

Ключевые слова: конфликт, невербальная коммуникация, художественная литература, экранизация.

Конфликтное коммуникативное поведение рассматривается многими науками и является предметом изучения социологов, психологов, педагогов, лингвистов. В художественном произведении, будь то литературное произведение, драматургическое или кинематографическое, конфликтное коммуникативное поведение – также частотное явление. Однако многие вопросы конфликтной коммуникации остаются открытыми. В нашем исследовании мы предпринимаем попытку сопоставить невербальное поведение в ситуации конфликта в литературном произведении и его экранизации.

В.С. Третьякова определяет конфликт как «состояние противоборства двух сторон (участников конфликта) в области целей, интересов, взглядов, в результате чего каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной физически или вербально» [Тре-

тьякова 2003: 19]. Ситуация, в которой разворачивается конфликт, является конфликтной.

При коммуникативном взаимодействии мы воспринимаем не только словесную информацию, которую нам передает коммуникативный партнер, но также считываем невербальные средства общения: жесты, мимику, позу, взгляд, громкость голоса и т.д. Под невербальными средствами общения будем понимать несловесное общение, которое дополняет или заменяет (например, кивок головой вместо вербального согласия) общение словесное. Невербальные средства общения передают колоссальный пласт информации об адресанте: его состояние в момент коммуникации, его отношение к словам адресата и к самому адресату, его социальную принадлежность и т.п.

Принято выделять следующие системы невербальной коммуникации: визуальную (жесты, мимику, позы, контакт глазами и др.), акустическую (пара- и экстралингвистические средства), тактильную (прикосновения, поцелуи, объятия и др.), ольфакторную (запахи: принятие / непринятие запахов и др.) [Безенкова 2011: 185]. В нашей работе мы будем использовать несколько аспектов невербальной коммуникации, которые изучаются следующими науками: паралингвистикой (наука о звуковых кодах невербальной коммуникации), кинесикой (наука о жестах), окулесикой (наука о языке глаз) [Крейдлин 2002: 22].

В качестве материала исследования мы используем роман А. Иванова «Географ глобус пропил» (далее – роман) и его одноименную экранизацию (режиссер А. Велединский, 2013 год). Экранизация этого романа является одной из самых успешных экранизаций за последние десять лет: фильм посмотрело и высоко оценило больше 100 000 человек (данные по сайту kinopoisk.ru), также фильм является победителем в разных номинациях на кинофестивалях, что доказывает его высокую художественную ценность.

В работе мы обращались к речевым актам с тождественным или со сходным лексическим наполнением в тексте романа и его экранизации.

Первым аспектом, который мы выделяем, являются глаголы речи в романе и их звуковое воплощение в экранизации. Приведем пример:

Пояснительный контекст: Будкин попросил у своего друга Служкина чистые носки / рубашку. Служкин велел ему поискать вещь в шкафу. Будкин перебирал вещи в шкафу и достал оттуда бюстгальтер жены Служкина Нади (А). Будкин сделал вид, что примеряет его, смеется. Служкин также смеется. В комнату зашла Надя, жена Служкина, ихватила бюстгальтер.

Роман:

А: Ты чего в моем белье роешься?! – **заорала** она.

Экранизация:

А: Ты чего в моем белье роешься / Урод! (**заорала**)

Как мы видим из приведенного примера, в тексте романа используется глагол речи *заорать*, что соответствует звуковому воплощению в экранизации: адресант повышает голос на адресата, что можно также охарактеризовать как *заорала*. Другие глаголы этой группы, встречающиеся в других коммуникативных ситуациях в романе: *крикнуть*, *закричать*, *завопить* и под. В экранизации в соответствующих ситуациях это выражено повышением голоса адресанта.

Второй аспект сопоставительного анализа – характеристика речи адресанта. Приведем пример:

Пояснительный контекст: Будкин со своим другом Служкиным и женой друга Надей (А) приехали на природу.

Роман:

А: Будкин, – **раздраженно** сказала *Надя*, – если ты на шашлыках будешь пить, я обратно с тобой не поеду.

Экранизация:

А: Учти / Водку лакать будешь / с тобой не поеду обратно (**говорит быстро**)

В тексте романа адресант говорит *раздраженно*. В экранизации адресант говорит *быстрее* *обычного*, т.е. темп речи убыстряется – такова в данном случае «раздраженность» звукового воплощения. Обычно характеристика речи в романе выражается глаголом речи и наречием. Другие примеры характеристики речи: *яростно спросила*, *нервно сказала*, *злобно прорычал*, *ледяным тоном сказала* и др. В экранизации эти примеры выражаются изменением паралингвистических средств общения: повышением или понижением громкости голоса и замедлением или ускорением темпа речи.

Следующим рассматриваемым аспектом являются кинетические средства коммуникации. Обычно описание кинетических средств коммуникации в романе отсутствует, что может быть связано со спецификой художественного текста, которая состоит в том, что «он конституирует виртуальную реальность, по отношению к которой читатель является созерцателем и одновременно строителем, поскольку именно в сознании читателя происходит реконструкция слов в образы предметов, лиц и событий» [Рогова 2011]. Читатель, воспринимая реплики персонажей, сам «додумывает» невербальные средства коммуникации, основываясь на собственном опыте и представлениях о невербальной составляющей общения. В экранизации кинетические средства представ-

лены широко, например: адресант выводит корпус вперед, поджимает губы, разводит руками, заламывает руки и др.

Последним аспектом невербальной коммуникации являются окулетические средства или глазное поведение. В экранизации этот аспект нашел самое широкое применение: персонажи прибегают к этому средству коммуникации чаще других средств. В романе этот коммуникативный пласт отсутствует. Приведем пример:

Пояснительный контекст: ученик Градусов играет со своим учителем Служкиным (А) в карты на спор. За игрой наблюдают одноклассники (Б).

Роман:

А: *Я понимаю: у вас чувство юмора не развито, поэтому и приколы у вас идиотские. Для чувства юмора нужна культура, которой у вас нет. Вы мне свои обезьяньи подляны строите и думаете, что они меня задевают. А они меня совсем не задевают.*

Экранизация:

А: *И шутки у вас тупые и идиотские (Пристально смотрит на Градусова).*

Б: *Почему же?*

А: *Да потому что чувство юмора (смотрит пристально на спровисшего) / Не развито // Для чувства юмора (смотрит всем в глаза поочередно) / Нужна культура / Которой у вас на фиг нет // Бита // Вы что думаете / Мне стыдно / Да? / Что я с вами в карты на уроке играю // Да ни фига подобного (Смотрит всем в глаза поочередно).*

В этой группе коммуниканты чаще всего прибегают к пристальному взгляду в глаза (в лицо) собеседнику, который интерпретируется как: 1) желание вызвать собеседника на откровенность, узнать его реакцию на свои слова; 2) стремление продемонстрировать свою волю, решительность, смелость [Акишина 1991: 22]. Вторым и третьим по частоте окулетическим средством коммуникации является поднятие глаз на кого-то: желание установить контакт, преодолев смущение или бывшую обиду, неприязнь; проявление интереса к словам собеседника [Акишина 1991: 18–19]; а также прищуривание глаз: 1) выражение хитрости; 2) презрение: недовольство, раздражение; 3) недоверие [Акишина 1991: 22].

Таким образом, в исследовании были описаны сходства и различия невербальной составляющей общения в конфликтной ситуации на материале романа и его экранизации. Сходства и различия прослеживаются в нескольких аспектах, это: глаголы речи в романе и их звуковое воплощение в экранизации; характеристика речи адресанта, чаще всего выражаемая глаголами речи и наречиями в романе и изменением темпа и громкости голоса в экранизации; кинетические средства коммуника-

ции, широко представленные в экранизации и редко встречающиеся в романе; окулетические средства коммуникации, широко представленные только в экранизации и отсутствующие в романе.

Список литературы

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1991. 144 с.
2. Безенкова А.А., Хорева Т.А. Основы невербального общения // Научные записки ОрелГИЭТ. Орел: Орловский государственный университет экономики и торговли. 2011. №1. С. 185–188.
3. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Текст: теоретические основы и принципы анализа / Под ред. Роговой К.А. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.
5. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. Дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2003. 301 с.

NON-VERBAL INDICATORS OF CONFLICT COMMUNICATION: COMPARISON OF A NOVEL AND ITS FILM VERSION

© *Yu.Yazykova*

Conflict is studied in many scientific fields such as sociology, psychology, pedagogy, linguistics, etc. Conflict often occurs within personal interaction due to speech and non-speech contradictions, disagreement of goals of the conversation participants, their views, opinions, etc. The purpose of our research is to identify the similarities and differences of nonverbal means of communication in the novel and its film version in the conflict situations. As material we chose the novel by A. Ivanov “The Geographer Drank His Globe Away” and its film version. We identified the similarities / differences in the novel and its film version. The similarities / differences identified in several aspects, these are: verbs of speech in the novel and their sound produce in the film version; characteristic of the addresser's speech which is often expressed by verbs of speech and adverbs in the novel and changes in the tempo and volume of voice in the film version; kinetic means of communication which are widely represented in the film version and rarely represented in the novel; oculestic means of communication which are widely represented only in the film version and absent in the novel.

Keywords: conflict, nonverbal communication, fiction, film version.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА С КОНСОНАНТНЫМ ИСХОДОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ В СВЕТЕ СЛОВАРНЫХ И КОРПУСНЫХ ДАННЫХ¹

© С. Янурик

В статье обсуждаются проблемы морфологической адаптации английских заимствований, оканчивающихся на твердый согласный и выступающих в роли наименований лиц женского пола. С привлечением словарных и корпусных материалов делается попытка установить грамматический род данных иноязычных неологизмов. В ходе анализа выясняется, что названия со вторыми компонентами *-вумен* и *-гёрл* употребляются прежде всего как несклоняемые существительные женского рода, в то же время как англицизмы с первым компонентом *гёрл-*, а также новые заимствования, не содержащие эти компоненты, обнаруживают различную степень склоняемости и неустойчивость в родовой принадлежности слова. Например, у неолексем *бембиситтер* и *чирлидер* преобладают формы с падежными окончаниями, а для существительного *хостес* характерна неизменяемость.

Ключевые слова: англицизмы, иноязычные наименования лиц женского пола, несклоняемые существительные, родовая принадлежность, русская лексикография, корпусные материалы.

В последнее время в русском языке активно пополняется группа английских заимствований с исходом на твердый согласный, обозначающих лиц женского пола. Эти новые наименования разделяются на несколько типов: 1) существительные с компонентом *-вумен* (*бизнесвумен*, *шоувумен* и др.); 2) сложные слова со вторым компонентом *-гёрл* (*кавер-гёрл*, *кол-гёрл*, *промо-гёрл* и т. д.); 3) неологизмы с первым компонентом *гёрл-* (*гёрлфренд*, *гёрлскаут* и др.); 4) англицизмы, не содержащие эти компоненты (*бембиситтер*, *хостес*, *чирлидер*).

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты процесса морфологической адаптации этих заимствований, сопоставляются данные их регистрации в современных лексикографических изданиях и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Фонда «За русский язык и культуру в Венгрии» (РЯИК) в рамках научного проекта «Новая иноязычная лексика в русской и венгерской лексикографии XIX и XXI веков» (№ 20-512-23009).

анализируются случаи их употребления на основе контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ).

1. В современной русской лексикографии все наименования с компонентом *-вумен* описываются как несклоняемые существительные женского рода. Соответственно, в корпусных материалах рассматриваемые англицизмы в подавляющем большинстве случаев характеризуются неизменяемостью.

1.1. Первая фиксация слова *бизнесвумен* в русском языке относится к эпохе перестройки: *американской гражданке, ставшей „бизнесвумен“* (Собеседник. 1990/42) [НРЛ-90: 616]; *стала бизнес-вумен* (Комсомольская правда. 30.09.1990) [НСЗ-90/1: 164]. Этот англицизм во всех словарях конца XX – начала XXI века снабжается пометой «нескл., ж.» [Максимова 1998: 25; Складаревская 1998: 86; Семенова 2003: 41; Складаревская 2006: 124; Григоренко 2009: 46; Шагалова 2009: 74; РОС 2012: 48; Зайцева 2013: 71] и продолжает использоваться в своей неизменяемой форме. Ср. последние примеры из НКРЯ: *Татьяна Лялина, которая является бизнесвумен, а также звездой Instagram* (Московский комсомолец. 19.08.2019); *после их неудачной попытки убить украинскую бизнесвумен Татьяну Бальзамову* (lenta.ru. 06.11.2019).

1.2. Неологизм *шоувумен* в русском языке отмечается с середины 1990-х гг.: *кто еще потянет на роль „шоу-вумен“* (Сегодня. 19.10.1994); *в финале шоу-вумен даже спела под гитару* (Сегодня. 07.07.1995) [НСЗ-90/3: 1306–1307]. Слово зафиксировано лишь в двух лексикографических изданиях [Григоренко 2009: 485; РОС 2012: 835], но в корпусных материалах последнего десятилетия оно встречается несколько раз (10 вхождений в газетном корпусе НКРЯ), например: *Соответствующее видео было опубликовано в Instagram шоу-вумен* (Московский комсомолец. 12.10.2019).

1.3. Словарную фиксацию получили еще два наименования с компонентом *-вумен*, а именно *супервумен* [Григоренко 2009: 394] и *селфмейд-вумен* [Шагалова 2017: 360]. В то же время в НКРЯ можно найти и другие новообразования данного типа, в том числе такие, как *барвумен*, *вундервумен*, *конгрессвумен*, *лайнсвумен*, *омбудсвумен*, *полисвумен*, *полит-вумен*, *сейлс-вумен*, *споуксвумен*, *фитнес-вумен*, *фронтвумен* и *чайлд-фри-вумэн*. За редкими исключениями они также сохраняют свою исходную форму вне зависимости от контекста.

О стремлении носителей русского языка к восстановлению склоняемости рассматриваемых названий лиц женского пола свидетельствуют варианты *бизнесвуменши* [НСЗ-90/1: 164] (наряду с более частотными

формами *бизнесменка* и *бизнесменша*), *шоувуменша* [НСЗ-90/3: 1307] и *шоуменша*, а также *полисменка* и *полисменша*, *суперменша*, *фронтменша* (обычно носящие окказиональный характер) и довольно распространенное наименование *барменша* (почти 200 вхождений в НКРЯ).

В корпусных материалах можно обнаружить только единичные примеры отклонения от общей тенденции несклоняемости этих неологизмов, в первую очередь в высказываниях, предполагающих использование форм множественного числа, особенно при наличии в узком контексте соответствующего названия лиц мужского пола: *как работодателям бизнесменам и бизнесвуменам плохо* (интернет-форум, 2010); *больше похожее на комбинезон супермена, точнее, супервумена* (Советский спорт. 01.11.2005); *туман в голове начинающим фитнесвуменам развеет* (Комсомольская правда. 19.09.2002).

2. В русских лексикографических изданиях сложные слова со вторым компонентом *-гёрл* также получают грамматическую помету «нескл., ж.». Неизменяемость существительных, входящих в эту группу наименований, подтверждается при анализе корпусных данных.

2.1. Несмотря на то, что англицизм *кавер-гёрл* не попадал в русские словари до конца первого десятилетия XXI века [Григоренко 2009: 165–166; РОС 2012: 253], в НКРЯ он обнаруживается уже в 1990-е гг.: *Как улыбка ледяной кавергерл Евы Герциговой* (Столица. 15.04.1997). Ср. примеры последних лет в газетных текстах: *ноябрьские кинопремьеры нашей кавер-герл, актрисы Софьи Эрнст отложились на февраль* (sobaka.ru. 05.11.2020); *32-летняя звездная красotka стала кавергерл февральского номера модного глянца* (sobaka.ru. 04.10.2021).

2.2. Заимствование *кол-гёрл* в русской неографии впервые фиксируется в 1993 году: *в стоимость входят и расходы по проезду „колгёрл“ до офиса* (Труд. 31.08.1993) [НРЛ-93: 152; НСЗ-90/2: 107–108]. При последующей регистрации неологизма в словарях разных типов его несклоняемость сомнению не подвергается [Григоренко 2009: 195; Шагалова 2009: 314; РОС 2012: 277; Шагалова 2017: 205]. Ср. в современной медиаречи: *Холли – то, что сейчас назвали бы „кол гёрл“; девушка по вызову* (svoboda.org. 07.07.2010).

2.3. Неологизм *пинап-гёрл* появился в русском языке в конце XX века: *когда она была еще пин-ап-герл* (Московский комсомолец. 05.07.1998) [НСЗ-90/3: 139–140]. Кроме неографического издания, заимствование зафиксировано и в словаре англицизмов с пометой «нескл., ж.» [Максимова 1998: 83]. Ср. один из последних примеров его

употребления в переводном тексте: *Волосы вились вокруг плеч как у идеальной **пипап герл*** (Эмма Скотт. Не оставляй меня, 2021).

2.4. Наряду с упомянутыми выше англицизмами в русской лексикографии начала XXI века отмечено ещё новообразование *эмо-гёрл* [Григоренко 2009: 493; Шагалова 2017: 555]. В НКРЯ встречаются также многочисленные другие сложные слова со вторым компонентом *-гёрл*, например: *бонд-гёрл, бизнес-гёрл, бол-гёрл, гоу-гоу-гёрл, кантри-гёрл, промо-гёрл, ринг-гёрл, супергёрл, шоу-гёрл, эскорт-гёрл* и др. В корпусных материалах все они используются как несклоняемые существительные женского рода.

3. Однако если иноязычный элемент *гёрл-* выступает в качестве первой части композита, то в словарной фиксации этих заимствований наблюдается уже значительная вариативность.

3.1. В отличие от неологизма *гёрлфренд*, который обычно снабжается пометой «нескл., ж.» [НСЗ-90/1: 383; Максимова 1998: 36; Григоренко 2009: 101; Шагалова 2009: 163; РОС 2012: 127; Шагалова 2017: 115] и относится к склоняемым словам мужского рода только одним исследователем [Крысин 2006: 192; Крысин 2009: 70–71; Крысин 2012: 75], более ранний англицизм *гёрлскаут* в лексикографических изданиях трактуется разнообразно: ср. пометы «нескл., ж.» [Максимова 1998: 36; РОС 2012: 127], «ж.» [НСЗ-90/1: 382–383], «-а, ж.» [Крысин 2000: 173; Семенова 2003: 68], «-а, м.» [Крысин 2006: 192; Крысин 2009: 70; Крысин 2012: 75], «нескл., ж.» или «-а, ж.» [Шагалова 2009: 162–163], «ж., в ед. ч. нескл., Р.п. и В.п. мн.ч. -ов» [Васюкова 1999: 163].

Особый интерес представляет последняя грамматическая характеристика слова *гёрлскаут*, согласно которой это неизменяемое наименование лица женского пола иногда может подвергаться склонению, но только в формах множественного числа. Любопытно отметить, что наиболее ранние случаи употребления неолексемы *гёрлфренд* в русском языке свидетельствуют об аналогичной тенденции: *тех, кого в североамериканской жизни называют „гёрлфрэндами“* (Аргументы и факты. 1994/38); *Публика в этом рейсе солидная: едут с женами, но в основном – с гёрл-фрэндами* (Юность. 1995/8) [НСЗ-90/1: 383].

В основном и газетном корпусах НКРЯ нами обнаружено 69 вхождений англицизма (в вариантных написаниях *гёрлфренд* и *гёрл-френд*), среди которых склоняемость наблюдается достаточно редко, всего лишь 5 раз: *Они, уверяли знакомые БАБа, „его герл-френды“* (Комсомольская правда. 26.09.2013); *Почти все парни явились на свадьбу со своими герлфрэндами* (Комсомольская правда. 27.04.2001); *Назначает-*

ся встреча всем „герл-френдям“. <...> Десять „герл-френдов“ энергично бегут к машине (И. Грошек. Реставрация обеда, 2000); „Парочки“ образовались в первые же дни: „бой-френды“ нашли свои „герлфрендов“ (А. Журбин. Как это делалось в Америке, 1999). Как видно из этих примеров, падежные окончания появляются исключительно в формах множественного числа, часто не без влияния соответствующего названия лица мужского пола *бойфренд* (ср. выше сходные случаи со словами *бизнесвумен* и *бизнесмен*).

В одной газетной статье встречается и окказиональный вариант *гёрлфренда*: *приятель Фредди привел в их куинсовский этнически однородный анклав свою гёрлфренду, итальянку Аннамарию Чифано* (Московский комсомолец. 02.03.2016). При этом в словарных и корпусных материалах можно найти также разговорные наименования *гёрлфрендша* [НСЗ-90/1: 383] и *гёрлфрендиха*: *а герлфрендиха этого клерка <...> будет его любить, если его посадят?* (Известия. 18.10.2012).

3.2. Более раннее заимствование *гёрлскаут* и семантически близкое *гёрл-гайд* часто фигурируют в одном контексте, но употребляются они по-разному: *ассоциации гёрлгидов и гёрлскаутов* (Комсомольская правда. 04.09.1986) [НРЛ-86: 345]; *полномочный представитель Всемирной ассоциации герл-гайд и герл-скаутов (ВАГГТС) в странах СНГ* (Комсомольская правда. 21.04.1994); *В Лондоне соберутся на учения всемирной ассоциации герл-гайдов и герл-скаутов лидеры женского скаутизма* (Известия. 07.10.1994) [НСЗ-90/1: 382–383].

Сосуществование несклоняемых и склоняемых форм этих англицизмов прослеживается и в следующей цитате из НКРЯ: *Дженнифер Шарп, 15-летняя гёрлскаут из штата Мичиган, продала за год 17 328 коробок именного скаутского печенья <...>. Все деньги девочка отдала школе, которая часть выручки гёрлскаутов отдает на благотворительность, а часть – возвращает ученицам* (Труд-7. 12.06.2008). Таким образом, наиболее удачным описанием морфологических особенностей изучаемых лексем, на наш взгляд, следует признать грамматическую помету, приведенную в словаре И.А. Васюковой: «ж., в ед. ч. нескл., Р. п. и В. п. мн. ч. -ов» [Васюкова 1999: 163].

4. В рассматриваемой группе слов лексикографическое представление английских заимствований без компонентов *-вумен* или *-гёрл* является еще более проблематичным.

4.1. При регистрации неологизма *бэбиситтер* в словарях последнего времени можно найти противоречивую морфологическую характеристику – от несклоняемого существительного женского рода до склоняе-

мого слова мужского рода и всевозможные их комбинации: «нескл., ж.» [РОС 2012: 38], «-а, м. и нескл., ж.» [АТоС 1: 195], «-а, м. и ж.» [НСЗ-90/1: 142, Григоренко 2009: 41], «-а, м.» [Максимова 1998: 23]. Совсем любопытно, что пометы варьируются даже у одного и того же автора в изданиях разных лет: «нескл., ж.» [Шагалова 2009: 65], «-а, м. и нескл., ж.» [Шагалова 2011: 76–77], «-а, м.» [Шагалова 2017: 53]; «-а, м.» [Крысин 2000: 848; Крысин 2006: 121], «нескл., ж. и м.» [Крысин 2009: 47], «нескл., ж.» [Крысин 2012: 51].

Первая фиксация этого англицизма датируется 1986 г.: *поручила своих двух девочек заботе „бэбиситтера“* (Литературная газета. 1986/41) [НСЗ-90/1: 142]. Следует отметить, что при употреблении данного неологизма с самого начала его существования в русском языке преобладают склоняемые формы. Об этом свидетельствуют и текстовые иллюстрации, приведенные в словарях разных типов. Например, среди многочисленных примеров, представленных в неографическом издании по материалам 1990-х гг., нет ни одного случая использования этой неолексемы в неизменяемой форме [НСЗ-90/1: 142]. При анализе словарей, фиксирующих это слово, нам удалось выявить только одну цитату, в которой оно не подвергается склонению: *В семье держали няню, бэбиситтер* (А. Кончаловский. Возвышающий обман) [АТоС 1: 195].

В основном и газетном корпусах НКРЯ англицизм *бэбиситтер* встречается 47 раз (в разных графических вариантах). В корпусных материалах в большинстве случаев данное заимствование склоняется как существительное мужского рода (33 раза) или стоит в именительном падеже (11 раз). Особого внимания заслуживают остальные примеры (их всего 3), в которых отсутствуют падежные окончания: *мы вообще обойдемся без бэби-ситтер* (Е.В. Колина. Дневник измены, 2011); *смогли уберечь своего ребенка от побоев жестокой бэбиситтер* (Homes & Gardens. 13.09.2002); *Европе требуются няньки (бэбиситтер), гувернантки, горничные* (Труд-7. 20.10.2007). Ср. последний контекст со следующей цитатой из того же источника: *На первом месте по популярности – няни (бэбиситтеры)* (Труд-7. 23.09.2008).

На основе вышесказанного название *бэбиситтер* в современном русском языке можно отнести скорее всего к существительным мужского рода, что подтверждается формами согласованных с ним прилагательных в медиатекстах последних лет: *Пока родители в театре, за ребенком присмотрит опытный и, что важно, недорогой бэбиситтер* (rus-imperia.info. 02.06.2014); *Опытный бэбиситтер может помочь родителям* (mos.ru. 13.09.2019).

4.2. Аналогичные вопросы возникают при лексикографическом описании англицизма *хостес*: «нескл., ж.» [Григоренко 2009: 469–470] и «-а, м.» [РОС 2012: 809]. Кроме этих двух словарей неолексема пока не регистрируется никакими другими лексикографическими источниками.

Несмотря на это, в НКРЯ графические варианты *хостес* и *хостесс* появляются довольно часто (у них всего 82 вхождения). Следует отметить, что склоняемых форм данного слова в корпусных материалах совсем немного, к тому же, 6 из 9 таких примеров обнаруживаются в одной и той же газетной статье под названием «Сколько предлагают *хостесам* в Москве» (Труд-7. 16.01.2009). При этом, по нашим подсчетам, примерно две трети от всех вхождений рассматриваемого англицизма в НКРЯ характеризуется отсутствием падежных окончаний в контекстах, в которых существительные мужского рода должны склоняться. Ср., например: *Девушки, одетые в характерные костюмы, выполняли работу официанток и хостес* (lenta.ru. 30.10.2019); *Обычно она предлагает <...> работу для студентов в США, в первую очередь в сфере услуг: официантом, хостес, барменом или горничной* (Труд-7. 10.06.2009); *средняя месячная зарплата хостес составляла 30 тысяч рублей* (Труд-7. 20.07.2009).

Указанные тенденции позволяют нам констатировать хотя бы то, что для неологизма *хостес* неизменяемость характерна в большей степени, чем для лексемы *бемиситтер*. Это может объясняться в том числе и тем, что в первом случае принадлежность слова к женскому роду подчеркивается аналогией с такими наименованиями лиц женского пола, как *стюардесса, поэтесса* и др. Примечательно, что в некоторых лексикографических изданиях зафиксированы разговорные варианты *хостесса* [Максимова 1998: 128] и *хостеска* [Елистратов 2000: 518]. Ср. также следующий пример: *А кондиционер не выключается, – жаловалась охранникам перепуганная хостесс* (Московский комсомолец. 16.06.2016).

4.3. Англицизм *чирлидер* в русском языке отмечается с 1994 г.: *раньше от чирлидеров – девушек, которые „разогревали“ публику во время футбольных и прочих матчей – требовалось одно* (Ровесник, 1994/4) [НСЗ-94: 362]. Он зафиксирован в форме множественного числа еще в одном словаре: «-ов, мн.» [Шагалова 2009: 879], но существуют и другие способы его лексикографического представления: «-а, м.» [РОС 2012: 824; Шагалова 2017: 537], «нескл. и -а, м. и ж.» [Григоренко 2009: 477].

После тщательного просмотра материалов НКРЯ можно утверждать, что несклоняемость слова не оправдывается корпусными данными.

Неологизм используется в графических вариантах *чирлидер* и *черлидер* (причем с одинаковой частотностью – по 24 раза), и во всех случаях без исключения получает падежные окончания.

Стоит еще отметить, что в отличие от аналогичных разговорных названий *бэбиситтерша* и *хостеска*, употребление которых ограничивается единичными примерами, слово *чирлидерша* (*черлидерша*) встречается довольно часто (всего 53 вхождения в НКРЯ), и оно стало особенно популярным именно в последнее десятилетие.

Можно только согласиться с мнением Е.В. Мариновой, которая считает наименования *бэбиситтер* и *чирлидер* уникальными с точки зрения русской грамматики словами, подчеркивая, что это – «существительные, которые, несмотря на то, что обозначают лицо женского пола (по роду деятельности), изменяются как существительные мужского рода» [Маринова 2008: 149].

Список литературы

1. АТoS – Академический толковый словарь русского языка. Т. 1. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 672 с.
2. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов (с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления). М.: АСТ-Пресс, 1999. 640 с.
3. Григоренко О.В. Новые наименования лиц в современном русском языке. Словарные материалы. Воронеж: Научная книга, 2009. 517 с.
4. Елистратов В.С. Словарь русского арго. М.: Русские словари, 2000. 694 с.
5. Зайцева Е.А. Наименования лица в русском языке начала XXI века. Словарь-справочник. Самара: ПГСГА, 2013. 256 с.
6. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, 2000. 856 с.
7. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
8. Крысин Л.П. 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2009. 320 с.
9. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2012. 416 с.
10. Максимова Т.В. Словарь англицизмов (50–90-е годы XX в.). Волгоград: Издательство ВолГУ, 1998. 140 с.
11. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Эллис, 2008. 495 с.
12. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 25.10.2021).
13. НРЛ-86 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1986. СПб.: Д. Буланин, 1996. 381 с.
14. НРЛ-90 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1990. СПб.: Д. Буланин, 2004. 674 с.

15. НРЛ-93 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1993. СПб.: Д. Буланин, 2008. 453 с.
16. НРЛ-94 – Новое в русской лексике. Словарные материалы – 1993. СПб.: Д. Буланин, 2006. 400 с.
17. НСЗ-90 – Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века. Т. 1–3. СПб.: Д. Буланин, 2009–2014. 816 с.; 1392 с.; 1360 с.
18. РОС 2012 – Русский орфографический словарь. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2012. 896 с.
19. Семенова М.Ю. Словарь англицизмов. Ростов-на-Дону: Папирус, 2003. 276 с.
20. Складаревская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX века. Лексические изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 702 с.
21. Складаревская Г.Н. (ред.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
22. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М.: АСТ, Астрель, 2009. 944 с.
23. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. М.: АСТ, Астрель, 2011. 768 с.
24. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2017. 576 с.

**FOREIGN NAMES DENOTING FEMALE PERSONS WITH
A CONSONANT ENDING IN PRESENT-DAY RUSSIAN IN VIEW
OF DICTIONARY AND CORPUS DATA**

© *S. Janurik*

The present paper discusses the problems of morphological adaptation of English loanwords with a consonant ending used as names denoting female persons. With the help of dictionary and corpus materials an attempt is made to establish the grammatical gender of these foreign neologisms. The analysis reveals that names with the second components *-woman* and *-girl* are used primarily as indeclinable feminine nouns, while loanwords with the first component *girl-* and also new loanwords without these components reveal different degrees of declinability and show instability in gender assignment. For example, the new lexemes *babysitter* and *cheerleader* have predominantly forms with case endings, while the noun *hostess* is characterized by declinability.

Keywords: English loanwords, foreign names denoting female persons, indeclinable nouns, gender assignment, Russian lexicography, corpus materials.

ЗАМЕТКИ К СПОРНОМУ СТАТУСУ ДВУВИДОВЫХ ГЛАГОЛОВ¹

© Л. Ясаи

В статье речь идет о том, что некоторые двувидовые глаголы характеризуются асимметричным распределением противоположных видов. Поэтому подчеркивается необходимость различения полной и неполной двувидовости, которая может определяться грамматической формой глагола или, в случае других биаспективов, проявляться в том, что при функционировании глагола одно из видовых значений отступает на задний план. Автор фокусирует внимание на анализе глагола *арестовать*, а что касается сохранения в нем имперфективного значения, он приходит к разным выводам в зависимости от диахронного или синхронного аспекта описания. В соответствии с этим различаются лингвотероретический подход, с одной стороны, и прикладной аспект преподавания, с другой.

Ключевые слова: биаспективы, изменение видового значения, неполная двувидовость.

1. Общие замечания. При обучении русскому языку как иностранному преобладает несколько упрощенная точка зрения, согласно которой употребление двувидовых глаголов – в отличие от видовых пар – не представляет трудности. Распространено такое мнение потому, что так называемые «видовые ошибки» в этой связи не прогнозируются. Аргументация в пользу такой точки зрения основывается на простом эмпирическом факте: суть явления двувидовости заключается в том, что глагол может употребляться как в контексте несовершенного вида (НСВ), так и в контексте совершенного вида (СВ). На самом деле, однако, двувидовые глаголы образуют весьма специфическую подсистему категории вида [см. Тихонов 1998: 176], в которой биаспективы могут обнаруживать разные функциональные особенности. В недавно опубликованной статье [Ясаи 2020: 157–158] я обратил внимание на необходимость учета полной и неполной двувидовости глагола. Явление непол-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

ной двувидовости «ставит ловушку» иностранным учащимся потому, что такие глаголы (например, *организовать, образовать, преобразовать*) являются двувидовыми не во всех своих формах (ср. у них личные формы и формы прошедшего времени). Ниже будет показано, что трудности могут быть вызваны и в связи с тем, что некоторые глаголы проявляют признаки постепенного изменения в реализации видовых значений и, следовательно, характеризуются неустойчивостью состояния двувидовости. От «неустойчивой двувидовости» можно отграничить те немногочисленные исконно русские глаголы и глаголы старославянского происхождения, двувидовой характер которых в течение столетий ни в малейшей степени не изменился (см. *казнить, велеть, ранить, женить, исследовать, использовать*). Несмотря на то, что при некоторых глаголах появились приставочные производные формы (*поранить, поженить*), сами исходные глаголы остались двувидовыми. К числу устойчивых биаспективов можно отнести и часть заимствованных глаголов, от которых в литературном языке не могут быть образованы ни префиксальные, ни суффиксальные дериваты, однозначно выражающие определенное видовое значение (см. *ликвидировать, верифицировать* и др.).

Предполагается, что в случае некоторых двувидовых глаголов (имеющих большей частью иноязычное происхождение) в точной видовой характеристике не уверен не только учащийся, но в некоторых случаях и тот, кто уже владеет языком. Подразумеваются прежде всего такие глаголы-биаспективы, которые имеют и производные дериваты *определенного* вида, но при этом сами непроезводные глаголы, с большей или меньшей частотой, по-прежнему могут выступать в значении обоих видов. Речь идет о таких глаголах, как, например, *анкетировать, демонстрировать, сканировать, иллюстрировать* (все они имеют и приставочные дериваты СВ) или о глаголах типа *арестовать, атаковать, организовать, реализовать* и т.п. (которые имеют и суффиксальные производные дериваты НСВ). Неуверенность при определении вида исходного глагола вызвана, в частности, и тем, что в таком случае невозможно опираться на специальные «видовые» морфемы (на перфективирующие префиксы или на суффиксы имперфективации), которые позволили бы эксплицитно определить видовую принадлежность просто на формальном основании. В такой ситуации, как правило, за справкой обращаются к словарю – к толковому или двуязычному.

Известно, что по удельному весу глаголы с иноязычной основой рассматриваются в качестве двувидовых, но, с другой стороны, трудно

отрицать, что у большинства заимствованных биаспективов наблюдается и стремление к устранению двувидовости. Процесс такого изменения влечет за собой одно «неприятное» следствие: у некоторых глаголов в разных словарях и в разных научных описаниях нет единства относительно видовой информации. Чтобы проиллюстрировать явление, когда для двувидового глагола характерна нестабильность данного состояния, подробнее остановлюсь на анализе одного примера – глагола *арестовать*, упоминая о некоторых других глаголах лишь в целях сравнения. Попытаюсь проследить судьбу видов глагола *арестовать* в диахронической перспективе, охватывая приблизительно столетний период.

2. *Арестовать* – двувидовой глагол или глагол СВ? Мы исходим из обобщающего предположения, которое в ходе изложения должно быть уточнено: значительная часть двувидовых глаголов при появлении префиксальных или суффиксальных дериватов связана с тонким изменением видовой семантики, которое со временем может привести к формальной дифференциации противоположных видов, т. е. к появлению видových пар. Это значит, что многие глаголы интернациональной лексики, квалифицируемые (некогда или на данный момент) как двувидовые, постепенно начинают утрачивать одну из своих видовых характеристик. Как уже указывалось, имеется в виду, с одной стороны, процесс утраты перфективного значения исходного (двувидового) глагола под влиянием появления приставочного глагола СВ (см. *оперировать* при *прооперировать* или *информировать* при *проинформировать* и др.). Но, с другой стороны, сюда относятся и случаи противоположного изменения, когда наличие в глаголе ударного суффикса *-ová-* позволяет морфологическую имперфективацию и тем самым образование «подлинного» (т. е. аспектуально однозначного) глагола НСВ. В этом последнем случае наблюдается, что в некоторых позициях имперфективное значение собственно двувидового глагола ступенькается и отступает на задний план – см. явное тяготение глагола *арестовать* к СВ, или глагол *организовать* с сохранившимся значением НСВ в своих личных формах, несмотря на наличие деривата *организовывать* [подробнее об этом: Ясаи 2017, 54–55]. Считаем важным отметить и то, что в большинстве случаев при префиксации тенденция утраты двувидовости не только началась, но, по-видимому, уже завершилась (см. *характеризовать*, *анализировать*, *демонстрировать*, *минировать* и др. глаголы как уже преимущественно или исключительно имперфективные). А что касается в этом плане возможности образования производных имперфективов, то следует заметить, что утрата значений НСВ в мотивирующем глаголе отнюдь не является закономерным изменением. Ска-

занному, как кажется, противоречит перфективный характер глагола *арестовать* (после появления коррелята *арестовывать*), но перфективность данного глагола, оцениваемая прежде всего в синхронном плане, представляет в этом ряду исключение. Однако, если исходить из данных некоторых словарей или высказываний отдельных лингвистов, то можно серьезно поднять вопрос: правомерно ли говорить в связи с глаголом *арестовать* об исключительной перфективности, т. е. о полной утрате его имперфективной семантики?

Ответ, конечно, требует разностороннего рассмотрения этого вопроса. Сначала представим краткий обзор литературы с привлечением и словарной информации по данной проблематике. Бросается в глаза, что в разных грамматиках и словарях на этот счет приводятся «противоречивые» данные. Так, например, в классической грамматике А.В. Исаченко глагол *арестовать* квалифицирован как двувидовой, у которого (как и у многих других биаспективов) образуется «суффиксальный неологизм» со значением НСВ. Однако, как отмечает автор, несмотря на двувидовость данного глагола, его нельзя использовать в составе сложного будущего: см. **его будут арестовать* [Исаченко 1960: 144, 146]. И.П. Мучник также обратил внимание на невозможность употребления некоторых двувидовых глаголов – в том числе и глагола *арестовать* – в позиции описательного будущего [Мучник 1966: 69]. Также в качестве двувидового приводится данный глагол в 17-томном академическом словаре (ССРЛЯ–17), первый том которого был издан в 1950 году. Такого рода оценка совершенно оправдана, если исходить из того, что в художественной литературе XIX и первой половины XX века глагол *арестовать* употреблялся и в значении НСВ, правда, как показывают примеры, его формы (инфинитив, личные формы и формы прошедшего времени) в контексте НСВ выступали и в первой половине XX века не очень часто. С точки зрения видовой характеристики этого глагола обращает на себя внимание и тот факт, что в значении СВ иногда употребляли не только непроеизводный глагол *арестовать*, но и его префиксальный дериват *заарестовать*, который встречается ныне редко и считается устаревшим или разговорным вариантом (так же, как и его вторичный имперфектив *заарестовывать*) [см. новый БАС–26/6, 2006: 15].

В отличие от ССРЛЯ–17, в словарях С.И. Ожегова, начиная уже с 4-го издания (1961 г.), *арестовать* отмечен как глагол СВ (так же, как позднее в словарях под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). Однако, как кажется, эта точка зрения в 60-е годы еще не стала общепринятой, так как лет 20 спустя во втором издании малого академического словаря (МАС–4, 1981) глагол *арестовать* по-прежнему определяется как

двувидовой. О колебании видовой характеристики свидетельствует то, что в новом издании академической грамматики (издание которой почти совпало со вторым изданием МАС–4) биаспектив *арестовать* квалифицирован уже тоже как глагол СВ [Русская грамматика 1980: 592]. Казалось, что к рубежу XX–XXI веков «победу» перфективности данного глагола уже можно было считать окончательной [см. также исключительную совершенность при *арестовать* в статье Черткова–Чанг 1998: 32], однако в книге А.Н. Тихонова о русском глаголе, в разделе «Двувидовые глаголы...» глагол *арестовать* по-прежнему трактуется как двувидовой [Тихонов 1998: 186], несмотря на то что приводятся лишь примеры с употреблением форм действительного и страдательного причастий, которые образованы от данного глагола и противопоставлены по значениям СВ и НСВ (*арестовавший* – *арестующий*, *арестованный* – *арестуемый*). Заслуживают внимания еще два словаря: 1) В Грамматическом словаре русского языка (изд. 6) *арестовать* отмечен как глагол СВ, но с пометой: в личных формах также НСВ [Зализняк 2010: 557]. 2) В новом большом академическом словаре (из которого нам доступны первые 26 томов) *арестовать* зафиксирован как глагол СВ с той дополнительной информацией, что его употребление в НСВ устарело [БАС–26/1, 2004: 256].

После этого обзора приведем несколько примеров (с указанием года выхода в свет цитируемого произведения), опираясь в первую очередь на материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Итак, глагол *арестовать* в текстах в значении НСВ: (1) *Ежедневно арестуют по несколько человек* (Русское слово. 1910). (2) *На улицах происходит охота за мужчинами, годными к военной службе, которых арестуют и отправляют в казармы* (События дня. 2015.10.21 // газета «Новое время»). (3) *Именем закона, я вас арестую* (По ту сторону... «Радио всем». 1928). (4) *Солдаты то арестуют офицеров, то освобождают, очевидно, сами не знают, что нужно делать...* (З.Н. Гиппиус. Дневники [1914–1928]). (5) *Когда арестовали участников мятежа, все спрашивали: «Что же не берут Дубельта?»* (Н.И. Греч. Записки о моей жизни [1949–1956]). В принципе, аналогичный пример приводит с глаголом *арестовать* для подтверждения сохранившегося значения НСВ и Е.А. Горобец, исследователь двувидовых глаголов и составитель словаря биаспективов, в словарной статье *арестовать* [Горобец 2014: 69]: (6) *Когда Нору арестовали, она кричала агентам ФБР: «Да здравствует революция молодежи!»* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль [2005]). Пример (6) интересен тем, что в нем глагол употреблен в произведении новейшего времени. Полагаем, что в данном контек-

сте предпочтение отдается форме *арестовали* вместо имперфектива *арестовывали* для того, чтобы ярче выразить локализованное во времени, одноразовое действие, исключая его повторяющийся характер.

Однако на основе процитированных выше предложений не следует делать вывод о том, что употребление глагола *арестовать* в значении НСВ – регулярное явление. Наоборот, рассмотрев многочисленные примеры НКРЯ, можно прийти к заключению, что *арестовать* в имперфективном контексте встречается весьма редко. Справедливости ради надо здесь заметить, что в указанной словарной статье у глагола *арестовать* в значении НСВ есть помета «редк.» [Горобец 2014: 69]. Требуется комментарий и по поводу примера (3): здесь данное действие в первом лице представляет перформативное употребление, при котором настоящее время указывает, что в момент произнесения этот акт уже осуществлен, т. е. арест вступает в силу. Следовательно, фраза *Я вас арестую* семантически соответствует фразе ‘вы арестованы’, и в процитированном предложении нельзя исключить наличие особого значения СВ, так как во многих перформативных употреблениях часто наблюдается относительная синонимичность видов, как, например, и в случаях *я вас прошу / попрошу, предлагаю / предложу, перехожу / перейду к главному, пропускаю / пропушу отдельные эпизоды* и т.п.

Ослабление имперфективного значения глагола *арестовать*, видимо, проявляется и в том, что его морфологически безупречная форма деепричастия НСВ *арестуя* является, по свидетельству НКРЯ, весьма малоупотребительной: приводятся всего лишь 5 примеров из литературы конца XIX и начала XX веков, в то время как более современная форма *арестовывая* встречается в 12 примерах, в том числе и в литературе последних лет. А что касается деепричастия *арестовав* (т. е. формы СВ), то эта форма оказывается широко употребительной до настоящего времени (см. в НКРЯ).

3. Выводы. Было показано, что глагол *арестовать* (несмотря на наличие его коррелята *арестовывать*) полностью еще не утратил значения НСВ, иными словами, он в ослабленной степени обнаруживает и некоторые признаки двувидового глагола. Внимание было обращено и на то, что некоторые биаспективы имеют асимметричное распределение противоположных видов (см. с этой точки зрения и явление неполной двувидовости). Однако у глагола *арестовать* асимметричность видовых значений обнаруживается не в зависимости от грамматической формы глагола. Чтобы наглядно изобразить данное явление, реализацию противоположных видовых значений предложим показать на «шкале переходности», у которой крайние точки представляют проти-

воположные значения видов – НСВ и СВ. Оказывается, что на этой шкале в видовой семантике глагола *арестовать* проявляется больше признаков совершенности и меньше несовершенности. О методе применения шкалы при описании языковых явлений см. подробнее в книге [Фурашов 2010: 59–68].

Из сказанного следует, что если принять мнение, согласно которому биаспектив *арестовать* в абсолютном смысле еще не превратился в парный глагол СВ, то пока трудно (может быть, нельзя) привести однозначные и яркие примеры в подтверждение полной утраты имперфективного значения среди биаспективов, поддающихся суффиксальной имперфективации (см. с этой точки зрения ряд двувидовых глаголов, допускающих имперфективацию – *организовать, образовать, реализовать, локализовать, атаковать, нейтрализовать, нормализовать, согласоваться* и др.). В то же время нельзя не заметить, что вследствие префиксальной перфективации первоначально двувидовых глаголов процесс утраты перфективного значения (т.е. изменение в противоположном направлении) в некоторых случаях уже завершился (см., например, явно доминирующую имперфективность у глаголов *анализировать, демонстрировать, комментировать, характеризовать, формировать, реставрировать* и др.). Этот факт несомненно свидетельствует о том, что формирование аспектуальной системы современного русского языка в сфере двувидовых глаголов в большей мере определяется префиксальной перфективацией, чем суффиксальной имперфективацией. Сказанное находится в соответствии с тем выводом, к которому приходит В. Климонов при диахроническом исследовании всей видовой системы русского глагола, в которой, как пишет автор, «наблюдается повышенная активность парадигм перфективации» [Климонов 2015: 163], и, следовательно, этот процесс видообразования – в отличие от имперфективации – становится все больше и больше главным средством и за пределами явления двувидовости.

С другой стороны, при определении вида глагола *арестовать* целесообразно уделять внимание и тенденции изменения. При изучении видовых особенностей этого глагола нам необходимо различать по меньшей мере два аспекта: синхронный и диахронный. Очевидно, что при принятии решения, основанного на предлагаемом различии, следует квалифицировать данный глагол по-разному. Так, при комплексном анализе, включающем и диахронический аспект (к которому мы здесь можем добавить и стилистический) действительно трудно отвлечься от сохранения двувидового характера глагола *арестовать*. В отличие от этого, на основе представленного выше анализа можно

прийти к выводу, что при выделении функционально-синхронного аспекта рассматривать данный глагол в качестве двувидового нелогично. Под синхронным углом зрения само собой разумеется, что в учебном плане (т. е. при учете прикладного аспекта преподавания) *арестовать* – это глагол СВ, который входит в видовую пару с глаголом *арестовывать*. Кроме того, в педагогическом отношении кажется небезразличным и следующее обстоятельство: большое количество текстовых примеров показывает, что если в связи с употреблением глагола *арестовать* сфокусировать внимание на типичных ситуациях, то оказывается, что его наиболее частотные типы представлены несомненно двумя характерными позициями СВ: это 1) форма *арестовали* для выражения конкретно-фактического действия, и 2) форма *арестуют* для обозначения простого будущего. В частности и этот факт служит объяснением того, что у рассмотренного выше глагола доминирующее употребление наблюдается в СВ.

Список литературы

1. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка. Морфология. Ч. 2. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. 577 с.
2. Климонов В. Инновации в видовой системе русского глагола // *Studia Rossica Posnaniensia*, vol. XL, cz. 1: 2015. С. 155–164.
3. Мучник И.П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке // *Вопросы языкознания*. № 1. 1966. С. 61–75.
4. Русская грамматика. Ч. 1. Главн. ред.: Н. Ю. Шведова, М.: Наука, 1980. 783 с.
5. Тихонов А.Н. Русский глагол. Проблемы теории и лексикографирования. М.: Academia, 1998. 278 с.
6. Фурашов В. И. Современный русский синтаксис. Владимир: Владимирский гос. гуманитарный ун-т, 2010. 368 с.
7. Черткова М. Ю., Чанг П.-Ч. Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке // *Russian Linguistics* 22. No. 1. 1998. С. 13–34.
8. Ясаи Л. Видовая «неопределенность» двувидовых глаголов как следствие морфемной немаркированности // *Studia Slavica Hung.* 62/1, 2017. С. 47–58.
9. Ясаи Л. О трактовке лингвистических проблем с учетом прикладного аспекта (на примере глагольного вида) // *Актуальные проблемы современной лингвистики. Сб. статей к 90-летию М.А. Михайлова* / Отв. ред. Л.В. Рацибурская. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2020. С. 153–160.

Словари

1. БАС–26 = Большой академический словарь русского языка. Т. 1–26. Москва–Санкт-Петербург: Наука, 2004–2019.

2. Горобец 2014 = Горобец Е. А. Биаспективы в современном русском языке: словарь. Изд-во Казанского ун-та, 2014.
3. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС, 2010.
4. МАС-4 (малый академический словарь в 4 томах) = Евгеньева А.П. (ред.) Словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1981–1984.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998.
7. ССРЛЯ–17 = Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950–65.

NOTES ON THE CONTRADICTION STATUS OF BIASPECTIVE VERBS

© *L. Jaszay*

The article is devoted to the problem of the asymmetric distribution of opposite aspects observed in some biaspective verbs. Therefore, it is necessary to distinguish between complete and incomplete duality, which can be determined by the grammatical form of the verb or, in case of other biaspective verbs, can appear in the fact that during the functioning of the verb one of the aspect meanings recedes into the background. The author focuses on the analysis of the verb *arestovat'*, and as for the preservation of its imperfective meaning, he comes to different conclusions depending on the diachronic or synchronic perspective of the description. According to this, there are two different approaches – the linguistic-theoretical approach, on one hand, and the applied aspect of language teaching, on the other.

Keywords: biaspective verb, change of aspectual meaning, incomplete duality of biaspective verbs.

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ИЗУЧЕНИЕ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

Сборник научных статей

Редакционная коллегия:

Л.В. Рацибурская (*отв. редактор*),
С.Г. Бусарева, Е.А. Жданова, Е.В. Щеникова

Подписано в печать 28.12.2021 г. Формат 60 × 84 1/16
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура TimesNR
Уч.-изд. л. 23,5. Усл. печ. л. 22. Заказ № 446. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37